

ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

посвящается 70-летию высшего языкового образования
в Забайкальском крае

16 сентября 2022 г.

г. Чита

Часть 1

CROSS-BORDER COOPERATION: HISTORICAL EVENTS AND MODERN REALITIES

INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE

dedicated to the 70th anniversary of higher language education
in the Trans-Baikal Territory

September 16, 2022

Chita

Part 1

Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия)
Финансово-экономический университет (г. Улан-Батор, Монголия)
Байкальское региональное отделение Академии военных наук
Забайкальское региональное отделение Российского общества политологов
Отделение Российского исторического общества в Забайкальском крае

ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ

**Материалы международной научно-практической конференции,
посвящённой 70-летию высшего языкового образования
в Забайкальском крае**

**16 сентября 2022 г.
г. Чита**

Часть 1

Чита
ЗабГУ
2022

УДК 327(082)
ББК 63.3-6 я43
ББК ТЗ-6я43
П 755

Рекомендовано к изданию организационным комитетом
научно-практического мероприятия
Забайкальского государственного университета

Рецензенты

П. Н. Дудин, д-р ист. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Управления научных исследований, директор Центра изучения государства и права стран Восточной Азии, доцент кафедры «Теория и история государства и права. Конституционное право», Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ, Россия

Бор Амарсанаа, д-р экономики, заведующий кафедрой управления бизнесом, Финансово-экономический университет, г. Улан-Батор, Монголия

Редакционная коллегия

*Е. В. Дроботушенко (отв. редактор), Ю. Н. Ланцова (отв. редактор),
А. В. Волочаева, А. В. Дроботушенко, Н. Г. Дятчина, В. В. Кузнецов, Г. В. Мясникова,
М. В. Пряженникова, Ю. Г. Саранчина, О. А. Яремчук*

П 755 **Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии** : материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 70-летию высшего языкового образования в Забайкальском крае : [в 2 ч.] / Забайкальский государственный университет ; ответственные редакторы Е. В. Дроботушенко, Ю. Н. Ланцова. – Чита : ЗабГУ, 2022.

ISBN 978-5-9293-3065-0

Ч. 1. – 2022. – 180 с.

ISBN 978-5-9293-3066-7

В сборнике представлены материалы докладов и выступлений участников международной научно-практической конференции, посвящённой 70-летию высшего языкового образования в Забайкальском крае, прошедшей в г. Чите в сентябре 2022 г. в рамках программы ежегодных научно-практических конференций по теме «Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии». В ходе работы научного форума обсуждались вопросы Всеобщей и Отечественной истории, истории Сибири, Дальнего Востока и Забайкалья, истории приграничных территорий Китайской Народной Республики и Монголии. В докладах нашло отражение теоретическое осмысление категории «регион», проблем регионального развития разного уровня. Отдельное внимание уделено вопросам экономики, филологии и лингвистики.

Издание будет интересно учёным, общественным деятелям, преподавателям и учителям высших, средних и средних специальных учебных заведений, а также всем тем, кто интересуется историей, проблемами политического развития мира, вопросами экономики, лингвистики и филологии.

УДК 327(082)
ББК 63.3-6 я43
ББК ТЗ-6я43

ISBN 978-5-9293-3066-7 (Ч. 1)
ISBN 978-5-9293-3065-0

© Забайкальский государственный университет, 2022

Transbaikal State University (Chita, Russia)
University of Finance and Economics (Ulaanbaatar, Mongolia)
Baikal Regional Branch of Academy of Military Science
Transbaikal Regional Branch of Russian Political Scientists Society
Department of the Russian Historical Society in the Trans-Baikal Territory

**CROSS-BORDER COOPERATION:
HISTORICAL EVENTS AND MODERN REALITIES**

**International Scientific and Practical Conference
Dedicated to the 70th Anniversary of Higher Language Education
in the Trans-Baikal Territory**

**16 September 2022
Chita**

Part 1

Chita
Transbaikal State University
2022

УДК 327(082)
ББК 63.3-6 я43
ББК Т3-6я43
П 755

Recommended for Publication by the Organizing Committee
of the Scientific and Practical Event of Transbaikal State University

Reviewers

P. N. Dudin, Doctor of Historical Sciences, Docent, Leading Researcher Department of Scientific Research, Director of the Center for the Study of State and Law of East Asia, Associate Professor of the Department "Theory and History of State and Law. Constitutional Law" East Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude, Russian Federation
Bor Amarsanaa, Doctor of Economics, Head of the Department of Business Management, University of Finance & Economics, Ulaanbaatar, Mongolia

Editorial board

E. V. Drobotushenko (chief-in-editor), *Yu. N. Lantsova* (chief-in-editor),
A. V. Volochaeva, *A. V. Drobotushenko*, *N. G. Diatchina*, *V. V. Kuznetsov*, *G. V. Myasnikova*,
M. V. Pryazhennikova, *Yu. G. Saranchina*, *O. A. Yaremchuk*

П 755 **Cross-Border Cooperation: Historical Events and Modern Realities** : proceedings of the international scientific and practical conference. The conference is dedicated to the 70th anniversary of higher language education in the Trans-Baikal Territory : [2 p.] / Transbaikal State University ; Chief-in-Editor E. V. Drobotushenko, Yu. N. Lantsova. – Chita : Transbaikal State University, 2022.

ISBN 978-5-9293-3065-0
P. 1. – 2022. – 180 p.
ISBN 978-5-9293-3066-7

The collection consists of reports and speeches of the participants of the international scientific and practical conference, held as part of the program of annual scientific and practical conferences on the topic "Cross-border cooperation: historical events and modern realities" in Chita in September 2022. The conference was dedicated to the 70th anniversary of higher language education in the Trans-Baikal Territory. Issues of General and Patriotic history, the history of Siberia, the Far East and Transbaikalia, the history of the border areas of the People's Republic of China and Mongolia were discussed within the framework of the plenary and breakout sessions. The reports reflected the theoretical understanding of the category "region", understanding the problems of regional development at different levels. Special attention is paid to economics, philology and linguistics.

The materials of the publication will be of interest to scientists, public figures, teachers and teachers of higher, secondary and secondary specialized educational institutions, as well as to all those who are interested in history, problems of the political development of the world, economics, linguistics and philology.

УДК 327(082)
ББК 63.3-6 я43
ББК Т3-6я43

ISBN 978-5-9293-3066-7 (P. 1)
ISBN 978-5-9293-3065-0

© Transbaikal State University, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово	9
Предисловие	11

РАЗДЕЛ 1. Актуальные вопросы отечественной и всеобщей истории

Юйшин М. А. К вопросу о роли русских православных миссионеров в раннем периоде китайско-российских культурных взаимоотношений	12
Константинова Т. А. Граф М. М. Сперанский, горный инженер С. А. Аистов и учитель иностранных языков К. Фрейденберг	16
Камнева Г. П., Сотников С. А., Сотников А. А. Краткие итоги выступления декабристов (14 декабря 1825 г.)	20
Карчанова Л. М. «Фрегат “Паллада”» И. А. Гончарова: путевые очерки писателя о дальнем плавании от Кронштадта до Амура (1852–1854)	23
Постников А. В. «Крымская война» на Кавказе?	33
Севостьянова Е. В. Политика Британской империи в Китае в период «китайских осложнений» на страницах газеты «Восточное обозрение» (1899–1901)	40
Кальмина Л. В. «Искупительная жертва за неудачи войны»: дипломат Ли Хунчжан на страницах «Восточного обозрения»	46
Гребенкин А. Н. Организация охраны бывшего премьер-министра Японии князя Кацура Таро во время его путешествия по России летом 1912 г.	50
Зимин Л. Г. К изучению направлений торгово-экономического сотрудничества России в Барге (Хулун-Буире) в первой четверти XX в.	54
Костяев Э. В. Войны и революции Николая Чхеидзе	58
Цыбенков Б. Д., Курас Л. В. Деятельность уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенека (1920–1921) в 20–30-е гг. XX в.	62
Вишнева О. Г. Международная повестка в деятельности молодежи приграничного региона (на примере комсомольской организации Псковской губернии в 1920-е гг.)	66
Ланцова Ю. Н. К вопросу об организации курсов иностранных языков для сотрудников КВЖД (по материалам «Вестника Маньчжурии»)	71
Дроботушенко Е. В. Пребывание японского посла в СССР Тамекити Ота и генерального консула во Владивостоке Рие Ватанабэ в Маньчжурии в 1935 г.	75
Кузнецов В. В. Начало Второй мировой войны и позиции лидеров политических партий Индии	79
Ковалёва Н. Н. Национальный аспект культурной политики советской власти в Западнобелорусском регионе в 1939–1941 гг.	82
Цыбенков Б. Д. Культура и образование национальных меньшинств Хулун-Буира в годы Маньчжоу-Го (1931–1945)	86
Павленко В. В., Давыдов А. С. Состояние физкультурно-массовой и спортивной работы среди сельского населения Пензенской области. 1961 г.	89
Вазеров И. Д. Система подготовки и повышения квалификации лекторов общества «Знание» в СССР в начале 1980-х гг. (по материалам Пензенской области)	92
Якунин В. Н. Епархиальные средства массовой информации и взаимодействие Самарской епархии со светскими средствами массовой информации в 1988–2019 гг.	95
Ганболд Дагвандорж Приграничное сотрудничество молодёжных организаций Восточного Аймака Монголии и Читинской области (в настоящее время Забайкальский край) Российской Федерации	98
Кузьмин Ю. В. И. И. Ломакина – исследователь истории и культуры Монголии.....	106
Чапыгин И. В., Петрушин Ю. А. Так сражались чекисты: краткий библиографический обзор книги для читателя современного поколения	110

РАЗДЕЛ 2. Сибирь, Дальний Восток и Забайкалье в исторической ретроспективе

Евтехов Р. А. Формирование системы внутренней безопасности в Забайкалье во второй половине XVII – начале XVIII в.	114
Пешков И. Г. Краткие исторические сведения о первооткрывателях месторождений полезных ископаемых Забайкальского края	118
Волочаева А. В. Организация медицинской помощи ссыльнокаторжным в Забайкалье (вторая половина XIX в.)	121
Жукова Н. Е. Дарья Егоровна Хангалова: к проблеме биографии жены бурятского этнографа	126
Мясникова Ц. Ц. «Враги народа» в истории Дальневосточной республики	130
Косых В. И. Принятие православия китайцами: Забайкальская область, 1921 г.	133
Баринев А. О. Филип Рис Файмонвилл – дипломат и разведчик, консул США в Дальневосточной республике в 1922 г.	136
Сазонова В. А. Профсоюзное движение в среде китайских мигрантов на территории Сретенского и Читинского округов в 1920-х гг. XX в.	139
Сергеев М. А. Иргенская трудовая коммуна: люди и судьбы	141
Беспалько Д. Н. Особенности правонарушений в сфере охотничье-промыслового законодательства на территории Забайкалья в первой половине XX в.	146
Пряженникова М. В. Основные трудности в работе Читинского государственного педагогического института в начальный период его существования	151
Яремчук О. А. Организация педагогической практики студентов Читинского государственного педагогического института в начальный период Великой Отечественной войны	156
Золотарева В. Ю. Уроженцы Восточного Забайкалья – участники Великой Отечественной войны, ставшие инвалидами: материалы к биографиям	159
Дроботушенко Е. В. Материалы к истории религиозных процессов в Бурятской АССР в начале 1960-х гг.	161
Астраханцев О. Н. Подготовка монгольских авиационных кадров в Иркутском авиационном техническом училище в 1960-е гг.	165
Мясников А. В., Мясникова Г. В. Старый большевик Василий Соколов: забайкальские страницы жизни	168
Кириллов З. Д. Забайкальский военный округ в военных конфликтах на востоке СССР	172
Урожаева Т. П. Пищевая промышленность Приангарья в условиях финансового кризиса 1998 г.	176

CONTENTS

Welcom address	9
Preface	11
 SECTION 1. Actual Issues of the History of Fatherland 	
Yuyslin M. A. On the Role of Russian Orthodox Missionaries in the Early Period of Sino-Russian Cultural Relations	12
Konstantinova T. A. Count M. M. Sperancy, Mining Engineer S. A. Aistov and Foreign Language Teacher K. Freidenberg	16
Kamneva Galina P., Sotnikov S. A., Sotnikov A. A. Summary of the Decembrists’ Speech (December 14, 1825)	20
Karchanova L. M. “Frigate “Pallada”” A. I. Goncharova: Writer’s Travel Essays on Long-Distance Voyage from Kronstadt to Amur (1852–1854)	23
Postnikov A. V. “Crimean War” in the Caucasus?	33
Sevostyanova E. V. The Policy of the British Empire in China During the Period of “Chinese complications” on the Pages of the Newspaper “Eastern Review” (1899–1901)	40
Kalmina L. V. “Sin Offering for War Failure”: Diplomat Lihunchzhan in the Eastern Review	46
Grebenkin A. N. Organization of Protection of the Former Prime Minister of Japan Prince Katsura Taro During his Trip to Russia in the Summer of 1912	50
Zimin L. G. To the Study of Trade and Economic Cooperation of Russia in Barga (Khulun-Buir) in the First Quarter of the XX Century	54
Kostiaev E. V. Wars and Revolutions by Nikolai Chkheidze	58
Tsybenov B. D., Kuras L. V. The Activities of the Authorized Representative of the NKID RSFSR in Mongolia O. I. Makstenek (1920–1921) in the 20–30s. 20th Century	62
Vishneva O. G. The International Agenda in the Activities of Youth in the Border Region (Using the Example of the Komsomol Organization of the Pskov Province in the 1920s)	66
Lantsova Yu. N. On the Issue of Organizing Foreign Language Courses for Employees of the CER (Based on materials from the “Bulletin of Manchuria”)	71
Drobotushenko E. V. Stay of the Japanese Ambassador to the USSR Tamekiti Ota and Consul General in Vladivostok Rie Watanabe in Manchuria in 1935	75
Kuznetsov V. V. The Beginning of the Second World War and the Positions of the Leaders of Political Parties in India	79
Kovaliova N. N. National Aspect of the Cultural Policy of the Soviet Power in the West Belarusian Region in 1939–1941	82
Tsybenov B. D. Culture and Education of the National Minorities of Hulun-Buir During the Manchukuo Period (1931–1945)	86
Pavlenko V. V., Davydov A. S. The State of Physical Culture and Mass and Sports Work Among the Rural Population of the Penza Region. 1961	89
Vazеров I. D. System of Training and Advanced Training of Lecturers of the Society “Knowledge” in the USSR in the Early 1980s (on Materials from the Penza Region)	92
Yakunin V. N. Diocesan Mass Media and the Interaction of the Samara Diocese with Secular Media in 1988–2019	95
Ganbold Dagvadorj Cross-border Cooperation of youth Organizations of the Eastern Aimag of Mongolia and the Chita Region (Currently the Transbaikal Territory) of the Russian Federation	98
Kuzmin Yu. V. I. I. Lomakina – Researcher of the History and Culture of Mongolia	106
Chapygin I. V., Petrushin Yu. A. This is how the Chekists Fought: a Brief Bibliographic Review of the Book for the Reader of the Modern Generation	110

SECTION 2. Siberia, the Far East and Transbaikalia in Historical Retrospect

Evtekhov R. A. Formation of the Internal Security System in Transbaikal Region in the Second Half of the XVII – Early XVIII Centuries	114
Peshkov I. G. Brief Historical Information about the Discoverers of Mineral Deposits of the Transbaikal Territory	118
Volochnaeva A. V. Organization of Medical Care for Exiled Convicts in Transbaikalia (the Second Half of the XIX Century)	121
Zhukova N. E. Daria Egorovna Khangalova: on the Problem of the Biography of the Wife of a Buryat Ethnographer	126
Myasnikova T. Ts. “Enemies of the People” in the History of the Far Eastern Republic	130
Kosykh V. I. Adoption of Orthodoxy by the Chinese: Transbaikal Region, 1921	133
Barinov A. O. Philip Rhys Faymonville – Diplomat and Intelligence Officer, U.S. Consul in the Far Eastern Republic in 1922	136
Sazonova V. A. Trade Union Movement Among Chinese Migrants in the Sretensk and Chita Districts in the 1920s of the XX Century	139
Sergeev M. A. Irgen Labor Commune: People and Destinies	141
Bespalko D. N. Features of Offenses in the Field of Hunting and Fishing Legislation in the Territory of Transbaikalia in the First Half XX Century	146
Pryazhennikova M. V. The Main Difficulties in the Work of the Chita State Pedagogical Institute in the Initial Period of Its Existence	151
Yaremchuk O. A. Organization of Pedagogical Practice of Students of the Chita State Pedagogical Institute in the Initial Period of the Great Patriotic War	156
Zolotareva V. Yu. Natives of Eastern Transbaikalia – Participants of the Great Patriotic War who Became Disabled: Materials for Biographies	159
Drobotushenko E. V. Materials on the History of Religious Processes in the Buryat ASSR in the Early 1960s	161
Astrakhantsev O. N. Mongolian Aviation Staff’s Training at Irkutsk Aviation Technical School in 1960s	165
Myasnikov A. V., Myasnikova G. V. The Old Bolshevik Vasily Sokolov: Transbaikal Pages of Life	168
Kirillov Z. D. Transbaikal Military District in Military Conflicts in the East of the USSR	172
Urozhaeva T. P. The Food Industry of the Angara Region in the Conditions of the 1998 Financial Crisis	176

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО WELCOM ADDRESS

**Участникам, организаторам
и гостям международной научно-практической конференции
«Приграничное сотрудничество:
исторические события и современные реалии»**

***Уважаемые участники конференции!
Уважаемые забайкальцы!***

От имени Комитета Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики и от себя лично тепло и сердечно приветствую участников, организаторов и гостей международной научно-практической конференции «Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии».

Россия обладает уникальными возможностями для развития приграничного сотрудничества. Около половины субъектов Российской Федерации занимают приграничное положение. В этой связи актуальность и значение проводимой научно-практической конференции, посвященной истории Забайкалья и его административному центру – г. Чите, вопросам их современного развития сложно переоценить.

Примечательно, что главным организатором сегодняшней конференции является Забайкальский государственный университет – крупнейшее высшее учебное заведение Забайкальского края. Потому вопросы истории и современного состояния высшего образования в Забайкалье также нашли отражение в работе научного мероприятия.

Желаю участникам конференции эффективного научного поиска, плодотворных дискуссий, установления новых и укрепления имеющихся научных контактов и развития научных связей между субъектами Российской Федерации!

A handwritten signature in blue ink, appearing to read 'N. M. Khritonenko', written in a cursive style.

С уважением **Н. М. Харитонов**,
Председатель Комитета Государственной Думы
Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва
по развитию Дальнего Востока и Арктики

**Уважаемые организаторы, участники и гости
международной научно-практической конференции
«Приграничное сотрудничество:
исторические события и современные реалии»!**

Разрешите от себя лично и от коллектива крупнейшего высшего учебного заведения Забайкальского края – Забайкальского государственного университета, поздравить Вас с проведением большой международной научно-практической конференции в рамках проекта «Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии».

Научный форум стал традиционным и проводится уже много лет. Отрадно видеть, что в 2022 г. его участниками стали учёные, краеведы, преподаватели высших и средних специальных учебных заведений, учителя средних школ, аспиранты, магистранты и студенты из России, стран Дальнего и Ближнего Зарубежья.

Этот год значим для нашего университета. Ровно 70 лет назад, в 1952 г. организован факультет иностранных языков. В настоящее время языковые направления подготовки находятся в составе историко-филологического факультета вуза. Конференция посвящена 70-летию изучения иностранных языков в высших учебных заведениях региона, что особенно важно в силу его приграничного расположения.

Хочется сказать спасибо организаторам научного форума, нашему партнёру и большому другу – Финансово-экономическому университету Монголии (г. Улан-Батор) и ряду общественных организаций Забайкальского края. Вы делаете Большое Дело, активизируете научный поиск, развиваете научные контакты, привлекаете к занятию наукой студентов и магистрантов.

Позвольте пожелать участникам нашей конференции здоровья, успехов, благополучия, установления новых и укрепления имеющихся научных контактов, большого научного поиска и серьёзных научных дискуссий.

A handwritten signature in blue ink, consisting of a stylized 'S' followed by 'A' and 'I'.

С. А. Иванов,
ректор Забайкальского государственного университета,
г. Чита, Россия

ПРЕДИСЛОВИЕ

PREFACE

2022 г. является юбилейным для историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета и всего вуза в целом. Это год семидесятилетия высшего языкового образования в Забайкальском крае. Ровно 70 лет путём выделения из существовавшего историко-филологического факультета Читинского государственного педагогического института появился факультет иностранных языков.

В настоящее время изучение иностранных языков вновь ведётся на историко-филологическом факультете, теперь уже Забайкальского государственного университета. Очевидно, что постоянные организаторы научно-практических конференций проекта «Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии», сотрудники историко-филологического факультета ЗабГУ не могли обойти стороной, названное выше событие. Ему посвящена международная научно-практическая конференция «Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии», прошедшая в г. Чите в сентябре 2022 г.

Организаторы научного форума не стали менять традиционные направления его работы, сделав акцент на лингвистике и филологии:

- Актуальные вопросы отечественной и всеобщей истории.
- Исторические аспекты развития приграничных территорий России, Китая и Монголии в XVII–XXI вв.
- Вторая мировая война: предыстория, события, уроки.
- Забайкальский фронт: события, участники, итоги боевых действий.
- Регион как объект изучения.
- Приграничный регион в историческом развитии.
- Соотечественники: жизнь за рубежом и связь с Родиной. История и современность.
- Российско-китайское, российско-монгольское и китайско-монгольское экономическое сотрудничество.
- Правовое сотрудничество приграничных регионов России, Китая и Монголии.
- Российско-китайские, российско-монгольские и китайско-монгольские контакты в сфере образования, науки и культуры. Особенности приграничного взаимодействия.
- Филологические проблемы трансграничья: литературоведческий, лингвистический и методологический аспекты (филологическое и лингвистическое направления).

В этом году материалы для участия в конференции представили учёные, краеведы, преподаватели высших и средних специальных учебных заведений, учителя средних школ из 12 городов Российской Федерации. Статус международной подтверждают участники из Германии, Китая, Монголии, Кыргызстана, Беларуси.

Материалы сборника могут быть полезны всем, кто интересуется проблемами всеобщей и отечественной истории, истории Сибири, Дальнего Востока и Забайкалья, иных регионов России. В статьях нашли отражение вопросы теоретического осмысления и практики регионального развития и межрегионального сотрудничества, вопросы экономики и т. д.

Значительное место занимают материалы по лингвистике, филологии, литературоведению, вопросам методологии филологического и лингвистического знания, изучения фольклора, средств массовой информации.

Е. В. Дроботушенко,
ответственный редактор,
декан историко-филологического факультета,
Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

РАЗДЕЛ 1. Актуальные вопросы отечественной и всеобщей истории

SECTION 1. Actual Issues of the History of Fatherland

УДК 271.2

К вопросу о роли русских православных миссионеров в раннем периоде китайско-российских культурных взаимоотношений

Максим Александрович Юйшин

*Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
e-mail: waxcox@gmail.com*

Культурный обмен между Китаем и Россией является важной частью истории взаимоотношений двух стран, в определенной степени он влияет и ограничивает развитие, а также изменяет политические и экономические отношения между двумя странами. В начале китайско-российских культурных взаимоотношений стояла Русская православная церковь.

Ключевые слова: религия, христианство, православие, православная культура, приграничные регионы, миссионеры, Россия, Китай

On the Role of Russian Orthodox Missionaries in the Early Period of Sino-Russian Cultural Relations

Maxim A. Yuyschin

*Transbaikal State University, Chita, Russia
e-mail: waxcox@gmail.com*

Cultural exchange between China and Russia is an important part of the history of relations between the two countries to a certain extent affects and limits development, as changes political and economic relations between the two countries. At the beginning of the Sino-Russian cultural relationship, the Russian Orthodox Church.

Keywords: Religion, religion, Christianity, orthodoxy, orthodox culture, border regions, missionaries, Russia, China

В современном мире существует великое множество религий, возникновение мировых религий восходит к древности. Каждая религия обладает своими особенностями, что и формирует разнообразие религиозного мира. Имеет и свои особенности православная культура.

Не обошла христианская религия и Китай. Несмотря на то, что преобладающими религиями Китая являются даосизм и буддизм, на территории Китая присутствуют и представители христианства. О распространении православного вероучения среди ки-

тайского населения можно говорить лишь относительно, хотя его история в Китае, по данным исследователей, началась ещё в первые века нашей эры. Представители русской православной традиции на территории Китая присутствуют ещё с ордынских времён, когда русские служили в гарнизоне одной из ордынских столиц – Ханбалыка, будущего Пекина. Современная история православия в Китае началась в конце XVII в., когда в 1684 г. были взяты в плен китайской армией казаки крепости Албазин во главе со священником Максимом Леонтьевым и уве-

зены в Пекин, где основали русскую общину. Для их содержания и для развития российско-китайских отношений в Пекине в 1712 г. была основана Русская духовная миссия. Ввиду политических обстоятельств в 1954 г. Российская Духовная Миссия в Китае была упразднена [1].

По данным священнослужителей в Китае в 2011 г. насчитывалось до 15 тыс. православных. Православие признано как религия русского национального меньшинства в специальных автономных районах Синьцзян и Внутренняя Монголия провинции Хэйлунцзян. В связи с этим выявляется потребность расширения знаний китайского народа о православии и, как следствие, потребность перевода православных текстов на китайский язык.

В данной статье сделана попытка систематизировать научно-теоретический, научно-публицистический, теолого-публицистический, учебно-методический потенциал исследований православного наследия в Китае, который может быть использован для дальнейших аналогичных работ в рамках изучения современного состояния российской православной культуры в Китае.

В настоящее время в российской религиозно-литературе накоплено существенное количество теоретического материала, посвященного наследию русского православия в Китае. Его можно подразделить на несколько уровней: фундаментальный, научно-исследовательский, научно-публицистический, теолого-публицистический. К фундаментальным работам мы относим исследования В. Г. Дацышена [2], А. В. Ломанова [6]. В научно-исследовательских работах А. П. Забияко [3] представлен анализ этнического и религиозного сознания православных традиций. Он отличается от аналогичных работ православных священников П. М. Иванова, Н. Лепешева [4; 5], которые занимаются изучением роли православия и православной церкви в повседневной жизни китайцев.

С укреплением российско-китайских отношений, социокультурных изменений увеличилось количество исследований православия в Китае. Монография «Православие в Китае (1900–1997)» [7] посвящена истории христианства и православия. Самые ранние культурные связи с Китаем, вероятно, появились в период династий Юань и Мин.

Нерчинский договор, подписанный Россией и Китаем в 1689 г., стал важной вехой

в истории китайско-русских политических и культурных отношений. В 1728 г. Китай и Россия подписали Кяхтинский договор, и культурные взаимоотношения между двумя странами шагнули вперед.

Договор, подписанный между Китаем и Россией в период правления династии Цин, был заключен в июне шестого года правления Юнчжэна (1728 г.) и содержал в общей сложности одиннадцать статей. Что касается вопроса о границе между Китаем и Россией, то по содержанию договор совпадает с Буринским договором. В договоре подтверждается положение Нерчинского мирного договора о том, что район реки Уда на восточной границе все еще временно не разделен.

В середине XVII в. Россия постепенно осваивала малонаселенную территорию дальневосточного региона. В 1665 г. русские казаки обосновались в крепости Албазы на реке Амур и построили на ней острог, известный как Албазинская крепость. Православный священник Ермоген заложил церковь во имя «Воскресения Иисуса» в опорном пункте Албазино. В 1671 г. священники построили ещё одну церковь во имя Спаса Всемилостливого, это был первый православный храм, появившийся в Китае. В 1683 г. армия императора Канси отправилась на завоевание Албазина и одержала победу, впоследствии церковь и монастырь были разрушены. Кроме того, Цинская армия взяла в плен русских казаков и занесла их в списки знаменных войск «Окаймленное жёлтое знамя». Правительство Цин также разрешило этим людям вступать в браки. Ради почтения их религиозных верований, император Канси выделил официальные звания, вознаграждения, местожительство и предметы первой необходимости, а также разрешил им использовать храм Хуцзяцунь в качестве временного религиозного места для молитв после подписания Нерчинского мирного договора. Храм был преобразован в православный и получил название Софийский собор, т. к. в храме была икона святого Николая Чудотворца (он также имеет название храм святого Николая).

В 1727 г. Китай и Россия подписали Кяхтинский мирный договор. В соответствии с положениями договора Русская православная церковь получила право регулярно направлять миссионеров и студентов причетников в Китай, а также получила право основать новую православную церковь

в Пекине. Храм был расположен в районе Дунцзян (ныне район Дунцзяоминь) на Южном подворье и поставлен на средства, выделенные китайским правительством, официально завершён в 1732 г. и получил название Сретение Господня. Церковь обслуживала духовные нужды членов торговых караванов, регулярно прибывавших в Пекин. Позднее на её месте поставили церковь во имя Успения Богоматери.

Россия начала посылать первую группу православных миссионеров в Пекин в 1727 г. Отправление духовных миссий дипломатического посредничества между двумя государствами было закончено в 1861 г., после того как в Пекине было открыто постоянное представительство Российской империи.

После длительного периода усердной учебы в Пекине многие русские миссионеры овладели маньчжурским, ханьским, тибетским и монгольским языками. Они хорошо знали традиционную китайскую культуру, внесли огромный вклад в распространение китайской культуры в России, а также заложили основы для развития русского китаеведения. Исследование китаеведения – одно из самых выдающихся направлений культурной деятельности миссионеров. Первыми русскими китаеводами являлись миссионеры и студенты русской православной миссии. Их исследования охватывали китайскую философию, религию, язык, литературу, историю, географию, общество, право, сельское хозяйство, астрономию, экономику и т. д.

Н. Я. Бичурин (1777–1853), в 1808 г. возглавлявший девятую пекинскую миссию, первосвященник монахов, был известен как «основоположник китаеведения в России», прожил в Пекине 13 лет и любил традиционную китайскую культуру. Он часто носил китайские костюмы и глубоко погружался в пекинское высшее общество для того, чтобы ближе изучить быт, нравы и обычаи китайцев. После усердной учебы он хорошо овладел маньчжурским, ханьским, тибетским и монгольским языками. Во время своего пребывания в Пекине он перевел «Записки о Пекине», «Джунгарские записки», «Историю первых четырёх ханов из дома Чингисхана», «Записки о Монголии», «Записки о Тибете», «Центральноазиатскую этнографию», «Историю Тибетского Цинхай» и т. д. Во время своего пребывания в Пекине

он искал книги на ханьском, монгольском, тибетском и маньчжурском языках, а также различные культурные реликвии. По возвращении в страну он стал членом Российской академии наук, долгое время работал переводчиком в азиатском отделе комитета иностранных дел и продолжал заниматься китаеведческими исследованиями. Он перевел «Четырёхкнижие» и все аннотации к ним на русский язык, перевел «Троесловие», которое назвал «Энциклопедией XII века», опубликовал свои книги по китаеведению «История Тибета и Хухунора», «Историческое обозрение ойратов или калмыков», «Статистическое описание Китайской империи», «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение», «Собрание сведений по исторической географии различных этнических групп в Центральной Азии» и др. По этой причине он трижды являлся лауреатом Демидовской премии Российской академии наук, став авторитетом в российском китаеведческом обществе. Бичурин не только познакомил Россию с китайской культурой, но и исправил устаревшие шаблоны о китайцах западноевропейскими миссионерами. Его академическая деятельность служила мостом между китайской и западной культурами, особенно между культурой России и Китая. В 1831 г. он основал первую школу китайского языка в России в Кяхте и обучил группу людей бизнесу в России, а также политике и культуре.

Палладий (Кафаров) был начальником и первосвященником 12 и 13 православной миссии, он перевел «Тайную историю династии Юань» и другие книги на русский язык, а также «Канонические книги», такие как «Времена» и «Песнь дня». Позже он являлся редактором Китайско-русского словаря. Он также является автором «Жизнеописания Будды», «Исторических очерков древнего буддизма» и «Китайской исламской литературы». Кафаров посвятил себя исследованию исторической географии китайской границы. Его репрезентативные работы включают «Тайные истории династии Юань», «Путешествие лаосского монаха Чан-чуня на Запад», «Исторический очерк Уссурийского края» и другие. Он также коллекционировал большое количество материалов о китайской культуре и познакомил их с Россией и Западной Европой, что способствовало не только китайско-российским культурным обменам, но и китайско-западным.

В истории китайско-российских культурных обменов нельзя игнорировать статус русской православной миссии. Она способствовала политическому, экономическому и культурному взаимопониманию, а также развитию российско-китайских отношений между Китаем и Россией. Среди российских миссионеров, приехавших в Пекин, появилась группа дипломатов и китаистов, знакомых с китайской культурой. Они не только перевели на русский язык китайскую конфуцианскую, буддийскую, даосскую классику и исторические, географические, этнические, экономические и другие известные книги, но и написали множество научных монографий

по китайской проблематике, эти переводы и монографии были изданы в России, чтобы русский народ понимал Китай и китайскую культуру.

Основная цель православной миссии – укрепление отношений между российским правительством и русскими в Китае. Россия долгое время поддерживала эту организацию в Китае во имя распространения православия, чтобы защитить свои торговые и политические интересы. Почти вся деятельность православной миссии находилась под контролем российского правительства, проводящего политику царской России в отношении Китая.

Источники и литература

1. Восточный архив. 2009. № 2. URL: <https://rucont.ru/file.ashx?guid=efe2e8ca-8bcd-458b-8b3f-9bf7005075d5> (дата обращения: 24.06.2022). Текст: электронный.
2. Дацышен В. Г. История российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX вв. М.: Диалект-Медиа, 2014. 592 с.
3. Забияко А. П., Хаймурзина М. А. Интерпретация религии китайскими учеными в контексте развития религиоведения в КНР (вторая половина XX – начало XXI вв.). URL: <https://religio.amursu.ru/images/Volumes/2013/2/8/8.pdf> (дата обращения: 24.06.2022). Текст: электронный.
4. Иванов П. М. Из истории христианства в Китае. М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2005. 222 с.
5. Лепешев Н. (Иер.) Характерные черты православной миссии на Дальнем Востоке // Христианство на Дальнем Востоке: материалы междунар. науч.-практ. конф. Хабаровск, 2006. С. 24–27.
6. Ломанов А. В. Христианство и китайская культура. М.: Восточная лит-ра, 2002. 446 с.
7. Поздняев Д. Православие в Китае (1900–1997). М.: Изд. Свято-Владимирского Братства, 1998. 277 с. URL: <http://www.orthodox.cn/localchurch/pozdnyayev/index.html> (дата обращения: 24.06.2022). Текст: электронный.
8. Титаренко М. Л., Ломанов А. В. Изучение китайской философии и религии в России в 1990-е годы. Текст: электронный // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 6. С. 49–64. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18203927> (дата обращения: 24.06.2022).

Информация об авторе

Юйшин Максим Александрович – ассистент кафедры китайского языка историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, e-mail: waxcox@gmail.com

Information about the author

Yuyshin Maxim A. – Assistant of the Department of Chinese Language of the Faculty of History and Philology, Transbaikalian State University, Chita, Russia, e-mail: waxcox@gmail.com

УДК 94:908(571.55)

**Граф М. М. Сперанский, горный инженер С. А. Аистов
и учитель иностранных языков К. Фрейденберг**

Татьяна Андреевна Константинова

*Государственный архив Забайкальского края, г. Чита, Россия
e-mail: mk-rus@mail.ru*

В статье изложены результаты новых архивных исследований. Выявлены сведения о визите в 1820 г. сибирского губернатора, графа М. М. Сперанского в Нерчинский завод, где добывалось серебро. Нерчинский завод был центром Нерчинского горного округа (НГО). Сперанский определил состояние производства как кризисное. Он отметил тяжелые условия труда крестьян, каторжан и детей и поддержал стремление начальника НГО С. А. Аистова улучшить положение дел. Сообщается об учителе иностранных языков горного училища К. Фрейденберге. По ходатайству М. М. Сперанского он был освобожден из категории государственных преступников.

Ключевые слова: Нерчинский горный округ, Нерчинский Завод, губернатор М. М. Сперанский, горный инженер С. А. Аистов, учитель иностранных языков К. Фрейденберг

**Count M. M. Speransky, Mining Engineer S. A. Aistov
and Foreign Language Teacher K. Freidenberg**

Tatyana A. Konstantinova

*State Archive of the Transbaikal Edge, Chita, Russia
e-mail: mk-rus@mail.ru*

The article outlines the results of new archival studies. Information about the visit of the Siberian governor, count M. M. Speransky in the Nerchinsky Plant, where was mined. Nerchinsky Plant was of the center of the Nerchinsky mining district (NMD). Speransky defined the state of production as a crisis. He noted of the difficult working conditions of peasants, convicts and children and supported the desire of the NMD S. A. Aistov to improv about the state of the affairs it is reported about the teacher of foreign languages of the mining school K. Freidenberg. At the request of Speransky, he was released from the category state criminals.

Keywords: Nerchinsky mountain district, Nerchinsky Plant, Governor M. M. Speransky, mining engineer S. A. Aistov, foreign language teacher K. Freidenberg

История горного округа началась в 1689 г., когда был построен Нерчинский сереброплавильный завод (его также называли Большим или Аргунским); регулярная выплавка серебра осуществлялась с 1704 г. [4, л. 14]. Позднее были пущены в эксплуатацию другие сереброплавильные заводы: Дучарский (1760), Кутомарский (1764), Екатерининский (1777), Шилкинский (1769), Газимурский (1778), Александровский (1792), Воздвиженский (партикулярный завод М. А. Сибирякова; 1773) [Там же, л. 18]. Нерчинский горный округ (НГО) как династическая собственность окончательно перешел в ведомство Кабинета Его Императорского Величества (КЕИВ) в 1787 г. В 1826 г. Горный совет составил описание округа, в котором его пределы указывались «от хребта Яблоновского до границ китайских» [1, с. 14]. Межевание земель проводилось в 1846–1854 гг., работа завершилась составлением первой карты Забайкальской обла-

сти, утвержденной 27 июля 1856 г. [4, л. 12]. На этой карте были нанесены и новые границы НГО. С 1851 г. в НГО входили территории Нерчинского, Нерчинско-Заводского, Акшинского и Читинского административных округов (уездов) Забайкальской области, а также Петровска-Забайкальская горнозаводская дача (т. е. часть земель Верхнеудинского уезда). Из 24 млн земель общей площади Забайкальской области НГО занимал 9 973 600 дес. Земельно-заводской отдел Кабинета и Госканцелярия определили земли НГО как «имущество особого рода – коронное, но могущее быть отчуждаемым» [Там же, л. 14]. Точность и законность формулировок появится в начале XX в., а в первой четверти XIX в. территорию округа «... оставляли земли в Нерчинских горах... с состоящими на них рудниками, заводами и селениями» [Там же, л. 14]. Имущественные права на землю и недра робко оспаривались у КЕИВ Министерством финансов и другими

министерствами. Так было до завершения деятельности специально созданной комиссии под председательством действительного статского советника А. Н. Куломзина. По результатам деятельности этой комиссии в 1899 г. было утверждено «Положение о пределах прав Кабинета ЕИВ на Нерчинский округ».

После достижения наибольшей производительности труда во второй половине XVIII в., производство серебра начинает падать. Использование каторжного, почти бесплатного труда, отсутствие даже простейшей механизации, сокращение разведанных запасов серебра, закрытие горнозаводских школ и другие причины привели к сокращению добычи и общему упадку серебрянодобывающей промышленности в Забайкалье.

В 1820 г. побывал в НГО с инспекторской проверкой сибирский губернатор, граф М. М. Сперанский. Эта поездка нашла освещение в «Исторических сведениях...», опубликованных в 1872 г. В. Вагиным [1]. Он опирается на дневники Сперанского и его письма к дочери и другим корреспондентам. Поездка в Нерчинский Завод не была формальной и произвела на губернатора неизгладимое впечатление. М. М. Сперанский осмотрел Нерчинский завод 26 февраля, а на следующий день посетил ближайший к заводу Воздвиженский рудник. Там он «прошёл около 1½ в. штольною и наконец очутился под шахтою, на глубине 34 сажень под землей (72,5 м. – прим. Т. К.)» [Там же, с. 58]. В дневник он записал: «Ужас сего места; процессия в стране мертвых со свечами; контраст мальчиков и их голосов, работающих вместе с преступниками» [Там же, с. 57–58]. Из Нерчинска М. М. Сперанский пишет дочери: «Вчерашний день я возвратился сюда из преисподней, из Нерчинских заводов... Я видел своими глазами последнюю линию человеческого терпения и бедствия. Ничто не может быть поучительнее сего впечатления» [Там же, с. 58]. Вообще, земли Нерчинско-Заводского ведомства произвели на него в высшей степени тяжелое впечатление. Он нашел в крайне жалком положении не только каторжных, но и заводских крестьян, и сами заводы. Он отмечал, что «каждое заводское селение... было соединение хижин и вид сущей бедности. Строения – развалины. Одежда – род солдатской шинели... Заводских крестьян я нашел в бедности, не столь крайней, как вообще мне

описывали, но в бедности. Начальник заводов, Аистов, в то время только что оправившийся от тяжелой болезни, вполне понимал бедственное положение крестьян; предложения о средствах и к улучшению их быта рассматривались тогда в местном горном совете» [1, с. 58].

Представляет значение вывод, который сделал М. М. Сперанский о том, что «...затруднения сии не суть следствия каких-либо местных злоупотреблений, но действие физического положения заводов; прежнее начальство только не умело, или не хотело представить их в настоящем виде» [Там же, с. 58]. Сперанский понимал истинные причины бедственного положения горнозаводских рабочих и крестьян, пытался как-то изменить ситуацию, но повлиять существенно на положение дел при господстве крепостного права не мог. В том же положении находились и сами заводы: «Те же хижины и развалины... не осталось почти и признаков бывших тут непроходимых лесов. Деревянная полусгнившая церковь. – Правления или экспедиция также развалины. Обед у начальника – бедности. Госпиталь: 63 человека в развалине трех комнат... обыкновенная болезнь местных жителей – чахотка» [Там же, с. 58–59]. К этому времени М. М. Сперанский уже не имел никаких иллюзий насчет возможности проведения радикальных реформ, которые бы позволили быстро изменить ситуацию к лучшему. После проверки Нерчинских горных заводов, он уезжает в Иркутск, оставив у местных жителей самое благоприятное впечатление о себе. Как утверждает В. Вагин, жители, так или иначе встречавшиеся со Сперанским, помнили его, как начальника «одаренного отличной добродетелью, кротостью и человеколюбием» [Там же, с. 59]. В Забайкальской поездке он находился в сопровождении «передового казака» (т. е. возницы), проделал за три недели 3 000 верст «в санях, коляске, телеге и только что не верхом» [Там же, с. 60]. В начале марта М. М. Сперанский очень утомлённым вернулся в Иркутск, который снова представился ему столицей [Там же].

Кроме материалов, которые опубликовал В. Вагин [Там же], в ГАЗК, в фонде Нерчинского горного правления [4] сохранился комплекс архивных документов, в т. ч. бесценное письмо М. М. Сперанского С. А. Аистову и подготовленные С. А. Аистовым сведения, которые запросил у него си-

бирский губернатор. Удивляет мобильность, с которой сотрудники горного правления подготовили информацию. Несколько слов о Степане Алексеевиче Аистове. Горный офицер С. А. Аистов родился в 1767 г. На должность начальника заводов был назначен в 1817 г., после смерти обер-бергауптмана Я. И. Рычкова. С. А. Аистов организовывал разведку месторождений медных руд, занимался изучением флоры и фауны Забайкалья, переписывался с известным ученым Г. И. Фишером, сотрудничал с Обществом испытателей природы. Он усовершенствовал методику разбора, сортировки и промывки руд, стремился улучшить положение горнозаводских рабочих и приписанных к заводам крестьян [6, с. 143–145; 7, с. 144]. В момент инспектирования заводов М. М. Сперанским Аистов был тяжело болен, и вскоре умер – в мае 1820 г. После возвращения в Иркутск, Сперанский пишет Аистову: «Весьма благодарен за сведения по заводской части от Вас мне доставленные. Они поставят меня в состояние содействовать Вашим благоразумным хозяйственным распоряжениям. О несчастных, с доброй стороны Вами замеченных, в особенности же и предпочтительно всем другим о Фрейденберге я всемерно буду ходатайствовать. Бывший французской службы офицер Перрен действительно встретился мне у Кандинских; он изъявил мне опасение, чтобы не потребовали опять в работу; я нашел его действительно дряхлым и почти слепым, в сем единственном состояла моя просьба о нем, а не в увольнении его из заводского ведомства. Слухи о Вашей болезни продолжают нас здесь беспокоить. Катерина Степановна успела было склонить на посещение Вас находящегося в штате моем доктора Альберта. Я тотчас его отпустил, тем более что ничем здесь не занят; но он на другой день предъявил собственное болезненное состояние (он действительно не оправился от опасного ушиба) и в настоящую распутицу, уклонился от сего предложения. Если бы Бог Вам даровал довольно сил чтоб выбраться в Верхнеудинск: то всех здешних лекарей, а именно как Алберта, так и Семичевского я бы к вам выслал» [2, л. 1590, 591]. Письмо написано разборчивым почерком, отчётлив автограф М. М. Сперанского и дата 10 апреля 1820 г.

Большой интерес представляет ответ С. А. Аистова, содержащий информацию,

которая интересовала Сперанского: о сроках ссылки разных категорий лиц, работающих на заводах; об окладах всех категорий работающих на заводах, включая преступников; о работе приписанных к заводам крестьян и оплате их труда, достаточно подробно «из какого расстояния, поскольку вывезти пудов руды, или коробов» [2, л. 1592]. Кроме того, сибирский губернатор запросил подробную информацию о Петровском железоделательном заводе, понимая значение его деятельности для развития всей серебродобывающей промышленности на рудниках и заводах НГО. Ему была отправлена информация о том, что «...до появления завода в 1789 году... железо и железные инструменты доставляли из Пермской губернии» [Там же, л. 656]. Далее в документе коротко сообщается о работающих цехах и производстве, что «железными рудами на плавку потребными рудами, завод сей снабжается с Балягинского рудника отстоящего от завода в 22 верстах, добыча коих производится служащими, рабочими и ссыльными людьми. Перевозка руд в завод производится определенным из мастеровых по их добровольным желанием рудовозами, за определенную плату по 25 р. с каждой тысячи пудов на их собственном скоте и всем собственным заведением. Будучи от всех прочих работ свободными. По выполнению своего поветка, который каждому рудовозу простирается до 6 000 пудов в год, прочие же заготовления к заводскому действию производится: как рубка дров, жжение угля, изготовление всех прочих местных заводских потребностей при заводских мастеровых исправляются казенными мастеровыми людьми и сосланными из всей России в работу ссыльными; перевозка угля и прочих припасов выполняется казенным рабочим скотом, коего тут в довольном числе» [Там же, л. 1656 об.]. Автор записки полагал, что «впоследствии снабжая к действию здешних заводов железом и инструментами, завод содержался бы с собственных оборотов, то есть от продажи собственных изделий, в том числе, и вольными покупателями» [Там же, л. 1656].

В документе отражена интересная информация от члена Горной экспедиции обер-бергмейстера фон Фриша о государственных преступниках из бывших чиновников, таких как Карл Фрейденберг, Иван Табалин, Иван Федотов [2, л. 1592]. Обратим особое

внимание на фамилию Карла Фрейденберга. По сведению Аистова, К. Фрейденберг обучал детей немецкому языку и рисованию «с хорошим успехом... из его учеников есть уже немалое число и офицеров с хорошими познаниями... находятся в Санкт-Петербурге в горном кадетском корпусе – и здесь его ученики также преподаваемыми им сведениями (знаниями) отличаются [2, л. 1593]. Далее Аистов подчёркивал, что «Фрейденберг имеет немалые лета и в нахождении здесь обзавелся некоторой экономией (собственностью – прим. Т. К.) и имеет семейство, почему возвращения уже больше не желает в Россию и искать большего себе счастья, а только просит чтобы участь его здесь была облегчена изъятием его из числа государственных преступников и почислить (зачислить – прим. Т. К.) в штат заводских служителей, или дать совершенную свободу, то я и просил его сиятельства, чтоб он единственно определенно был и считался здесь учителем с жалованьем со смотрения начальника заводов по его трудам и искусству» [Там же]. Важно, что ходатайство М. М. Сперанского и С. А. Аистова было удовлетворено.

Автор статьи, проводя исследование по истории горнозаводского образования [5], выявила в числе других преподавателей горного училища в Нерчинском Заводе инфор-

мацию о преподавателе иностранных языков К. Фрейденберге. В обобщённом виде его социальный портрет таков: 54 года, сын барона, холост, работал в училище учителем в (24.06.) 1822–1831 гг.; преподаёт немецкий и французский языки, переводы с языков, рисование; сначала имел жалованье 425 р.; 400 р. в 1827 г.; 600 р. в 1830 г. [3, л. 210, 513, 790; 5, с. 92–93, 108, 109]. Вероятно, запись сделана уже после того, как К. Фрейденберг был выведен из категории государственных преступников и зачислен в штат училища как свободный человек. Фактически он уже работал в этом училище и ранее, и был уважаемым учителем. По мнению автора статьи, учитель К. Фрейденберг, как и его коллеги по училищу, составили первую плеяду забайкальской интеллигенции, которая начала формироваться из числа горных инженеров, преподавателей и служащих НГО. В начале XXI в. в ГАЗК приезжал один из потомков бывшего ссыльнокаторжного учителя К. Фрейденберга; он занимался поиском и восстановлением биографии своего предка для создания генеалогического древа. Архивисты оказали ему помощь в поиске и копировании материала и подарили монографию по истории горнозаводского образования [5], в которой представлены факты из жизни и деятельности учителя иностранных языков Карла Фрейденберга.

Источники и литература

1. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. Собраны В. Вагиным. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1872. Т. 1. 808 с.
2. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 31. Оп. 1. Д. 543.
3. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 859.
4. ГАЗК. Ф. 210. Оп. 1. Д. 148.
5. Константинова Т. А. История горнозаводского образования в Забайкалье (XVIII – начало XX в. Новосибирск: Наука, 2010, 168 с.
6. Константинова Т. А. Визит великого реформатора // Нерчинский Завод. Чита: ЗабГУ, 2015. С. 143–145.
7. Мясников А. В. Аистов Степан Алексеевич // Нерчинский Завод. Чита: ЗабГУ, 2015. С. 144.

Информация об авторе

Константинова Татьяна Андреевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Государственный архив Забайкальского края, г. Чита, Россия, e-mail: mk-rus@mail.ru

Information about the author

Konstantinova Tatiana A. – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, State Archive of the Transbaikal Territory, Chita, Russia, e-mail: mk-rus@mail.ru

УДК 94

Краткие итоги выступления декабристов (14 декабря 1825 г.)

**Галина Петровна Камнева¹, Сергей Александрович Сотников²,
Андрей Александрович Сотников³**

^{1,2,3} *Московский государственный областной университет, г. Москва, Россия*

¹ *e-mail: kamnevagp@gmail.com*, ² *e-mail: sergey@histr.ru*, ³ *e-mail: microlabus@mail.ru*

В статье проведено исследование условий, причин и мотивов нравственного выбора декабристов. Сделан вывод, что идеи декабристов развивались в благоприятных условиях, когда российское общество начало осознавать необходимость масштабных преобразований. Цели движения декабристов были прогрессивными и актуальными для своего времени – преобразование самодержавной системы правления России в более современную и демократичную форму, формирование гражданского общества за счет наделения населения большими либеральными правами и освобождения крестьян из крепостного рабства. Все это способствовало формированию вокруг них и их жен положительного общественного мнения и сочувствия. Репрессии царского режима укрепили в обществе образ декабристов – мучеников и страдальцев. Гонения на них были восприняты как варварство и несправедливость.

Ключевые слова: выступление декабристов, Северное и Южное тайное общество декабристов, особая следственная Комиссия, Черниговский полк

Summary of the Decembrists' Speech (December 14, 1825)

Galina P. Kamneva¹, Sergei A. Sotnikov², Andrei A. Sotnikov³

^{1,2,3} *Moscow Region State University, Moscow, Russia*

¹ *e-mail: kamnevagp@gmail.com*, ² *e-mail: sergey@histr.ru*, ³ *e-mail: microlabus@mail.ru*

The article examines the conditions, causes and motives of the Decembrists' moral choice. It is concluded that the ideas of the Decembrists developed in favorable conditions when Russian society began to realize the need for large-scale transformations. The goals of the Decembrist movement were progressive and relevant for their time – the transformation of the autocratic system of government of Russia into a more modern and democratic form, the formation of civil society by endowing the population with greater liberal rights and the liberation of peasants from serfdom. All this contributed to the formation of positive public opinion and sympathy around them and their wives. The repressions of the tsarist regime strengthened the image of the Decembrists – martyrs and sufferers in society. The persecution of them was perceived as barbarism and injustice.

Keywords: Speech of the Decembrists, the Northern and Southern secret society of the Decembrists, the Special Investigative Commission, the Chernigov Regiment

Начало XIX в. стало временем кардинальных мировоззренческих сдвигов в дворянской среде России. Тем временем, как одни восхищались крепостничеством и самодержавием, строя несбыточные планы по возвышению и возвеличиванию России, другие, осознав бесперспективность развития страны, пытались что-то изменить в ее многовековых, архаичных устоях. Одной из таких групп были декабристы – движение либералов, реформаторов, западников возникшее еще в 1816 г., когда появился Союз Спасения – первая собственно декабристская организация. Немногим позже возникли Союз Благоденствия, Северное и Южное тайные общества, Общество соединенных славян. Десятилетие внутри этих организаций шла напряженная работа, финалом

которой стало выступление декабристов на Сенатской площади против абсолютной монархии в России.

В период мятежа двумя базовыми организациями декабристов являлись Северное и Южное тайное общество декабристов. Северное общество возникло в Санкт-Петербурге и Москве по инициативе С. П. Трубецкого, К. Ф. Рыльева, А. А. Бестужева-Марлинского.

Южное общество декабристов сформировалось в Киеве, им руководили П. И. Пестель и его соратники.

Соответственно в кругах декабристов сложилось две программы действий: 1) «Конституция» Н. М. Муравьева (Северное общество); 2) «Русская правда» П. И. Пестеля (Южное общество).

Из программ декабристов видно, что цели движения были во многом популистские – преобразование самодержавной системы правления России в более современную и демократичную форму, формирование гражданского общества за счет наделяния населения большими либеральными правами и освобождения крестьян из крепостного рабства. Эти три ключевых, общих положения программных документов декабристов можно свести к следующему:

1) во-первых, преобразование самодержавия в конституционную форму и отмена крепостного права;

2) во-вторых, весьма реалистичная программа перевода России на столь необходимый тогда для неё путь капиталистического развития;

3) в-третьих, поиск новых форм и принципов государственно-правового устройства России, которые бы, с одной стороны, отвечали специфическим условиям тогдашней российской действительности, а с другой – должны были с пользой учитывать многообразный реформаторский опыт западных стран.

Выступление декабристов оказалось неподготовленным по причине неожиданной кончины Александра I 19 ноября 1825 г. в Таганроге и создавшимся в течение последующего месяца междуцарствием вследствие неясности вопроса о престолонаследии. Для участников декабристского движения ситуация развивалась стремительно и неожиданно.

Выступление декабристов состоялось 14 (26) декабря 1825 г. в Санкт-Петербурге и было подавлено в тот же день, хотя и сильно напугало окружение царя. На некоторое время возникла угроза распространения мятежа, и император осознал его реальную опасность. Однако вышедшие на площадь «мятежные офицеры» не смогли разрешить противоречия между присягой и нравственным порывом. В итоге было упущено время, и декабристы были обречены на поражение.

На юге вооруженное восстание запоздало и было менее масштабным. Шесть рот Черниговского полка освободили арестованного Сергея Муравьева-Апостола, который выступил с ними в Белую Церковь. Однако 3 января 1826 г. они были настигнуты верным царю отрядом гусар с конной артиллерией. После непродолжительного столкновения с правительственными войсками повстанцы сдались.

Оба эти события вызвали огромный резонанс в России и Европе. Мятежи эпохи «дворцовых переворотов» не шли ни в какое сравнение с тем, что случилось на Сенатской площади Санкт-Петербурга.

Представители дворянства, многие из которых – «цвет российской аристократии», желали не замены главы государства, а пересмотра всей системы устройства государственной власти – упразднить самодержавие как форму государственной власти и отменить крепостное право.

Многие полагают, что от поведения императора и его окружения по вопросу о наказании декабристов во многом зависело будущее России с ее кровавыми и системными потрясениями [1, с. 9]. К сожалению, император выбрал жесткий путь и, как показала история, ошибся. Восстание оказалось кровопролитным.

Таким образом, в ходе выступления декабристов погибло 1 271 чел. военного и гражданского населения. Впоследствии многие декабристы сильно переживали по этому поводу и ставили себе это в вину. Следует отметить, что большая часть декабристов не решилась на активные действия и не смогла предать свой долг и царя, в противном случае жертв могло быть гораздо больше. Однако император и его окружение не поняли этого факта и сочли его за слабость, а не верность долгу и Отечеству.

Выступление 14 декабря 1825 г. позволило правительству выявить значительную часть петербургских и южнорусских декабристов. Сразу же после разгрома декабристов некоторые из них были схвачены недалеко от Сенатской площади во время преследования, другие арестованы в ночь с 14 на 15 декабря на своих квартирах или у родственников и знакомых. Практически все члены декабристских организаций либо были схвачены, либо взяты под строгий полицейский надзор.

Итогом неподготовленного выступления декабристов стала закономерная расправа с его участниками, которая фактически определила оценку деятельности императора Николая I в исторической литературе и создала образ «мучеников» в отношении декабристов и их жен, которые отправились вслед за своими мужьями в Сибирь.

Для расследования мятежа была учреждена особая Комиссия для «изысканий о злоумышленных обществах» под председательством военного министра А. Татищева.

Через полгода работы Комиссия представила императору Николаю «всеподданнейший доклад» с расследованием. 1 июня 1826 г. для суда над декабристами был учрежден Верховный уголовный суд из трех государственных сословий: Государственного совета, Сената и Синода, с присоединением к ним «нескольких особ из высших воинских и гражданских чиновников» [3, с. 64].

Историками установлено, что под следствие по делу о восстании декабристов попали почти 600 чел. Фактически часть офицеров была арестована за дружбу с мятежниками и нежелание доносить на своих родственников и знакомых. Так в обществе начал формироваться жертвенный образ осужденных. Многие полагали, что приговор в отношении них очень жесток и несправедлив.

Такой суровый приговор показывал императора не в лучшем свете как мстительно-го, недалекого человека с манией преследования. Пытаясь поправить свое положение в российском обществе и на международной арене, император смягчил приговор по всем разрядам.

Часть наиболее знаковых фигур декабристов (5 человек) была приговорена к смертной казни (Пестель, Рылеев, Сергей Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин и Каховский). Остальных оправили на каторгу в Сибирь пожизненно или сроком на 20 лет. В числе сосланных большинство были знатного дворянского происхождения, некоторые – с княжеским титулом, что заставило общество обратить на них пристальное внимание и тщательно разобраться в сложившейся ситуации.

Всего на вечную каторгу было отправлено 25 декабристов. С июля 1826 г. началась отъезд осужденных в Сибирь. Это были суровые и мрачные этапы: Нерчинские рудники, Читинский каторжный острог, тюрьма Петровского Завода, такие медвежьи углы, как Шушенское, Нарым, Якутск, Братский острог, Пелым, Мертвый Култук и др. [2, с. 9].

Необходимо подчеркнуть, что подобного никогда прежде не происходило в российской истории и потому как современники, так и потомки не смогли сформулировать единую объективную оценку этих событий и свое отношение к каторжникам. Кто-то считал этих людей героями, кто-то, наоборот, осуждал. Однако постепенно в обществе сложился благоприятный образ декабристов.

Выступление декабристов стало восприниматься как мятеж романтиков, которые намеривались перестроить государственную систему России, сделать ее более человеческой и прогрессивной. По этой причине в обществе к декабристам постепенно начало складываться сочувственное отношение. Они не ассоциировались с разбойниками, предателями, кровавыми диктаторами, а воспринимались как честные люди, патриоты, которые запутались в своих идеях и сделали неверный выбор.

Прецедент в значительной мере повлиял на ход истории России. Важным событием, которое было вызвано приговором декабристам, стала эпопея с каторгой декабристов и пребыванием в ссылке возле своих осужденных мужей их жен. Многие идеи декабристов были подхвачены российским обществом, и если раньше оно мало задумывалось о судьбе страны, то после декабристов началась длительная и масштабная дискуссия о судьбе России. Во многом катализатором изменения отношения общества к проблемам страны стала судьба декабристов и подвиг их жен.

По итогам исследования можно сделать следующие выводы:

1. Идеи декабристов развивались в благоприятных условиях, когда российское общество начало осознавать необходимость масштабных преобразований. Декабристы подхватили этот благородный порыв и попытались воплотить его в жизнь. Цели движения декабристов были прогрессивными и актуальными для своего времени – преобразование самодержавной системы правления России в более современную и демократичную форму, формирование гражданского общества за счет наделения населения большими либеральными правами и освобождения крестьян из крепостного рабства.

2. Нерешительность и локальность мятежа декабристов была обусловлена не трусостью его участников, а внутренними колебаниями – конфликтом между долгом, присягой и внутренними благородными порывами. Общество в своем большинстве не воспринимало декабристов жестокими преступниками, а напротив, сочувствовало и воспринимало как благородных людей, сделавших неверный выбор.

3. Репрессии царского режима укрепили в обществе образ декабристов – мучеников

и страдальцев. В итоге, к отправке осужденных в Сибирь вокруг них сложилось особое общественное мнение, в целом положитель-

ное и гуманное. Репрессии в отношении них были восприняты как варварство и несправедливость.

Источники и литература

1. Брюханов В. А. Мифы и правда о восстании декабристов. М.: Яуза: Эксмо; Н. Новгород: Нижполиграф, 2005. 636 с.
2. Покровский В. И. Жены декабристов. М.: Книга по требованию, 2011. 310 с.
3. Эдельман О. В. Следствие по делу декабристов. М.: Модест Колеров, 2010. 354 с.

Информация об авторах

Камнева Галина Петровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени историко-филологического института, Московский государственный областной университет, г. Москва, Россия, e-mail: kamnevagr@gmail.com

Сотников Сергей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени историко-филологического института, Московский государственный областной университет, г. Москва, Россия, e-mail: sergey@histr.ru

Сотников Андрей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени историко-филологического института, Московский государственный областной университет, г. Москва, Россия, e-mail: microlabus@mail.ru

Information about the authors

Kamneva Galina V. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of History of Russia of the Middle Ages and Modern Times of Historical and Philological Institute of the Moscow Region State University, Moscow, Russia, e-mail: kamnevagr@gmail.com

Sotnikov Sergei A. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of History of Russia of the Middle Ages and Modern Times of the Historical and philological Institute of the Moscow Region State University, Moscow, Russia, e-mail: sergey@histr.ru

Sotnikov Andrei A. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of History of Russia of the Middle Ages and Modern Times of the Historical and philological Institute of the Moscow Region State University, Moscow, Russia, e-mail: microlabus@mail.ru

УДК 82-43

**«Фрегат «Паллада»» И. А. Гончарова: путевые очерки писателя
о дальнем плавании от Кронштадта до Амура (1852–1854)**

*(к 210-летию со дня рождения писателя И. А. Гончарова
и 170-летию начала «дальнего» плавания фрегата «Паллада»)*

Людмила Мусалимовна Карчанова

*Российский государственный архив Военно-Морского флота, г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: zulay.331@mail.ru*

В статье, на основе документов РГА ВМФ, показана история дальнего плавания в середине XIX в. фрегата «Паллада». Цель плавания – подписание торгового договора между Россией и Японией. В составе команды в качестве секретаря начальника дипломатической миссии генерал-адъютанта вице-адмирала Е. Ф. Путятин состоит писатель И. А. Гончаров. Он на протяжении всего путешествия пишет очерки, составившие книгу «Фрегат «Паллада»». Документы РГА ВМФ повествуют о подготовке к плаванию, о встрече фрегата генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым, об издании книги И. А. Гончарова.

Ключевые слова: фрегат «Паллада», Кронштадт, секретарь, писатель И. А. Гончаров, генерал-адъютант вице-адмирал Е. Ф. Путятин, флигель-адъютант И. С. Унковский, генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев, дипломатическая миссия, торговый договор, Крымская война, Амурский лиман, Николаевский пост, типография

**“Frigate “Pallada”” A. I. Goncharova: Writer’s Travel Essays
on Long-Distance Voyage from Kronstadt to Amur (1852–1854)**

Ludmila M. Karchanova

Russian State Naval Archives, St Petersburg, Russia

e-mail: zulay.331@mail.ru

Based on the documents of Russian State Navy Archives, the article shows the history of long-distance navigation of the “Pallada” frigate in the middle of the 19th century. The purpose of the voyage is the signing of a trade agreement between Russia and Japan. The mission was headed by Vice Admiral aide-de-camp General E. F. Putyatin I.A. Goncharov was part of the team as secretary to the head of the diplomatic mission. During the whole trip he wrote essays that composed the book “Frigate “Pallada””. The documents of the Russian State Navy Archives tell about the preparation for the voyage, about the meeting of the frigate by the Governor-General of Eastern Siberia N. N. Muravyov, about the publication of the book.

Keywords: frigate “Pallada”, Kronstadt, secretary, writer I. A. Goncharov, Vice Admiral Aide-de-Camp General E. F. Putyatin, Aide-de-Camp I. S. Unkovsky, Governor-General of Eastern Siberia N. N. Muravyov, diplomatic mission, trade agreement, Crimean War, Amur liman, Nikolaevsky outpost, printing house

В составе богатейших фондов Российского государственного архива Военно-Морского флота (РГА ВМФ) хранится целый комплекс документов, рассказывающих о дальнем плавании в 1852–1855 гг. фрегата «Паллада» «для обозрения русских колоний в Северной Америке и для заключения торгового трактата с Японией». Эти документы разнообразны по видам и очень информативны по содержанию. Они повествуют о подготовке фрегата к плаванию, о заходах его в заграничные порты, об исполнении главной миссии экспедиции, участии в плавании писателя И. А. Гончарова, устройстве экипажа в Николаевском посту и издании путевых очерков.

История 52-пушечного фрегата «Паллада» началась 2 ноября 1831 г. – в этот день он был заложен на Охтенской верфи. Меньше чем за год, уже 1 сентября 1832 г. фрегат, построенный «из листовенничного леса и переменею из дуба, с железным подводным креплением» кораблестроителем, англичанином на русской службе Вениамином Фомичом Стокке, был спущен на воду. В этот период времени начинается соперничество между Российской империей и «Северо-Американскими Соединёнными Штатами» за влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и к середине XIX в. возникает острая необходимость снаряжения экспедиции в Японию. Журнал «Washington» 18 ноября 1852 г. писал о готовящейся в Америке экспедиции: «...для исследований необходимых для успеха коммерческих предприятий в сих, сравнительно с другими, мало еще известных водах... суда выбраны лучшие по конструкции и вооружению» [3, л. 20–30].

В России выбор корабля для дальнего плавания пал на фрегат «Паллада». К началу кругосветного плавания фрегат находился в эксплуатации немногим более 20-ти лет. Возглавивший экспедицию с дипломатической миссией генерал-адъютант вице-адмирал Евфимий Васильевич Путятин в рапорте его императорскому высочеству великому князю Константину Николаевичу от 25 июля 1853 г. сообщал: «Хотя по отличному устройству фрегат «Паллада» лучше других соответствовал назначению для предстоявшего нам плавания, но выбор этот сделан единственно за недостатком новых фрегатов...» [10, л. 81]. В этом же рапорте он просит о замене «Паллады» только что построенным в Архангельске фрегатом «Дианой».

После тимберовки в 1846 г. в «Строительном формуляре...» фрегату «Паллада» дана такая характеристика: «Водоизмещение – 2 070 т. Собственного веса судна 1 042 т. На 4,5 месяца, полагая 2 кружки на человека мог поместить пресной воды и провизии на 450 порций. Поместить для всей артиллерии – 4 600 выстрелов, пороху 450 пудов, снарядов – 3 600 ядер, 660 картечь и 240 бомб» [11, л. 1, 1 об.]. Объемное, в 689 листов, дело из фонда «Комиссариатский департамент Морского министерства» содержит многочисленные документы о подготовке фрегата к плаванию. Из них становится известно о финансировании плавания, служебных назначениях на фрегат, пошиве обмундирования, заготовке провианта. Так, например, к отплытию в октябре 1852 г. на «Палладу» было принято: «масла – 414 кругов и 100 бочонков,

гороху – 149 бочек, крупы – 120 мешков и 93 бочки, мяса – 200 бочонков, вина хлебного – 21 бочка, сухарей – 320 мешков» на сумму 24 536 р. серебром [4, л. 291 об.]. Кроме того, в списках провианта значились – «горчица, табак курительный, хрен тертый сушеный, сахар, чай, патока, лимонная кислота, уксус, «русское» мыло» и многое другое [5, л. 13]. Все это в расчете на несколько месяцев, с последующим пополнением провианта в предстоящих портах. Обмундирование и постельные принадлежности шились из расчета на 460 человек. Согласно «Ведомости о числе всех чинов команды фрегата «Паллада» в плавание отправлялось всего 470 офицеров и нижних чинов [9, л. 8–9 об.]. В составе команды военного фрегата состояло и три гражданских чина: коллежский асессор, знаток китайского языка Осип Гошкевич, востоковед архимандрит Аввакум и коллежский асессор, столоначальник Департамента внешней торговли Иван Гончаров. Генерал-адъютант Е. В. Путятин 28 августа 1852 г. сам ходатайствовал перед вице-адмиралом Логином Логиновичем Гейденем о назначении Гончарова на фрегат секретарем «для письменных дел и производства отчетности в предстоящем плавании» [8, л. 71]. В ту пору, Иван Александрович Гончаров, после выхода в свет романа «Обыкновенная история», был уже известным писателем. Он получил высокую оценку В. Г. Белинского, которого особенно привлекал язык писателя – «чистый, правильный, легкий, свободный, льющийся» [1, с. 3].

А ведь в своем окружении Гончаров прослыл человеком, ценящим комфорт и покой, и вдруг «...от прогулок в Петергоф и Парголово, шагнуть к экватору, оттуда к пределам Южного полюса, от Южного к Северному, переплыть четыре океана, окружить пять материков...» [1, с. 66]. Друзья шуточно называли его «Принц де Лень», а Гончаров предвкушал: «Мысль ехать, как хмель туманила голову... Жизнь моя как-то раздвоилась, или как будто мне дали вдруг две жизни, отвели квартиру в двух мирах. В одном я – скромный чиновник, в форменном фраке, робеющий перед начальническим взглядом, боящийся простуды, заключенный в четырех стенах. В другом я – новый аргонавт...меняющий ежемесячно климаты, небеса, моря, государства. Там я редактор докладов, отношений, предписаний; здесь – пе-

вец, хотя *ex officio* (по обязанности), похода» [1, с. 66]. Наконец, 7 октября 1852 г. командир фрегата «Паллада» флигель-адъютант капитан-лейтенант Иван Семенович Унковский рапортовал императору Николаю I: «Сего числа с порученным мне фрегатом с Кронштадтского рейда снялся с якоря и отправился в море...» [9, л. 7]. Гончарова восхищает слаженная работа матросов: «все стройно засуетилось на фрегате до тех пор неподвижном все четыреста человек экипажа столпились на палубе, раздались командные слова, многие матросы поползли вверх по вантам, как мухи облепили реи, и судно окрылилось парусами» [1, с. 71].

Многочисленные документы содержат переписку о назначении жалованья Гончарову на двухлетний период его плавания. Из сообщения Департамента внешней торговли Управляющему морским министерством Николаю Константиновичу известно, что «г. Гончаров по должности столоначальника Департамента получал жалованья 514 р. 60 к., столовых 214 р. 43 к. серебром в год» и ему полагалось «добавочное жалование за границей – вторичный штатный оклад» [8, л. 143, 158]. В составе этих документов хранится рапорт-автограф Гончарова от 25 сентября 1852 г. с просьбой о назначении: «во время нахождения в командировке в должности секретаря при генерал-адъютанте Путятине, по чину моему, содержания на денщиков...». Но, Инспекторский департамент отказал Ивану Александровичу в этой просьбе, так как «он не состоял в числе лиц, коим предоставлено право иметь денщиков в натуре, а потому не может пользоваться и производством на денщиков сих содержания, которого никто из лиц одной с ним категории никогда не получал» [8, л. 150].

По документам фонда «Инспекторский департамент Морского министерства» прослеживается маршрут фрегата «Паллада», где в числе прочих островов, портов и рейдов значатся: Анжерский, Спитхедский, Нагасакский, Сингапурский, Манильский рейды, порты Гоноруру, Напакиан, Гамильтон, острова Сандвичевы (ныне Гавайские) и Ликейские, остров Салли, и, наконец, Татарский пролив, Императорская гавань (ныне Советская гавань) и Амурский лиман [9, л. 68, 69]. В архивном фонде «Бутаковы, семейный фонд. XVIII–XX вв.» хранятся «Извлечения из описаний рейдов, посещенных

фрегатом «Паллада» в кампании с 25 сентября 1852 по 1 июля 1854». В деле несколько карт с описанием гаваней, составленных офицерами команды. Иван Иванович Бутков отправился в плавание на «Палладе» в чине лейтенанта, в апреле 1854 г. был произведен в капитан-лейтенанты и назначен командиром фрегата [2, л. 31].

В 1853 г., на второй год плавания фрегата, началась Крымская война. Для восточной окраины России самый ее разгар пришелся на 1854 г., когда фрегат достиг Японии. Дипломатическая миссия графа Путятин завершилась подписанием торгового договора, а также договора, определившего границы между Россией и Японией. 26 августа 1854 г. Управляющий морским министерством Константин Николаевич писал Путятину: «Поздравляю Вас и спутников Ваших с благополучным прибытием к берегам России... я буду ожидать с нетерпением дальнейших донесений г. Генерал-губернатора относительно будущей зимовки Вашей, также о прибытии фрегат Аврора и Диана» [10, л. 233, 233 об.]. В скором времени, кроме Паллады, к устью реки Амур прибыли фрегаты «Диана», «Аврора», корвет «Оливуца», паровая шхуна «Восток». Генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев в это время находился в Николаевском посту на Амуре. О «Палладе» он написал его императорскому высочеству, что фрегат «окончил свою службу совсем, он выслужил все сроки и плавал 8 лет после тимберовки, из коих два вокруг света, выдерживая жестокие океанские непогоды, и как по окончании войны отправить его в док невозможно, да и потом вокруг света он до доку не дойдет» [10, л. 315]. Муравьев распорядился для оставшихся на зимовку 300 человек экипажа фрегата «Паллада» построить «удобные и просторные помещения под крышею к концу сего месяца», т. е. августа. Прибывших с ним по Амуру «60-сильный пароход «Аргунь» и несколько гребных перевозных судов» отправил в распоряжение флигель-адъютанта Унковского. А фрегат «Паллада» Муравьев определил в ведение начальника Амурской экспедиции и распорядился «с того времени довольствоваться чинов оно по положению Амурской экспедиции» [8, л. 260 об.]. В этот период времени Муравьев оживленно переписывался с Управляющим морским министерством Константином Николаевичем. В

составе фондов архива хранится несколько пространных писем-автографов, в которых генерал-губернатор не только сообщал о кораблях, прибывших на Амур, но и делился своими мыслями о дальнейшем административном устройстве края: «о следующем предположении моем к дальнейшему устройству тамошнего управления... было учредить Приморскую область на устьях Амура, ...это бы потребовало новых значительных от Правительства издержек...» [10, л. 326 об.]. Сетую на «томительную борьбу со случайностями на огромном здешнем пространстве, лишние труды и заботы всех родов», Муравьев в другом письме пишет о своем стремлении к одной цели – «упрочении обладания нашего Амуром в такой степени, чтобы люди недалековидные или неблагонамеренные не могли уже испортить этого важного для России дела. Внуки предместника моего Хабаров Амура уже не видали, не увидят его и наши, если державная десница Государя и Августейшие его сыны не поддержат вполне этого дела» [10, л. 310, 310 об.].

Опасаясь нападения неприятеля, Н. Н. Муравьев предписал флигель-адъютанту Унковскому ввести фрегат в Амур, но из-за мелководья устья реки этого сделать не удалось. Фрегат был затоплен в январе 1856 г. в Константиновской бухте Императорской (ныне Советской) гавани. Так закончилась эта экспедиция, в которую, по словам Гончарова, «укладываются вся Одиссея и Энеида». Но для самого писателя командировка на фрегате закончилась раньше. С Амурского лимана 31 июля 1854 г. флигель-адъютант Унковский рапортовал Инспекторскому департаменту Морского министерства о том, что «командированный по Высочайшему повелению на вверенный мне фрегат... коллежский асессор Гончаров, ныне отправился сухим путем через Сибирь к месту настоящего его служения» [7, л. 2]. Путятин высоко оценил деятельность Гончарова во время плавания, он писал Управляющему Морским министерством: «г. Гончаров удовлетворительнее других может изобразить высокому вниманию Вашего Высочества все подробности наших свиданий с Японскими Полномочными, ибо он, по назначению моему, присутствовал при всех переговорах с ними», в этом же рапорте Путятин ходатайствовал «о достойном награждении рвения и трудов» Гонча-

рова [10, л. 256]. Из-за начавшейся войны «затруднительный переезд через Сибирь» произошел для него неожиданно. Писатель большую часть своих вещей вынужден был оставить и «войти в новые непредвиденные издержки» [10, л. 257]. Поэтому Иркутская казенная палата на обратный путь выдала Гончарову «на удовлетворение денежное довольствие», которое по рапорту генерал-губернатора Н. Н. Муравьева, должно было быть «возвращено из сумм Морского министерства здешней казенной палате» [8, л. 263, 263 об.].

Будучи секретарем начальника экспедиции, Гончаров составлял официальные документы для отправки их в Санкт-Петербург. По некоторому сходству почерка можно предположить, что некоторые документы, хранящиеся в архиве, написаны рукой Гончарова. Но полной уверенности в их автографичности нет, т. к. в конце этих документов, после подписи Путятин, подпись секретаря отсутствует. Весь период плавания Гончаров весьма успешно совмещал секретарскую службу с ведением личных путевых журналов. Уже в 1855 г. отдельные очерки писателя были напечатаны в «Морском сборнике», «Современнике», «Русском вестнике», «Отечественных записках» и пользовались у читателей неизменным успехом. А в 1858 г. вышло первое полное издание под названием «Фрегат “Паллада”». Для России XIX в. выход в свет этой книги стало литературным событием – ярким и беспрецедентным. Читатель, пораженный богатством и разнообразием материала, находил для себя удивительные рассказы об обычаях и образе жизни народов разных стран, о необычных для русского человека национальных кухнях, художественные описания экзотических пейзажей. В 1862 г. Гончаров уже в чине статского советника и автор своего самого знаменитого романа «Обломов», заключил контракт с типографией Морского министерства на издание 8 343 экземпляров книг: «3 476 экземпляров романа «Обломов» в 2-х томах, 2 055 экземпляров романа «Обыкновенная история» и 2 812 экземпляров очерков путешествия «Фрегат “Паллада”» [17, л. 1, 1 об.]. По условиям контракта типография обязывалась не только хранить книги до распродажи, но и отпускать книгопродавцам и «желающим приобрести оные в количестве не менее пяти экземпляров с уступкой

20 % противу объявленной на них цены». С каждого экземпляра типография получала 5 % от продажной цены. В следующем году типография Морского Министерства выставила Гончарову счет на 75 р. «за брошюровку в обертку книг под заглавием «Фрегат Паллада» в 2-х томах каждого по 1 500 экземпляров по 5 к. за экземпляр» [17, л. 13]. Интерес читателей к книге был огромен и документы архива показывают, что «Фрегат “Паллада”» раскупался гораздо охотнее, нежели художественные произведения писателя. В составе архивных фондов хранится несколько автографов писателя. В том числе и «Дополнения к новому изданию “Фрегата Паллады”» – имена плователей, обозначенные заглавными буквами», в котором он дает расшифровку сокращенных фамилий, имен и отчеств всего офицерского состава команды [6, л. 3, 3 об.].

В составе фонда «“Светлана”, фрегат Балтийского флота» хранятся документы об инициативе Симбирской губернской ученой архивной комиссии о Всероссийском сборе добровольных пожертвований в 1910 г. на сооружение памятника к 100-летию со дня рождения И. А. Гончарова. В числе всех его заслуг перед родиной особо отмечено «кругосветное плавание, в качестве секретаря при адмирале Путятине, начальнике экспедиции, снаряженной правительством для обозрения русских колоний в Северной Америке и для заключения торгового трактата с Японией» [19, л. 11]. Подписные листы на сооружение памятника были номерные, и, судя по адресатам, архивная комиссия рассылала их по всему Морскому ведомству [18, л. 78]. Во «Фрегате “Паллада”» Гончаров мало описывает трудности военной службы команды. А трудностей было немало, чего только стоили «жестокие океанские непогоды». И писатель словно объясняет: «Зато какие награды! Дальнее плавание населит память, воображение прекрасными картинками, занимательными эпизодами, обогатит ум наглядным знанием всего того, что знаешь по слуху, – и, кроме того, введет плователя в тесное, почти семейное сближение с целым кругом моряков, отличных, своеобразных людей и товарищей. И этого всего потом из памяти и сердца нельзя выжить во всю жизнь: и не надо – как редких и дорогих гостей» [1, с. 678].

Дальнее плавание фрегата «Паллада» устроенное, по словам Путятин, «для поль-

зы и славы России», одно из самых известных и легендарных в истории военно-морского флота [3, л. 13]. Легендарным оно стало не только благодаря успешному заключению торгового трактата с Японией. А также состоявшему в команде фрегата писателю Ивану Александровичу Гончарову, который талантливым пером беллетриста около трех лет

описывал все, что видел во время путешествия. И открывшийся ему мир видел особенным взглядом творческого человека. Его путевые заметки, вылившиеся в отдельную книгу под названием «Фрегат «Паллада», и сейчас не потеряли своей свежести и актуальности, они читаются так же захватывающе, как и 170 лет назад (рис. 1–11).

Рис. 1. Иван Александрович Гончаров. Лист из издания А. Э. Мюнстера «Портретная галерея русских деятелей». 1864–1869 г. Подлинник [12, л. 31]

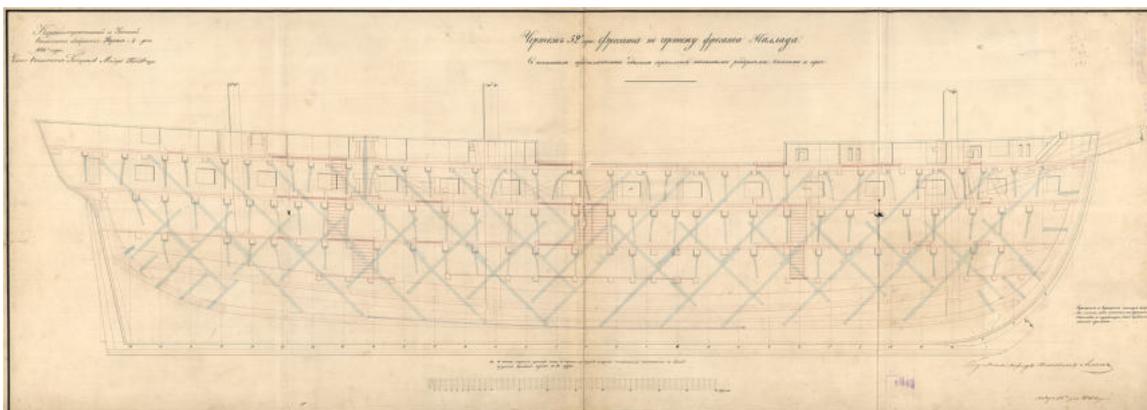

Рис. 2. Чертеж планируемых подкреплений корпуса 52-пушечного фрегата «Паллада». Корабельный инженер полковник И. А. Амосов. 26 января 1826 г. В красках. Подлинник [13]

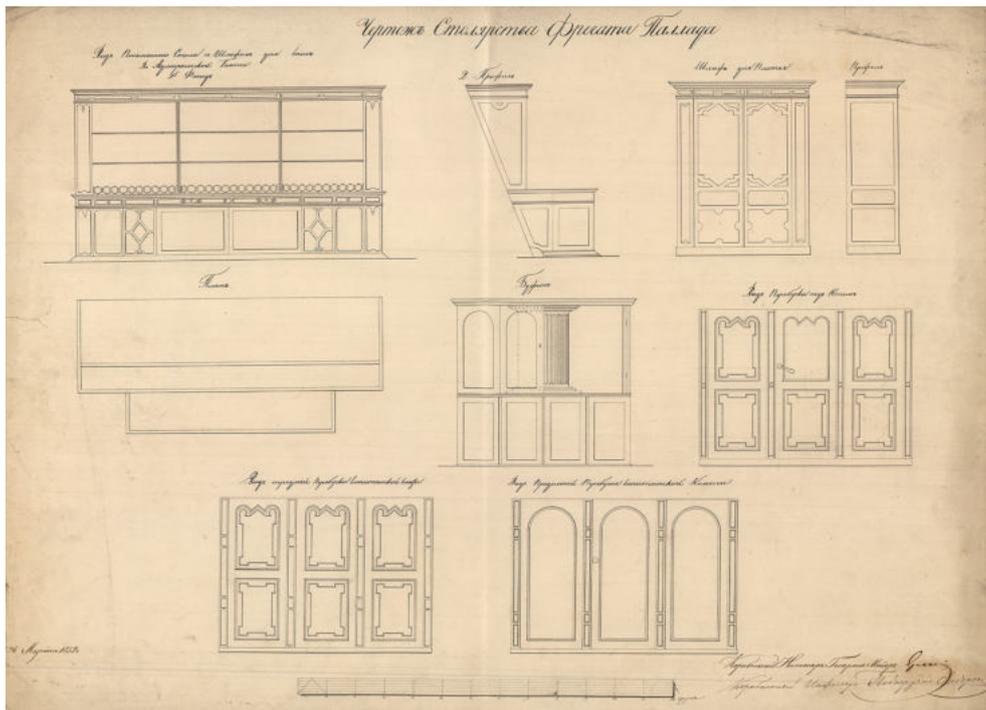

Рис. 3. Чертежи «столярства» фрегата «Паллада». 26 марта 1852 г. Подлинник [15]

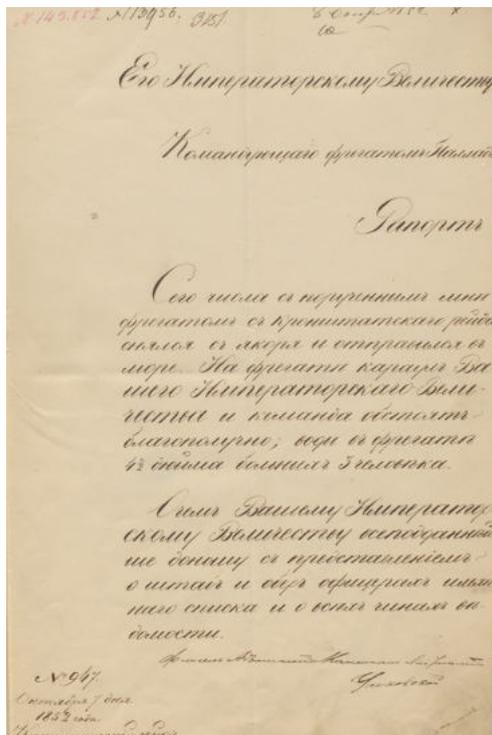

Рис. 4. Рапорт командира фрегата «Паллада» капитан-лейтенанта И. С. Унковского императору Николаю I о выходе из Кронштадта в дальнее плавание. 7 октября 1852 г. Подлинник [9, л. 7]

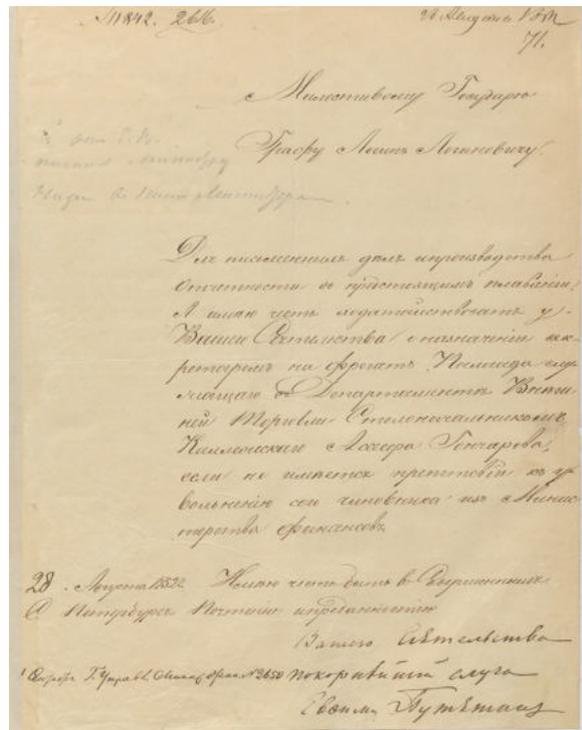

Рис. 5. Ходатайство генерал-адъютанта Е. В. Путятина вице-адмиралу Л. Л. Гейдену о назначении И. А. Гончарова секретарем в команду фрегата «Паллада». 28 августа 1852 г. (в конце документа автограф Е. В. Путятина). Подлинник [8, л. 71]

Список
Из Императорскому Штабу и обер-офицерам Фрегата
Паллада

Возраст Штабных и Обер-офицеров	Имя имени и фамилия
	<u>Василий Акимович</u> <u>Вице-Адмирал</u>
	Севин Штурман
	<u>Коллежский Секретарь</u> <u>Фридрих Петрович</u> <u>Контральор</u>
18 ^е Фригатовое Дежурство	Маслов Унтер-офицер <u>Контральор</u> <u>Иванович</u>
14	Маслов Купец
15	Маслов Мещанин
18 ^е Фригатовое Дежурство	Маслов Купец
25 ^е Фригатовое Дежурство	Маслов Купец
13	Маслов Купец
35	Маслов Штурман
	<u>Маслов</u>
24	Маслов Купец
20	Маслов Купец
23	Маслов Купец
	<u>Контральор</u>
Корпуса Фригатского Штаба	Маслов Купец
	<u>Контральор</u>
	Маслов Купец
	<u>Контральор</u>
Корпуса Морской Артиллерии	Маслов Купец
С. Петербургской Артиллерии	Маслов Купец
Александровской Артиллерии	Маслов Купец

Рис. 6. Список штаб и обер-офицеров команды фрегата «Паллада». 1852 г. Подлинник [9, л. 59]

	<u>Штаб-офицер</u> <u>Коллежский Секретарь</u>
25 ^е Фригатовое Дежурство . . .	Маслов Купец
Азиатское Дежурство	Маслов Купец
Дежурство Восточной	Маслов Купец
Морской	Маслов Купец
	<u>Контральор</u> <u>Коллежский Секретарь</u>
Корпуса Морской Артиллерии	Маслов Купец
С. Петербургской Артиллерии	Маслов Купец
Александровской Артиллерии	Маслов Купец
	Итого 21 человек

Е. В. Путятин

Рис. 7. Список штаб и обер-офицеров команды фрегата «Паллада». 1852 г. (в конце документа автограф Е. В. Путятин). Подлинник [9, л. 59 об.]

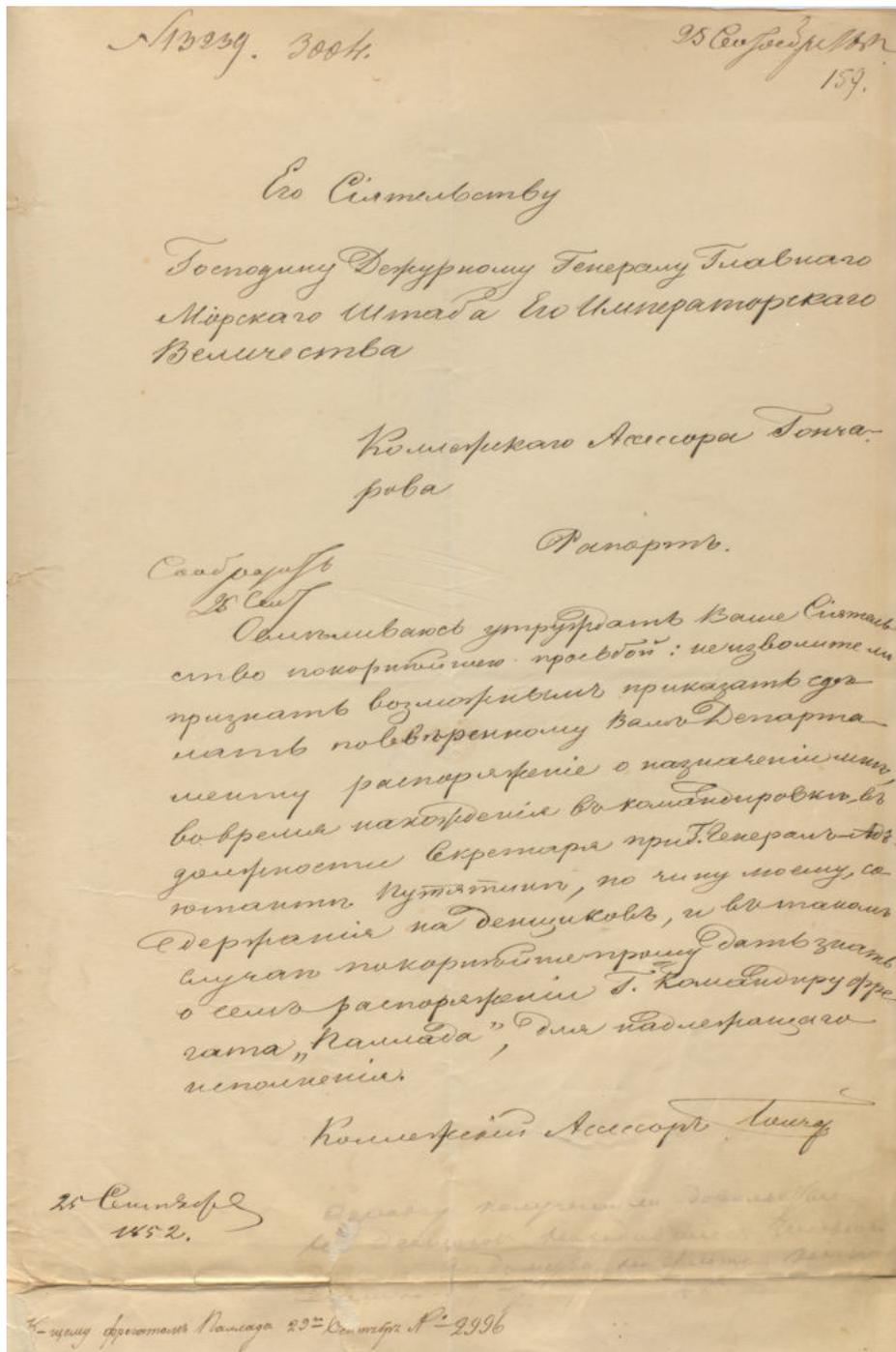

Рис. 8. Рапорт-автограф И. А. Гончарова в Главный морской штаб о назначении ему содержания на денщиков. 25 сентября 1852 г. Подлинник [8, л. 159]

Рис. 9. Копченая печать 52-пушечного фрегата «Паллада». 1853 г. Подлинник [4, л. 292]

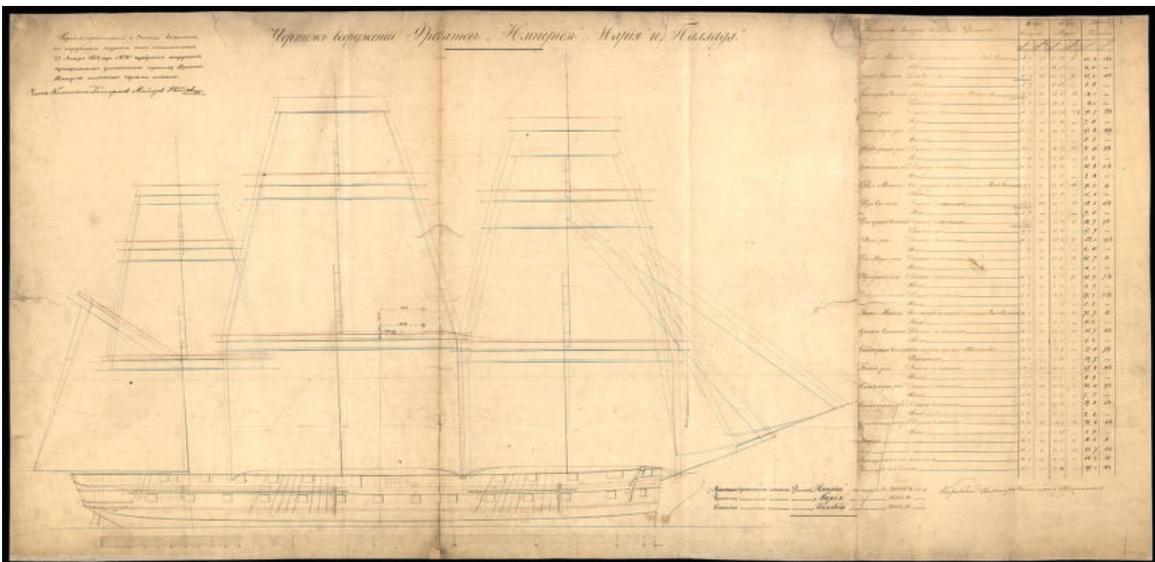

Рис. 10. Чертеж вооружения фрегата «Паллада». 1854 г. (синие линии). Подлинник [16, л. 1]

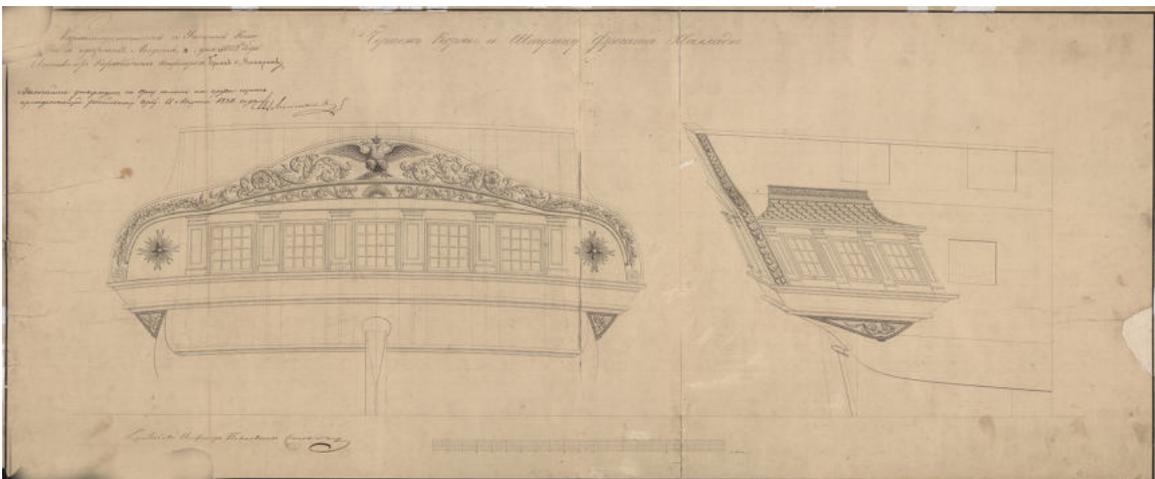

Рис. 11. Чертеж кормы и штурца фрегата «Паллада». 1832 г. Подлинник [14, л. 1]

Источники и литература

1. Гончаров И. А. Фрегат «Паллада»: очерки путешествия. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1949. 708 с.
2. РГА ВМФ (Российский государственный архив Военно-Морского флота). Ф. 4. Оп. 1. Д. 88.
3. РГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 303.
4. РГА ВМФ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 855.
5. РГА ВМФ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 862.
6. РГА ВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 221.
7. РГА ВМФ. Ф. 282. Оп. 2. Д. 6309.
8. РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 2. Д. 5794.
9. РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 2. Д. 5813.
10. РГА ВМФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 75.
11. РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 210.
12. РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 298.
13. РГА ВМФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 1430.
14. РГА ВМФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 5254.
15. РГА ВМФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 5255.
16. РГА ВМФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 5257.
17. РГА ВМФ. Ф. 384. Оп. 1. Д. 255.
18. РГА ВМФ. Ф. 407. Оп. 1. Д. 6212.
19. РГА ВМФ. Ф. 877. Оп. 1. Д. 36.

.....
Информация об авторе

Карчанова Людмила Мусалимовна – главный специалист, Российский государственный архив Военно-Морского Флота, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: zulay.331@mail.ru

Information about the author

Karchanova Ludmila M. – Chief Specialist of the Russian State Naval Archives, St Petersburg, Russia, e-mail: zulay.331@mail.ru
.....

УДК 94(100)

«Крымская война» на Кавказе?

Алексей Владимирович Постников

*Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова
Российской академии наук, г. Москва, Россия
e-mail: postnikov.1939@mail.ru*

В статье рассмотрена история «Кавказского фронта» Крымской войны 1853–1856 годов, являвшейся, по мнению автора, одной из первых мировых войн. Проанализированы некоторые признаки поддержки англичанами и прямые действия мусульманских монархий османов, и египтян в борьбе имама Шамиля, и горцев Кавказа с российским влиянием, а также прямое участие англичан в захвате и обороне армянской крепости Карс.

Ключевые слова: Имам Шамиль, кавказские войны, Османская империя, мусульманский Египет, Православие, Ислам, Карс

“Crimean War” in the Caucasus?

Alexey V. Postnikov

*Russian Academy of Sciences S. I. Vavilov Institute
of the History of Science and Technology, Moscow, Russia
e-mail: postnikov.1939@mail.ru*

The author considers the “Caucasian front” of the Crimean War (1853–1856), which was, in his opinion, one of the first world wars. He analyses some signs of British support and direct actions of the Muslim monarchies of the Ottomans and Egyptians for Imam Shamil and the highlanders of the Caucasus against Russian influence, and the direct participation of the British in the capture and defence of the Armenian fortress of Kars.

Keywords: Imam Shamil, Caucasian Wars, Ottoman Empire, Muslim Egypt, Orthodoxy, Islam, Kars

Крымская война по охвату стран и народов была, в сущности, мировой войной. Агрессивные действия союзников антирусской коалиции, распространялись далеко от Крыма [7; 8]. Особым, и до сих пор недостаточно изученным сюжетом, несомненно, связанным с её историей, является активное сопротивление Великобритании и Османской империи расширению российских владений на Кавказе и в Закавказье. Этот обширный горный регион, населенный народами, различной этно-конфессиональной принадлежности, часть из которых исповедовали ислам, издавна привлекал геополитические амбиции Османской империи, пытавшейся распространить на него своё влияние и использовать его для противодействия России во время русско-турецких войн. Так произошло накануне и во время Крымской войны. Большие надежды антирусская коалиция возлагала на национальное движение горцев Северного Кавказа, которых в это время (1834–1859 гг.) возглавил незаурядный вождь и хорошо образованный мусульманский теолог Имам Шамиль.

Из современных отечественных исследователей жизни и деятельности имама Шамиля следует отметить Доного Хаджи Мурада, доктора исторических наук, профессора кафедры истории Дагестана социального факультета Дагестанского государственного университета [2]. Шамиль родился в 1797 г. в аварской семье в селении Гимри в северном Дагестане. При рождении его назвали Али. Во время детских болезней, его переименовали в Шамиля, имя которого переводилось как «отражающий болезнь». И действительно, с новым именем юноша вырос здоровым, сильным и мужественным мужчиной и воином. К двадцати годам Шамиль овладел всеми предметами, преподававшимися в медресе на Северном Кавказе: арифметикой, арабской грамматикой и риторикой, Хадисом (преданиями о речах и деяниях Пророка Магомета), исламской юриспруденцией и теологией (калам). Это образование помогло в его последующих попытках основать на Северном Кавказе государство, базирующееся на принципах ислама. Первую тренировку в партизанских вылазках Шамиль получил под руководством Гази Мухаммада, первого духовного лидера дагестанских мусульманских повстанцев. Последователи этого лидера называли себя Мюридами, послушники которых, полностью

отвергали свою волю и подчинялись имаму. После гибели Гази Мухаммада в 1832 г. руководство братством Мюридов перешло к Иمامу Беку, который через два года был убит своими последователями. Это освободило путь Иمامу Шамилю, который в 1834 г. был избран оставшимися членами братства Мюридов и аланскими старейшинами в качестве руководителя дагестанцев и чеченцев в борьбе против русского царя и главы самого радикального исламского государства на Северном Кавказе.

Шамиль был многим больше, чем полководцем, он старался создать новое государство. В добавок к принятию Шариата в своём непосредственном окружении, он сформулировал ряд руководств для ситуаций, которые шариат не рассматривал, его собственный свод правил стал сводом законов под названием мизам, основанный на юридической системе, господствовавшей в Османской империи того времени. Помимо всего прочего, Имам Шамиль был ведущим дипломатом в своём государстве, именуя себя в официальной переписке Амир аль-му минин (с араб. «повелитель правоверных» – титул халифов и других мусульманских правителей). Мало кто из исламских правителей в этот период осмеливался использовать этот титул, который с 1258 г. использовал для себя сам турецкий султан. Однако при общении с российскими властями Шамиль, всегда оставаясь хитрым государственным деятелем, именовал себя «рабом божим» вместо Имам или Амир аль-му минин. Даже когда к нему не обращались непосредственно османские правители, Шамиль выражал уважение к османской власти, которое казалось превосходящим его уважение к русскому царю.

Однажды он сказал пленённому им грузинскому офицеру Илье Орбелиани: «Есть всего лишь один Бог на небесах и один падишах на земле – османский высший [правитель]». Правление Имама Шамиля породило множество легенд. Большинство историографии о нём и его государстве на арабском языке и включает как хроники его периода, так и его собственные декреты и письма. Среди этих источников большое значение имеет биография Шамиля, составленная его зятем, крупным дагестанским историком, правоведом, знатоком грамматики арабского языка и поэтом Мухаммад-Тахир аль-Карахи (1809–1880).

Вторую группу источников представляют в большинстве воспоминания русских офицеров, принимавших участие в военных действиях на Кавказе, путешественников, а также тех, кто познакомился с Шамилем после его пленения и во время его пребывания в России. Среди таких источников следует упомянуть воспоминания Марии Николаевны Чичаговой, жены чиновника, которому был поручен надзор за Шамилем во время ссылки, которая издала книгу Шамиль на Кавказе и в России [12]. Из воспоминаний офицеров следует отметить Записки о Шамиле охранявшего его в Калуге пристава при военнопленном, Апполона Ивановича Руновского [10] и Двадцать пять лет на Кавказе Зиссерманна [3].

Третью группу источников составляют многочисленные европейские описания Шамиля, в том числе Вагнера и Джона Бадделя. С разной степенью обоснованности эти работы противоречиво характеризуют Имама Шамиля то как фанатика и тирана, то как просвещенного искателя истины идеалиста-реформатора. Арабские источники обычно представляют Шамиля как преданного и хорошо информированного последователя Тарика Накшбандийа – одного из четырёх основных суфийских братств, которое получило своё название от Ходжа Шах Бахауддина Накшбанда. Арабы отмечают его также как реформатора, боровшегося с обычаями, противоречившими исламу.

Война Имама Шамиля с русскими не пользовалась поддержкой большинства населения Дагестана и Чечни. Особенно от неё страдало сельское население долин, чьё земледелие и животноводство были угнетены не только самими боевыми действиями, но и призывами на войну трудоспособных крестьян и постоянными поборам, которые с них взимались для продолжения войны.

После сдачи русским войскам Шамиль прожил остаток жизни в почётной ссылке сначала в Калуге под дружелюбным надзором местного администратора Чичагова и его заботливой жены. Позже он был переведён в более тёплый Киев. В конце жизни он получил разрешение совершить повторный хадж в Мекку. Во время своего паломничества помимо Мекки он посетил Дамаск и Багдад. Имам Шамиль умер в Медине в 1871 г., похоронен на кладбище Джаннат ал-Баки неподалеку от могил Фатимы, дочери пророка Магоммеда и четырех самых первых шиитских имамов.

Для советских историков, которые опубликовали соответственно озаглавленную книгу (преимущественно – сборник документальных источников) Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов (1953) [11]. Шамиль был антинародным бандитом и шпионом зарубежных держав. В определенной мере, по мнению профессора Бермингемского университета Ребекки Гулд (Rebecca Ruth Gould, UK) [13] они были правы, говоря о воспламеняющих последствиях деяний Шамиля, потому что Имам в своей борьбе с русскими действительно искал помощи иностранных государств. Он писал английской королеве Виктории, жалуясь, что ежегодно мы должны защищаться от новых армий неверных [а англиканцы протестанты не были «неверными» с позиций ислама?! – А. П.] захватчиков и просил королеву оказать ему помощь [13].

Он также обращался к султану Османской империи Абдулмекиду (правил в 1832–1861 гг.), прося о поддержке его борьбы с русскими и хвалясь тем, что пушки, порох и ракеты Конгрива (боевая ракета, разработанная Уильямом Конгривом и состоявшая на вооружении армии Великобритании) производились теперь в границах его имамата [13].

Но самые большие надежды Имам Шамиль связывал с более южными мусульманскими странами и, особенно с египетским пашой Мухаммадом Али и его сыном Ибрагимом, который в 1839 г. нанёс ошеломляющее поражение османам в битве при Незибе и впоследствии продемонстрировал превосходство египетских вооруженных сил над турками-османами. Вслед за этими новостями на Кавказе появлялись эмиссары Мехмет Али, действительные или самозваные, с устными и письменными посланиями. Два таких письма – одно от Мехмет Али-паши [11], другое – от Ибрагим-паши [6, с. 400, 401], – были опубликованы в русском переводе. Оба они обещали скорый поход на Россию, оба призывали мусульман Кавказа принять участие в этой военной кампании.

В конце концов, Россия была для Мехмет Али и его сына самой враждебной европейской державой. В письме, распространенном Ибрагимом-пашой в имамате Шамиля он обещал всем чеченским и дагестанским вождям и старейшинам, что они вместе завоюют провинции Дагестана, отберут у неверных россиян земли Ислама [13, с. 18]. Ниже приведён текст письма

Ибрагим-паши имаму Шамилю: «От Ибрагим-паши, сына Мегмета-Али-паши, имаму дагестанских народов Шамилю и верному моему сподвижнику Магомету, всем другим улемам и старшинам чеченским и всем дагестанским. Мир с вами. Аминь.

Поелику земли ваши, на которых вы ныне проживаете, по наследственному праву мне принадлежат, то я, с верою в единого Бога, выступаю для утверждения оных за мною. Я предводительствую несметными силами, и когда приведу силы эти после зимы, на весну, в пределы Грузии, то вы соберитесь в верховьях реки Терека; мы постараемся заодно, завоюем дагестанские области, возьмем Астрахань, Дербент и Анапу и изгоним неверных из областей исламизма!».

Подписано красными буквами: «Ибрагим-паша, сын Мегмета-Али-паши» и приложена неизвестно чья печать [4].

Единственным источником для этого документа является русский перевод, опубликованный в XIX в.

По связям Имама Шамиля с другими враждебными России странами, ждут своего исследователя материалы английской разведки, сохранившиеся в Департаменте восточных рукописей и книг Британской библиотеки (ранее – Библиотека и Архив Правления Индии), с которыми я имел возможность бегло ознакомиться в 1980-х гг. Эти источники однозначно свидетельствуют о значительной материальной поддержке англичанами и турками борьбе горцев Северного Кавказа под руководством Шамиля с Россией. В то время как Российская империя оказывала всяческую поддержку православным народам, находившимся под властью Османской империи, турки с не меньшей энергией внедряли ислам среди народов юга России и Кавказа. Эти действия несомненно осложняли военно-политическую обстановку в регионе непосредственно перед Крымской войной и во время её активных действий, вынуждая русских выделять силы для борьбы с горцами.

Только после завершения Крымской войны Российская империя смогла вернуться к окончательному присоединению Кавказа.

Весной 1859 г. императорские войска под командованием генерала от инфантерии Александра Ивановича Барятинского осадили Гуниб, Шамилю оставалось либо погибнуть, либо выговорить себе почётные условия сдачи.

Однако Шамиль затягивал переговоры. Тогда Барятинский 25 августа 1859 г. двинул свои подразделения на штурм Гуниба. Шамиль был захвачен в плен.

Российская империя милостиво относилась к своим побеждённым врагам. Шамилю были оставлены государственная казна (превращённая им в личную) и его гарем. Он также получил обещание, что в дальнейшем ему будет предоставлена возможность совершить паломничество в Мекку. Шамиля поселили в Калуге, где царское правительство взяло для него в аренду роскошный дом местного помещика Сухотина. Знатному пленнику была определена пенсия из российской казны в размере 15 тыс. р. в год. Его принял и беседовал с ним сам император Александр II. Шамилю было позволено ездить по России. Он с интересом наблюдал за новшествами технического прогресса, входившими тогда в жизнь – железные дороги, пароходы, телеграф; восхищался огромными каменными зданиями и храмами и т. д. Говорят, что под конец жизни он выразил сожаление, что так долго боролся с «белым царём». 26 августа 1866 г., в годовщину своего пленения, Имам Шамиль торжественно принёс присягу на верность российской короне.

В 1870 г. Шамиль совершил паломничество в Мекку, где, как и предсказывал, скончался на следующий год. Его похоронили в Медине. Шамиль явно не прогадал ни когда воевал, ни когда сдавался в плен. Он получил от жизни всё – богатство, власть, почитание и память о нём народов, которыми правил, а под конец жизни, утратив только власть, получил уважение от победившего его противника. У него было пять сыновей: Джемаль-Эддин (1829–1858), Гази-Мухаммад (1833–1902), Саид (погиб в младенчестве), Мухаммад-Шапи (1840–1906), Мухаммад-Камиль (1863–1951).

Если в отношении Шамиля мне не удалось исследовать документов, свидетельствовавших о прямой поддержке англичанами его борьбы с Россией, то другие активные действия англо-французских союзников Османской империи в поддержке её экспансии на Кавказе хорошо освещены в источниках и научной литературе. Причем, удачное отражение этой агрессии народами Кавказа и русскими войсками, по мнению многих авторов, помогли России пресечь посягательства Англии и Франции на всю территорию Крыма и Севастополь. Уже

через 12 дней после объявления Турцией войны России начались военные действия на Кавказе. 16 октября 1853 г. пятитысячной турецкой армией был атакован пост Св. Николая, который обороняли всего лишь две небольшие роты с двумя орудиями.

Несмотря на героическое сопротивление, силы были слишком неравными и пост пал. Дальнейшее продвижение турок было однако затруднительно, а через месяц ситуация изменилась в корне – 12 (24) ноября их 18-тысячный корпус был разбит под Ахалцихом семитысячным отрядом генерал-лейтенанта князя Ивана Малхазовича Андроникова. Уже через семь дней, 19 (1) ноября 1853 г. турецкая Анатолийская армия, насчитывавшая более 35 тыс. солдат, была разгромлена 10-тысячным отрядом генерал-лейтенанта князя Василия Осиповича (Иосифовича) Бебутова близ Башкадыклара, потери противника в шесть раз превышали русские, в ходе боя было взято множество пленных. Результатом этих двух побед стал решительный переход стратегической инициативы к русским. Не оправдались расчеты англичан на горцев Кавказа, из которых они хотели формировать отряды под командованием польских офицеров, бежавших из Варшавы после неудачного восстания шляхты против России в 1831 г. Однако предположения союзников никак не оправдались, горцы продолжали вести свою войну, из-за религиозных противоречий их отношения даже с турками были полны взаимного недоверия. А сформированный из грузин и армян 10-тысячный отряд ополчения, напротив, воевал на стороне России.

Весной 1854 г. турки попытались прорваться в Гурию. Их встретил отряд полковника Николая Дмитриевича Эрнстова (Эристави), в который входило всего три батальона пехоты, четыре орудия и несколько сотен гурийской и имеретинской милиции. Соотношение сил было явно не в пользу российской армии, но Эрстов первым стремительно атаковал противника, завязался штыковой бой, после которого ошеломленные турки стали отступать за реку Чолок.

4 (16) июня Н. Д. Эрстов, в составе гурийского отряда генерала Андроникова, принял участие в победоносной атаке на турецкие позиции на Чолоке. За свои подвиги он был отправлен в Петербург. Эриванский отряд генерал-лейтенанта барона Карла

Карловича Врангеля 17 (29) июля разгромил 15-тысячный корпус Селим-паши и через два дня без боя занял Баязет.

24 (5) июля 1854 г. близ селения Кюрюк-Дара, в окрестностях Карса, Александропольский корпус участвовал в сражении, которое фактически стало генеральным сражением всей войны на Кавказском фронте, в этой битве сошлись основные силы обеих сторон. Противник попытался окружить русский корпус, но Бебутов, выставив заслон против правого крыла турок, сконцентрировал атаку на левом фланге, затем атаковал центр, добившись успеха и там, довершил разгром.

В июне русская армия численностью в 25 000 чел. под командованием генерала Николая Николаевича Муравьева двинулась по направлению к Карсу. Годом ранее русский отряд во главе с генералом Бебутовым вступил в бой с турками в 30 км к югу от Карса и наголову разбил неприятеля. Турецкие войска пришли в полное расстройство и укрылись за стенами города. В то время генерал Бебутов не воспользовался плодами своего успеха, и теперь это предстояло сделать Муравьеву. Опираясь на опыт прошлого года, русские не ожидали от турок серьезного сопротивления. Однако Муравьев не мог предположить, что за прошедшее время гарнизон Карса претерпел значительные изменения.

Месяца через два после успешной операции Бебутова 1854 г. англичане послали в Карс трёх экспертов, чтобы оценить состояние и боевой дух турецких войск и наладить связь с французскими советниками, если таковые там окажутся. Во главе этой делегации был артиллерист полковник (впоследствии генерал) Фенвик Уильямс, канадец из Новой Шотландии, который долго служил в Малой Азии и одно время был откомандирован в турецкую армию. О результатах своей миссии Уильямсу надлежало докладывать непосредственно британскому командующему Реглану.

Эксперты нашли состояние Карса ужасающим. Турки увеличили численность гарнизона за счёт насильно призванных в армию армянских рекрутов, и дезертирство в Карсе стало обычным делом. Солдаты не получали жалованья, новобранцев никто не обучал, оружие было устаревшим. Госпитали вообще отсутствовали, и уход за ранеными был самым примитивным. Повсюду

процветало мздоимство, об эффективности обороны города говорить не приходилось. Отсутствие на положенном месте офицеров никого не удивляло – они старались как можно чаще бывать на виду у начальства, в Константинополе, чтобы не потерять своих постов.

Уильямс решил, что единственный способ исправить положение состоит в том, что он берёт под свой контроль турецкий гарнизон и оборонительные сооружения. С помощью двух своих коллег – артиллериста и военного врача – и при поддержке нескольких иностранных офицеров, состоящих на службе в турецкой армии, Уильямс рьяно взялся за дело. Из Константинополя прибыли военные специалисты, в том числе инженеры. Начались регулярные занятия с личным составом, повысилась дисциплина, появились лазареты. Стены Карса и орудийные огневые позиции были усилены. К весне Карс представлял собой хорошо укрепленный город с полностью реформированным дееспособным гарнизоном численностью 17 000 чел. Уильямс за короткий срок сотворил настоящее чудо. К 16 июня армия генерала Муравьева подошла к стенам Карса. Первый натиск пехоты и кавалерии на высоты к востоку от города турки отразили. Русские войска перегруппировались и возобновили атаку. На этот раз она оказалась успешной, турки отступили, русские заняли высоты и перерезали основную дорогу, по которой осуществлялось снабжение Карса. Неожиданное для Муравьева новое качество турецкой армии, оказанное ею яростное сопротивление, привело генерала к решению не рисковать жизнью своих людей понапрасну, отказаться от штурма и перейти к осаде города.

Блокада города, лишённого продовольствия, длилась пять месяцев. К сентябрю гарнизон Карса оказался в тяжёлом состоянии: в городе свирепствовала холера, рацион уменьшился до предела, слабых лошадей резали на мясо, дезертирство стало обычным делом, назревал мятеж – а о подкреплении не было ни слуху, ни духу. Уильямс заявил, что Карс падёт в течение двух месяцев. Вот отрывок из письма капитана Томаса:

«У нас хорошо укрепленная позиция, но весьма прискорбное состояние дел со всем необходимым для ведения военных действий. Катастрофически не хватает бое-

припасов, провизии, обмундирования. Дисциплина ослабла. Лагерь русских находится на другой стороне долины, до него не более двух с половиной миль. От штурма их, как я думаю, удерживает только вязкая почва – вот уже десять дней льёт непрекращающийся дождь. Связь с тылом у нас почти полностью прервана, последнюю почту из Англии перехватили русские. Генерал Муравьев любезно прислал нам личные письма, но все газеты и депеши оставил у себя...».

Русская армия упорно придерживалась осадной тактики, совершая лишь редкие нападения то на одно, то на другое укрепление города. С приходом зимы на смену палаткам пришли незамысловатые хижины – русские чувствовали себя в них вполне уютно. Положение осаждённого гарнизона оставалось крайне тяжёлым, а Константинополь хранил молчание. Надежды на подкрепление не было. Несколькими месяцами ранее в Крыму Омар-паша сообщил Пелисье и Симпсону о своём желании идти на помощь Карсу, но для этого ему требовался транспорт, которым располагал британский флот. Однако англо-французское командование сразу же отвергло эту идею Омар-паши, поскольку внушительный турецкий контингент был необходим у Севастополя. После получения свежих сведений о близкой катастрофе в Карсе Омар-паша возобновил своё предложение. Симпсон на этот раз отнёсся к нему сочувственно, но Наполеон III решительно выступил против. Главной нашей целью является Севастополь, а не Карс, – заявил французский император. Разгневанному и разочарованному Омар-паше оставалось только ожидать дальнейшего развития событий в Армении. Следует отметить, что с самого начала миссии Уильямса французы полагали её британской уловкой, цель которой – извлечь стратегические и экономические выгоды в ущерб Франции.

25 ноября холера, голод, отсутствие снабжения и мороз заставили Уильямса сдать город. С песнями и криками «Ура!» русские вошли в Карс – и с ужасом увидели огромное скопление людей, слишком обесиленных, чтобы покинуть город, многие из которых были на пороге смерти. На следующий вечер Муравьев пригласил к себе Уильямса и его старшего офицера на обед. Приветствуя пленённого канадца, русский генерал обратился к нему с такими словами: *«Генерал, ваше имя войдёт в историю.*

Потомки будут поражены стойкостью, мужеством и дисциплиной, выказанными осаждённой армией».

Уильямс, весьма раздражённый отсутствием подкрепления из Константинополя, всё же, сохранил верность сражавшимся под его командованием турецким войскам и отдал им дань уважения: «Они пали на своих постах, погибли в осаждённом лагере, как и приличествует храбрым солдатам, которые остаются верными своему долгу, пока сохраняется хоть слабый отсвет надежды спасти от неприятеля порученное их защите место» [9]. Трудно отрицать благородство признания шотландцем Уильямсом

(хотя и не вполне заслуженного) мужества турок в обороне завоеванного ими у армян города Карса. Однако мы не можем забыть того неоспоримого факта, что как британцы, так и турки воевали на ЧУЖОЙ земле, а генерал Муравьев освобождал город своих единоверцев христиан от непрощенных заморских «гостей», причём делал он это с исключительной заботой о своих бойцах, не подвергая их смертельной опасности прямого штурма хорошо укреплённой крепости. Во многом именно за это российский император пожаловал ему почётное право именоваться Николай Николаевич Муравьев-Карский.

Источники и литература

1. Гаммер М. Шамиль и мусульманские державы: оттоманские турки, каджары и Мехмет Али Египетский // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2006. № 1. С. 37–45.
2. Доного Хаджи Мурад. О взаимоотношениях имама Шамиля с турецким султаном. URL: https://www.academia.edu/30876180/O_VЗАИМООТНОШЕНИЯХ_ИМАМА_ШАМИЛЯ_С_ТУРЕЦКИМ_СУЛТАНОМ (дата обращения: 25.06.2022). Текст: электронный.
3. Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе: (1842–1867): в 2 ч. Ч. 1. 1842–1851. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1879. 424 с.
4. История Кавказа. URL: https://vk.com/wall-75535816_2315110?ysclid=l4tp7lkmgl631494628 (дата обращения: 20.05.2022). Текст: электронный.
5. Мультипортал. Всё о Чеченской Республике. URL: <https://checheninfo.ru/?ysclid=l4tp11bnms15747631> (дата обращения: 25.06.2022). Текст: электронный.
6. Н. В. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе. Текст: электронный // Кавказский сборник. 1889. Т. 13. URL: https://drevlit.ru/docs/kavkaz/XIX/1840-1860/N_V/text10.php?ysclid=l4tqqomyib180106129 (дата обращения: 25.06.2022).
7. А. В. Офицеры Российского военно-морского флота и другие обитатели Российских владений на Тихом океане в воспоминаниях некоторых англичан – участников интервенции англо-французской эскадры в 1854–1856 гг. // Вопросы географии. 2020. № 151. С. 542–555.
8. Постников А. В. Соловецкий ставропигиальный монастырь, Архангельск, другие поморские поселения и святые обители в героическом сопротивлении агрессии и блокаде англо-французского отряда кораблей на Белом море во время Крымской войны 1853-1856 годов // Православие и общество: грани взаимодействия: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Чита, 14 декабря 2018 г.) / отв. ред. Е. В. Дроботушенко. Чита: ЗабГУ, 2018. С. 27–33.
9. Почему Россия не потеряла Севастополь после Крымской войны? URL: https://zen.yandex.ru/media/vzglad_istorika/pochemu-rossiia-ne-poterjala-sevastopol-posle-krymskoi-voiny-5dfbb0a92beb4900b2c070e7 (дата обращения: 25.06.2022). Текст: электронный.
10. Руновский А. Записки о Шамиле. М.: Внешторгиздат, 1989. 175 с.
11. Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов: сборник докум. материалов / сост. М. М. Габричидзе; под ред. Ш. В. Цагарейшвили. Тбилиси: Госиздат Грузинской ССР: Сектор полит. лит., 1953. 557 с.
12. Шамиль на Кавказе и в России: биограф. очерк / сост. М. Н. Чичагова. М.: Коммерч.-произв. центр «Тонар» Сов. фонда милосердия и здоровья, 1991. 206 с.
13. Rebecca Imam Shamil: (1797–1871). Текст: электронный // Russia's People of Empire: Life Stories from Eurasia, 1500 to the Present, edited by Stephen M. Norris and Willard Sunderland, Indiana University Press, 2012, P. 117–127. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctt16gzgcb.15> (дата обращения: 26.06.2022).
14. Rene Cattai Bey. Leregne de Mohamed Alydapres les archives russes en: Publ. spec. T. 3. La mission du comt (1936), XVII, 906 p.

Информация об авторе

Постников Алексей Владимирович – доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Международной академии истории науки и техники (Па-

риж), член-корреспондент Европейской академии наук (Женева), главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук, г. Москва, Россия, e-mail: postnikov.1939@mail.ru

Information about the author

Postnikov Alexey V. – Doctor of Technical Sciences, Full Professor, The Full Member of the International Academy of the History of Science and Technology (Paris), The Corresponding Member of the European Academy of Sciences (Geneva), Chief Scientific Officer of Russian Academy of Sciences S. I. Vavilov Institute of the History of Science and Technology, Moscow, Russia, e-mail: postnikov.1939@mail.ru

.....

УДК 94(5)

Политика Британской империи в Китае в период «китайских осложнений» на страницах газеты «Восточное обозрение» (1899–1901)

Елена Васильевна Севостьянова

*Читинский институт – филиал Байкальского государственного университета, г. Чита, Россия
e-mail: sevostyanova.elena@mail.ru*

В статье рассматривается информация, которую аккумулировала и транслировала своим читателям самая авторитетная газета Восточной Сибири о политике Британской империи в Китае в сложный для Китайской империи период восстания ихэтуаней. Сплошной просмотр газеты «Восточное обозрение», выборка и анализ материалов позволяют утверждать, что в публикациях газета старалась давать разностороннюю информацию, и, воздерживаясь от резких оценок, объективно отражать непростые геополитические отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: Китай, «Восточное обозрение», восстание боксеров, ихэтуани, политика Британской империи

The Policy of the British Empire in China During the Period of “Chinese complications” on the Pages of the Newspaper “Eastern Review” (1899–1901)

Elena V. Sevostyanova

*Chita Institute – Branch of Baikal State University, Chita, Russia
e-mail: sevostyanova.elena@mail.ru*

The article examines the information that was broadcast to its readers by the most authoritative newspaper in Eastern Siberia about the policy of the British Empire in China during the difficult period of the Ihetuan uprising for the country. Continuous viewing of the newspaper “Eastern Outlook”, sampling and analysis of materials allow us to assert that the newspaper tried to provide comprehensive information in its publications, and, refraining from harsh assessments, objectively reflect the difficult geopolitical relations in the Asia-Pacific region.

Keywords: China, “The Eastern Review”, Boxer Rebellion, Ihetuani, Policy of the British Empire

Газета «Восточное обозрение» с момента создания в 1882 г. планомерно публиковала материалы о восточной политике России и о Китае. В силу транграничного положения части российских территорий, интерес к этой теме лавинообразно нарастал в периоды политических кризисов и военных событий. Илийский кризис, война Японии и Китая, боксерское восстание в Китае и участие в его подавлении восьми государств получали подробное освещение на страницах газеты [1].

В период «китайских осложнений» (восстания ихэтуаней 1898–1901 гг.) и в связи с мобилизацией в трансграничных регионах России, корреспонденты «Восточного обозрения» не раз фиксировали возросший интерес со стороны самых широких слоев населения к событиям в Китае и к «вынужденным союзникам» – странам-участницам анти-боксерского похода, в том числе Великобритании [2]. Целью статьи является рассмотрение типа и характера материалов, в которых читатели могли почерпнуть

сведения о внешнеполитических интересах Британской империи, ее целях и соотношении английского и русского влияния в Китае. По типу сообщений основные материалы можно разделить на несколько групп: телеграммы российских и зарубежных телеграфных агентств; дайджесты иностранной и российской центральной и региональной прессы; специальные подборки в рубриках «К событиям в Китае»; сообщения корреспондентов газеты; иногда обобщающие выводы давались в «Сибирских очерках» и редакционных статьях. Общее количество публикаций в каждом номере зависело от развертывания ситуации противостояния в Китайской империи. Так, если в номере за 1 июня 1900 г. в газете было размещено 8 телеграмм РТА, сообщающих о положении в Китае, то 6 июня уже 32 (в том числе из Шанхая – 8, Тяньцзиня – 6).

Как считают исследователи, поражение России в Крымской войне впервые сделало превосходство Британии явным для массы образованных россиян, а среди наиболее негативных черт британской внешней политики самой значимой была экспансия [3]. Российскую имперскую власть настораживало усиление влияния основного соперника в Азии – Британской империи, которая безоговорочно доминировала в торговле в Китае [4]. Война Японии с Китаем 1894–1895 г., выдвинула в лице Японии новую нарождающуюся силу и указала, в то же время, на удивительную слабость и косность Китая [5]. Заключение Симоносекского договора было встречено на Западе с энтузиазмом – пал последний барьер на пути проникновения европейского и американского капитала в Китай, который открывал для внешней торговли четыре новых порта и расширял сферу иностранного судоходства внутри страны. Как писал в 1900 г. «Русский вестник», после окончания войны «заманчиво было воспользоваться слабостью Китая», что сразу проявилось в намерении западных держав создать из него «арену для денежных оборотов» и «обширный и благодарный» рынок для сбыта товаров [6]. Особый восторг выражала британская пресса, ибо Англия, занимавшая ведущие экономические позиции, имела наибольшие возможности к реализации полученных прав [7].

В последнее десятилетие XIX в. расширение иностранного влияния в Китае было всегда в центре внимания газеты.

«Восточное обозрение», выбирая материал для дайджестов российской и иностранной прессы, нередко публиковало фактическую информацию, оценивая ее как «важную или интересную». Например, «очень интересную заметку» разместило летом 1891 г. о количестве иностранцев в 21 открытом порте Китая (источник – китайская газета «Ши-бао», издаваемая в Тянь-Цзыне) [8]. Всего в портах было 8 107 иностранцев при 552 фирмах (янь-хань). В том числе: 3 317 англичан (327 домов янь-хань), американцев 1 153 (32 дома), японцев 883 (29), немцев 648 (80), португальцев 618 (5), русских 131 (12 домов). Тут же «словно для успокоения китайцев», что иностранцев в Китае «незначительная горсть» приводилось количество китайцев в этих портах (5 630 000 китайцев). В марте 1899 г. была напечатана заметка, которая оценивала сферы иностранного влияния в английских квадратных милях. При таком географическом подходе к геополитической ситуации и распределению иностранных концессий, первое место занимало российское влияние – 2 045 055 м (включая Монголию – 1 500 000 м, Маньчжурию – 400 000 м, Чжили – 58 949 м, Кианг-Су – 86 608 м). На втором месте была Англия – 476 707 м, на третьем – Франция с 330 229 м. Значительно отставали Германия (65 104 м) и Италия (72 630 м) [9]. По оценке «Восточного обозрения», такая обширная территория иностранного влияния «нисколько не способствовала внутреннему благоустройству» Китая – восстания во внутренних провинциях все разрастались. С 1899 г. частой темой публикаций становится строительство железных дорог и борьба иностранных держав за концессии, в частности, разделение концессий между Англией и Россией.

В начальный период восстания ихэтуаней «Восточное обозрение», как и все газеты, больше всего волновал вопрос о фактической стороне дела: что происходит, живы ли миссионеры и европейцы в Пекине, жива ли императрица Китая; затем пресса активно стала обсуждать причины восстания; позже – какое количество войск способна выставить каждая из восьми союзных держав [10].

По мнению части европейских корреспондентов, восстания ихэтуаней показывали «признаки ослабления английского влияния», энергичное стремление Пеки-

на «освободиться вообще от европейского влияния», господство в народе и в войсках «по отношению к британцам чувства, близкого к презрению» [11]. Во внутренних водах Китая все чаще стали повторяться пиратские грабежи иностранных торговых судов. Английские купцы жаловались, что китайское правительство ничего не делает для обеспечения обещанной безопасности негодяев на реке Си-Киангу. Английский посланник в Пекине К. Макдональд потребовал от китайского правительства выполнения обязательства, на что французская газета «Temps» напомнила, что река пересекает и территории французского влияния и потому посланнику их страны необходимо, по меньшей мере, последовать примеру англичан и «дать почувствовать» китайским властям, что их прямой долг – принять все меры, чтобы европейская торговля не страдала от грабителей.

Традиционным был сюжет о соотношении военных английских и российских сил. Так, К. Каутский в феврале 1900 г. писал, что, имея сильный флот («на море переросла давно всех своих противников»), но слабую сухопутную армию, Англия старается «жить в мире с Россией» – уступает ей в Китае и Персии [12]. После начала восстания ихэтуаней, об общем размере морских сил, собранных державами в китайских водах, газеты сообщали следующие фактические данные: Япония «имела всегда под рукой» 57 судов, из них 14 судов в китайских водах. Англия выставила 24 судна, США – 22, Франция – 18, Россия в этих водах имела 15 судов, Германия «занимала последнее место в этом ряду» с 7 судами. По сведениям шанхайского «Агентства Дальциеля», в середине июня возле Таку находились 29 военных судов: 9 русских, 3 английских, 3 германских, 3 французских, 2 американских, 2 японских и 1 итальянское. Такое скопление военных сил «Восточное обозрение» посчитало опасным («при отсутствии сердечности» среди держав, это становится «новой угрозой миру») и выражало надежду, что «Европа в виду опасности воздержится от сведения личных счетов и всю свою энергию» направит на подавление «грозной агитации Большого кулака» [13].

Некоторые иностранные газеты высказывали мнение, что России, по-видимому, предстоит главная роль в подавлении восстания, поскольку только Россия распола-

гает поблизости достаточным количеством сухопутных войск. В июле 1900 г. газета приводила данные о том, что Россия «в состоянии быстро выставить» на театр войны 20–30 тыс. чел., Япония («если бы на это последовало приглашение держав») могла бы выслать корпус в 20 тыс. Америка посылает 4 500 с Филиппин, Франция – 3 500 из Сайгона и Тулона, Англия мобилизовала две англо-индийские бригады, Германия, уже имеющая около 3 000 в устье Пейхо, собирается выслать из Киля еще 3 000. Таким образом, через 5–6 недель («если не водворится мир»), в Китае будет 60–80 тыс. союзных войск, «достаточно, чтобы занять все те пункты, где цивилизованный мир должен защищать свои интересы» [14].

«Восточное обозрение» не раз отмечало возросший интерес к газете в связи с событиями в Китае. Коллективные прочтения газеты устраивали в уездных городах и сельских поселениях Иркутской, Енисейской губерний, Забайкальской области. В отношении причин восстания в Китае версии были разные, в том числе народная молва виновницей событий нередко объявляла Англию – «все пакостит англичанка», «англичанка бунтует». Вариаций слухов о соперничестве Англии и Китая было много. Так, «сельские политики» таежного села Култук «развернув крепко сомкнутые крылья своей фантазии», рассказывали, что императрица китайская, желая похвастать своими войсками, отправила английской мешочек маку, намекая на огромную численность солдат, равную числу маковых зерен. Рассерженная англичанка в ответ отправила мешочек «горошчатого перца»: «войска, хотя и меньше, да, зато будет погорче». Среди причин называли и коммерческое соперничество, и закулисные интриги Англии, которой «волнения в высшей степени выгодны», особенно английским чаоторговцам, желающим ввести во всеобщее употребление цейлонский чай взамен китайского [2].

«Коварной» Англии, для которой события в Китае хронологически совпали с англо-бурской войной желали в ней «постыдного поражения». Газеты писали, что война в Южной Африке затянется надолго: ободренные неблагоприятным для англичан положением на Востоке, буры напрягают все свои силы, чтобы продержаться как можно дольше [15]. Корреспондент из г. Верхнеудинск рассказывал, что «успехи

или неудачи бурского оружия» и «военные таланты генерала Жубера» так волнуют горожан, что каждые три дня после получения почты только и обсуждений – сколько взято в плен англичан. Случайно оказавшийся в городе механик-англичанин «встретил такую враждебную манифестацию», что сбежал. В дайджестах «Восточное обозрение» не раз размещала материалы с бурофильскими оценками: мы «присутствуем при беспримерной борьбе маленького народа с могущественнейшей в мире державой», в которой «энергия и упорство буров прямо поразительны» [16]. Такие настроения были распространены широко. Так, на Всемирной Парижской выставке Генеральный консул Трансвааля отметил, что в альбоме отзывов в выставочном отделе его страны, собравшиеся в Париже «представители русской печати высказывают самые горячие пожелания окончательному торжеству Южно-Африканской республики в славной борьбе за независимость и свободу» [17]. Некоторые газеты настолько были проникнуты антипатией («до ненависти») к англичанам и «самыми лучшими чувствами к бурам, что «теряли здравый смысл», не допуская «даже малейшей попытки критически» рассмотреть ситуацию; публике транслировались не столько факты, сколько «шаблонные» восклицания и рассуждения: «коварный Альбион», «нашествие нового Аттилы» [18]. Сложившиеся англофобские и бурофильские настроения, по мнению «Восточного обозрения», не давали возможности рассмотреть ситуацию объективно. «Восточное обозрение» в редакционной статье задавало вполне резонный вопрос – «почему же тогда патриотическое желание императрицы охранить Китай от вторжения европейцев не возбуждает никаких восторгов?» [19].

Европейскую прессу вопрос англо-бурской войны волновал еще и в связи с событиями в Китае. Так, “Morning Post” писала, что Россия «ошибается, если думает, что у Англии руки не свободны». По мнению «Восточного обозрения», «менее чем дружественное» настроение перед лицом всеобщей опасности говорило о «крайней степени недоверия», а «недоверие» Англии к России выражалось «более чем откровенно». Так, “Times” «настаивала определенно», что Англия в усмирении боксеров должна играть первую скрипку; “Morning Post” заявляла, что «с некоторых пор» Россия присвоила новую миссию в Китае, «которую можно выра-

зить формулой»: сначала покровительствовать, затем присоединить, а «в заключение совершенно изгнать» англичан из Китая; нередко сообщалось о возможном союзе Англии и Японии, как угрожающем интересам России.

«Восточное обозрение» не пропустило сообщения о поставках в Китай вооружения и военном обучении китайцев Англией и Германией. Так, товарищ военного министра Британии Уиндгэм заявил в палате общин, что Англия с 1895 г. продала Китаю 71 тяжелое орудие с 11 740 снарядами, 123 легких орудия с 49 400 снарядами, 297 скорострельных пушек с 4 228 400 патронами. На что скептически отреагировала “Frankfurter Zeitung”, написавшая, что в действительности Англия продала гораздо больше, а цифры, приведенные Уиндгэмом, относятся только к двум английским фирмам [20]. По слухам, в Тяньцзине был найден документ, в котором предлагалось вице-королю поставить все вооружение и амуницию для целого корпуса и снабдить его офицерами. По другим сведениям, английская фирма получила заказ на поставку 20 млн патронов. Впрочем, газета приводила данные “Frankfurter Zeitung” о завозе вооружения и Германией.

В передовой редакционной статье 17 июня 1900 г. «Восточное обозрение» писало, что «события в Китае опасны для Европы в двойном отношении» [21], кроме помощи миссионерам и европейцам в Китае, тревожит другой вопрос – как отразятся усилия держав (оказавшихся «вынужденными союзниками») подавить восстание на их взаимных отношениях: сумеют и захотят ли все союзники действовать солидарно, не добиваясь каких-либо особых преференций от китайского правительства вроде «новых приобретений под шумок расправы с китайскими бунтовщиками». По мнению редакции, события не дают «достаточно материала для определенного ответа на этот вопрос». Единства не было и в британской прессе. Одни английские газеты обсуждали возможность российской оккупации северных провинций Китая и «решительно заявляли», что Англия не может быть «безучастной зрительницей подобного события». Другие утверждали, общая серьезная опасность на время «заставит заглушить ревность», что между Англией, Германией, США и Японией «единение существует» и что Россия не захочет прерывать исполнение своих восточноазиатских планов войной

с Китаем или другими державами, а Франция пойдет в этом отношении за своей союзницей Россией. Возможное расширение английского влияния не могло не волновать и китайцев. По сообщению "Times", два вице-короля – Ханькоу и Нанкина – опасаясь английских захватов, не хотят, чтобы мятеж стал предлогом для занятия англичанами главных портов на реке Янцзы. С другой стороны, они опасались и антиевропейского направления политики императрицы, потому предполагали поддерживать порядок своими силами и под свою ответственность [22].

В зоне боевых столкновений согласия между государствами-союзниками, видимо, было достичь проще. Согласно телеграмме вице-адмирала Алексева военному министру от 18 июня, число международных союзных войск на китайской территории достигло 16 000, из них 10 000 находились в Тяньцзине под командованием русского генерала А. М. Стесселя [23]. Бродрик заявил, что английское правительство предписало послу К. Макдоналду и адмиралу Семуру «действовать согласно с прочими державами», оказывать «содействие тем китайским властям, которые способны поддерживать порядок», между державами «господствует полное согласие» [24]. Начальник английской эскадры в Таку сообщал в адмиралтейство, что начальники эскадр действуют «в полнейшем согласии с русским вице-адмиралом, как самым старшим офицером» [25]. Однако по мере военных побед и вытеснения мятежников, опасения усиления одной из держав стали звучать все чаще. В сентябре 1900 г. пекинского корреспондента "Times" тревожило, что русские заняли господствующее положение в Пекине, куда ежедневно пребывают новые русские войска и скоро они по численности превзойдут все вместе взятые войска держав [26].

После занятия Пекина союзными войсками (по словам Ламсдорфа, «более скорого, чем следовало ожидать» [27]), газета с нетерпением ожидала условий договора между союзниками и Китаем. Однако на совещании 29 мая разногласие «достигло высшей точки» и с тех пор переговоры «совершенно замерли» [28]. В июне 1901 г. газеты сообщили, что посланники открыто признали – «виды на окончание переговоров становятся все мрачнее», «дело стоит на мертвой точке». Главное противоречие между Россией и Англией касается урегули-

рования «подробностей плана уплаты вознаграждения». К тому же, Британия не желала, чтобы государства, имевшие в Китае «совсем ничтожные торговые интересы», имели на комиссии по пересмотру таможенного тарифа такой же голос как британская корона [29]. По сообщению газет, Ли Хунчжан, назначенный императорским Китаем подписать заключительный протокол с державами, уверял, что Китай готов принять все «благоразумные условия», но ему хочется «наконец-то знать, чего собственно державы желают». От британского правительства и лорда Солсбери английская пресса требовала ответа на два вопроса: «Заключено ли соглашение с Россией о разделе сфер влияния?» и «Отказывается ли Англия от интересов в Маньчжурии в отчет на признание ее прав в долине Янь-цзы?»

Таким образом, политика Британии в Китае была в фокусе многих материалов и в целом газета «Восточное обозрение» старалась давать разностороннюю информацию, воздерживаясь от резких оценок, объективно отражать непростые геополитические отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Обладающий гораздо большей информацией поверенный в делах в Лондоне П. Лессар в депеше от 2 (15) августа 1900 г. писал, что трудно понять, «какими общими началами англичане руководятся в своих действиях на Дальнем Востоке», вероятно, к событиям на севере Китая относятся «с точки зрения возможности поспорить союзников между собой» и «отвлечь их внимание от юга» (долины Янц-цзы) [30]. Важно отметить, что в редакционных статьях и политических комментариях газета «Восточное обозрение» последовательно напоминала, что нельзя забывать про интересы самого Китая. Газета последовательно проводила мысль о том, что проявлением крайнего цинизма является ситуация, когда государство и армия ставятся «в прислужники господ капиталистов». Подчеркивала, что никто не сомневался, что «соединенная щетина европейских штыков справится с дерзостью кулака, хотя бы и большого», но «для нас как соседей Китая гораздо важнее» не завоёвывать и принуждать, а оказывать культурное влияние [31]. В целом оставаясь в русле европоцентристской «цивилизаторской миссии», характерной для многих современников, «Восточное обозрение» считало, что «единственный исход – побольше свободного влияния, поменьше насилия».

Источники и литература

1. Война в Китае. Текст: электронный // Русский вестник. 1900. № 6. URL: <https://pomnirod.ru/materialy-k-statyam/vojna/russkij-pohod-v-kitaj-v-1900-1901-g.g/vojna-v-kitae-russkij-vestnik-№6.-1900-g.html> (дата обращения: 10.06.2022).
2. Война в Южной Африке. Иностранные известия // Восточное обозрение. 1900. 6 июля.
3. Г-ъ. Два слова по поводу англичан // Восточное обозрение. 1900. 5 мая.
4. Ивановский А. Иностранцы в Китае // Восточное обозрение. 1891. 21 июля.
5. Иностранные известия. Китай. // Восточное обозрение. 1899. 20 марта.
6. Иркутск, 13 июня // Восточное обозрение. 1900. 13 июня.
7. Иркутск, 17 июня // Восточное обозрение. 1900. 17 июня.
8. Иркутск, 25 марта // Восточное обозрение. 1900. 25 марта.
9. К событиям в Китае // Восточное обозрение. 1900. 2 июля.
10. К событиям в Китае // Восточное обозрение. 1900. 6 июля.
11. Каутский К. Война в Южной Африке // Восточное обозрение. 1900. 23 фев.
12. Китай. Столкновение между китайцами и англичанами // Восточное обозрение. 1899. 5 мая.
13. Кто помогал китайскому вооружению. К событиям в Китае // Восточное обозрение. 1900. 18 июля.
14. Ламздорф. Секретная телеграмма управляющего Министерства ин. дел дипломатическим представителям в Париже, Берлине, Лондоне, Вене, Риме, Вашингтоне и Токио. Текст: электронный // ЭНЦИКЛОПЕДИЯ КИТАЯ. URL: <https://www.abirus.ru/content/564/623/626/14338/19076/19078.html> (дата обращения: 10.06.2022).
15. Лессар П. Делеша поверенного в делах в Лондоне. 29 июля (11 августа) 1900 г. Текст: электронный // Энциклопедия Китая. URL: <https://www.abirus.ru/content/564/623/626/14338/19076/19078.html> (дата обращения: 10.06.2022).
16. Лондон. Телеграммы РТА // Восточное обозрение. 1900. 6 июня.
17. Макаров В. А. Восприятие внешней политики Великобритании в Российской интеллектуальной печати начала XX века через призму антизападных стереотипов // Внешнеполитические интересы России: история и современность: сборник материалов Всероссийской научной конференции, приуроченной к 100-летию начала Первой мировой войны. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2014. С. 108–113.
18. Непомнин О. Е. Социально-экономическая история Китая. 1894–1914 гг. М.: Наука: Главная редакция восточной литературы. 1980. 370 с.
19. Париж. Телеграммы РТА // Восточное обозрение. 1900. 1 июня.
20. Пекин. Телеграммы РТА // Восточное обозрение. 1901. № 150. 8 июля.
21. Пекин. Телеграммы РТА // Восточное обозрение. 1901. 2 авг.
22. Петербург. Телеграммы РТА // Восточное обозрение. 1900. 23 июня.
23. Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та. 2014. 548 с.
24. Севостьянова Е. В. «Вот уже третий год Кульджинский вопрос водит нас за нос ...» Россия и Китай в разрешении Илийского кризиса на страницах газеты «Восточное обозрение» // Genesis: исторические исследования. 2020. № 1. С. 21–36.
25. Севостьянова Е. В. «Дряхлый Восток заставил говорить о себе...»: Китай и Япония на страницах газеты «Восточное обозрение» в последней четверти XIX в. // Российско-китайские исследования. 2019. Т. 3, № 3. С. 62–75.
26. Севостьянова Е. В. «Лицо, заслуживающее наибольшего внимания...»: императрица Китая Цы Си на страницах газеты «Восточное обозрение» в период восстания ихэтуаней (конец XIX – начало XX в.) // Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество: материалы межд. науч.-практ. конф. Чита: ЗабГУ, 2021. С. 23–27.
27. Севостьянова Е. В. Мобилизация в повседневной жизни населения Забайкальской области в период «китайских осложнений» (1900–1901 гг.) // Социодинамика. 2021. № 4. С. 22–47.
28. Сибирские очерки // Восточное обозрение. 1900. 24 июня.
29. Сообщение «Times» о положении русских в Пекине. К событиям в Китае // Восточное обозрение. 1900. № 210. 21 сент.
30. Трансвааль. Два года борьбы // Восточное обозрение. 1901. 4 сент.
31. Шанхай. Телеграммы РТА // Восточное обозрение. 1900. 15 июня.

Информация об авторе

Севостьянова Елена Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой экономики, предпринимательства и гуманитарных дисциплин, Читинский институт – филиал Байкальского государственного университета, г. Чита, Россия, e-mail: sevostyanova.elena@mail.ru

Information about the author

Sevostyanova Elena V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World economy, Entrepreneurship and Humanities, Chita Institute – Branch of the Baikal State University, Chita, Russia, e-mail: sevostyanova.elena@mail.ru

УДК 351.751.5

**«Искупительная жертва за неудачи войны»:
дипломат Ли Хунчжан на страницах «Восточного обозрения»**

Лилия Владимировна Кальмина

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия
e-mail: kalminal@gmail.com*

В статье проанализированы материалы газеты «Восточное обозрение» о китайском дипломате Ли Хунчжане. Сведения, которые газета черпала в российских и зарубежных источниках, дают представления о нем как ключевой фигуре китайской дипломатии конца XIX в. Газета рисует портрет политика, постепенно пришедшего к убеждению о необходимости ориентации на Россию, даже если для этого придется заключить «неравноправный» договор.

Ключевые слова: Ли Хунчжан, «Восточное обозрение», политика, Японо-китайская война, договор

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания, проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)», № 121031000243-5

**“Sin Offering for War Failure”:
Diplomat Lihunchzhan in the Eastern Review**

Lilia V. Kalmina

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude, Russia
e-mail: kalminal@gmail.com*

The article describes The Eastern Review’s materials about Chinese diplomat Lihunchzhan. Evidences that newspaper happened to find in Russian and a foreign source characterizes him as an outstanding person in Chinese diplomacy late XIX century. The newspaper draws portrait of the politician consecutively coming to the conclusion about the necessity to follow Russia even in case it will demand to sign an unequal treaty.

Keywords: Li Hunchzhan, “The Eastern Review”, politics, information, Japanese-Chinese War, treaty

Российской и зарубежной историографией даются противоречивые оценки фигуре китайского дипломата Ли Хунчжана. С одной стороны, его признают самым влиятельным китайским сановником позднего Китая, личность которого «заслоняла собой все Пекинское правительство», «китайским Бисмарком», «конструктором» внешней стратегии Поднебесной империи, с которым связывались все ее главные политические шаги в конце XIX в. [5, с. 277; 7, с. 55]. С другой стороны, имя Ли Хунчжана стало синонимом унижений «Эпохи неравных договоров в китайской истории» [6]. Китайский исследователь Лянцичао, нари-

совавший достаточно полную картину деятельности Ли Хунчжана, считал, что сравнение его с Бисмарком не выдерживает критики. Если Бисмарк во внутренней политике объединял в могущественный союз разрозненные государства, а во внешней заключил Тройственный союз для служения его целям, то Ли, наоборот, допустил падение могущественного Китая до второстепенного государства, а сблизившись с Россией, стал жертвой ее амбициозных планов [5, с. 262]. В то же время исследователь считает несправедливым возложение вины за унижительные для Китая Симоносекский мирный договор 1895 г. и Пекинский заклю-

чительный протокол с восемью державами после подавления ими восстания ихэтуаней на одного Ли и утверждает, что у любого на его месте вряд ли бы получилось лучше, поскольку по широте своих взглядов он стоял неизмеримо выше всех китайских сановников [5, с. 10, 11, 128]. Показательно, что карикатурные китайские образы в изданиях той поры имели лица, похожие на Ли Хунчжана [9, с. 34], что свидетельствует о его популярности: карикатурный портрет, чтобы достигнуть цели, должен быть узнаваем.

Газета «Восточное обозрение», одно из самых авторитетных сибирских изданий, чьей постоянной темой были новости из Китая как имеющего «общую сухопутную границу с Россией на расстоянии 8,000 верст» [1, 1887, № 31], не могла не обратить внимания на деятельность столь влиятельного политика. Исследователи указывают, что портретирование китайских чиновников на страницах газеты было редким. Ли Хунчжан как раз был тем самым случаем [8, с. 68].

Впервые газета дала о нем подробную информацию, перепечатав заметку из «Русских Ведомостей» под названием «Вице-король Ли-Хунг-Чанг» (в печати его именовали так. – Л. К.) [1, 1894, № 101]. Читателя информировали, что манифестом императора Ли Хунчжан назначен главнокомандующим китайской армией и флотом, но первые события Китайско-японской войны (1894–1895 гг. – Л. К.) грозят поколебать его могущественное положение: император выразил неудовольствие по поводу его медлительности, из-за чего японцы могли опередить Китай в своих военных приготовлениях, и лишил желтой куртки – высшего знака императорской милости. Но это отнюдь не означает его падения. Он остается самым авторитетным сановником в Китае, обладателем несметных богатств, почти неограниченным повелителем армии в 75 тыс. чел. и лучшей военной флотилии восточных вод, поэтому ему не страшны интриги враждебной ему придворной партии. За свою долгую карьеру он успел избавиться от опаснейших противников. К тому же в противовес императору-маньчжурю он чистокровный китаец, чем отчасти объясняется его обаяние, хотя главной причиной его влияния служит сильный государственный ум и прекрасное знакомство с восточной политикой [1, 1894, № 101]. В дальнейшем в газете часто появлялись сообщения о лишении Ли Хунчжана знаков

императорской милости (желтой курмы, т. е. верхней царской одежды, и павлиньего пера с тремя очками, которые жалуются за особые заслуги в очень редких случаях) и учреждении особой следственной комиссии «по обвинению его в деяниях, противных чести империи» [1, 1894, № 114, 120, 121, 126, 130, 148]. Вслед за тем публиковалась информация либо о возвращении ему всех почетных знаков, либо опровергающая сообщения о его опале [1, 1894, № 134, 153]. «В противоположность сообщению “Times”, что Ли-Хунг-Чанг впал в немилость, из Тяньцзиня сообщают, что богдыхан подчинил его начальству все сухопутные и морские силы Китайской империи», – вот типичный пример такого опровержения [1, 1894, № 106].

Противоречивость сведений объяснялась, во-первых, сложностью получения информации в условиях военного времени: газета в основном черпала ее из бюллетеней Российского телеграфного агентства, получавшего материалы информационных агентств, российской и зарубежной прессы, и дававших провинциальным газетам возможность освещать события в Китае практически по свежим следам [2, с. 533, 536]. Но уточнить ее в районе боевых действий было невозможно. Поэтому газета публиковала все оказавшиеся в ее распоряжении сведения, даже противоречащие друг другу. Во-вторых, ее собственный корреспондент в Урге В. Люба извлекал информацию из официального китайского издания «Цзиньбао» с односторонней подачей материала, который позже опровергался европейскими газетами. Наконец, Ли Хунчжан, на которого чуть ли не ежедневно поступали доносы от его политических противников [1, 1894, № 137], действительно неоднократно попадал в опалу. Он не пользовался доверием двора, считавшего его «подозрительным лицом», и ответственные должности ему поручали только под давлением внешних обстоятельств, когда никто другой не мог уладить дело [5, с. 277–278]. Военные неудачи, шок от сознания того, что китайские армия и флот, которыми руководил Ли Хунчжан, оказались плохо подготовленными к боевым действиям, и даже его образцовые, по-европейски обученные войска, отличаясь прескверной дисциплиной, занимались грабежами и насилием над жителями [1, 1894, № 104, 130], требовали найти виновного. Ургинский корреспондент «Восточ-

ного обозрения» предположил, что если Китаю понадобится «искупительная жертва за неудачи войны», то это будет именно Ли Хунчжан [1, 1894, № 130]. Однако его очередная опала длилась недолго: Китаю необходимо было завершить войну наказанием нерадивых военачальников и подписанием мирного договора с одержавшей победу Японией. В обоих случаях императорская власть нуждалась в Ли Хунчжане. Судя по сообщениям газеты о поиске «агентами Ли Хунчжана» покинувших поле боя военачальников, он создал что-то вроде спецслужбы, которая успешно разыскивала и предавала суду уголовной палаты «безвестно отсутствовавших» корпусных генералов и дивизионных командиров [1, 1895, № 8, 19, 33, 41, 42]. Что касается заключения договора, то императорская власть при всей своей неприязни к сановнику, по сообщению из Калгана, командировала его «с большими полномочиями» в Японию, предварительно вновь вернув ему все снятые с него чины и знаки отличия, и весь Китай возлагал на него «большие надежды» [1, 1895, № 36]. “Times” добавила, что двор дал ему только указания общего характера, и все решения по заключению соглашения предоставлены его усмотрению [1, 1895, № 43].

Имя Ли Хунчжана вновь вышло в газете на передний план ближе к концу «боксерского» восстания, когда ее страницы запестрели сообщениями Российского телеграфного агентства об императорском предписании Ли Хунчжану прибыть в Пекин, чтобы принять командование императорскими войсками против иностранных, а позже – о предоставлении ему «полной власти на ведение переговоров» с иностранными державами, которая «не может быть оспариваема» [1, 1900, № 160, 195, 196]. Ли Хунчжан тогда уже был стар и болен, однако по-прежнему обладал необходимыми для выполнения этой задачи качествами: умением объективно оценить ситуацию, упорством в достижении цели не допустить иностранные воинские формирования в Пекин и жесткостью по отношению к китайскому дипломатическому корпусу. В частности, китайский посланник в Лондоне в беседе с корреспондентом английской газеты “Westminster Gasette” подтвердил содержание полученной от Ли Хунчжана телеграммы: «Наш петербургский посланник убедил Россию отозвать свои войска из Пекина; если вы не сумеете уговорить к тому

же Англию, то вы ни к чему не годны» [1, 1900, № 203]. В статье «Политика Ли-Хунг-Чанга» указывалось, что западные державы не доверяли болезни старого дипломата и его уговорам отложить поход на Пекин, считая, что он просто выигрывает время, а сам ждет подкрепления для защиты столицы. Английские газеты сомневались, что “этот Атлас” (так в тексте. – Л. К.), который держит на своих плечах всю империю, вдруг превратился в немощного старика, который сам не может сделать и двух шагов» [1, 1900, № 173]. Дальше всех в своих предположениях пошла газета “Morning Post”, сообщив, что Ли Хунчжан воспользуется поражением китайских войск и мстостью иностранцев за насилия над посланниками, чтобы во главе преданных ему китайцев изгнать «маньчжурских пришельцев» с «кормила правления» и выставить на престол собственную кандидатуру [1, 1900, № 182]. Переговоры показали, что старого дипломата рано списывать со счетов. Его «спецслужбы» работали очень профессионально: через два часа после совещаний посланников западных держав он знал содержание их переговоров, хотя сами посланники так и не смогли вычислить канал утечки информации [1, 1900, № 274]. Судя по перепечатанному газетой материалу британского информационного агентства Лаффан, во внешнеполитических делах Китая Ли Хунчжан по-прежнему был весьма авторитетной фигурой. Отослав правительству текст ноты союзных держав, он в совместном с принцем Цин письме добавил: лучше сразу согласиться на их требования, т. к. «всякие увертки только затянут исполнение неизбежного». Автор информации пояснил, что в таком тоне китайский чиновник может говорить только тогда, когда уверен, что его советы будут приняты. В противном случае он просто лишится головы [1, 1901, № 7].

Информация о подписании в Москве российско-китайского договора 1896 г., которым предусматривалось проведение КВЖД через Северную Маньчжурию, в «Восточное обозрение» не попала: его условия хранились в глубокой тайне. Поэтому издание осталось в стороне от обсуждения возможного факта получения Ли Хунчжаном взятки в 3 млн р. за включение в договор нужных России пунктов, который впоследствии прочно утвердился в отечественной и зарубежной историографии. Китайских чиновни-

ков всегда приходилось «поощрять», и это ни для кого не было секретом. Все случаи заключения Ли Хунчжаном какого-либо соглашения с Россией сопровождались предложением ему определенной суммы. К примеру, за подписание Конвенции об аренде Россией Порт-Артура и Дальнего он получил взятку в 500 тыс. лян [3, с. 67–68, 83]. Корреспонденты «Восточного обозрения» приводили факты стяжательства сановника. «Поговаривают в здешних китайских правящих сферах, – писал В. Люба из Урги, – о том, что войска у Ли-Хунг-Чанга оказалось на деле очень мало, между тем как в списках значилось очень большое количество солдат, на которых вытребовалось, конечно, жалованье самым исправнейшим образом» [1, 1894, № 130]. Автор за подписью К. писал, что Ли-хун-чжан «широкой рукой» пользовался деньгами, выделенными на затеянное им преобразование армии, отчитываясь за содержание, обучение и снаряжение тысяч солдат, которых на деле не существовало [1, 1895, № 19].

Для завершения портрета Ли Хунчжана в сибирской газете следует сказать еще о двух моментах. Как дипломат он проводил политику «использования варваров против варваров»: сблизившись с одним государством, взять верх над другим [5, с. 215]. Однако он изменил этому правилу, когда «другое государство», Япония, потопило китайский транспорт. Настроение Китая, уже готового последовать посредническим советам иностранных держав, совершенно изменилось, а «Ли-Хунг-Чанг объявил... что Китай будет сражаться до последней крайности» [1, 1894, № 98]. Газета «Standartd» указывала, что Ли Хунчжан, который сдерживал воинственный пыл требовавших объявления войны японцам, после известия о «потоплении ими китайского транспорта со всем находившимся на нем войском открыто заявил себя в пользу войны» [1, 1894, № 114].

Второй момент – пророссийская ориентация Ли Хунчжана, которая была явной. Он неоднократно обращался к России за помощью еще до начала Японо-китайской войны

и именно в ней как ближайшем соседе Китая видел потенциального союзника [3, с. 61]. Лянчичао также отмечал, что он признавал Россию могущественнейшей державой на Востоке и считал выгодным для Китая подарить ей земли севернее Китайской стены, лишь бы пользоваться ее покровительством и защитой [5, с. 280]. Однако пророссийские настроения овладели им не сразу. В начале 1880-х гг. он признавался, что «китайцы – самая одинокая раса на земле», потому что Китай не имеет друзей. Все державы, в т. ч. Россия, только посягают на его территории [4]. В разговоре с японским премьер-министром Ито, с которым Ли Хунчжан был в дружеских отношениях, он разделял тревогу собеседника перед растущим могуществом России и выражал опасения, что после окончания строительства Сибирской дороги «последуют изменения в характере русско-китайских отношений» [1, 1894, № 98], прекрасно понимая стратегический характер магистрали. Но уже через несколько лет он кардинально меняет свою политическую ориентацию, опираясь на Россию как единомышленника и заключая с ней секретный договор об оборонительном союзе против Японии. Во время «боксерского» восстания, которое Россия подавляла в составе союзных войск, западные органы печати, чьи сообщения перепечатывало «Восточное обозрение», высказывали предположение: «Россия воспользуется восстанием как предлогом, чтобы отдельно от прочих держав идти на Пекин и взять город раньше, чем туда придут союзники. А в реализации своих планов она вполне может рассчитывать на Ли Хунчжана» [1, 1900, № 168].

Таким образом, «Восточное обозрение», отчетливо представляя значимость Ли Хунчжана во внешней стратегии Китая, тщательно отслеживало его политический путь. Информация, почерпнутая газетой из разных источников, рисует портрет влиятельной политической фигуры, игравшей первые роли в событиях конца XIX в., важнейших для России и ее восточного соседа.

Источники и литература

1. Восточное обозрение. 1887, 1894, 1895, 1900, 1901.
2. Кальмина Л. В., Курас Л. В. «Боксерское» восстание в сибирской дореволюционной прессе (на примере «Восточного обозрения») // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10, № 3. С. 528–542.
3. Королев А. Е. Московский договор 1896: тайные страницы русско-китайских отношений // Метафоры истории. 2002. № 2. С. 55–93.

4. Ли Хунчжан. Текст: электронный // Asia Business Information for Russians (ABIRus). URL: <https://www.abirus.ru/content/564/623/626/12557/12584.html> (дата обращения: 20.05.2022).
5. Лянчичао. Лихунчжан или политическая история Китая за последние 40 лет / пер. с китайского А. Н. Вознесенского и Чжанчинтуна, предислов. Чжанчинтуна. СПб.: В. Березовского, 1905. 347 с.
6. Россия–Китай. История границы. Ч. 8. URL: https://vk.com/wall-64321232_51074 (дата обращения: 20.05.2022). Текст: электронный.
7. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А. В. Лукина. М.: Весь Мир, 2013. 704 с.
8. Севостьянова Е. В. «Дряхлый Восток заставил говорить о себе...». Китай и Япония на страницах газеты «Восточное обозрение» в последней четверти XIX в. // Российско-китайские исследования. 2019. № 3. С. 62–75.
9. Старовойтова Е. О. Влияние китайско-японской войны 1894–1895 гг. на формирование образа Китая в России // Современные востоковедческие исследования. 2019. Т. 1, № 3. С. 29–39.

Информация об авторе

Кальмина Лилия Владимировна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, г. Улан-Удэ, Россия, e-mail: kalminal@gmail.com

Information about the author

Kalmina Lilia V. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia, e-mail: kalminal@gmail.com

УДК 94

Организация охраны бывшего премьер-министра Японии князя Кацура Таро во время его путешествия по России летом 1912 г.

Алексей Николаевич Гребенкин

*Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, г. Орел, Россия
e-mail: angrebyonkin@mail.ru*

В статье на основе неопубликованного документа из фондов Государственного архива Российской Федерации рассмотрен комплекс мер, направленных на обеспечение безопасности князя Кацура Таро во время его визита в Россию летом 1912 г. Автором осуществлен содержательный анализ агентурно-розыскных мероприятий, проводившихся силами Особого отдела Департамента полиции МВД и постовой охраны, за которую отвечала Охранная команда Санкт-Петербургского Охранного отделения.

Ключевые слова: Российская империя, Япония, Кацура Таро, охрана, Особый отдел Департамента полиции МВД, Охранная команда Санкт-Петербургского Охранного отделения

Organization of Protection of the Former Prime Minister of Japan Prince Katsura Taro During his Trip to Russia in the Summer of 1912

Alexey N. Grebenkin

*Academy of the Federal Security Guard Service of the Russian Federation, Orel, Russia
e-mail: angrebyonkin@mail.ru*

In the work, based on an unpublished document from the funds of the State Archive of the Russian Federation, a set of measures aimed at ensuring the safety of Prince Katsura Taro during his visit to Russia in the summer of 1912 is considered. The author carried out a meaningful analysis of the agent-search activities carried out by the forces of the Special Department of the Police Department of the Ministry of Internal Affairs, and the guard, for which the Security team of St. Petersburg Security Department was responsible.

Keywords: Russian Empire, Japan, Katsura Taro, security, Special Department of the Police Department of the Ministry of Internal Affairs, Security team of the St. Petersburg Security Department

Летом 1912 г. бывший премьер-министр Японии князь Кацура Таро вместе с бароном Гото Симпэем, занимавшим должность министра связи, и лицами свиты должен был совершить поездку по Транссибирской магистрали в Санкт-Петербург, а оттуда проследовать в Европу. Целью неофициального визита были переговоры по поводу раздела Манчжурии [3, с. 32].

Путешествие не обещало быть спокойным. Русских Кацура не боялся: в бытность свою главой правительства он «прилагал большие усилия, чтобы сделать вчерашних врагов если не друзьями, то добрыми соседями и партнерами» [1, с. 6]. Однако князь опасался, что его убьют корейцы. Прецедент уже был: в октябре 1909 г. корейский патриот Ан Чунгын застрелил в Харбине председателя Тайного Совета Японии князя Ито Хиробуми, являвшегося последовательным сторонником подчинения Кореи Японии. В момент убийства Хиробуми приветствовал выстроившийся на платформе почетный караул. В августе 1910 г. Корея была аннексирована Японией и превращена в генерал-губернаторство империи. Было вполне ожидаемо, что корейцы попытаются убить Кацура Таро: ведь аннексия их страны произошла именно тогда, когда он являлся главой японского правительства.

Охрана Кацура была возложена на сопровождавшего его майора Хата. Необходимые приготовления были сделаны и в России. 9 июня Особый отдел Департамента полиции МВД довел до сведения начальника Санкт-Петербургского Охранного отделения М. Ф. фон Коттена о том, что из Министерства иностранных дел поступило уведомление о предстоявшем путешествии князя и что «японское правительство, опасаясь, что на жизнь князя Кацура могут быть произведены покушения, ходатайствует о принятии нашими властями строжайших мер охраны во время пути и во время пребывания князя в Санкт-Петербурге, где японские путешественники предполагают пробыть в течение 10 дней» [2, л. 3]. По приказанию министра внутренних дел А. А. Макарова Охранное отделение должно было позаботиться об обеспечении безопасности князя Кацура и его спутников во время их пребывания в российской столице.

Началась активная работа по сбору и анализу агентурных данных. Согласно сведениям, поступившим в Департамент

полиции МВД, несколько корейцев намеревались совершить на Кацура покушение либо в пути следования из Харбина в Санкт-Петербург, либо в самом Санкт-Петербурге. Подозреваемыми были 20-летний Си Ли, 28-летний Кин Го Ман (оба они являлись хорошими стрелками), а также младший брат убийцы князя Ито Хиробуми Ан Чжун Гына – 20-летний Ан Кон Гын. Было известно, что террористы имели 61 соучастника из числа корейцев. Департамент полиции, опираясь на эти сведения, потребовал 23 июня 1912 г. от начальника Санкт-Петербургского Охранного отделения «принять самые действительные меры к охране князя Кацуры» [2, л. 1 об.]. И. о. начальника Охранного отделения ротмистр Федоров отдал заведующему Охранной командой подполковнику А. А. Озеровскому распоряжение немедленно составить списки проживавших в столице японцев и корейцев и завести особое дело по охране Кацура.

Оперативная информация обновлялась постоянно. 26 июня Особый отдел Департамента полиции МВД известил начальника Санкт-Петербургского Охранного отделения, что, согласно вновь полученным сведениям, заговорщики приняли решение об отправке «корейцев, одетых в китайское платье и с привязными косами: на станцию Гуужулин – Шен-Гуна с 4 человеками, на станцию Куанчендзы – Дзин-Кима с 6 человеками и на станцию Харбин – Цуи с 20 человеками» [2, л. 5]. В случае неудачи Кацура должен был быть убит в Санкт-Петербурге или в Москве. Информация о том, что террористы ждали князя и в первопрестольной, вызвала в Охранном отделении недоумение, т. к. Кацура ехал по северной железной дороге в обход Москвы и не должен был появиться в старой столице. Тем не менее, данные были переданы заведующему Охранной командой А. А. Озеровскому.

Через 2 дня в Особый отдел Департамента полиции поступили новые сведения. Согласно уточненным данным, в покушении на князя Кацура должны были принять участие корейцы Ким Пом Ман и Хан Чион Кован, которые якобы выехали 20 июня на товаро-пассажирском поезде из Владивостока в Читу. Первый из них, возможно, намеревался остаться в Чите, а второй предполагал отправиться в Санкт-Петербург. Оба террориста немного понимали по-русски и были одеты в европейскую одежду. Револьверы

они должны были купить в пути следования. Об этом срочно был уведомлен подполковник Озеровский.

Еще через день, 29 июня, Особый отдел Департамента полиции МВД направил начальнику Охранного отделения дополнительные сведения, согласно которым в Чите и Иркутске находились несколько корейцев, в октябре 1909 г. являвшихся соучастниками убийства в Харбине князя Ито Хиробуми. В Иркутске основную опасность представляли Шо Кюнг Кьюзи, Ли Канг и Лиу Хсианг Тюн, а в Чите – Тсао Тао Хсиен. В случае их появления в Санкт-Петербурге начальнику Охранного отделения следовало принять меры к их незамедлительному задержанию.

30 июня 1912 г. начальник Санкт-Петербургского Охранного отделения полковник М. Ф. фон Коттен представил Санкт-Петербургскому градоначальнику генерал-майору Д. В. Драчевскому доклад о мерах, которые следовало принять в рамках охраны князя Кацура. Фон Коттен предполагал опросить всех проживавших в российской столице корейских подданных, которых насчитывалось всего 7 чел., «а также вызывающих сомнения в своем подданстве японцев и китайцев о цели их проживания здесь и кто имеется у них из знакомых в Санкт-Петербурге, могущих удостоверить их» [2, л. 7]. Таким же опросам должны были быть подвергнуты в канцеляриях расположенных на вокзалах жандармских отделений все приезжавшие в Санкт-Петербург корейцы, японцы и китайцы, у которых, кроме того, следовало выяснить, на какой срок они прибыли в столицу и где они намереваются проживать. Доклад был одобрен. Заведующий Охранной командой подполковник А. А. Озеровский, которому было поручено принятие этих мер, дал 1 июля соответствующие указания агентам, работавшим на вокзалах.

30 июня благодаря телеграмме, посланной накануне из Иркутска жандармским ротмистром Куприяновым, стало известно, что в г. Дальнем (современное название Далянь) к свите князя Кацура ввиду ожидавшегося покушения на него должен был присоединиться служивший в полиции г. Сеула запасной жандармский капитан Ота, который владел корейским языком и был хорошо знаком с Кореей в целом и корейскими революционерами в частности. Капитану Ота следовало помогать майору Хата в

обеспечении безопасности князя. Его включение в состав охраны являлось существенным подспорьем для Санкт-Петербургского Охранного отделения и подведомственной ему Охранной команды.

В тот же день в Особый отдел Департамента полиции поступили сведения о том, что кореец Ким Пом Ман остановился в Чите у своего знакомого И Кана, принимавшего участие в убийстве князя Ито Хиробуми. Он должен был получить у И Кана револьвер и бомбу. Еще один кореец Хан Чион Кован, высокого роста, стриженный, с овальным лицом, очень похожий на китайца и хорошо говоривший по-русски, должен был остановиться на 1 день в Чите, а затем проследовать за Кацура и его свитой в Санкт-Петербург. Имелась информация о том, что оба террориста планировали переодеться в русскую военную форму.

3 июля Особый отдел Департамента полиции МВД уведомил начальника Санкт-Петербургского Охранного отделения, что, по полученным сведениям, брат убийцы князя Ито Хиробуми Ан Кон Гын в конце мая приехал из Харбина в Читу и пробыл там несколько дней, а затем, получив переводом по телеграфу 100 р., отправился в Санкт-Петербург. Ан Кон Гыну было 22 года (данные о возрасте расходились с поступившей ранее информацией), он обладал достаточно приметной внешностью: «среднего роста, плотный, лицо овальное, усы пробиваются, брови густые большие» [2, л. 13]. На следующий день министр внутренних дел А. А. Макаров приказал установить за Ан Кон Гыном неотступное наблюдение. Для этого в распоряжение заведующего Охранной командой подполковника А. А. Озеровского были откомандированы 3 филера.

Князь Кацура в сопровождении свиты численностью 12 чел. выехал из Харбина 30 июня. В пути следования ничего не произошло. Поезд должен был прибыть в Санкт-Петербург 8 июля в 15 ч 15 мин. Князь и свита планировали остановиться в гостинице «Европейская».

6 июля из Перми от подполковника Комиссарова была получена зашифрованная телеграмма, согласно которой князь Кацура рано утром выехал из Челябинска в Вятку. Вместе с ним в поезде ехали филеры Пермского районного охранного отделения Медведев и Кочергин.

Охраной князя Кацура во время его пребывания в Санкт-Петербурге занимались

24 агента Охранной команды Санкт-Петербургского Охранного отделения, старшим из которых был И. Соломкин. При этом 4 агента (Г. Шиловский, Е. Островский, М. Пикалев и С. Швецов), выполнявшие поручения заведующего Охранной агентурой вне Санкт-Петербурга, были снабжены особыми удостоверениями, предъявление которых позволяло им получить в случае необходимости содействие всех начальствующих лиц. При осуществлении охранных мероприятий соблюдались необходимые меры предосторожности. Так, С. Швецов, командированный в Череповец, после благополучного проследования поезда, в котором ехал князь Кацура, послал А. А. Озеровскому условную телеграмму: «Груз принял возвращаюсь» [2, л. 20].

Охрана князя предусматривала проведения ряда агентурно-розыскных мероприятий. Так, агент И. Соломкин направил в адресный стол запрос драгомана Кацуми Кито, который просил узнать, проживает ли в Санкт-Петербурге корейский подданный Ли Ган или Ли Кан. Из адресного стола пришел ответ, что такое лицо в Санкт-Петербурге не зарегистрировано.

За время пребывания Кацура в Санкт-Петербурге произошел один достаточно неприятный инцидент. Днем 12 июля в управление Новодеревенского участка явились мещанин Е.-В. Бауер, крестьянин М. И. Голенков и агент И. Савельев, сперва назвавшийся крестьянином К. И. Ивановым, а в участке предъявивший свою карточку. По заявлению Бауера, Иванов (т. е. Савельев) и Голенков, проходя по Сердобольской улице, у дома № 43/45 толкнули его так, что он слетел с тротуара на мостовую. Савельев же сказал, что когда он вместе с Голенковым проходил по Сердобольской улице, то увидел шедшего за собой Бауера, который все время наблюдал за ним. Догнав Голенкова и Савельева, он растолкал их в разные стороны, а затем позвал дворников и предложил агенту и крестьянину пройти в участок. Голенков дал аналогичные показания. Бауер настаивал на составлении протокола о том, что Савельев и Голенков оскорбили его действием, столкнув на мостовую. Про-

токол был составлен, однако пристав заверил руководство Охранного отделения, что он пока не будет никуда отправлен. Личность Бауера была проверена, и его отпустили. Каких-либо последствий данный эпизод не имел.

Пребывание Кацура в России не было долгим. Как отмечал современный японист В. Молодяков, «Кацура и его спутники получили известия о тяжелой болезни императора Мэйдзи, которая оказалась смертельной. Поэтому им пришлось срочно возвратиться на родину и даже отменить из-за этого аудиенцию у Николая II» [4, с. 44]. 14 июля Особый отдел Департамента полиции МВД уведомил начальника Санкт-Петербургского Охранного отделения, что на следующий день, в 23 часа, князь Кацура должен был отправиться обратно в Японию через Москву. От Охранного отделения требовалось принятие таких же мер по охране Кацура, какие были приняты во время его следования в Санкт-Петербург. Сопровождение князя, следовавшего до Москвы курьерским поездом № 5, было возложено на 4 агентов: И. Гребенькова, С. Швецова, И. Соломкина и Е. Островского. Поставленная перед ними задача была успешно решена. Князь Кацура и сопровождавшие его лица по достоинству оценили попечение об их безопасности и щедро вознаградили агентов, задействованных в охране. Старший агент И. Соломкин получил от имени князя 50 р., а прочие агенты: 21 чел. – по 21 р. 50 к., 2 чел. – по 11 р. 60 к. за 6 дней, 1 чел. – 16 р. 60 к. за 6 дней, 1 чел. – 6 р. 60 к. за 2 дня.

С учетом того, сколько сообщений о террористах, намеревавшихся совершить покушение на князя Кацура Таро, приходило летом 1912 г. в Департамент полиции МВД, принятые меры безопасности нельзя назвать избыточными. В условиях крайней неопределенности следовало максимально усилить охрану высокого гостя, в равной мере позаботившись как о постовой службе, так и о надлежащем агентурном сопровождении. Судя по премиям, выданным Кацура агентам Охранной команды, он был вполне удовлетворен уровнем проведения приуроченных к его визиту охранных мероприятий.

Источники и литература

1. Бордюгов Г., Молодяков В. От Путятина до Путина: место предисловия // Прошлое и будущее российско-японских отношений: по следам Кацура Таро, Гото Симпэй, Нитобэ Инадзо: материалы симпозиума (г. Москва, 4 октября 2004 г.) / под ред. Г. Бордюгова и В. Молодякова. М.: АИРО-XX, 2005. С. 5–7.

2. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 111. Оп. 3. Д. 44.

3. Лосев Ю. И., Макачук О. И. Русско-японские отношения (1906–1914 гг.): перспективы и противоречия // Российский научный журнал. 2008. № 2. С. 30–35.

4. Молодяков В. Кацура Таро, Гото Симпэй и императорская Россия: по новым материалам // Прошлое и будущее российско-японских отношений: по следам Кацура Таро, Гото Симпэй, Нитобэ Инадзо: материалы симпозиума (г. Москва, 4 октября 2004 г.) / под ред. Г. Бордюгова и В. Молодякова. М.: АИРО-XX, 2005. С. 39–45.

Информация об авторе

Гребенкин Алексей Николаевич – доктор исторических наук, доцент, сотрудник, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, г. Орел, Россия, e-mail: angrebyonkin@mail.ru

Information about the author

Grebenkin Alexey N. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, the Employee of the Academy of the Federal Security Guard Service of the Russian Federation, Orel, Russia, e-mail: angrebyonkin@mail.ru

УДК 339:94(510)

К изучению направлений торгово-экономического сотрудничества России в Барге (Хулун-Буире) в первой четверти XX в.

Лев Геннадьевич Зимин

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия
e-mail: Lev.zimin.1997@mail.ru*

Статья посвящена изучению основных направлений торгово-экономического взаимодействия русских предпринимателей в китайском приграничном регионе Барга (Хулун-Буир). Автор отмечает роль КВЖД в распространении российского влияния в регионе; выделяет рост торговли, строительство предприятий русскими коммерсантами, добычу угля, рыболовство, деятельность лесных концессий. В работе использованы публикации известных специалистов по Барге, а также вводятся в научный оборот новые материалы из Архива внешней политики Российской империи.

Ключевые слова: Барга (Хулун-Буир), Россия, торгово-экономическое сотрудничество, КВЖД, русские предприниматели

To the Study of Trade and Economic Cooperation of Russia in Barga (Khulun-Buir) in the First Quarter of the XX Century

Lev G. Zimin

*Institute of Mongolian Studies, Buddhism and Tibetology SB RAS, Ulan-Ude, Russia
e-mail: Lev.zimin.1997@mail.ru*

The article is devoted to the study of the main directions of trade and economic cooperation of Russian entrepreneurs in the Chinese border region of Barga (Hulun-Buir). The author notes the role of the CER in the spread of Russian influence in the region; highlights the growth of trade, the construction of enterprises by Russian merchants, coal mining, fishing, the activities of forest concessions. The work uses publications of well-known experts on Barga, as well as new materials from the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire are introduced into scientific circulation.

Keywords: Barga (Hulun-Buir), Russia, trade and economic cooperation, CER, Russian entrepreneurs

Русское государство стало проявлять интерес к торговле с Китаем, начиная с 50-х гг. XVII в. [12, с. 25]. Со второй половины XIX в. Российская империя проводила активную внешнюю политику в Северо-Восточной Азии. Были существенно расширены

ее территориальные границы за счет присоединения новых территорий – Приамурья и Приморья. С этого времени Россия стала также оказывать большое влияние и на приграничный с Забайкальем регион Цинской империи, известный как Барга.

На сегодняшний день имеется достаточное количество научной литературы, в которой нашли отражение особенности торгово-экономического сотрудничества России в Барге. Ряд публикаций относится к 20-м гг. XX в. Можно выделить исследования таких авторов, как В. А. Кормазов, А. С. Мещерский, изданные в г. Харбин, в периодических изданиях или в виде отдельных монографий в типографии Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) и иных издательствах [7; 8; 10]. Экономическое положение Барги и ее торговля с Россией анализировались и некоторыми современными авторами, в том числе и проживающими непосредственно в российско-китайском приграничье – Забайкальском крае [1; 6].

Российские историки конца XIX – начала XX вв. активно занимались изучением Барги, детально исследуя экономику, географию, политическое состояние региона. В их работах упоминается и другое название региона как Хулун-Буир. Отметим, что особенно часто этот топоним упоминается в работах зарубежных исследователей. Например, известный специалист по истории Внутренней Монголии Кристофер Этвуд отмечает, что Хулун-Буир был исключительно благоприятным регионом для экономического влияния, отделенным от остальной Маньчжурии Большим Хинганским хребтом, пересекаемым Китайско-Восточной железной дорогой, и местом процветающей торговли [13, с. 14].

После заключения в Москве русско-китайского договора (1896 г.) Россия получила разрешение на строительство железной дороги через Хэйлунцзян, Цзилинь до г. Владивостока. Вслед за этим в 1897–1903 гг. проходило строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), протяженность которой составляла 2 437 км, в том числе и в пределах Хулун-Буира 551 км [11, с. 29]. Строительство КВЖД ознаменовало рост промышленности и сельского хозяйства, изменение в количестве и составе населения, главным образом вдоль КВЖД. Строительство КВЖД вызвало приток российского населения и капитала, что усилило связь с Россией. Для удовлетворения продовольственных и других нужд рабочих построителей – начинаются в Барге большие закупки скота, сена и прочих продуктов [12, с. 51]. По окончании постройки КВЖД оживили пристанционный район служащие и их

семьи. Затем, с течением времени, выйдя в отставку, железнодорожники заарендовывали земельные участки у Земельного Отдела КВЖД, заселяя земельные участки близ КВЖД [2, с. 1].

Отметим, что в 1902 г. правительство царской России учредило свою таможню в Барге. Она выполняла следующие задачи: проверка грузов, въезжающих и выезжающих из России, взимание соответствующих пошлин. Известно, что Министерство иностранных дел Маньчжоу-Го 4 мая 1933 г. ликвидировало Российско-Советскую таможню в Маньчжурии [12, с. 199–200]. Что касается хозяйственной деятельности непосредственно на границе, то она вызывала споры и конфликты, поскольку за редкими исключениями, не была регламентирована двусторонними соглашениями. Порой возникали различные конфликтные ситуации, отмечаемые представителями русской власти [12, с. 198].

Строительство КВЖД оживило русскую торговлю в Барге. Однако в начале торговых отношений русские коммерсанты столкнулись с рядом трудностей. Недостаток оборотных средств, незнание языка, особенностей региона, его населения и потребностей вызвало кризис. Но с началом Русско-японской войны, русские предприниматели в Маньчжурии, переключились в основном на поставки для русской армии. Через некоторое время русские предприниматели освоились в Барге. По примеру китайских коммерсантов, русские начали использовать монгольские зимовки, ставя торговые юрты, что позволяло торговать круглый год [8, с. 240].

Полоса отчуждения, которая протягивалась вдоль всей линии КВЖД, являлась сферой интересов России [6, с. 30]. Соответственно для аренды территории в полосе отчуждения русские коммерсанты обращались к Российскому правительству. Русские предприниматели активно брали в аренду территорию близ КВЖД для строительства своих фабрик и заводов. Так, красноярский мещанин А. П. Удадов, проживающий в Хайларе, арендовал участок на 50 лет, для строительства свечного и мыловаренного завода [2, с. 2]. Среди крупных фирм стоит выделить такие фирмы, как Бр. Прженские, Карловиц и Ко, Трухин-Смолянский, Бр. Воронцовых и Ко [8, с. 180].

Подавляющее число торговых предприятий (86 %) приходилось на долю с годо-

вым оборотом до 10 тыс. р., и только 14 % общего числа составляли более или менее крупные фирмы, которые были сосредоточены в Маньчжурии и Хайларе [8, с. 242]. Одним из крупных предприятий являлся комплекс заводов Я. Е. Окулова в Хайларе. Предприятия Окулова подразделялись на: а) кожевенный завод; б) шубный завод; в) пимокатный завод; г) кошмокатный завод; д) шерстомойку. По своему оборудованию и ценности оборудования предприятия являлись лучшими в Барге. Винокурный завод являлся лучшим винокурным заводом в Барге [8, с. 232].

Особую роль в приграничной российско-монгольско-китайской торговле играла ярмарка при монастыре Ганчжур-сумэ. Монастырь находился в 30-ти километрах в юго-восточном направлении от г. Маньчжурия. На равнине между озерами Джалай-нор и Буир-нор располагался небольшой город при монастыре Ганчжур-сумэ, где ежегодно проводилась крупная маньчжурская ярмарка. В конце лета в эти места приезжали торговцы с разных регионов Китая, из Монголии, в том числе и Забайкалья [5, с. 94].

Русские промышленники также участвовали в добыче угля в Барге. Одним из самых крупных месторождений угля было Чжалайнорское месторождение. Чжалайнорские копи находились на Западной линии КВЖД. Месторождение было открыто в 1901 г. инженером Бронниковым. В 1902 г. была забита первая шахта. Начало разработки угольного месторождения привлекло сюда множество переселенцев. Главным потребителем угля являлась КВЖД [8, с. 214]. В 1918 г. управление КВЖД арендовало Чжалайнорские копи [4, с. 152]. Отметим, что добыча угля в этом регионе Хулун-Буира ведется и в настоящее время.

Среди русских предпринимателей была распространена ловля рыбы в озерах Хулун-Буирского округа, о чем свидетельствуют архивные материалы [3, с. 1]. Воды Хулун-Буирского плоскогорья издавна славятся своими рыбными богатствами и привлекали внимание не только местного населения, но и жителей отдаленнейших мест Монголии и Китая, а с заселением приаргуньской полосы русскими казаками – и вниманием последний [3, с. 55]. Однако озеро Далай-нор для монголов имело сакральный смысл. В связи с чем русские предприниматели и казаки сталкивались с проблема-

ми при ловле рыбы. Русский географ, этнограф и фольклорист Г. Н. Потанин отмечал: «...абагайтуевские казаки производят рыбную ловлю и в озере Кулуне (то есть в Далай-норе. – А. Т.), но тайно, потому, что здесь они встречают противодействие со стороны монголов, на землях которых находятся главные рыбные богатства края. ...Казаки воровски ночью выезжают на озеро и, наловив в течение ночи рыбы, ночью же выезжают. Монголы иногда ловят их и тогда происходят драки. Мирные переговоры с монгольскими чиновниками, которые предпринимались со стороны русских властей, до сей поры не могли наладить это дело... Русские местные власти сносились по этому вопросу с амбаном в Хайларе. Но Амбань не нашел возможным изменить положение дела собственной властью» [12, с. 198]. В 1903 г. русские предприниматели и казаки получили разрешение на свободную ловлю в озере Далай-нор [3, с. 55]. Однако спорные ситуации возникали не только из-за ловли рыбы, но и из-за недопонимания по поводу пастбищ, воды и миграции, перемещения скотоводов [9, с. 268]. По данным В. А. Кормазова, «хищнический лов продолжался бы и до сих пор, если бы монголы в 1903–1904 гг. не приняли предложения русских рыбопромышленников об устройстве в водах Хулунбуирского округа правильного промыслового лова. Первоначально такие рыбалки появились на оз. Буире, затем на р. Уршун и на оз. Далае» [7, с. 1]. В. А. Кормазов также отмечал, что «главнейшим рынком сбыта рыбы до 1918 г. являлась Россия, в частности – Петроград, Москва и губернские крупные центры. С закрытием границ рыба находит сбыт на местном рынке и вывозится во Внутренний Китай [7, с. 8]. Русские промышленники, пользуясь дешевой рабочей силой китайцев, значительно повысили рыбопромышленность в районе Хулунбуирского округа. Из года в год сотни китайцев обслуживали промысла, учась способам, выработанным многолетней русской практикой, и теперь по всей водной системе Хулунбуирского округа разбросаны китайские промыслы, число которых не уступает числу русских» [7, с. 10].

Барга была богата своим лесом. Западный склон Большого Хингана на всем своем тысячекилометровом протяжении от р. Амура до южной приграничной части был покрыт тайгой. Из всей древесной раститель-

ности наибольшую ценность представляла лиственница. Она являлась незаменимым материалом для нужд железной дороги и лучшим строительным материалом. Все остальные лесные породы шли на удовлетворение нужд местного населения. Лесные концессии появились в Барге в 1914 г., в период провозглашения автономии региона, когда состоялось соглашение между монгольскими властями и российским вице-консулом в Хайларе о предоставлении русским гражданам в эксплуатацию лесных площадей. Договоры концессионеров с монгольскими властями впоследствии были подтверждены соглашением Пекинского правительства с Россией [8]. Всего насчитывалось четыре концессии: Марчевского и Ко, Китайское Хайминское Лесопромышленное товарищество, Уркичиханская концессия, Ядорская концессия. Также выделялись незначительные порубки для заготовки дров, ближайших населенных пунктов [8, с. 163].

Среди русских предпринимателей находились и достаточно изобретательные люди. Они заметили, что минеральные

источники Халхин-Халун-Аршан были популярны летом, привлекая большое число русских, монголов и бурятов. Предприимчивые русские стали возить эту воду в закупоренных бутылках на продажу в пристанционный район, где сбывали по 25–30 центов за бутылку. Спрос на воду был значительный [8, с. 222].

Таким образом, с конца XIX в. отличительной чертой Барги (Хулун-Буира) стала большая доля наших соотечественников в структуре населения. Маньчжурия стала неофициально именоваться Желтороссией [12, с. 199–200]. Как показывают исследования российских ученых и материалы Архива внешней политики Российской империи, торгово-экономическая жизнь в Барге проходила при активном участии русских предпринимателей. Большую роль в этом сыграло строительство КВЖД, которое оказало благоприятное воздействие на экономику Барги. Большая часть китайских товаров являлась предметом правительственной монополии и служила источником крупных поступлений в казну.

Источники и литература

1. Аблажей Н. Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 298 с.
2. АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. Консульства в Цицикаре. Оп. 756. Д. 7. 1902–1905 гг.
3. АВПРИ. Ф. Консульства в Цицикаре. Оп. 756. Д. 28. 1902–1905 гг.
4. АВПРИ. Ф. Консульства в Хайларе. Оп. 573. Д. 3. 1917 г.
5. Глатоленкова Е. В. Эволюция парного города (на примере города Маньчжурии) // Новые идеи нового века: материалы междунар. науч. конф. Хабаровск, 2019. Т. 1. С. 93–98.
6. Дроботушенко Е. В. Соглашение между Россией и Китаем о статусе и положении Хулунбуира от ноября 1915 года // 70 лет дружбы и сотрудничества: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию установления дипломатических отношений между Россией и КНР. Чита: ЗабГУ, 2019. С. 27–33.
7. Кормазов В. А. Рыбные промыслы в Барге за 1923–1926 гг. Харбин: [б. и.], 1926. 10 с.
8. Кормазов В. А. Барга: экономический очерк. Харбин: [б. и.], 1928. 281 с.
9. Лхваторж Б. Ардын засгийн газар ба Холонбуйрын мэйрэн зангининяамны хооронд байгулсан тур гэрээг нягтлах нь // 1921 оны ардын хувьсгал – 100 жил: туух ба орчин уе». Улаанбаатар: Соембо принтинг, 2021. С. 268–275.
10. Мещерский А. С. Автономная Барга. Шанхай: [б. и.], 1920. 39 с.
11. Очиров Ц. С. Хулун-Буирский аймак автономного района Внутренняя Монголия КНР в период «культурной революции» (1966–1976 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 5.6.2. Улан-Удэ: Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 2021. 185 с.
12. Тарасов А. П. Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита: ЗабГУ, 2003. 431 с.
13. Atwood C. P. State Service, Lineage and Locality in Hulun Buir // East Asian History. 2005. Iss. 30. P. 5–22.

Информация об авторе

Зимин Лев Геннадьевич – аспирант, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия, e-mail: lev.zimin.1997@mail.ru

Information about the author

Zimin Lev G. – Post-Graduate Student, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude, Russia, e-mail: lev.zimin.1997@mail.ru

УДК 94

Войны и революции Николая Чхеидзе

Эдуард Валентинович Костяев

*Саратовский государственный технический университет имени Ю. А. Гагарина,
г. Саратов, Россия
e-mail: edikost@bk.ru*

Впервые в отечественной историографии проводится специальный анализ теоретических взглядов и практической деятельности в годы революции 1905–1907 гг., Первой мировой войны 1914–1918 г., революции 1917 г. в России, а также существования в 1918–1921 гг. независимой Грузии такого известного деятеля отечественной и закавказской социал-демократии, как меньшевик Николай Чхеидзе. При этом делается вывод, что находясь и в России, и в независимой Грузии, и затем, вынужденно оказавшись в эмиграции, он являлся одним из наиболее непримиримых борцов против большевизма.

Ключевые слова: Первая мировая война, РСДРП, меньшевизм, интернационализм, «оборончество», Грузия, Н. С. Чхеидзе

Wars and Revolutions by Nikolai Chkheidze

Eduard V. Kostiaev

*Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russia
e-mail: edikost@bk.ru*

For the first time in Russian historiography, the article provides a special analysis of theoretical views and practical activities during the revolution of 1905–1907, the First World War of 1914–1918, the revolution of 1917 in Russia, as well as the existence in 1918–1921 of independent Georgia of such a famous figure of domestic and Transcaucasian social democracy as Menshevik Nikolai Chkheidze. At the same time, it is concluded that being both in Russia and in independent Georgia, and then being forced into exile, he was one of the most irreconcilable fighters against Bolshevism.

Keywords: First World War, RSDLP, Menshevism, Internationalism, “Defencism”, Georgia, N. S. Chkheidze

Родившись в 1864 г. в деревне Путы Кутаисской губернии, Николай (Карло) Семёнович Чхеидзе окончил кутаисскую гимназию и в 1887 г. поступил вольнослушателем в Новороссийский университет (Одесса), однако вскоре был исключён за участие в студенческих волнениях. Затем он поступил в Харьковский ветеринарный институт, однако в 1888 г. был тоже исключён, вернулся на родину и поступил на государственную службу.

В 1892 г. вместе с Ноем Жордания, Исидором Рамишвили, Михой Цхакая и другими Н. С. Чхеидзе основал первую социал-демократическую организацию в Закавказье «Месаме Даси» («Третья группа»), а спустя 6 лет вместе со всей организацией вступил в РСДРП.

В 1898 г. он поселился в Батуме, был избран гласным Городской думы и членом Городской управы. В 1902–1905 гг. Н. С. Чхеидзе являлся инспектором муниципальной больницы. Одновременно он сотрудничал

в социал-демократических газетах и журналах, а с 1902 г. состоял членом Батумского социал-демократического комитета.

После II съезда РСДРП (1903) Н. С. Чхеидзе самоопределился как меньшевик, участвовал в революционных событиях 1905–1906 гг. в Грузии – вёл работу в Батумском комитете РСДРП, выступал в печати, организовывал митинги, предотвращал армяно-азербайджанские конфликты, дважды подвергался арестам. Скрываясь в течение полугода от полиции в Гурии, проявлял чудовищную лень и беспечность при соблюдении принципов конспирации. Наотрез отказывался ночевать в лесу или нетопленном доме, если это было необходимо во избежание ареста. Когда требовалось встать затемно и переехать рано утром, дабы не наткнуться на патруль или стражников, из одного села в другое, вместо этого поздно вставал, неспешно завтракал и, зачитавшись в пути верхом на лошади книгой или газетой, несколько раз приезжал в результа-

те не туда, куда направлялся, а в то место, куда его самостоятельно привозила лошадь. Однажды выехал в другое село, чтобы прочитать там лекцию по политэкономии, но... не попал туда и вернулся... в ту же деревню, только с другой её стороны. Когда соратники указывали ему, что так поступать нельзя, он, улыбаясь, говорил: «Это ваша вина. Надо дать более умную лошадь» [9, с. 146].

Партийные товарищи вздохнули с облегчением, когда после ослабления реакции Н. С. Чхеидзе вернулся из Гурии в Батум. В 1907 г. его выслали оттуда, он поселился в Тифлисе и был избран гласным Городской думы. В том же году меньшевик Юлий Осипович Мартов (Цедербаум) написал, что находившиеся тогда в Париже кавказские революционеры называли Чхеидзе «самым образованным марксистом на Кавказе» [6, с. 173].

После поражения революции он считал, что основной задачей партии являлась парламентская работа. Чхеидзе был депутатом III и IV Государственных дум (1907–1917), председателем социал-демократической фракции, а после её раскола в 1913 г. – меньшевистской фракции IV Думы. По мнению видного грузинского общественного деятеля З. Д. Авалова, в депутаты Думы Чхеидзе проник «далеко не без хитрости» [1, с. 185].

В годы Первой мировой войны он занимал интернационалистско-пацифистскую позицию. Виновниками развязывания конфликта Н. С. Чхеидзе считал империалистические круги всех воевавших государств, выступал за скорейшее его прекращение путём заключения всеобщего справедливого демократического мира без аннексий и контрибуций. Желал, чтобы этот мир был заключён самими народами, а не безответственными правительствами, был борцом против милитаризма, за ограничение вооружений.

На заседании Государственной думы 26 июля 1914 г. и других аналогичных Н. С. Чхеидзе отказывался голосовать за предоставление военных кредитов царскому правительству (в 1915 г. И. Маньков был исключён из меньшевистской фракции за несогласие поддержать требование мира и проголосовать против ассигнований на войну). Николай Семёнович выступал за вхождение пролетарских представителей в военно-промышленные комитеты, но не для

работы на оборону России, а в интересах более качественной организации антиправительственных сил.

С 1915 г. Н. С. Чхеидзе являлся членом Организационного комитета (ОК) РСДРП – руководящего органа меньшевиков в России. Лидер большевиков В. И. Ленин скептически относился к влиятельности Чхеидзе в меньшевистских рядах, отводя руководимой им думской фракции роль «пешки» и «политической декорации» [3, с. 240–241].

Н. С. Чхеидзе был в курсе намечавшегося в начале 1917 г. плана «дворцового переворота» с целью отстранения Николая II от власти и формирования пользующегося доверием «общества» правительства во главе с князем Г. Е. Львовым. После Февральской революции Чхеидзе был членом Временного комитета Государственной думы (27 февраля – 2 марта), председателем Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (февраль – август), с июня – председателем Президиума ВЦИК 1-го созыва. На взгляд кадеты В. Д. Набокова, в нём всегда было «что-то трагикомическое, – во всём даже его внешнем облике, в выражении лица, в манере говорить, в акценте. И, конечно, самым трагическим было то, – считал он, – что такой человек, как Чхеидзе, оказался «вождём демократии» всей России, ...влиятельной фигурой и... будущим кандидатом в председатели Учредительного Собрания, а, пожалуй – и в президенты российской республики» [5, с. 68].

В ночь на 2 марта 1917 г. Н. С. Чхеидзе участвовал в переговорах об образовании Временного правительства, содействовал их успеху, но стать министром труда отказался. Вспоминая о событиях 1917 г., меньшевик Н. Н. Суханов (Гиммер) писал, что этот «президент Совета» «как огня боялся всякой причастности к власти... и для себя лично, и для своих ближайших друзей» [8, т. 1, с. 135, 136; т. 2, с. 107, 202]. Будучи его политическим оппонентом, Суханов, однако называл Чхеидзе «безупречно честным солдатом революции, душой и телом, преданным демократии и рабочему движению»: «Об этом “папаше” революции, несмотря на вредные его позиции, я храню самые тёплые воспоминания, – писал Суханов. – Чхеидзе не был годен в пролетарские и партийные вожди... Напротив, у него были все данные, чтобы вечно ходить на поводу, иногда немало упираясь» [8, т. 2, с. 196].

В верхушке Петроградского Совета энес В. Б. Станкевич отводил Н. С. Чхеидзе роль «свадебного генерала» и оценивал его как «...незаменимого, энергичного, находчивого и остроумного председателя, но именно только председателя, а не руководителя Совета...» [7, с. 40]. Да и сам Чхеидзе признавался, что, 10 лет председательствуя на заседаниях думской фракции и Совета, он обычно не вмешивался в прения и предпочитал «слушать товарищей, лучше меня разбирающихся в деле» [10, с. 113].

Будучи одним из лидеров меньшевиков – «революционных оборонцев», Н. С. Чхеидзе осудил «Апрельские тезисы» В. И. Ленина, поскольку считал Россию не готовой к социалистической революции. 27 апреля 1917 г. он получил письмо главы Временного правительства Г. Е. Львова с предложением социалистам войти в кабинет министров. Сначала выступал против вхождения представителей Совета во Временное правительство, полагая, что, именно оставаясь вне органов государственной власти, Совет приобрёл авторитет, позволивший ему придать движению масс организованный характер и поддерживать в стране демократический порядок. По словам Н. Н. Суханова, в этом вопросе Чхеидзе «упирался до последней крайности и смирился только перед лицом уже совершившегося факта» [8, т. 2, с. 178].

В дни июльских беспорядков 1917 г. он осуждал большевиков как зачинщиков и заговорщиков, заявил о полной поддержке Советами Временного правительства, но отверг выдвинутые против В. И. Ленина обвинения в шпионаже в пользу Германии. К концу лета, по мнению Н. Н. Суханова, Н. С. Чхеидзе уже настолько потерял влияние на население страны, что представлял собой «только уродливую тень главы того Совета, который некогда повелевал народными стихиями, поднимая волны с самого дна и укрощая ураганы одним своим волшебным словом» [8, т. 3, с. 63].

В сентябре 1917 г. он участвовал в Демократическом совещании. Подчёркивая свой антиимпериализм, заявил 14 сентября в приветствии его делегатам о контрреволюционности стремления российских империалистов к захвату Константинополя. Высказался на совещании также против братаний на фронте, в результате которых «штыки Вильгельма угрожают революционному

Петрограду и революционной России» [4, с. 190]. 5 октября 1917 г. Н. С. Чхеидзе обратился в Предпарламент с уведомлением, что для поправки здоровья вынужден выехать в отпуск в Грузию, после чего в Россию больше не вернулся.

В феврале – мае 1918 г. он являлся председателем (с правами президента) Закавказского сейма, который в марте санкционировал отделение Закавказья от Советской России и в апреле стал высшим органом Закавказской федеративной демократической республики. После распада Сейма и образования Грузинской демократической республики с марта 1919 г. Н. С. Чхеидзе был председателем её Учредительного собрания. Оно избрало его председателем грузинской делегации на переговорах с западными странами о признании де-юре независимости Грузии.

Вместе с меньшевиком И. Г. Церетели он был направлен на Версальскую мирную конференцию с инструкцией от председателя меньшевистского правительства Н. Н. Жордания (её содержание знали только он и Чхеидзе) с выражением готовности Грузии в случае её непризнания принятия протектората Великобритании или Франции с условием сохранения суверенности во внутренних делах: «На этих лицах, – признавался впоследствии Жордания, – мы остановились по следующим причинам: их знали в Европе ещё со времени Петербурга, и благодаря этому они могли использовать своё влияние на европейцев. Они во внутренних делах не играли особой роли, и поэтому их отсутствие не причинило бы никакого ущерба» [2, с. 91].

На взгляд З. Д. Авалова, к отведённой роли защитников независимости Грузии от враждебной России эти «сановники русской революции, высвободившиеся теперь из вынужденной грузинской тесноты на европейский простор», были не пригодны, ибо поставленная цель являлась «для них задачей и неожиданной, и чуждой, и непосильной» [1, с. 187]. Учитывая личные качества Н. С. Чхеидзе, он мог демонстрировать на столь важных переговорах, полагал Авалов, лишь буддистское непротивление злу, растерянное благодушие, обычную для него пассивность и покорность року. Назначить таких «русских деятелей» отстаивать на конференции интересы Грузии было равнозначно, считал он, как если

бы нужды Великобритании там защищал германский социал-демократ Каутский, а интересы Франции – швед Брантинг: «В Париже, в тех условиях, в которых на деле протекала работа, – резюмировал Авалов, – я не видел, какое собственно практическое применение могли получить их таланты» [1, с. 183–187].

После возвращения с конференции, где делегация находилась с марта 1919 г. до конца 1920 г. и где Грузия добилась призна-

ния де-юре, Н. С. Чхеидзе как председатель Учредительного собрания участвовал в разработке её конституции. После вхождения советских войск в Грузию в марте 1921 г. председательствовал в Учредительном собрании в Батуме, откуда вместе с правительством выехал за границу и провёл оставшуюся жизнь в эмиграции, продолжая критику коммунистического режима в России и отстаивая идею восстановления независимости Грузии.

Источники и литература

1. Авалов З. Независимость Грузии в международной политике 1918–1921 гг. New York: Chalidze Publications, 1982. 312 с.
2. Жордания Н. Моя жизнь. Stanford: The Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Stanford University, California, 1968. 130 с.
3. Ленин В. И. Есть ли своя линия у ОК и у фракции Чхеидзе? // Полное собрание сочинений: в 54 т. Т. 27. Август 1915 – июнь 1916 г. Изд. 5-е. М.: Государственное изд-во полит. лит-ры, 1962. С. 240–245.
4. Галили З., Ненароков А., Хеймсон Л. Большевики в 1917 году: в 3 т. Т. 3. Большевики в 1917 году: От корниловского мятежа до конца декабря. Ч. 1. Август – первая декада октября. М.: РОССПЭН, 1996. 448 с.
5. Набоков В. Временное Правительство // Архив русской революции: в 22 т. М.: Терра: Политиздат, 1991. Т. 1. 312 с.
6. Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова (1901–1916) / под ред. Ф. Дана, Б. Николаевского и Л. Цедербаум-Дан. Берлин: Русский революционный архив, 1924. 368 с.
7. Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1919 // Ломоносов Ю. В. Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. М.: Российский гос. гум. ун-т, 1994. С. 15–21.
8. Суханов Н. Н. Записки о революции: в 3 т. М.: Политиздат, 1991–1992. Т. 1. 383 с.; Т. 2. 399 с.; Т. 3. 415 с.
9. Уратадзе Г. Воспоминания грузинского социал-демократа. Stanford: The Hoover Institution on War, Revolution and Peace, 1968. 287 с.
10. Церетели И. Г. Воспоминания о Февральской революции // От первого лица: сборник. М.: Патриот, 1992. 560 с.

Информация об авторе

Костяев Эдуард Валентинович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии, Саратовский государственный технический университет имени Ю. А. Гагарина, г. Саратов, Россия, e-mail: edikost@bk.ru

Information about the author

Kostiaev Eduard V. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russia, e-mail: edikost@bk.ru

УДК 323

Деятельность уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенека (1920–1921) в 20–30-е гг. XX в.

Базар Догсонович Цыбенков¹, Леонид Владимирович Курас²

^{1,2} *Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия*

¹ *e-mail: bazar75@mail.ru, ² e-mail: kuraslv@yandex.ru*

Статья посвящена изучению деятельности уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенека после его увольнения с занимаемой должности и начала новой работы осенью 1921 г. в Министерстве иностранных дел ДВР в г. Чита. Затем он сменил несколько мест работы, постепенно перебираясь на восток страны до Камчатки. Далее Макстенека перебрался в Москву. Особое внимание уделено жизненным проблемам революционера, возникшим из-за «ошибки молодости»: «подаванчества» – подачи им прошения о помиловании на имя царя в 1909 г.

Ключевые слова: О. И. Макстенека, Дальний Восток, Дальневосточный банк, общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, партийное взыскание, Москва

Финансирование. *Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ – Министерства образования, культуры и науки (Монголия), № 19-59-44004 «Монгольская революция 1921 г. в зеркале транс-национальной истории монгольского мира» (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.) (номер государственной регистрации АААА-А20-120021490062-5)*

The Activities of the Authorized Representative of the NKID RSFSR in Mongolia O. I. Makstenek (1920–1921) in the 20–30s. 20th Century

Bazar D. Tsybenov¹, Leonid V. Kuras²

^{1,2} *Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude, Russia*

¹ *e-mail: bazar75@mail.ru, ² e-mail: kuraslv@yandex.ru*

The article is devoted to the study of the activities of the authorized NKID RSFSR in Mongolia O. I. Makstenek after his dismissal from his post and the beginning of a new job in the fall of 1921 at the Ministry of Foreign Affairs of the Far Eastern Republic in Chita. He changed several years of work in the cities of the Far East, including the Kamchatka Peninsula. Then Makstenek moved to Moscow. The author studied the problems in the life of a revolutionary due to a petition for pardon in the name of the king in 1909.

Keywords: O. I. Makstenek, Far East, Far East Bank, society of political convicts, party penalty, Moscow

Долгое время имя первого уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенека оставалось незаслуженно забытым. И только благодаря энергичной работе российско-монгольского научно-исследовательского коллектива в 2020–2021 гг. удалось провести полную реконструкцию его революционной биографии и деятельности на ответственном посту в г. Трицкосавск [1; 4–13; 17; 18]. В работе нами рассмотрены неизвестные страницы биографии революционера, после оставления им должности уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии и перехода на новую работу в ДВР. Жизнь О. И. Макстенека складывалась таким образом, что он менял города и места работ, продвигаясь все далее и далее в восточном направлении. Затем он неожиданно перебирается в Москву, где, по прошествии нескольких лет, завершается его жизнь, попав под каток репрессий.

Весной 1921 г. обстоятельства, связанные с его конфликтом с Трицкосавским Укомом РКП(б), складывались не совсем удачно для Макстенека. Ссылаясь на болезненное состояние и другие причины, он просит руководство НКВД РСФСР отозвать его в Москву или откомандировать в распоряжение ДВР, в результате чего он был оставлен при ДВР. В регистрационном бланке члена ВПП(б) отмечено, что в должности уполномоченного НКВД в Монголии Макстенека проработал до августа 1921 г. и с сентября 1921 г. перешел на работу в Министерство внутренних дел в г. Чита секретарем [15, л. 8, 104].

Приступив к работе в г. Чита, Макстенека с разрешения Дальбюро выехал в курорт Шиванда, где проходил лечение (хронический катар желудка) на протяжении октября-ноября 1922 г. [15, л. 45; 37]. Как известно, курорт Шиванда относится к числу семи

курортов и санаториев Забайкалья (включая Дарасун, Кука, Молоковку, Ургучан, Ямаровку, Ямкун), где лечили заболевания сердечно-сосудистой и нервной систем, желудочно-кишечного тракта и многих других [3, с. 132].

По возвращению в Читу Макстенок заболел сыпным тифом и вышел из больницы 26 декабря 1921 г. [15, л. 45; 37]. Далее, как показывают архивные материалы, его судьба была тесно связана с Дальним Востоком, перебрасывая его все дальше и дальше на восток, до Камчатки. Возможно, в силу своего характера и некоторых других причин, связанных с его ранней революционной деятельностью, он не задерживался долго на одном месте. Так, на должности секретаря МВД в г. Чита он пробыл с 12 января до ноября 1922 г. [15, л. 1]. В то время в «белом» Приморье царили пораженческие настроения; начиналась эвакуация больших групп населения, обернувшаяся одновременно трагическим движением их вниз по социальной лестнице [16, с. 111, 112]. Затем Макстенок работал на должностях управделами в Забайкальском губкоме РКП(б) (до апреля 1923 г.), старшим секретарем Дальневосточного отделения Верховного Суда РСФСР (до января 1924 г.), инспектором Окружной Таможенной инспекции в г. Благовещенск (до октября 1924 г.), управляющим, по другим данным, зав. Транспортной конторы Доброфлота в г. Владивосток (до февраля 1925 г.), контролером в Дальбанке в г. Владивосток (до февраля 1929 г.), зав. хозяйством рыбоконсервного завода в с. Кихчик Усть-Большерецкого района Камчатки (до марта 1931 г.), управляющим Госбанка в с. Усть-Большерецк Камчатки (до июня 1932 г.) [15, л. 1, 5 об., 105, 106]. Работа на этих должностях то и дело сопровождалась конфликтами. Так, 24 сентября 1922 г. или в феврале 1923 г. «за склочность» Дальневосточной Центральной Контрольной Комиссией Макстенку было вынесено строгое порицание [14, л. 21]. Однако самый сильный удар был нанесен ему бывшим сокамерником, донесшим в 1926 г., что Макстенок, будучи в Ревельской тюрьме в 1909 г. написал прошение о помиловании Николаю II. 2 марта 1926 г. он, будучи одним из руководителей «Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев», был исключен из членов организации (протокол Оргкомиссии Центросовета № 7/114) на основании ано-

нимного заявления за «подаванчество» [15, л. 85 об.]. 20 июля 1928 г. Дальневосточный Краевой Комитет исключил его из рядов ВКП(б) за «подаванчество» как исключенного из «Общества политкаторжан» [15, л. 85 об.]. По меркам того времени это было сильнейшим потрясением для Макстенека и его окружения, считавших и почитавших его как твердокаменного коммуниста, члена партии с 1904 г.

Рассмотрим деятельность Макстенека подробнее. На должности контролера в Дальбанке Макстенок пробыл с 1 октября 1925 г. по 1 апреля 1928 г. Одновременно он заведовал кассой и в его руках находились банковские шифры. С 1 апреля 1928 г. его должность была сокращена, уменьшен оклад жалованья на 25 р. в месяц. По мнению О. И. Макстенека, это была первая мера воздействия как исключенного из рядов партии [15, л. 63 об.]. В том же 1928 г. Макстенок начал борьбу за восстановление своего честного имени. Макстенок давал подробные объяснения, подавал апелляции. В декабре 1928 г. он указывал на свою максимальную нервность и в целом подорванное здоровье и писал: «Я питаю надежду и глубоко верю, что товарищи – члены ЦК ВКП(б) вернут мне право рядового члена партии, дадут возможность продолжать такую же честную и справедливую низовую партийную и советскую работу, с которой я сросся и привык к ней» [15, л. 19 об.]. 19 декабря 1928 г. Макстенок писал заявление на имя Ярославского (Е. М. Ярославский (М. И. Губельман) в то время работал секретарем партколлегии Центральной Контрольной комиссии – Б. Ц., Л. К.). В нем О. И. Макстенок просил просмотреть все бумаги и дело и постараться помочь товарищам заседателям ЦКК смыть обвинение, преподнесенное товарищем, подписавшем только номер партийного билета. Отмечая свое тяжелое положение, Макстенок писал: «...я поставлен в гораздо худшее положение любого обывателя – даже белогвардейца. Политическая смерть для меня невыносима. При старости лет, привыкший по своему весу политбагажа работать только в низовой организации, при условиях советской власти, – мое положение хуже приговоренного к высшей мере наказания. Последний переживает тревогу только несколько минут до смерти, а меня будут дергать душевно и как еще, до смерти естественной, годами. Как-то часто вспоми-

наю слова учителя в сельской школе, что грехи против бога прощаются, а грехи, совершенные против святого духа – никогда. Конечно, я не верил этому, но теперь выходит, что мой грех никогда не может быть выкуплен и прощен» [15, л. 62]. В примечании к заявлению он просил Е. М. Ярославского навести справки о его честной службе следующих лиц: тов. Постышева (адрес, наверное, знаете – писал Макстенек – *Б. Ц., Л. К.*); тов. Рудзутака, знающего по Рижской и Бутырской тюрьме; тов. Матвеева Евгения – секретаря Президиума Верховного суда в Москве, бывшего министра внутренних дел ДВР; тов. Петрова, ныне в Москве начальника Главнауки – тоже бывший министр ДВР; тов. Буйко – бывший секретарь Дальбюро ЦК РКП(б) (в Москве). Макстенек писал: «Пусть они дают свои отзывы про меня, как о коммунисте за время совместной службы с ними» [15, л. 62 об.]. Также он указывал и на тов. Иванова, который в ДВР работал министром внутренних дел, а теперь (в 1928 г. – *Б. Ц., Л. К.*) служит зампредом Всеохотсоюза: «Пусть он скажет Вам, просто по-товарищески, какой я был коммунист! Хотя я с ним был в ссоре и создал дело, но интересно, какого мнения он был бы теперь про меня» [15, л. 62]. Также в качестве товарища по совместной работе Макстенек указывал Я. Д. Янсона, который в 1928 г., предположительно, работал в Госиздате [15, л. 19]. Заметим, что имеются расхождения в хронологии деятельности Я. Д. Янсона. По данным В. Милашевского, Янсон работал в издательстве «Академия» в 1935–1937 гг. [14]

С 1 февраля 1929 г. Макстенек был уволен из Дальбанка по сокращению штата [15, л. 75 об.]. Тем временем специальная партколлегия приняла решение, считать возможным оставление его в партии, ввиду того что он своей последующей борьбой в рядах рабочего класса исправил ошибку [15, л. 85 об.]. Решением ЦКК от 19 сентября 1929 г. (протокол 763. п. 1) на Макстенека было наложено партийное взыскание – строгий выговор с предупреждением за сокрытие от партии факта подачи из тюрьмы в 1909 г. прошения на имя царя. Выписку этого решения он получил в 1930 г., когда находился на Камчатке [15, л. 90]. В 1929 г. Макстенеку была предложена должность заведующего хозяйством Кикчик-Кольского рыбоконсервного завода на Камчатке. Мак-

стенек охотно на это согласился и заключил индивидуальный трудовой договор на два года. Предположительно, он заключил договор в феврале 1929 г., а уехал на Камчатку около 7–10 апреля 1929 г. [15, л. 74]. На должности заведующего хозяйством рыбоконсервного завода в с. Кикчик Большерецкого района он проработал до марта 1931 г. С марта 1931 г. по июнь 1932 г. Макстенек работал управляющим Госбанка в Усть-Большерецке (Камчатка).

18 июля 1932 г. за помощь в работе МНРП в период ее организации, оказание особого содействия в деле установления связи партии с Советской Россией, участие в боях с врагами революции, оказание большой помощи в работе Временного Правительства О. И. Макстенек был награжден монгольским орденом «Красного Знамени» [15, л. 91]. Поскольку в документе речь идет о праздновании 10-й годовщины Монгольской революции, можно определить дату награждения как 1931 г. Об этом же свидетельствуют и подписи Л. Лагана, бывшего в 1930–1932 гг. председателем Президиума Государственного Малого Хурала МНР, премьер-министра МНР Ц. Жигжиджава [Там же].

Согласно заявлению О. И. Макстенека от 26 сентября 1932 г. в Центральную Контрольную комиссию ВКП(б), он находился в Москве и занимался восстановлением документов [15, л. 87]. В декабре 1932 г. Макстенек устраивается в Москве начальником инспекции в АО «Продукт» [15, л. 1, л. 5 об., 105, 106], затем переходит на должность начальника инспекции и директора буфетного комбината Московского треста «Кафе» [Там же]. После буфетного комбината Макстенек перешел на службу директором детского санатория и подсобного хозяйства ВЦИКа в Крюково. Он находился на учете в Солнечногорском РК ВКП(б), в партийно-комсомольской группе при детском санатории. [15, л. 90 об.].

Согласно делу П-61825 репрессированного Макстенека Отто Ивановича, хранящегося в ГА РФ и относящегося к т. н. «расстрельным» делам 1937–1938 гг., явствует, что он работал в то время директором детского дома (санаторий им. ВЦИК в Солнечногорском районе), был арестован 19 февраля 1938 г. Осужден Комиссией НКВД и Прокуратурой СССР по обвинению в том, что являлся активным участником

контрреволюционной группы, руководителем которой был Ян Рудзук [2, л. 50]. Находясь в заключении, Макстенок продолжал настойчиво интересоваться судьбой своего прошения о снятии партийного взыскания. Однако ПК сообщило 4 апреля 1938 г., что не видит оснований к пересмотру своего решения в отношении Макстенека от 19 сентября 1929 г. В ходатайстве о снятии с него строгого выговора с предупреждением ему было отказано [15, л. 99]. 29 июня 1938 г. О. И. Макстенок был приговорен к расстрелу, приговор приведен в исполнение 20 августа 1938 г., захоронен в Бутово. 30 июля 1950 г. был реабилитирован [2].

Таким образом, нами прослежен жизненный путь О. И. Макстенека от увольнения с должности уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии и последующей работы секретарем МВД в г. Чита до директора детского дома (санаторий им. ВЦИК в Солнечногорском районе) в Москве в середине 30-х гг. XX в. Особое внимание уделено вопросу, связанному с исключением О. И. Макстенека из членов Общества политкаторжан в 1926 г. и из рядов ВКП(б) Дальневосточным краевым комитетом ВКП(б) в 1928 г. Кратко освещен его переезд в Москву в 1932 г., работа на различных должностях, арест и приговор к ВМН в 1938 г.

Источники и литература

1. Библиография Монгольской революции 1921 г. / сост. Л. В. Курас, Н. Хишигт, Ч. Батдорж, Б. Д. Цыбенков, Ц. С. Очиров, Н. Наранжаргал. Улан-Удэ; Улан-Батор: Оттиск, 2021. 320 с.
2. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Д. П-61825. 50 л.
3. Замана Л. В. Гидроминеральные ресурсы Забайкальского края // Курортная база и природные лечебно-оздоровительные местности Тувы и сопредельных регионов. 2015. № 2. С. 131–134.
4. Курас Л. В. У истоков монгольской народной революции 1921 г. // Россия и Монголия в XX–XXI вв.: к 100-летию Монгольской революции и установления дипломатических отношений: сб. науч. ст. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2021. С. 8–14.
5. Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Город Троицкосавск – колыбель монгольской революции 1921 года // Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX в.: к 75-летию профессора В. А. Скубневского: сб. науч. тр. / под ред. Ю. М. Гончарова, В. Н. Шайдурова. СПб.: Медиапапир, 2020. Вып. IV. С. 171–184.
6. Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Дальневосточная республика: от «конспиративной квартиры» до «колыбели» Монгольской революции // Россия и АТР. 2021. № 1. С. 194–208.
7. Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. ДВР (Троицкосавск) как «конспиративная квартира» Монгольской революции 1921 г. // Россия и Монголия в XX–XXI вв.: к 100-летию Монгольской революции и установления дипломатических отношений: сб. науч. ст. / науч. ред. В. Н. Пармон, Б. В. Базаров. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2021. С. 216–218.
8. Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Забытый дипломат: к 100-летию установления дипломатических отношений между Россией и Монголией // Воронцово поле. Вестник фонда «История Отечества». 2021. № 3. С. 44–50.
9. Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Кяхта на заре Монгольской революции 1921 г. (о деятельности Уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О.И. Макстенека) // Россия и Монголия в XX – XXI вв.: к 100-летию Монгольской революции и установления дипломатических отношений: сб. науч. ст. / науч. ред. В. Н. Пармон, Б. В. Базаров. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2021. С. 15–17.
10. Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. От первого уполномоченного Российской империи в Монголии Я. И. Коростовца до первого уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенека: к 100-летию российско-монгольских дипломатических отношений // Монголоведение. 2021. Т. 13, № 2. С. 351–365.
11. Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Отто Иванович Макстенок: год из жизни советского дипломата // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2020. Т. 32. С. 83–90.
12. Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. У истоков двусторонних отношений России и Монголии: деятельность О. И. Макстенека, первого Уполномоченного Наркоминдел в Монголии // Монголия – Россия: век независимости – век сотрудничества: коллект. моногр. / сост. и отв. ред.: И. В. Кульганек, Т. И. Юсупова. СПб.: Петрополис, 2021. С. 42–47.
13. Курас Л. В., Цыбенков Б. Д., Хишигт Н. Коминтерн и Монголия в период подготовки и осуществления Монгольской революции 1921 г. // Коминтерн и Восток: к 100-летию Коминтерна: коллект. монография / отв. ред. Н. Г. Романова, К. В. Орлова. М.: ИВ РАН, 2021. С. 314–324.
14. Милашевский В. Моя работа в издательстве Academia. Текст: электронный // ОПОЯЗ. URL: <http://www.opojaz.ru/varia/milashevsk.html#Anchor-%1F> (дата обращения: 18.04.2022).
15. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 589. Оп. 1. Д. 2114. Л. 99.
16. Рынков В. М. «Сибирский бег»: вынужденные миграции на востоке России в годы гражданской войны (1918–1922 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. 2014. Т. 9. С. 101–115.

17. Хишигт Н., Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Отто Иванович Макстенек: у истоков монгольской революции 1921 года // *Oriental studies*. 2020. Т. 13, № 2. С. 305–317.

18. Цыбенков Б. Д., Курас Л. В. «Как-то странно звучит слово «дипломатия» в устах коммуниста...»: о дипломатической деятельности уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенека // Россия – Монголия: 100 лет вместе: материалы междунар. науч. конф., посвященной 100-летию установления российско-монгольских дипломатических отношений (Иркутск, 20 мая 2021 г.) / редкол. С. И. Кузнецов [и др.]. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2021. С. 63–69.

Информация об авторах

Цыбенков Базар Догсонович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия, e-mail: bazar75@mail.ru

Курас Леонид Владимирович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия, e-mail: kuraslv@yandex.ru

Information about the authors

Tsybenov Bazar D. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Research Fellow, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia, e-mail: bazar75@mail.ru

Kuras Leonid V. – Doctor of History, Professor, Senior Research Associate, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia, e-mail: kuraslv@yandex.ru

УДК 329:94

Международная повестка в деятельности молодежи приграничного региона (на примере комсомольской организации Псковской губернии в 1920-е гг.)

Ольга Геннадьевна Вишнева

Гуманитарный лицей, г. Псков, Россия

e-mail: olja1502@yandex.ru

В условиях внешнего давления на российское государство актуальность приобретает исторический опыт участия молодежных организаций в осуществлении межнациональной коммуникации. В статье раскрываются основные направления и формы деятельности комсомола приграничной Псковской губернии в 1920-е гг. в контексте интернационального воспитания. Автор отмечает, что происходившие на протяжении 1920-х гг. международные события разубеждали советскую молодежь в возможности утверждения коммунистических идей за рубежом, демонстрировали слабость горизонтальных связей между ленинской комсомольской организацией и молодежными объединениями других стран.

Ключевые слова: комсомольская организация, Псковская губерния, межнациональная коммуникация, интернациональное воспитание, национальная молодежь

The International Agenda in the Activities of Youth in the Border Region (Using the Example of the Komsomol Organization of the Pskov Province in the 1920s)

Olga G. Vishneva

Humanitarian Lyceum, Pskov, Russia

e-mail: olja1502@yandex.ru

Under the conditions of external pressure on the Russian state, the historical experience of the participation of youth organizations in the implementation of international communication becomes relevant. The article reveals the main directions and forms of activity of the Komsomol of the border Pskov province in the 1920s in the context of international education. The author notes that what happened during the 1920s international events dissuaded Soviet youth from the possibility of asserting communist ideas abroad, demonstrated the weakness of horizontal ties between the Leninist Komsomol organization and youth associations in other countries.

Keywords: Komsomol organization, Pskov province, International communication, International Education, National youth

Во все исторические времена молодежь являлась наиболее прогрессивной частью общества, выразителем передовых идей и творцом новых общественных устоев. Именно в молодежной среде закладываются социальные взаимодействия, касающиеся широкого спектра вопросов. Во многом свободная от предрассудков и стереотипов молодежь быстро реагирует на изменения окружающей действительности, реально воспринимает текущие события, происходящие в стране и мире, а также расположена к активному участию в общественно-политической жизни общества. Действуя в рамках молодежных организаций, молодежь приобретает еще больший потенциал в качестве канала коммуникации, в том числе международной, межкультурной. Молодежные объединения в приграничном регионе могут способствовать росту доверия между соседними народами, что, в свою очередь, является залогом плодотворного межгосударственного сотрудничества. В связи с этим представляется актуальным рассмотреть деятельность молодежной комсомольской организации в пограничной Псковской губернии на фоне напряженной международной обстановки в 1920-е гг., выделить основные направления и формы активности комсомола в контексте интернационального воспитания, оценить эффективность коммунистического молодежного объединения в деле налаживания отношений между разными этносами.

Процесс образования комсомольской организации в Псковской губернии развертывался на фоне иностранной военной интервенции и борьбы с белым движением. В 1918 г. значительная часть территории прифронтового региона, в том числе и город Псков, были оккупированы германскими войсками. В следующем году губернский центр был вновь взят, но уже белогвардейцами. Сложившаяся историческая обстановка отсрочила процесс оформления союзов молодежи на временно занятых территориях, а также затруднила объединение комсомольских ячеек в масштабах губернии. I губернский съезд комсомола открылся только 21 июня 1919 г. в г. Великие Луки. 25 декабря 1919 г. после вторичного освобождения г. Пскова состоялся II губернский съезд комсомола [17, с. 24, 28].

С самого начала своего существования комсомольская организация Псковщины

развивалась в фарватере международных событий. В период активной фазы Гражданской войны псковские комсомольцы принимали участие в мобилизациях на фронт: в мае 1919 г. против армии А. В. Колчака на восточном фронте и отрядов С. Н. Булак-Балаховича, поддержанных белоэстонцами, в октябре 1919 г. против армии А. И. Деникина, в мае 1920 г. против поляков. В Псковской губернии, как регионе, имевшем важное стратегическое значение, по решению II Всероссийского съезда РКСМ мобилизации подлежало только 30 % членов союза [3, с. 69]. Число мобилизованных комсомольцев за три призыва составило соответственно 119 (из 189 членов комсомольской организации к июню 1919 г.), 100 (из 1 400 членов к концу 1919 г.) и 250 (из 3 500 членов к середине 1920 г.) человек [17, с. 24, 28]. Несмотря на традиционно громкие заявления комсомольского руководства о высокой моральной и боевой готовности молодежи бороться с врагом, молодежь не всегда демонстрировала своё идеологическое единство на практике. Так, на собрании Новоскольниковской организации РКСМ один из комсомольцев выступил с заявлением об отказе от ранее принятого решения о добровольной отправке на фронт: «Я еще мал, я с маменькой говорил, и она мне ехать на фронт не позволяет, поэтому прошу мое заявление уничтожить или возвратить мне обратно» [6, с. 14].

После заключения мирных договоров РСФСР с Эстонией (2 февраля 1920 г. в Тарту), Латвией (11 августа 1920 г. в Риге) и отмены военного положения в Псковской губернии 5 января 1921 г. [8, с. 341] боевая активность комсомола устремилась в русло охраны правопорядка и безопасности на приграничных территориях. Юноши из Псковской организации РКСМ вступали в отряды ЧОН – частей особого назначения, противодействовавших диверсионным отрядам, образованным на территории Эстонии и Латвии противниками большевистской власти. Военная организация «Народный союз защиты родины и свободы», созданная Б. В. Савинковым при поддержке польских властей, формировала боевые отряды, которые совершали нападения на сельсоветы, грабили магазины и склады, убивали партийных и советских работников [2]. Так, осенью 1921 г. погиб секретарь Ашевской комсомольской организации В. Щекин. Ком-

сомольцы в составе отрядов ЧОН Псковского, Порховского, Новоржевского и Великолукского уездов активно противостояли бандитским группам. Борьба с ними велась до 1924 г. [18, с. 34].

С переходом к мирному строительству основной задачей в рамках международной повестки в деятельности комсомольской организации Псковской губернии стало укрепление связей с молодежными революционными организациями зарубежом. Как выразилась на этот счет выступавшая на II Всероссийском съезде РКСМ А. М. Коллонтай: «Нужно, чтобы в основание вашего движения легло чувство солидарности рабочих всего мира [3, с. 8]. На постоянной основе осуществлялось взаимодействие псковских комсомольцев с эстонской молодежью. Псковская организация ВЛКСМ взяла шефство над Коммунистическим Союзом молодежи Эстонии (КСМЭ). На третьем пленуме Псковского губкома ВЛКСМ 23–30 июня 1926 г. была принята резолюция о необходимости осуществления плановой связи губернского союза молодежи и КСМЭ, проведения взаимной переписки и заслушивания на пленумах и конференциях Псковской губернской организации докладов представителей эстонского комсомола. В подобной переписке между псковскими и эстонскими комсомольцами последние выражали благодарность в адрес своих товарищей за дружескую и моральную поддержку, при этом отмечая заметное положение ВЛКСМ в политической системе советского государства по сравнению с ролью КСМЭ как подпольной организации в капиталистической стране: «Нельзя сравнить жизнь комсомола Эстонии и СССР. Мы – рабы, вы – свободные граждане» [7, с. 4].

Псковский губернский союз молодежи проявлял интерес к событиям общественно-политической жизни Эстонии. В ходе недели МОПР, проходившей в декабре 1924 г., в центре внимания псковских комсомольцев оказались события расстрела молодых эстонских подпольщиков по приказу собственного правительства. Комсомольцы землеустроительного техникума на собрании 12 декабря 1924 г., заслушав сообщение о положении рабочих Эстонии, о забастовках и расстреле 18-летнего молодого человека по фамилии Выру, постановили: «Кровью рабочего предателя не улучшат своего положения. За кровь рабочих Эсто-

нии придется рассчитываться своими головами. Мы посылаем братский привет эстонским рабочим и рабочей молодежи» [17, с. 54].

В пользу зарубежной молодежи члены Псковской губернской организации РЛКСМ проводили добровольные сборы, платные вечера, средства от которых шли в фонд МОПРа. Проанализировав сводку поступлений интернациональных взносов за 1924–1925 гг., следует констатировать невысокую активность комсомола, направленную на выполнение своих финансовых обязательств. Из необходимой для внесения суммы в размере 1086,25 р. за два года было собрано всего 249,30 р. [11, л. 4], что подтверждает факт ограниченности, а иногда полного отсутствия свободных финансовых ресурсов, имевшихся в распоряжении у молодежи, которая в большинстве своём еще не располагала собственным хозяйством. По мере усиления экономической работы силами комсомольской организации создавались предпосылки для роста доходов молодежи. Так, уже за 1926 г. интернациональный взнос в размере 905 р. псковской губернской комсомольской организацией был выполнен полностью [14, с. 21].

Интернациональная активность комсомольской организации Псковской губернии имела также форму массовых кампаний, связанных с революционной тематикой либо являвшихся откликом на текущие события общественно-политической жизни в мире. Январские кампании комсомольцев были посвящены памяти К. Либкнехта и Р. Люксембург. Демонстрациями и митингами сопровождалось празднование Международного дня работниц, 1 мая.

С особым размахом в Псковской губернии отмечался Международный юношеский день (МЮД). Накануне праздника проводились торжественные заседания. Непосредственно в международный юношеский день устраивались демонстрации комсомольцев с участием допризывников, юных пионеров, членов партии, профсоюзов, воинских частей. Празднование заканчивалось спектаклями, митингами, союзными вечерами, инсценировками. Так, в демонстрациях 2 сентября 1923 г. приняло участие по губернии около 8 000 молодых людей [9, л. 76]. Тогда по согласованию с уездными исполкомами удалось провести переименование Великолукской улицы в То-

ропце в Комсомольскую; Ильинскую улицу в Острове – в улицу имени Спартака, Петропавловскую – в улицу Красного Флота, Покровскую улицу – в Комсомольскую, а также присвоить островскому детскому саду имя К. Либкнехта [10, л. 24, 37]. Подобные акции призваны были сплотить молодежь, продемонстрировать ее идеологическое единство, а иногда воздействовать на политическое сознание населения приграничных регионов. Так, в воспоминаниях очевидца проведения МЮД в 1926 г. в пограничной полосе Островского уезда, имевших определенный оттенок тенденциозности, отмечалось: «Большая демонстрация для деревни, человек 500 молодежи и взрослых, общее пение, ...образцовый порядок во время демонстрации и митинга... Только латвийские жандармы на другом берегу злобно поглядывали из-под козырька английской кепи и с остервенением разгоняли собирающееся к границе местное население» [5, с. 43].

Лозунгом Международного юношеского дня 6 сентября 1925 г. стало укрепление связи с зарубежными организациями РКСМ, усиление ее участия в социалистическом строительстве. По приглашению комсомольцев в течение осени 1925 г. Псковскую губернию посетили две иностранные делегации рабочей молодежи: первая в составе австрийцев и немцев, во вторую входили немцы, бельгийцы и 2 члена коммунистической организации Америки [17, с. 45, 46]. Делегации были немногочисленны, так как поездка во враждебную страну расценивалась как предательство партийных интересов и была сопряжена с негативными санкциями в отношении лиц, желающих «узнать правду о Советском Союзе». Так, делегация из Австрии включала 3 независимых социалиста, 2 комсомольца и 2 правых социал-демократа. Последние за самовольное посещение Советского Союза были исключены из своей партии [1, с. 2].

В деятельности псковской губернской комсомольской организации находили отражение значимые события международной жизни («ультиматум Керзона» 1923 г.), Рурский конфликт в 1923 г. и попытка организации в Германии коммунистического восстания в 1923 г., всеобщая забастовка в Англии в 1926 г., разрыв англо-советских дипломатических отношений в 1927 г., революция в Китае в 1925–1928 гг.), но большинство из них соотносилось с европейским

направлением внешней политики СССР. В рамках интернационального воспитания преобладала пропагандистская работа силами комсомольских клубов, юношеских секций, сводившаяся к разъяснению молодежи сущности происходивших событий с учетом их «верной» трактовки в духе коммунистической идеологии. Первоначальная уверенность в неизбежности мировой революции постепенно уступала место прогнозу возможного военного конфликта с Западом (прежде всего с Англией). Понимание того, что большевикам, скорее всего, придется строить социализм одним, во враждебном капиталистическом окружении, пронизывало сознание молодежи, убеждало в необходимости милитаризации как залога эффективной подготовки к защите Отечества [4, с. 9]. В ходе двух общественно-политических кампаний – помощи германскому комсомолу в виде сборов на пополнение Либкнехтовского фонда [15, с. 76] и английским шахтерам [14, с. 1], комсомольская молодежь Псковской губернии приняла финансовое участие.

Одним из направлений деятельности комсомола в приграничном регионе была работа с национальной молодежью. На 1 июля 1926 г. в Псковской губернии проживало 27 037 евреев, 14 330 латышей и 14 284 эстонцев [21, с. 30], при этом численность населения составляла 1 629 629 чел. [19, с. 6]. Создаваемыми на местах национальными секциями и губернскими бюро руководили Центральные бюро при ЦК РКП(б) и ЦК РКСМ. При Псковском губкоме комсомола действовали эстонская, латышская и еврейская секция, были выделены нацуполномоченные в те волости и уезды, где проживали национальные меньшинства: Великолукский, Псковский, Опочецкий, Велижский, Торопецкий, Холмский уезды. В уездах при клубах, избах-читальнях, красных уголках образовывались комсомольские ячейки, объединявшие нерусскую молодежь. В Псковской губернии они были немногочисленны. Так в конце 1925 г. из 170 представителей латышской молодежи 135 являлись членами русских ячеек и всего 35 состояли в трех латышских ячейках, 15 эстонцев-комсомольцев из 175 были объединены в одну национальную ячейку [13, л. 176, 177]. Удельный вес еврейской, латышской и эстонской молодежи в губернском союзе был невелик: к 1 января

1926 г. – 4,6, 1,7 и 1,2 % соответственно [12, л. 83]. Однако, в первые годы существования губернской комсомольской организации в ее руководстве ведущие позиции занимали выходцы из Латвии: первый председатель губкома РКСМ Н. И. Шторх; первый секретарь губкома РКСМ П. Я. Юдейко; В. И. Зеймаль – член ЦК КП(б) Латвии, находясь в Пскове, подпольно возглавлял латышский комсомол. После прошедшей в ноябре 1922 г. XIII псковской губернской партийной конференции началась «чистка» партии от представителей латышской национальности [16, с. 162]. В последующем эта линия была продолжена комсомольской организацией. Тем временем в резолюциях губкома комсомола, касавшихся работы среди нацменьшинств, уделялось особое внимание «обеспечению коммунистического влияния» среди нерусской молодежи, в большинстве своем крестьянской. С целью вовлечения представителей национальных меньшинств в общественно-политическую и культурную работу в Пскове в октябре 1925 г. были открыты латышская и эстонская ШКМ, а также латышской клуб [20, с. 5]. Вся культурно-просветительная деятельность в этих учреждениях велась на национальных языках, при этом подходящая литература практически полностью отсутствовала.

Исходя из объективной предпосылки прохождения государственной границы с

прибалтийскими государствами по территории Псковской губернии, наиболее заметное место в деятельности комсомольской организации региона занимала межнациональная коммуникация с эстонской и латышской молодежью, проживавшей как в своих странах, так и в пределах губернии. В основе взаимодействия этносов лежало единство идеологических воззрений. Именно это обстоятельство и создавало преграды для установления широких и открытых контактов в молодежной среде. Молодежные организации западных капиталистических стран, разделявшие коммунистические идеи, находилась фактически на нелегальном положении в своих странах. Массовые кампании комсомольской организации Псковской губернии в рамках интернационального воспитания являлись в большинстве эпизодическими. На постоянной основе, но с определенными трудностями осуществлялось функционирование культурно-просветительских учреждений национальных меньшинств в Псковской губернии и шефство над КСМЭ. В конечном итоге происходившие на протяжении 1920-х гг. международные события разубеждали молодежь в возможности выхода диктатуры пролетариата за пределы СССР, свидетельствовали о слабости горизонтальных связей между ленинской комсомольской организацией и молодежными объединениями других стран.

Источники и литература

1. Березский А. Приезд рабочей молодежи Австрии // Псковский набат. 1925. 3 сент.
2. Васильев М. В., Везовитов С. М. Диверсионно-террористические и бандитские формирования на территории Псковской губернии в первой половине 1920-х гг. // Военно-исторический журнал. 2011. № 10. С. 55–58.
3. Всероссийский съезд РКСМ. Стенографический отчет. 5–8 октября 1919 г. Петербург, 1920. 81 с.
4. Галкова О. В., Петрова И. А. Милитаризация жизни советской молодежи в 1920-х – начале 1930-х годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. 2015. № 4. С. 8–18.
5. Григорьев А. Об удушении живой мысли и об аппаратном зажиме в комсомоле // Спутник большевика. 1926. № 10–11. С. 41–44.
6. Десятилетие Псковского комсомола. Псков: Пск. окружком ВЛКСМ и Истмол, 1929. 16 с.
7. Кузин С. Дружба мужала в борьбе // Псковская правда. 1982. 25 нояб.
8. Летопись земли Псковской: годы и события. Псков: Псковский гос. пед. ун-т им. С. М. Кирова, 2007. 487 с.
9. ОДНИЛС ГАПО (Отделение документов новейшей истории и по личному составу Государственного архива Псковской области). Ф. 2496. Оп. 1. Д. 68.
10. ОДНИЛС ГАПО. Ф. 2496. Оп. 1. Д. 100.
11. ОДНИЛС ГАПО. Ф. 2496. Оп. 1. Д. 156.
12. ОДНИЛС ГАПО. Ф. 2496. Оп. 1. Д. 197.
13. ОДНИЛС ГАПО. Ф. 2496. Оп. 1. Д. 215.
14. Отчет Псковского губкома ВЛКСМ за период с 1 октября 1925 г. по 1 октября 1926 г.: (приложение к отчету Псковского губкома ВКП(б)). Псков: Псковский губком ВКП(б), 1926. 32 с.
15. Отчет Псковского губкома РКП(б) к XV Губпартконференции. Псков: Псковский Губком РКП(б.), 1924. 108 с.

16. Очерки истории Псковской организации КПСС. Л.: Лениздат, 1971. 541 с.
17. Очерки по истории комсомола Псковской области. Псков: Газ. «Псковская правда», 1959. 127 с.
18. Попова Н. П. Комсомол Псковской губернии в период восстановления народного хозяйства в 1921–1925 гг. // 70-летие ВЛКСМ. История, опыт, проблемы: материалы областной науч.-практ. конф. (г. Псков, 22 октября 1988 г.). Псков, 1989. С. 32–37.
19. Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 1926 г. по Псковской губернии. Псков: Псковский губстатотд, 1927. 12 с.
20. Салкина О. Еврейские секции РКМ на Псковщине // Стерх. 2003. № 60.
21. Экштейн Н. Культурное обслуживание национальных меньшинств в Псковской губернии // Спутник большевика. 1926. № 10–11. С. 29–32.

Информация об авторе

Вишнева Ольга Геннадьевна – кандидат исторических наук, учитель истории, Гуманитарный лицей, г. Псков, Россия, e-mail: olja1502@yandex.ru

Information about the author

Vishneva Olga G. – Candidate of Historical Sciences, History teacher, Humanitarian Lyceum, Pskov, Russia, e-mail: olja1502@yandex.ru

УДК 323

**К вопросу об организации курсов иностранных языков
для сотрудников КВЖД (по материалам «Вестника Маньчжурии»)**

Юлия Николаевна Ланцова

*Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
e-mail: astra205@yandex.ru*

КВЖД имела очень важное экономическое, политическое и военное значение практически всю первую половину XX в. И, учитывая территориальное расположение, очень важной составляющей для эффективной и экономически выгодной деятельности было знание агентами дороги китайского и русского языков. В статье анализируется проект организации вечерних курсов иностранных языков, которые без отрыва от производства смогли бы частично решить эту проблему.

Ключевые слова: Китайско-Восточная железная дорога, Забайкалье, СССР, Китай, курсы иностранных языков, переводчик, драгоман

**On the Issue of Organizing Foreign Language Courses for Employees of the CER
(Based on materials from the “Bulletin of Manchuria”)**

Yuliya N. Lantsova

*Transbaikal State University, Chita, Russia
e-mail: astra205@yandex.ru*

The CER had a very important economic, political and military significance for almost the entire first half of the XX century. And given the geographical location, a very important component for efficient and cost-effective activity was the knowledge of Chinese and Russian by road agents. The article analyzes the project of organizing evening foreign language courses, which, on the job, could partially solve this problem.

Keywords: Chinese Eastern Railway, Transbaikalia, USSR, China, foreign language courses, translator, dragoman

Китайско-Восточная железная дорога играла большую роль в международных отношениях на протяжении всей первой половины XX в., что естественно объяснялось как социально-экономическими, политическими так и военными факторами.

В Северо-Восточном Китае крупномасштабное строительство развернулось в 1898 г. крупномасштабные строительные работы, а уже в 1903 г. была сдана в эксплуатацию, и началось регулярное сообщение.

В административном плане вся Китайско-Восточная железная дорога была разделена на три части: западную от Кай-долово до Харбина, восточную от Харбина до Никольского, южную от Харбина до Порт-Артура.

Все три части КВЖД делились на 22 участка во главе с собственным инженером и техническим персоналом. Всего на железной дороге было задействовано 150 русских инженеров и техников, а также внушительный медицинский персонал – 24 врача и 75 фельдшеров. Должности технического персонала дороги – мастеров, десятников и мастеровых (слесарей, кузнецов) – занимались рабочими из России. Прочий же персонал железной дороги численностью 100 тысяч человек набирался среди местного населения. В ведении всего этого огромного по численности предприятия находились значительные пространства Маньчжурии, по которой проходила сама железная дорога [6].

Естественно, что со временем количество сотрудников, как с русской, так и с

китайской стороны увеличивалось, а это требовало решение языковой проблемы. С самого начала эксплуатации на КВЖД работали выпускники Восточного университета Санкт-Петербургского университета, Восточного института во Владивостоке, Токийской духовной семинарии, Уринской школы переводчиков и толмачей. После отмены права экстерриториальности для подданных России и организации Особого района восточных провинций потребность в знании китайского языка кратно увеличилась [5].

М. В. Кротова говорит о том, что на КВЖД разделяли должности драгомана и переводчика. Драгоманами были специалисты-востоковеды, они сопровождали официальные встречи и переговоры. Переводчики выполняли в основном письменные переводы.

Существовали и ведомственные школы дороги (табл. 1), которые реформировались, как и в дореволюционный период, так и в 1917–1923 гг. [1; 2]. Численность которых приводится в статье С. Б. Белоглазовой.

Таблица 1

Ведомственные учебные заведения во второй половине 1920-х гг. (Харбин – станции КВЖД) [2]

Учебные заведения	Годы		
	1926	1927	1928
По г. Харбину	29	26	16
По станциям на линии КВЖД	73	нет свед.	19
Всего: учебных заведений	102	нет свед.	35

Обучение в школах китайскому языку вводилось только с 1925 г. и на рассматриваемый период еще не дали ощутимых результатов [9, с. 18].

Однако для наиболее эффективной работы железной дороги необходимо было наладить изучение китайского языка и среди агентов. Необходимо это было и с точки зрения ведения документации и взаимодействия сотрудников. Однако изучение китайской письменности требовало огромных усилий, обучение чтению и оформлению грамотных переводов требовало большого практического опыта. Поэтому акцент был сделан на изучение разговорного китайского и русского языков.

Как отмечал К. Филипповичев, знание агентами языков облегало и ускоряло процесс работы на дороге, уменьшало количе-

ство служебных недоразумений и давало экономию денежных средств.

До 1927 г. уже существовали двухгодичные курсы для подготовки русских агентов и годовые курсы русского языка для китайских агентов к службе на дороге, но они были не достаточны, и многие из слушателей отчислялись.

Была объективная необходимость организации специальных языковых курсов в зависимости от категории служащих и рабочих КВЖД: агенты дороги, работающие с широкими массами населения (кондуктора, стрелочники, проводники и т. д.); агенты, работающие с документами (весовщики, кассиры и др.); агенты, работающие не только с населением, но и с представителями деловых кругов (Коммерческая часть, Экономическое бюро и пр.).

Раздел 1. Актуальные вопросы отечественной и всеобщей истории

Предполагалось, что для первых будут достаточны полугодовые курсы, вторых – годовые, а для третьей категории не менее двух лет. Также кроме русского и китайского языков, для части агентов планировалась организация обучения и английскому языку.

Пример организации таких курсов был Южно-Маньчжурской железной дороге. Там были организованы группа для изучения ки-

тайского языка для младших агентов, имеющих «образовательный ценз» не ниже 6 лет обучения и группа старших ответственных служащих, имевших высшее образование. В первой группе четырехлетнее обучение было обязательным, вторая группа обучалась год и по желанию.

Схожие вечерние курсы планировалось организовать и на КВЖД. План их организации представлен в табл. 2.

Таблица 2

**Развитие сети курсов иностранных языков для служащих
Китайской Восточной железной дороги на 3-летие 1927–1929 гг. [9, с. б. н.]**

	127 на полугодие				1928 на год				1929 на год			
	Число групп				Число групп				Число групп			
	Китайский язык	Русский язык	Английский язык		Китайский язык	Русский язык	Английский язык		Китайский язык	Русский язык	Английский язык	
1. Харбин												
Нов. Город	2	1	-		4	2	-		6	3	-	
Депо	4	2	-		6	3	-		9	4	-	
Мех. Наст.	4	2	-		6	3	-		9	4	-	
2. Линия Маньчж.												
Хайлар	2	1	-		2	1	-		2	1	-	
Хайлар	1	1	-		2	1	-		2	1	-	
Запад Бухэду	1	1	-		2	1	-		2	1	-	
Цицикар	2	1	-		2	1	-		2	1	-	
Аньда	2	1	-		2	1	-		2	1	-	
Юг Яомынь	1	1	-		2	1	-		2	1	-	
Куаньчен	2	1	2		2	1	2		2	1	2	
Восток Имяньпо	2	1	-		2	1	-		2	1	-	
Ханьдаох	1	1	-		2	1	-		2	1	-	
Мулин	1	1	-		2	1	-		2	1	-	
Пограничн.	2	1	-		2	1	-		2	1	-	
Всего групп	27	16	2	=45	38	19	2	=59	46	22	2	=70
курсантов	675	400	50	=1125	950	475	50	=1475	1150	550	50	=1750
в 25 год. час.	324	192	24	=270	456	228	24	=708	552	264	24	=840
3. Линия Ваг.-аудиторий три				ваг.-ауд. 4				ваг.-ауд. 5				
1. Запад	3	3	-	запад 1	3	3	-	запад 2	6	6	-	
2. Восток	3	3	-	восток 2	6	6	-	восток 2	6	6	-	
3. Юг	3	3	2	юг 1	3	3	2	юг 1	3	3	2	

Окончание табл. 2

	127 на полугодие				1928 на год				1929 на год			
	Число групп				Число групп				Число групп			
	Китайский язык	Русский язык	Английский язык		Китайский язык	Русский язык	Английский язык		Китайский язык	Русский язык	Английский язык	
Всего групп	9	9	2	=20	12	12	2	=26	15	15	2	=32
курсантов	180	180	40	=400	240	240	40	=520	300	300	40	=640
в 20 год. час.	108	108	24	=120	144	144	24	=312	180	180	24	=384
Итого групп	36	25	4	=65	50	31	4	=85	61	37	4	=102
курсантов	855	580	90	=1525	1040	715	90	=1845	1450	850	90	=2390
год. час.	432	300	48	=390	600	372	48	=1020	732	444	48	=1224

Таким образом, за первую половину 1927 г. предполагалось обучить 1 525 чел., общий расход был 113 629 р., стоимость обучения курсанта – 74 р. 50 к.

Для более эффективной работы курсов предполагалось их организовывать максимально приближенно к месту работы, г. Харбине: в Новом Городе – при курсах китайского и русского языков для подготовки железнодорожных агентов; на Пристанях – при школах депо и механических мастерских. На линии – на более крупных центральных станциях, там, где уже были школы II ступени. На Западной линии 5 филиалов: станциях Маньчжурия, Хайлар, Бухэду, Цицикар, Аньда. На востоке 4 филиала: на станциях Имяньпо, Ханьдаохэцзы, Мулин, Пограничная. На Южной – 2 филиала на станциях Яомынь и Куаньченцзы [9, с. 19].

На промежуточных небольших станциях, где постоянных курсов нельзя было открыть, предполагалось организовать работу вагонов-аудиторий. На первое полугодие 1927 г. планировалось открыть по одному на линию: Западную, Восточную и Южную.

На Западной линии вагон бы обслуживал район Бухэду – Аньда, с промежуточными станциями, на востоке – Ашихэ – Ханьдаохэцзы, на юге – Шуанченпу – Куаньченцзы [9, с. 19].

Руководство по организации курсов должно было находиться в Харбине, на

линии – заведующие курсами, при помощи инструкторов по русскому и китайскому языкам. Оплата на курсах была поурочная (110 р. за час), а в вагонах аудиториях – фиксированная, помесечная (2 100 р. в год, при нагрузке – 18 час. в месяц).

Определялось и примерное содержание курсов: в оставшиеся месяцы 1927 г. должен был преподаваться общий курс китайского и русского разговорного языка; в 1928 г. – два полугодиевых курса разговорного языка для большинства агентов и продолжение занятий для слушателей 1 курса (разговорный язык, чтение и письмо простейших документов); в 1929 г. – так же два полугодиевых курса разговорного языка, продолжение занятий по специализации второго курса, ввод занятий по специализации для третьего курса. Также планировалось, что наиболее способные успешные слушатели будут иметь возможность перевестись на четвертый курс для подготовки драгоманов. Чтобы заинтересовать агентов дороги в обучении на вечерних курсах для окончивших первый курс прибавка к заработной плате равнялась 20 %, второй курс – 25 %, третий курс – 30 %, а также было возможно повышение по службе [9, с. 21].

Практическая значимость таких курсов не вызывало сомнений и этот проект был представлен в Управление дороги, однако ответная реакция на данную инициативу в «Вестнике Маньчжурии» указана не была.

Источники и литература

1. Белоглазова С. Б. Реформа ведомственных школ на Китайско-Восточной железной дороге во второй половине 1920-х гг. Текст: электронный // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30753636&> (дата обращения: 22.05.2022).

2. Белоглазова С. Б. Советская реформа школы на КВЖД (вторая половина 1920-х г.) Текст: электронный // Россия и АТР. 2017. № 3. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29967052&> (дата обращения: 22.05.2022).
3. В. Г. Работа Китайской Восточной железной дороги за три года (3 октября 1924 г. – 3 октября 1927 г.) // Вестник Маньчжурии. 1927. № 10. С. 1–7.
4. Кобзарева А.П. Китайская Восточная железной дорога в 1926 году // Вестник Маньчжурии. 1927. № 3. С. 15–22.
5. Кротова М. В. Востоковеды-переводчики на КВЖД. Текст: электронный // ВОСТОК. (ORIENTS). 2017. № 2. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29232351&> (дата обращения: 22.05.2022).
6. Олейников И. В. Деятельность администрации Китайской Восточной железной дороги в 1917–1920 гг.: социально-экономические, политические и правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Новосибирск, 2003. Текст: электронный // disserCat: электронная библиотека диссертаций. URL: <https://www.dissercat.com/content/deyatelnost-administratsii-kitaiskoi-vostochnoi-zheleznoi-dorogi-v-1917-1920-gg-sotsialno-ek> (дата обращения: 29.03.2022).
7. Перминов В. В. Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД). Текст: электронный // Энциклопедия Забайкалья. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=5124> (дата обращения: 05.05.2022).
8. Попов И. М. Строительство КВЖД: военные аспекты. Текст: электронный // ВикиЧтение. URL: <https://history.wikireading.ru/246014?> (дата обращения: 22.05.2022).
9. Филипповича К. Организация курсов иностранных языков для агентов КВЖД // Вестник Маньчжурии. 1927. № 7. С. 18–21.

Информация об авторе

Ланцова Юлия Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, e-mail: astra205@yandex.ru

Information about the author

Lantsova Yuliya N. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of History of the Faculty of History and Philology, Transbaikal State University, Chita, Russia, e-mail: astra205@yandex.ru

УДК 94(47+57:510)

**Пребывание японского посла в СССР Тамекити Ота
и генерального консула во Владивостоке Рие Ватанабэ
в Маньчжурии в 1935 г.**

Евгений Викторович Дроботушенко

*Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
e-mail: drzz@yandex.ru*

В статье приводятся новые данные по истории японского пребывания в Северном и Северо-Восточном Китае в 1930-х гг. Их можно назвать «материалами к названной истории». В основу статьи легли документы Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), в которых находим неизвестную, на сегодня, информацию в рамках предметного поля исследования. Речь идет о поездках посла Японии в СССР Тамекити Ота и генерального консула во Владивостоке Рие Ватанабэ по территории Маньчжурии в 1935 г.

Ключевые слова: посол Ота, консул Ватанабэ, Япония, СССР, Северный и Северо-Восточный Китай, Маньчжурия, Телетайпное агентство Советского Союза (ТАСС)

Stay of the Japanese Ambassador to the USSR Tamekiti Ota and Consul General in Vladivostok Rie Watanabe in Manchuria in 1935

Evgeny V. Drobotushenko

Transbaikal State University, Chita, Russia

e-mail: drzz@yandex.ru

The article presents new data on the history of Japanese residence in Northern and Northeastern China in the 1930s. They can be called “materials for the named story”. The article is based on the documents of the State Archive of the Russian Federation (SA RF), in which we find unknown, for today, information within the subject field of the study. We are talking about the trips of the Japanese Ambassador to the USSR Tamekiti Ota and the Consul General in Vladivostok Rie Watanabe on the territory of Manchuria in 1935.

Keywords: gilding, consul Watanabe, Japan, USSR, North and Northeast China, Manchuria, Teletype Agency of the Soviet Union (TASU)

История Северного и Северо-Восточного Китая в четвертом десятилетии XX в. богата самыми разными событиями. Трагическими для данной территории стали годы японской оккупации, т. е. период с 1931 по 1945 гг. Часть китайского населения благоклонно приняла новый режим, однако, в значительной степени, ничего хорошего он не принес, затормозив на какое-то время самостоятельное развитие региона.

Одна из страниц названной истории, не нашедшая, на сегодня, должного анализа в исследовательской литературе – это посещение Северного и Северо-Восточного Китая послами-консулами Японии в СССР. Требуя ответов вопросы: «Для чего они совершали данные поездки?», «Чем занимались в ходе них, с кем встречались и что обсуждали?» и т. д.

Информация в рамках предметного поля исследования нашла отражение на страницах изданий периодической печати оккупированных японцами территорий Северного и Северо-Восточного Китая (в источниках они обобщенно именуются Маньчжурией) и изданий на территории Японии. Очевидно, что работа с данным видом источников затруднена по ряду обстоятельств: язык и место издания, не всегда большой тираж, а значит немного и сохранившихся экземпляров. Здесь на помощь приходит ряд интереснейших дел Государственного архива Российской Федерации. Это «Досье бюллетеня не для печати иностранной информации иностранной справочной редакции ТАСС» они относятся к 28 описи «Редакция документальная справочная за 1935–1962 гг.» фонда Р-4459 «Телеграфное агентство Советского Союза при Совете Министров СССР (ТАСС). 1925–1992».

Речь идет о целом ряде дел по Китаю в целом [1–4], по не северным территориям [5; 6], по западу страны [7].

Наряду с отмеченными делами в хранилищах встречаем ряд дел по Маньчжурии. По сути, это также Северный Китай, но вырезки из газет представлены отдельно [10–13].

Упомянем также два отдельных дела по землям, прилегающим к Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД), которые территориально также относятся к северу страны [8; 9].

Информацию о поездках по Северному и Северному Китаю посла Японии в СССР Тамекити Ота и генерального консула Японии во Владивостоке Рие Ватанабэ встречается в подборке газетных заметок от марта-апреля 1935 г. [10]

Цель поездки Тамекити Ота в имеющихся публикациях не называется. Когда конкретно он оказался на территории Маньчжурии, в документах информации нет, однако известно, что 16 апреля 1935 г. он прибыл в г. Чаньчунь, именовавшийся также с 1939 г. Синьцзинь, новым городом (яп. – 新京 – синкё), столицу марионеточного японского государства Маньчжоу-Го (大滿洲帝國, *Даманьчжоу-диго*) [Там же, л. 75]. Чаньчунь также являлся центром Чаньчуньского уезда, созданного японскими оккупационными властями в 1932 г.

На вокзале посла встречал, ни больше, ни меньше начальник штаба Квантунской армии Тосидзо Нисио, занявший эту должность годом ранее, 5 марта 1934 г. Делегацию встречающих дополняли руководители самых разных ведомств Маньчжоу-Го [Там же, л. 75].

Тамекити Ота дал в г. Чаньчуне ряд интервью корреспондентам местных газет.

Интересный материал вышел в одной из трех издаваемых в Маньчжурии газет на японском языке, газете «Мансю Ниппо» («Маншу Ниппо», 滿洲日報, "Manchuria Daily Report"). В нем отмечалось, что Тамекити Ота провел длительную беседу с Командующим Квантунской армии и одновременно Чрезвычайным послом Японии в Маньчжоу-Го Дзиро Минами. Речь шла о положении в СССР и о «маньчжурском вопросе», т. е. о вопросе признания или непризнания Советским Союзом государства Маньчжоу-Го. Неоднозначность ситуации привела к тому, что Дзиро Минами отметил: «...армия в отношении СССР держится позиций мира. Требуется разные методы предупреждения конфликта» [10, л. 75].

Тамекити Ота согласился на предложение Дзиро Минами установить тесные контакты с посольствами на территории Маньчжоу-Го для обсуждения текущих проблем.

Аналогичная беседа у посла Японии в СССР состоялась с начальником штаба Квантунской армии Тосидзо Нисио. С ним обсуждались пограничные вопросы. Говорилось, что между Маньчжоу-Го, Японией и СССР существовало много спорных моментов. Тамекити Ота отмечал, что по его возвращению в Москву ему придется много сделать для урегулирования споров между Москвой, Токио и Чаньчунем [Там же, л. 74].

Текста беседы Тамекити Ота с Тосидзо Нисио опубликовано не было. Японское телеграфное агентство «Кокоцу» сообщало, что посол уклонился от освещения названной беседы в средствах массовой информации. Единственное, что удалось услышать корреспондентам от Тамекити Ота после беседы с Тосидзо Нисио, это то, что обсуждались: остававшийся открытым вопрос с сахалинской нефтью, проблема пересмотра рыбных концессий между Японией и СССР. Также в разговоре шла речь о создании пограничной комиссии между СССР и Маньчжоу-Го. Посол считал, что при наличии общей позиции это возможно [Там же, л. 74].

В иных интервью Тамекити Ота характеризовал строительство в СССР. Та же «Мансю Ниппо» писала: «...посол говорил, что ранее у СССР было желание продать северный Сахалин. Имеется ли оно сейчас неизвестно». Сам Тамекити Ота считал, что настрой у советской стороны на 1935 г. был противоположенный. Япония же на тот момент активно выражала желания покупки

северного Сахалина, однако проблема фондов финансирования не обсуждалась, поэтому данный вопрос не обсуждался с СССР [Там же, л. 73].

После Чаньчуня Тамекити Ота побывал в Харбине, где также дал несколько интервью.

Японская газета «Харбин Ници Ници» приводила слова Т. Ота: «Я рад, что приемка КВЖД завершилась благополучно и особенно взволнован, услышав, что советская сторона закончила передачу всей линии в атмосфере дружбы и тем, что после передачи дороги советские граждане проявили прекрасные отношения, показывая всюду свою помощь». В связи с завершением переговоров по КВЖД, ставился вопрос о создании японо-маньчжуро-советской пограничной комиссии. Такое мероприятие, по мнению Т. Ота было особенно необходимо в последнее время, когда СССР производил военные приготовления на Дальнем Востоке и эти «раздражал» Японию и Маньчжоу-Го. Тамекити Ота отмечал, что в переговорах по данному вопросу с СССР он будет действовать по инструкциям своего правительства, но во время поездки какой-то конкретики дать не мог. Также говорил о том, что был поставлен вопрос о переуступке Северного Сахалина, но не подготовлен [Там же, л. 72–73].

Газета «Тунбао» писала, что, по словам Т. Ота, «...переуступка КВЖД являлась прологом дружбы между Японией, Маньчжоу-Го и СССР, однако не надо полагать, что это было уступкой со стороны СССР. Соглашение в Токио стало результатом компромисса с обеих сторон». Также отмечалось, что, по мнению Тамекити Ота, «Москве нет смысла медлить с признанием Маньчжоу-Го и его признание, очевидно, последует. Что касается вопроса о демилитаризованной зоне, то этого можно достигнуть при наличии совместного желания [Там же, л. 72].

В интервью корреспондент ежедневной газеты «Заря» Т. Ота заявил, что много слышал, что «русские очень спокойно и миролюбиво передали КВЖД маньчжурским властям. Япония испытывала по этому поводу большую радость. Этот факт имел большое значение в развитии добрососедских отношений между Маньчжоу-Го и СССР [Там же].

В 1935 г. северо-восток Китая посетил также генеральный консул Японии во Владивостоке Рие Ватанабэ, личность, по-сво-

ему примечательная. Известно, что во Владивостоке он появился еще в 1896 г. Был в разные годы секретарем коммерческого агентства Японии, его первым секретарем, консулом, исполняющим обязанности генерального консула и два срока (1925–1929 и 1933–1936) генеральным консулом Японии [14, с. 115; 18, с. 117; 19]. Именно на последний срок приходится его поездка в Маньчжурию.

Один из ведущих специалистов по истории разведывательной деятельности Японии на Дальнем Востоке и в Маньчжурии С. А. Куртинец, в ряде работ пишет, что ей активно занималось и генеральное консульство Японии во Владивостоке. При этом он упоминает Рие Ватанабэ [16, с. 101].

Цель поездки Рие Ватанабэ, как и Тамекити Ота в источниках не называется, однако, среди прочего можно предположить, что одной из задач была проверка или просто посещение налаженной, по мнению некоторых исследователей, при участии в том числе японских консульств 1920-е гг. японской сети разведорганов в Маньчжурии [15, с. 102].

Известно, что в 1935 г. Рие Ватанабэ побывал в г. Харбине, где, как и посол Японии в СССР Тамекити Ота дал ряд интервью местным периодическим изданиям. В них он характеризовал ситуацию на Дальнем Востоке СССР, положение там японских граждан, описывал отношение советского населения к Японии с учетом происходивших событий на севере и северо-востоке Китая. Так корреспонденту газеты «Харбин Самбун» он заявил, что японская колония во Владивостоке в сравнении с дореволюционным временем значительно уменьшилась и насчитывала на середину четвертого десятилетия XX в. всего 80 чел. «Колония не имела никаких развлечений и мест отдыха» [10, л. 71].

Рие Ватанабэ в своих интервью отмечал, что торговля Японии и СССР выстраивается сложно, поскольку большими были пошлины на ввозимые из Японии товары. При этом сверх разрешенного незначительного объема, ввозить ничего было нельзя. Сказанное, несомненно, сказывалось на японской колонии во Владивостоке. Это было одним из факторов ее сокращения [Там же, л. 71].

Генеральный консул Японии во Владивостоке сделал заявление, что отношение советских граждан к Японии было «неплохим», а после передачи ей Китайско-Восточной железной дороги еще более улучшилось [Там же, л. 71].

Приведенные данные позволяют частично заполнить практически пустые страницы истории Северного и Северо-Восточного Китая, историю посещения его в сложный период японской оккупации послом Японии в СССР Тамекити Ота и генерального консула Японии во Владивостоке Рие Ватанабэ. Обнаруженные данные кратки и, скорее, могут быть охарактеризованы как материалы к названной истории. Они, несомненно, требуют дополнения, а возможно и уточнения. Это подразумевает дальнейшую серьезную работу с источниками по поднимаемой в статье проблематике.

Цели рассмотренных поездок двух представителей властей Японии, на сегодня, оценить сложно. В то же время, круг вопросов, который нашел освещение на страницах периодических изданий, по крайней мере, в случае с Тамекити Ота, позволяет предположить, что, среди прочего, важным было выяснение ситуации на границе СССР с Маньчжоу-Го, поскольку предполагалось урегулирование приграничных споров. Для этого планировалось создать специальную согласительную комиссию. В то же время исключить иные цели, те, что не стали достоянием общественности, нельзя.

Источники и литература

1. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 19.
2. ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 20.
3. ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 21.
4. ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 22.
5. ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 23.
6. ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 24.
7. ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 25.
8. ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 26.
9. ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 27.
10. ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 31.
11. ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 32.

12. ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 34.
13. Дацышен В. Г., Ипеева А. А. Японское присутствие на Дальнем Востоке России накануне и в начале Второй мировой войны // Японские исследования. 2019. № 2. С. 109–126.
14. Куртинец С. А. Деятельность японской разведки на Дальнем Востоке России и в Северной Маньчжурии в 20-е годы XX века // Власть и управление на Востоке России. 2009. № 1. С. 95–102.
15. Куртинец С. А. Разведывательно-подрывная деятельность японского консульства во Владивостоке в начале 20-х годов XX в. // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 1. С. 100–104.
16. Куртинец С. А. Разведывательная деятельность японских консульств на советском Дальнем Востоке (1922–1931) // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2011. № 1. С. 28–35.
17. Фунакава Х. Инцидент с арестом сотрудников генерального консульства Японии во Владивостоке // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2012. № 1. С. 113–132.
18. Хисамутдинов А. Конец Владивостокской школы японоведения: Протокол допроса Н. П. Овидиева. Текст: электронный // ACTA SLAVICA IAPONICA. 1998. Vol. 16. P. 207–231. URL: <https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicn/acta/16/kihsamu/kihsamu-4.html> (дата обращения: 10.05.2022).

.....

Информация об авторе

Дроботушенко Евгений Викторович – кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, e-mail: DRZZ@yandex.ru

Information about the author

Drobotushenko Evgeni V. – Candidate of Historical Sciences, Docent, the Dean of the Faculty of History and Philology of the Transbaikal State University, Chita, Russia, e-mail: DRZZ@yandex.ru

.....

УДК 94(540)

**Начало Второй мировой войны
и позиции лидеров политических партий Индии**

Виктор Владимирович Кузнецов

*Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
e-mail: smith14101961@mail.ru*

Основное содержание статьи посвящено вовлечению во Вторую мировую войну Индии британским колониальным руководством и реакцию на это лидеров ведущих политических партий Индии. Автор приходит к выводу, что лидеры политических партий Индии выразили осуждение фашистской агрессии и неприятие идей германского нацизма, однако, их мнение по вопросу участия в войне и немедленного оказания помощи метрополии разделились.

Ключевые слова: Вторая мировая война, вице-король Индии лорд Линлитгоу, палата лордов британского парламента, Индийский Национальный Конгресс, Мусульманская Лига, Хинду Махасабха

**The Beginning of the Second World War
and the Positions of the Leaders of Political Parties in India**

Viktor V. Kuznetsov

*Transbaikal State University, Chita, Russia
e-mail: smith14101961@mail.ru*

The main content of the article is devoted to the involvement of India in the Second World War by the British colonial leadership and the reaction of the leaders of the leading political parties in India to this. The author comes to the conclusion that the leaders of the political parties of India expressed condemnation of fascist aggression and rejection of the ideas of German Nazism, however, their opinions on the issue of participation in the war and immediate assistance to the metropolis were divided.

Keywords: World War II, Viceroy of India Lord Linlithgow, House of Lords of the British Parliament, Indian National Congress, Muslim League, Hindu Mahasabha

Одним из самых ярких и показательных примеров взаимоотношений метрополии и колоний XX в., демонстрирующих всю полноту хитрости и лжи господствующих стран по отношению к зависимым государствам, политических интриг и бесчеловечной жестокости, бесспорно, является колониальная политика Великобритании в Индии. Попытки реформаторского заигрывания с индийской интеллигенцией, предпринятые британскими политиками, завершились с началом Второй мировой войны. Её катализирующее влияние привело к максимальному обострению англо-индийских отношений и началу кризиса колониального господства Великобритании в Южной Азии.

Несмотря на то, что о назревании новой мировой войны знали все, кто реально оценивал международную обстановку этого периода, с боязнью ждали её начала, она разразилась совершенно неожиданно не только для индийского народа, но и людей всего мира. После нападения фашистской Германии на Польшу и объявления ей войны английским правительством, его шагу последовали политические верхи всех британских доминионов – Канады, Австралии, Новой Зеландии и Южно-африканского союза [2, с. 28–33]. 3 сентября 1939 г. вице-король Индии лорд Линлитгоу по английскому радио и через печать объявил, что Индия находится в состоянии войны с фашистской Германией [3, с. 211]. После объявления Индии воюющей стороной британский парламент в спешном порядке принял поправку к «Акту об управлении Индией 1935 г.», которая давала вице-королю право приостанавливать действие той части Акта, в которой говорилось о провинциальной автономии [4, с. 66, 67]. Исходя из принятой поправки, вице-королю предоставлялись чрезвычайно широкие полномочия. Они включали в себя запреты на проведение митингов и демонстраций, любые антивоенные и антибританские народные волнения. Расширены были полномочия полиции. Предусматривалось создание «специальных трибуналов» для разбора дел о политических преступлениях, имеющих право арестовывать и заключать под стражу любого подозреваемого без всякой санкции [4, с. 67; 1, с. 58].

Антидемократическая процедура втягивания Индии в войну, а вице-король пренебрег хотя бы видимостью консультаций с лидерами её ведущих политических партий,

и последующее за этим принятие законов, которые привели фактически к установлению военной диктатуры в стране ещё более обострили и без того накалённую обстановку в колонии. Лидеры индийских политических партий немедленно отреагировали на изменение ситуации в стране. При этом лидеры ряда ведущих партий, будучи возмущены вероломным втягиванием многомиллионной Индии в войну британским колониальным руководством, требовали немедленных разъяснений, представители же немногочисленных и, соответственно, менее авторитетных партий выбрали позицию сторонних наблюдателей и не спешили высказывать своё мнение.

8 сентября в Вардхе собрался Рабочий комитет ИНК под председательством Раджендра Прасада. Главной задачей совещания была выработка отношения Конгресса к войне. РК ИНК со всей решительностью осудил агрессию нацистской Германии против Польши, одновременно высказав осуждение пренебрежительного отношения британского правительства к национальным интересам Индии. 15 сентября специальный подкомитет РК ИНК в составе Дж. Неру, А.-К. Азада и В. Пателя выработал решение, опубликованное Конгрессом, в котором говорилось, что ИНК «поддерживает демократию и осуждает гитлеризм и фашизм», подчёркивая, что в них «особо ярко проявились те черты империализма, против которых индийский народ борется уже многие годы» [8, с. 226; 6, с. 396]. В своём решении лидеры Конгресса особо указывали, что вопрос об участии Индии в войне должен решать индийский народ. «Какое-либо навязанное решение извне или попытка использовать индийские ресурсы для целей, не одобренных им, повлечет немедленное сопротивление с его стороны» [8, с. 226; 6, с. 396]. Вместе с тем РК ИНК выразил готовность сотрудничать с английским правительством в ведении военных действий, обусловив свое сотрудничество отказом метрополии от методов принуждения и давления на Индию. «Сотрудничество должно быть только между равными и осуществляться с обоюдного согласия сторон во имя цели, которую они признают достойной их совместной борьбы» [8, с. 225; 6, с. 394–395].

13 сентября стала известна позиция Мусульманской Лиги по отношению к войне. Рабочий комитет Мусульманской Лиги

в Нью-Дели принял резолюцию, которая однозначно дала понять вице-королю, что её сотрудничество с британским правительством полностью зависит от того, предоставит ли ей вице-король равный статус с ИНК по всем политическим вопросам. При условии выполнения этого требования лидеры Мусульманской Лиги обязались тесно сотрудничать с британским правительством во всех военных делах [1, с. 70, 71].

Примерно в это же время принял свою резолюцию по отношению к войне и Рабочий комитет партии Хинду Махасабха, заседавший в Бомбее. В её просторном и витиеватом тексте осуждался «дух соглашательства и получения выгод во время разразившегося кризиса для поощрения чисто собственных интересов за счет национального благополучия». Правительству метрополии со стороны Хинду Махасабха обещалась моральная поддержка в военных делах, так как, говорилось в резолюции, «это общее дело, как британского правительства, так и индийского народа» [8, с. 344].

Представители других политических партий Индии сообщая направили 1 октября вице-королю телеграмму, в которой, обещая ему свою поддержку, стремились напомнить ему о значении роли их партий в политической жизни Индии, так как «какое-либо конституционное или административное соглашение, заключённое правительством, с одной стороны, и Национальным Конгрессом и Мусульманской Лигой, с другой, не может и не сможет означать сплочение всего индийского народа» [1, с. 71]. Телеграмму вице-королю подписали представители четырёх индийских партий – Демократической Свараджистской партии, Независимой рабочей партии и угнетённых классов, Либеральной партии и либерального крыла Великого Союза Индусов [Там же].

Позиция Мусульманской Лиги, Хинду Махасабха и других менее многочислен-

ных партий в целом устраивала британское руководство. Однако, позиция самой влиятельной силы индийского общества – партии Индийский Национальный Конгресс и особенно текст её резолюции по вопросу о войне вызвали настоящее смятение среди представителей колониальной администрации и в правящих кругах метрополии. Во время дебатов по индийскому вопросу в палате лордов британского парламента 26 и 27 сентября лорд Зетланд, отвечая на вопрос лорда Снелла о состоянии дел в Индии, доложил, что «Индийский Национальный Конгресс находит сотрудничество с Великобританией в ведении войны возможным только на условиях полного урегулирования политических отношений между ними» [5, с. 1127–1129; 8, с. 381]. «Выбор этого момента, – сожалел он, – был несколько неудачным для нас» [Там же]. Не менее представителей британского правительства и палаты лордов английского парламента негативным отношением к участию в войне лидеров ИНК был расстроен и вице-король Индии лорд Линлитгоу. Встреча с одним из лидеров Конгресса М. К. Ганди, организованная по инициативе Линлитгоу, практически ничего не изменила в позиции ИНК и глубоко разочаровала его [7, с. 204–210]. 2 октября кабинет министров британского правительства рассмотрел его очередную телеграмму, в которой он сообщал, что разрыв с лидерами Конгресса представляется ему почти неминуемым [Там же].

Таким образом, лидеры практически всех политических партий Индии выразили осуждение фашистской агрессии и неприятие идей германского нацизма, однако, их мнение по вопросу участия в войне и немедленного оказания помощи метрополии разделились, поставив в тупик и колониальное руководство Британской Индии, и правительство Великобритании, и высшие политические круги метрополии.

Источники и литература

1. Бушевич В. В., Дьяков А. М. Индия и вторая империалистическая война // Мировое хозяйство и мировая политика. 1940. № 12. С. 53–67.
2. Некрич А. М. Внешняя политика Англии в годы Второй мировой войны (1939–1941). М.: Изд. АН СССР, 1963. 531 с.
3. Распад Британской империи / под ред. А. Г. Милейковского. М.: Наука, 1964. 647 с.
4. Dhagat K. P. A decade of Indo-British relations 1937–1947. Bombay: Lamingston Road, 1959. 522 p.
5. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords. Official reports. Vol. 114.
6. Indian Constitutional documents / ed. by A. Ch. Banerjee. Calcutta: A. Mukherjee and Co., 1945. Vol. 1–3.
7. Linlithgow V. A. Speeches and Statements. New-Delhi. The Times of India Press, 1945. 584 p.
8. The Indian Annual Register 1935–1947 / ed. by Mitra N. N. Bombay: Padma publications, 1947. Vol. 2.

.....
Информация об авторе

Кузнецов Виктор Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, проректор по воспитательной и социальной работе, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, e-mail: smith14101961@mail.ru

Information about the author

Kuznetsov Viktor V. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Vice-Rector for Educational and Social Work, Transbaikal State University, Chita, Russia, e-mail: smith14101961@mail.ru

.....

УДК 304.42

**Национальный аспект культурной политики советской власти
в Западнобелорусском регионе в 1939–1941 гг.**

Наталья Николаевна Ковалёва

*Брестский государственный технический университет, г. Брест, Республика Беларусь
e-mail: nnkovaliova@mail.ru*

Анализируя национальный аспект культурной политики советской власти в западно-белорусском регионе в 1939–1941 гг., имевшей целью внедрение коммунистической идеологии, что предполагало её наднациональный характер. Автор делает вывод, что вопреки провозглашенному курсу на белорусизацию, произошло укрепление позиций русской культуры, отождествляемой с советской. Коренным образом изменился характер динамики культур в регионе, что не устранило существовавших ранее межнациональных противоречий и привело к дальнейшему размыванию этнического самосознания белорусов.

Ключевые слова: регион, культурная политика, система образования, язык, кадры, учителя, партийное руководство

**National Aspect of the Cultural Policy of the Soviet Power
in the West Belarusian Region in 1939–1941**

Natalia N. Kovaliova

*Brest State Technical University, Brest, Republic of Belarus
e-mail: nnkovaliova@mail.ru*

Analyzing the national aspect of the cultural policy of the Soviet authorities in the Western Belarusian region in 1939–1941, which had the goal of introducing communist ideology, which assumed its supranational character, the author concludes that, contrary to the proclaimed course towards Belarusianization, there was a strengthening of the positions of Russian culture, identified with Soviet. The nature of the dynamics of cultures in the region changed radically, which did not eliminate the interethnic contradictions that existed before and led to a further erosion of the ethnic self-consciousness of the Belarusians.

Keywords: Region, Cultural Policy, Education System, Language, Personnel, Teachers, Party Leadership

Культурная политика в полиэтническом регионе традиционно строится с учетом национальной структуры населения. Но, если в царской России и межвоенной Польше русификация и полонизация официально провозглашались целью культурной политики, то с установлением советской власти наблюдается явное расхождение между целью культурной политики (внедрение коммунистической идеологии), которая пред-

полагала её наднациональный характер, и способами реализации, ориентированными на разделение населения по классовому признаку и использование межнациональных противоречий.

После включения Западной Беларуси в состав БССР создаётся сеть советских учреждений культуры, атеистическая образовательная система, включавшая вузы, меняется содержание деятельности этих

органов. Ввиду кратковременности рассматриваемого периода многие из преобразований были только намечены, не доведены до конца. Главной проблемой стал вопрос кадров, в частности, кадров для учреждений культуры. Делая ставку на подвергавшихся ранее дискриминации белорусов и евреев, советская власть отдавала предпочтение евреям, как имевшим, как правило, более высокий образовательный уровень. Увеличение процента евреев и белорусов в советских политических и хозяйственных органах, вызывало недовольство среди польского населения и даже порождало антисемитские настроения, которые иногда трактовались как антисоветские. Но всё-таки главными проводниками культурной политики в регионе выступили так называемые «восточники». К концу 1940 г. только из восточных районов БССР прибыло на работу «около 31 тысячи партийных, комсомольских, советских работников, специалистов хозяйства и культуры» [14, с. 260], большинство из которых давно утратило связь с белорусско-язычной культурной средой. Некоторые исследователи (Т. Гавин) называют цифру 100 тысяч переселенцев из восточных районов СССР в бывшие северо-восточные районы Польши [11, с. 85].

Вместе с тем культурная политика Советской власти, ориентированная на учет национальных интересов белорусско-язычного большинства населения, предполагала прежде всего белорусизацию, что представлялось весьма проблематичным из-за многонационального состава региона. По данным белорусских историков, в 1931 г. в Виленском, Новогрудском и Полесском воеводствах поляки составляли около 12 % населения, украинцы – 5,8 %, евреи – около 9 %, литовцы – более 3 %, русские – 2 %, белорусы – 67 % [2, с. 370–371].

Учитывая, что доминировавшая ранее в регионе польская культура была прежде всего культурой привилегированных слоёв населения, советская власть начала гонения на польскую интеллигенцию и всячески стремилась сузить сферу использования польского языка, прежде всего усиливая позиции белорусского языка в сфере образования. Брестский обком КП(б)Б обязал областной отдел Народного образования обеспечить в белорусских школах переход на белорусский язык преподавания, а в национальных школах (польских, еврейских и украинских)

в 5–10 классах ввести белорусский язык, как предмет [4, с. 14]. Это нововведение обострило проблему учительских кадров, так как большинство учителей старых польских школ считались политически неблагонадёжными и не владели белорусским языком. В результате чистки учительского состава в 1939–1940 уч. г. только в Брестской области не были допущены к работе в реорганизованной школе 250 учителей [16, с. 412]. Присланные на педагогическую работу из восточных районов, как правило, не имели достаточного педагогического опыта и соответствующего уровня образования.

Серьёзные трудности существовали и в плане укрепления материальной базы учреждений культуры. Из-за недостатка средств советская власть не в состоянии была обеспечить «правильной» литературой библиотеки, школы – учебниками, а население – советскими газетами. Книги на белорусском языке, которые издавались в межвоенной Польше, в основном были признаны идеологически вредными и непригодными для использования. По утверждению некоторых белорусских исследователей, в 1921–1939 гг. в Польше в среднем ежегодно издавалось 24 белорусские книги [12, с. 142]. Это практически совпадает с данными польских исследователей: в 1926–1939 гг. во Второй Речи Посполитой было издано 466 книг на белорусском языке [1, с. 621]. В соответствии с приказами уполномоченного СНК БССР по охране военных тайн в печати и начальника главного управления по делам литературы и издательств БССР была проделана огромная работа по изъятию вредной литературы из библиотек и книжных магазинов. В частности, по приказу от 23 мая 1940 г. было изъято 50 книг на белорусском языке [9]. Однако возможности обеспечения Западной Беларуси советскими книгами были весьма скромными, так как в конце 1930-х гг. в БССР резко уменьшается объём изданий оригинальных произведений белорусских авторов. Позиции белорусской культуры подкреплялись распространением газет на белорусском языке. Но ни в одном из городов региона не было создано белорусского театра. Очевидно, что действия советской власти, направленные на белорусизацию региона, не встретили поддержки со стороны местного населения, имевшего низкий образовательный уровень и недостаточно выраженное этническое самосознание.

Правда, проявлением этничности можно считать создание национальных кружков самодеятельности. В частности, в отчете Бытенского районного Дома культуры за 1940 г. отмечалось, что созданы и функционируют 15 русских, 11 белорусских и 5 еврейских кружков самодеятельности [8].

Советское руководство постаралось в некоторой степени учесть интересы украинско-язычного населения региона. Факт преобладания Западного Полесья малороссов, т. е. населения, говорящего на диалекте украинского языка, был зафиксирован ещё в Первой Всеобщей переписи 1897 г. По официальным данным, в западно-белорусском регионе в 1939 г. было создано 49 украинских школ [17, с. 462]. В частности, в Кобринском районе из 54 начальных школ 11 были украинскими [3].

Объявив все школы в регионе государственными, советская власть взяла под контроль процесс обучения в еврейских школах, поставив перед руководством школ вопрос о выборе языка обучения. В результате, многие еврейские школы отказывались от преподавания на идише, выбрав русский язык обучения. Некоторые исследователи (Е. Розенблат) считают, что изменение языка обучения в еврейских школах, произошло под влиянием «восточников», «среди которых до 10–20 % составляли евреи» [15, с. 32], и в связи со стремлением евреев, благодаря открывшимся возможностям, приобрести в новом обществе более высокий статус. Позиции еврейской культуры также поддерживались изданием газеты на еврейском языке и созданием кружков самодеятельности. 13 января 1940 г. Брестский обком КП(б)Б принял решение об открытии в Бресте еврейского театра, предоставив под его базу помещение бывшего театра Сарвера и назначив директором культработника Лазаря Блюмкина, приехавшего из Гомеля [4, с. 20, 22].

В 1940 г. в связи с изменением международной обстановки отношение властей к польской культуре стало более терпимым. К концу 1939 г. в западных районах БССР 17,5 % школ ещё оставались польско-язычными [11, с. 85], функционировал польский театр (в Белостоке). В 1940–1941 годах в Западной Белоруссии на польском языке выходили две республиканские и шесть местных газет [13, с. 73]. Можно сказать, что в Брестской области советская власть проявляла большую лояльность по отношению к польской культуре, чем в Белостокской,

где поляки численно преобладали. Брестский обком КП(б)Б даже предложил организовать изучение партактивом польского языка, в особенности, в районах с преобладанием польского населения (Гайновский, Семячичский и др.) [10]. Достаточно широко использовался польский язык в сфере образования. В Бресте на 1 сентября 1940 г. из 12 неполных средних было по 3 польских и еврейских, 5 русских и всего 2 белорусских, а из 5 средних – по 2 польских и русских, а также одна еврейская [7].

За два предвоенных года значительно окрепли в регионе позиции русской культуры. Русский язык широко использовался в сфере образования, делопроизводстве, в средствах массовой информации. Широкое распространение в регионе получили книги и фильмы на русском языке. По решению Брестского обкома КП(б)Б 2 декабря 1939 г. был создан русский драматический театр, которому передавалось здание бывшего клуба «Свит», главного культурного центра межвоенного Бреста. Деятельность театра, в репертуаре которого были пьесы в основном советских авторов («Любовь Яровая», «Платон Кречет», «Егор Булычев» и др.) [5, с. 7, 20], способствовала отождествлению в сознании жителей города русской культуры с советской.

Таким образом, культурная политика, реализуемая в западно-белорусском регионе, строилась с учетом, в известной степени, национальных интересов этнических групп, прежде подвергавшихся дискриминации. Однако в силу ряда объективных (отсутствие кадров нужной квалификации, материальных средств и времени) и субъективных (отношение к белорусизации, как к средству борьбы с полонизацией и определенной пассивности местного белорусско-язычного населения) причин, вопреки провозглашенному курсу на белорусизацию, произошло укрепление позиций русской культуры, отождествляемой с советской и дальнейшее размывание этнического самосознания белорусов. Культурная политика большевиков оказала существенное влияние на изменение характера динамики культур в регионе: утрата польской культурой доминирующего положения при укреплении позиций русской, белорусской и еврейской культур, не только не устранила конфронтационного характера отношений между носителями этих культур, но и создала дополнительную напряженность в отношениях.

Источники и литература

1. Glogowska Helena. Miedzy autoteli cznym rozwojem a politycznym sterowaniem – kultura bialoruska w okresie miedzywojennym // Bialorus w XX stolecu w kregu kultury i polityki / pod redakcja Doroty Michaluk. Torun: Wydawnictwo naukowe uniwersytetu Mikolaja Kopernika, 2007. S. 609–624.
2. Вабішчэвіч А, Палуян У., Пашкевіч А. Палітычнае бяспраўе, нацыянальны прыгнёт // Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917–1945 гг. Мн.: Экаперспектыва, 2006. С. 366–378.
3. ГАБО (Государственный архив Брестской области). Ф. 1285. Оп. 1. Д. 2.
4. ГАБО. Ф. 1-п. Оп. 1б. Д. 5.
5. ГАБО. Ф. 1-п. Оп. 1б. Д. 1.
6. ГАБО. Ф. 1-п. Оп. 1б. Д. 8.
7. ГАБО. Ф. 278. Оп. 1. Д. 5.
8. ГАБО. Ф. 738. Оп. 1. Д. 1.
9. ГАБО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 1б.
10. ГАБО. Ф. 1-п. Оп. 1б. Д. 32.
11. Гавін Тадэвуш. Пад прэсінгам палітыкі. Польская нацыянальная меншасць у Беларусі ў 1919–2017 гг. Беласток: Prawo i Partnerstwo, 2018. 428 с.
12. Довнар Л. Негосударственный язык в книгоиздательском репертуаре Западной и Советской Беларуси (1921–1939 гг.): попытка сравнительного анализа. Текст: электронный // Knygotyra. 2016. № 66. С. 129–147. URL: <https://www.zurnalai.vu.lt/knygotyra/article/view/10021/7878> <https://www.zurnalai.vu.lt/knygotyra/article/view/10021/7878> (дата обращения: 20.05.2021).
13. Милевский Я. Е. Включение «Западной Белоруссии» в СССР (1939–1941): новая точка зрения // Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы. СПб.: Алетейя, 2011. 424 с.
14. Палуян У.А. Уз’яднанне з БССР і першыя пераўтварэнні // Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / М. П. Касцюк, І. М. Ігнаценка, У. І. Вышыньскі і інш. Мн.: Беларусь, 1995. С. 253–264.
15. Розенблат Е., Еленская И. Динамика численности и расселения белорусских евреев в XX в.: демографическая характеристика евреев Белоруссии. Текст: электронный // Диаспоры: Независимый научный журнал. 2002. № 4. С. 27–53. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0105/analit03.php> (дата обращения: 20.05.2021).
16. Трофимчик А. В. Меры по ликвидации оппозиционных настроений и антисоветской деятельности в школах западных областей БССР (1939–1941) // Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы. СПб.: Алетейя, 2011. С. 406–417.
17. Хоміч С. Палітычныя, эканамічныя, сацыяльна-культурныя пераўтварэнні на савецкай аснове // Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]; рэдкал. М. П. Касцюк (гал. рэдактар) і інш. Мн.: Экаперспектыва, 2006. С. 455–462.

.....
Информация об авторе

Ковалёва Наталья Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук, Брестский государственный технический университет, г. Брест, Республика Беларусь, e-mail: nnkovaliova@mail.ru

Information about the author

Kovaliova Natalia N. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor, the Associate Professor of the Department of Humanities of the Brest State Technical University, Brest, Republic of Belarus, e-mail: nnkovaliova@mail.ru
.....

УДК 008:373(510)

Культура и образование национальных меньшинств Хулун-Буира в годы Маньчжоу-Го (1931–1945)

Базар Догсонович Цыбенев

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия
e-mail: bazar75@mail.ru*

Статья посвящена изучению отдельных аспектов культуры и образования национальных меньшинств Хулун-Буира в период Маньчжоу-Го. Автор анализирует развитие школьного образования у баргутов, шэнэхэнских бурят, дауров, солонов и олетов. Особое внимание уделено развитию женского образования в период Маньчжоу-Го.

Ключевые слова: Хулун-Буир, национальные меньшинства, культура, образование, Маньчжоу-Го

Финансирование. Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ, № 20-09-00344 «Духовная культура национальных меньшинств Хулун-Буира: письменные источники и современная историография проблемы». Номер государственной регистрации (РосРИД): АААА-А20-120052290031-7

Culture and Education of the National Minorities of Hulun-Buir During the Manchukuo Period (1931–1945)

Bazar D. Tsybenov

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude, Russia
e-mail: bazar75@mail.ru*

The article is devoted to the study of certain aspects of the culture and education of the national minorities of Hulun-Buir during the Manchukuo period. The author analyzed the development of school education among the Barguts, Shenekhen Buryats, Daur, Solons and Olets. The work also paid attention to the development of women's education during the Manchukuo period.

Keywords: Hulun Buir, National Minorities, culture, education, Manchukuo

Культура коренных народов Хулун-Буира, на протяжении нескольких сотен веков развивавшаяся в русле маньчжуро-монгольской культурной традиции, в начале XX в. вступила в тесное взаимодействие с другими культурами. Оно было обусловлено рядом причин: кризисом и последующим крахом Цинской династии в результате Синьхайской революции, самим географическим положением региона на стыке двух империй – Российской и Цинской, его геополитической и военно-стратегической важностью для заинтересованных великих держав, а также повышением роли региона как приграничной контактной зоны в междоцивилизационной коммуникации. Стремительное продвижение Японии на Азиатском материке в западном направлении в 1931–1932 гг. завершилось прибытием японских войск к границам МНР, месту будущего решающего сражения на р. Халхин-Гол и созданием марионеточного государства Маньчжоу-Го. Занятый ими приграничный регион Хулун-Буира был включен в состав провинции Хинган; позднее ее земли, лежащие к северу от Хинганского хребта, были выделены в от-

дельную провинцию Северный Хинган. Развитие культуры коренных народов Хулун-Буира в этот период, на наш взгляд, нельзя оценивать однозначно. Несомненно, японцы и администрация Маньчжоу-Го прикладывали усилия в этом направлении, но в то же время все успехи в области культуры затусовывались колонизаторской сутью марионеточного режима, милитаризацией общества. Тем не менее в этот период получили развитие научные исследования. Так, ряд серьезных научных работ был подготовлен даурскими исследователями Мэн Динхунем и Алтангатом, издавшими монографии «Краткая история Бутхи» и «Исследование даур-монголов». Эти и другие научные труды даурских ученых по сей день остаются одними из основополагающих источников по новой и новейшей истории даурского народа, истории Хулун-Буира и провинции Хэйлунцзян КНР.

В период правления Маньчжоу-Го получило развитие и школьное образование. Поскольку многие районы Хулун-Буира, в особенности кочевья баргутов примыкали непосредственно к монгольской или совет-

ской границе, то создание в таких местах школ имело свои особенности. Например, в 1931 г. в местности Шандугийн-Добо (Западный хошун Новой Барги) была основана школа, состоявшая из юрт. Однако не все юрты предназначались для школьников. В одной из них постоянно находились двое японских военных с радиостанцией [9, с. 441]. Таким образом, можно говорить о двойном предназначении подобных школ, основанных в приграничных местностях Хулун-Буира. Понятно, что японцы пытались замаскировать свою радиоточку и беспрепятственно заниматься передачей сведений о приграничной обстановке. Что касается в целом школ в Маньчжоу-Го, они подразделялись на два типа: народные школы (со сроком обучения – 4 года) и народные ускоренные школы (обучение от 1 года до 3 лет) [3, с. 273]. По некоторым данным, обучение в них было достаточно сложным. Например, в начальных школах баргутских хошунов программа обучения включала в себя изучение четырех языков: японского, маньчжурского, монгольского и китайского [9, с. 441; 10, с. 1]. Несколько иная ситуация складывалась в Солонском хошуне, где в школе в Шэнэхэне ученики-буряты изучали монгольский и японский языки [1, с. 33]; по другим данным, в школах стали изучать японский, монгольский и бурятский языки. В начальной школе изучался только японский язык [7, с. 42]. На монгольском и японском языке проходило обучение и в школе, построенной в местности Билют, где обучались дети солонов и олетов [11, с. 50, 51]. Из истории строительства школ известно, что в 1932 г. в с. Баян-Тохой (кит. Нантунь, даур. Эмил-Айл) хайларские дауры основали начальную школу. В том же, 1932 г. состоялся первый набор учеников – 35 чел. С каждым годом количество учащихся в школе увеличивалось и в 1944 г. уже обучалось 198 учеников [8, с. 118]. Такая же ситуация наблюдалась и в других школах Хулун-Буира. В школе, основанной баргутами в местности Шандугийн-Добо, первоначально проходили обучение только дети зажиточных скотоводов. Очевидно, на начальном этапе такие школы нуждались в финансовой и материальной помощи, которую могли оказывать состоятельные баргутские семьи. С 1936 г. ситуация изменилась; в школу стали набирать всех детей, независимо от состояния и обеспеченности родителей. Известно, что

в 1935 г. в школе в Шандугийн-Добо обучалось 70 детей баргутских скотоводов. За годы правления Маньчжоу-Го в баргутских хошунах были построены новые школы, только в хошуне Новая Барга к 1945 г. насчитывалось 5 школ. Если в 1933 г. в одной школе Новой Барги обучалось 32 чел., то в 1945 г. – 386 детей [9, с. 441]. В целом, в Маньчжоу-Го в начальной школе обучались более 20 % всех детей, однако более 50 % из них не завершали начального курса обучения [3, с. 274]. Первые школы у баргутов, олетов были основаны в юртах, затем были построены деревянные или кирпичные здания школ. В 1936 г. в Солонском хошуне, в местности Марса была построена деревянная стационарная школа. Просуществовала она недолго, в 1937 г. сгорела во время пожара. После этого в местности Билют была возведена школа из кирпича, получившая в народе название «красная школа» (из-за красного, кирпичного цвета). В шести классах школы обучались более 70 детей олетов и эвенков-солонов [11, с. 50, 51]. Первые школы шэнэхэнских бурят были основаны осенью 1933 г. в местностях Бургэн и Уедхэн. Они были в виде войлочных юрт, первоначально обучались 10 чел., затем 50 чел. Первым учителем был Борын Бата. В 1934 г. в результате укрупнения эти школы были объединены в школу № 3 Солонского хошуна. Эта школа находилась неподалеку от Шэнэхэнского дацана, имела 60 учеников, обучавшихся в 4-х классах. В школе работали два учителя – бурят Далайн Цогто и японец Кэмимэхиши Кэичи. Далайн Цогто был известен как знаток монгольской и русской письменности, в школе также преподавал географию и математику; занимался переводом учебников с русского языка. Шэнэхэнские буряты почитают его как своего первого учителя. Необходимо заметить, что не все дети Шэнэхэна проходили обучение в сельских школах, часть из них училась в школе г. Хайлар. Некоторые из выпускников-шэнэхэнских бурят продолжали обучение, например, Албажин, поступивший в медицинский институт в Японии и впоследствии работавший преподавателем медицинского института Внутренней Монголии [1, с. 33; 2, с. 65; 4, с. 52]. Из числа баргутов, обучавшихся в Японии, впоследствии стал известен историк Ж. Улзий, прошедший обучение в 1938–1941 гг. в Токийском университете иностранных языков [10, с. 1];

из олетов – геолог Хада – трижды повышавший свою квалификацию в японских вузах [11, с. 47]. Таким образом, можно констатировать развитие школьного образования в период Маньчжоу-Го в районах проживания баргутов, шэнэхэнских бурят, дауров, олетов и эвенков-солонгов. В целом по Маньчжоу-Го за 10 лет, с 1932 г. по 1942 г. наблюдается увеличение количества начальных школ в два раза, а числа учеников в три раза. Большая часть учащихся завершала учебу в возрасте 13 лет [5, с. 299]. Сохранились статистические данные 1941 г. о количестве учащихся в баргутских хошунах. Так, весной 1941 г. в Западном хошуне Новой Барги в школах обучались 241 чел. из 1 554 детей школьного возраста; в Восточном хошуне Новой Барги школьников было 166 чел. из 942 детей школьного возраста, в хошуне Старая Барга – 97 учащихся из 795 детей. Начиная с 1941 г. школьное образование в провинции Северный Хинган перешло на пятилетний план развития; стало получать достаточное финансирование на основе новых школьных зданий, материальное оснащение школ, усовершенствование подготовки преподавательского состава. Местное население поддержало эти инициативы власти. В ряде мест на деньги местных богачей, видевших в образовании путь к светлому будущему своих потомков, основывались школы. Известны имена чиновников Фушэбу из Старой Барги, Бат из Западного хошуна Новой Барги, открывших начальные школы. Некоторые японцы, например, начальник полиции п. Чжалайнор О. Такиши, госслужащий Наками также оказывали посильную помощь в развитии начального образования среди баргутов [6, с. 182–184].

Особое внимание в годы Маньчжоу-Го уделялось женскому образованию, были

основаны женские школы в Солонском хошуне, Восточном хошуне Новой Барги и хошуне Старая Барга, в районе проживания дауров – г. Нирги. Помимо школьной программы, девушки обучались работе на швейных машинах, шитью зимней шерстяной одежды [6, с. 182, 183; 8, с. 118]. Местное население всецело поддерживало развитие женского образования, оказывало финансовую и материальную помощь. Известно имя арата Цэрэндаши из хошуна Старая Барга, пожертвовавшего в октябре 1941 г. 10 тыс. юаней на строительство женской школы [6, с. 183, 184]. Очевидно, были и другие жертвования как состоятельных, так и рядовых жителей монгольских хошунов. Девушки не ограничивались обучением в местных школах, имеются примеры их выезда на учебу в другие районы Китая. Так, в 1941 г. четыре девушки из Западного хошуна Новой Барги – Салайн Даш, Салайн Сугар, Сэргэлэнгийн Балжин, Сухийн Уржин – отравились на учебу и работу в г. Харбин [6, с. 184]. Таким образом, они последовали примеру даурских девушек, бросивших вызов патриархальным устоям общества того времени и отправившихся на учебу в СССР в 1924 г., вслед за своей учительницей, буряткой Софьей Сахьяновой – родной сестрой известного революционера М. Сахьяновой.

Таким образом, культура и образование национальных меньшинств Хулун-Буира в период правления Маньчжоу-Го претерпели достаточно сильные изменения, связанные с иноязычным (японским) культурным влиянием. В этот период стало более доступным школьное образование, активно функционировали различные виды начальных школ, включая женские школы; увеличивалось число образованных людей, в том числе проходивших обучение за рубежом.

Источники и литература

1. Абида Ц., Болод З., Димчиг Б., Лхамасурэн С. Современный исторический обзор бурят Шэнэхэна (перевод со старомонгольского языка Е. Санжанова). Хайлар, 1985 г. // Локальные особенности бурятской этнической общины Внутренней Монголии Китайской Народной Республики: материалы 1-й научной экспедиции НГИ. 2004 г. / М. С. Васильева, И. Г. Актамов, С. Ж. Балданов, В. Д. Патаева, Т. Е. Санжиева. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госун-та, 2005. С. 23–38.
2. Актамов И. Г. Образовательные традиции бурятского народа и их роль в воспитании будущих поколений // Локальные особенности бурятской этнической общины Внутренней Монголии Китайской Народной Республики. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2005. С. 58–69.
3. Белоглазова С. Б. Образовательная реформа в Маньчжурии накануне Второй мировой войны // Вглядываясь в прошлое: мировые войны XX века в истории Дальнего Востока России / под ред. Л. И. Галлямовой. Владивосток: ДВО РАН, 2015. С. 270–282.
4. Васильева М. С. Из истории обучения и воспитания детей шэнэхэнских бурят // Локальные особенности бурятской этнической общины Внутренней Монголии Китайской Народной Республики. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2005. С. 47–58.

5. Дюбуа Т. Д. Идеология и контроль: инструменты авторитаризма в японской Маньчжурии // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2016. № 4. С. 291–302.
6. Мягмарсамбуу Г. Бус нутаг, Монголын түүхэн дэх Барга. Улс төрийн түүх (1900–1960 он) (Регион Барга в истории Монголии. Политическая история (1900–1960 гг.). Улаанбаатар: Соембо принтинг ХХК, 2017. 337 с.
7. Санжиева Т. Е. Формирование хозяйственно-культурного комплекса локальной бурятской этнической общины в Китае // Локальные особенности бурятской этнической общины Внутренней Монголии Китайской Народной Республики. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2005. С. 38–46.
8. Цыбенков Б. Д. Культура и образование дауров в первой половине XX в. // Известия Иркутского гос. Ун-та. Серия: История. 2018. Т. 25. С. 115–122.
9. Bayan Y. Nigedüger baḡa surḡayuli-yin tobči irelte (Краткая история начальной школы № 1) // Šine Barḡu barayun qošiḡun-u soyol teüke. 2. (История и культура Западного хошуна Новой Барги. 2). Tüngliao: Diyančeng keblel, 2010. С. 439–448.
10. Öljei J. Barḡu mongḡol-un teüke (История барга-монголов). Külünbuyir, 2013. 415 с.
11. Yongḡorjab. Külün Buyir ögeled-ün soyol surḡan kümüjil-ün tobči temdeglel (Заметки о развитии культуры и образования олетов Хулун-Буира) // Külün Buyir ögeled-ün soyol teüke-yin material (материалы по истории и культуре олетов Хулун-Буира). Tüngliao: Diyančeng keblel, 2008. С. 45–65.

Информация об авторе

Цыбенков Базар Догсонович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, г. Улан-Удэ, Россия, e-mail: bazar75@mail.ru

Information about the author

Tsybenov Bazar D. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Research Fellow, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia, e-mail: bazar75@mail.ru

УДК 796.034.2

**Состояние физкультурно-массовой и спортивной работы
среди сельского населения Пензенской области. 1961 г.**

Валентин Валерьевич Павленко¹, Александр Станиславович Давыдов²

^{1,2} Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, г. Пенза, Россия

¹ e-mail: dmskvale@rambler.ru, ² e-mail: history@pguas.ru

В статье анализируется развитие советского физкультурно-спортивного движения в сельской местности в начале 1960-х гг. на примере Пензенского региона. Характеризуется деятельность добровольного спортивного общества «Урожай» по созданию коллективов физкультуры и увеличению количества физкультурников, проведению соревнований и т. п. Рассматриваются мероприятия по реорганизации ДСО «Урожай» в области.

Ключевые слова: СССР, добровольное спортивное общество, «Урожай», сельская местность, Пензенская область

**The State of Physical Culture and Mass and Sports Work Among the Rural
Population of the Penza Region. 1961**

Valentin V. Pavlenko¹, Alexander S. Davydov²

^{1,2} Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia

¹ e-mail: dmskvale@rambler.ru, ² e-mail: history@pguas.ru

The article analyzes the development of the Soviet physical culture and sports movement in rural areas in the early 1960s on the example of the Penza Region. The activity of the voluntary sports society “Harvest” is characterized by the creation of physical education teams and an increase in the number of athletes, competitions, etc. Measures are being considered to reorganize the VSS “Harvest” in the region.

Keywords: USSR, voluntary sports society, “Harvest”, Rural Area, Penza Region

Организацией работы по физической культуре и спорту среди колхозников, рабочих и служащих совхозов, предприятий и учреждений в сельских районах РСФСР занималось добровольное спортивное общество «Урожай».

В 1961 г. в Пензенской области в составе общества «Урожай» насчитывалось 269 коллективов физкультуры и 27 416 членов; по линии потребкооперации – 1 156 чел., профсоюза – 9 500 чел., колхозов – 16 760 чел. В 163 колхозах области имелось 136 коллективов физкультуры, в 102 совхозах – 90, в 151 сельпо – 43. К занятиям физкультурой и спортом было привлечено более 40 тыс. сельских жителей. В области наблюдалась устойчивая положительная динамика по подготовке значкистов ГТО и спортсменов-разрядников. Так, в 1959 г. было подготовлено значкистов ГТО первой ступени – 2 583, в 1960 г. – 2 612, в 1961 г. – 2 768; второй ступени в 1959 г. – 974, в 1960 г. – 2 520, в 1961 г. – 3 150; спортсменов первого разряда – соответственно 10, 10 и 11, второго разряда – 122, 117 и 230, третьего разряда – 822, 1 940 и 2 473, юношеского разряда – 129, 273 и 1 560 [1, л. 77]. В 1961 г. в области были проведены Вторая Зимняя Спартакиада сельских физкультурников; Вторая Зимняя Спартакиада учащихся сельскохозяйственных техникумов; областные соревнования по тяжелой атлетике и шахматам; Летняя спартакиада сельских физкультурников по легкой атлетике, велосипеду, плаванию. Спортсменами ДСО «Урожай» в 1961 г. было установлено и вновь улучшено 30 рекордов и высших достижений облсовета по легкой атлетике и велосипедному спорту.

«Передовиками» физкультурно-спортивной работы были Тамалинский, Башмаковский районы и др. Так, в Тамалинском районе во всех 15 колхозах и совхозах были созданы коллективы физкультуры ДСО «Урожай» с общей численностью – 1 295 чел. Все колхозы и совхозы являлись юридическими членами Общества и уплачивали членские взносы. В совхозе «Тамалинский» функционировали секции легкой атлетики, тяжелой атлетики, волейбола, футбола, настольного тенниса, русской лапты и шахмат. Силами физкультурников в совхозе была оборудована комплексная спортивная площадка.

Бюро ЦК КПСС по РСФСР по предложению ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ и Всероссийского

Совета Спортсоюза приняло постановление о реорганизации добровольного сельского спортивного общества «Урожай» в профсоюзно-кооперативное спортивное общество «Урожай» РСФСР. 30 июня 1961 г. вышло постановление президиума ВЦСПС «О мероприятиях в связи с реорганизацией добровольного спортивного общества «Урожай» РСФСР». На профсоюзно-спортивное общество «Урожай» было возложено проведение физкультурно-массовой и спортивной работы в сельских районах не только среди колхозников, рабочих и служащих совхозов, РТС, заготовительных организаций, потребительской кооперации, но и на предприятиях и учреждениях связи, культуры, здравоохранения, просвещения, государственных учреждений, лесного хозяйства, а также среди других трудящихся, работающих в сельской местности, и учащихся сельскохозяйственных, кооперативных техникумов и школ, с упразднением по определению советов профсоюзов райсоветов Спортсоюзов.

Постановлением Совета Министров РСФСР от 26 июня 1961 г. № 826 и решением Пензенского облисполкома исполкомам райсовета было предложено передать выделенные на 1961 г. по госбюджету ассигнования на спортивные мероприятия и содержание штатных должностей председателей упраздненных райсоветов Спортсоюза в сельских районах соответствующим райсоветам ДСО «Урожай». 26 июля 1961 г. исполком Пензенского облсовета депутатов трудящихся принял решение № 286 «О мероприятиях в связи с реорганизацией добровольного сельского спортивного общества «Урожай» РСФСР». В соответствии с документом, были упразднены районные Советы Спортсоюза в следующих сельских районах области: Башмаковском, Белинском, Беднодемьяновском, Бековском, Вадинском, Земетчинском, Иссинском, Камешкирском, Кольшлейском, Кондольском, Кузнецком, Лопатинском, Лунинском, Мало-Сердобинском, Мокшанском, Наровчатском, Неверкинском, Нечаевском, Пачелмском, Пензенском, Сосновоборском, Тамалинском, Шемышейском. За районными советами спортивного общества «Урожай» сохранялись служебные помещения, ранее занимавшиеся спортсоюзами. Правлению облпотребсоюза разрешено было установить с 1 июля 1961 г. ежегодные отчисления на финансирование областного профсоюзно-кооперативного сельского спортивного общества «Уро-

жай» за счет фондов культурно-бытовых мероприятий и подготовки и подготовки кадров в размере 0,8 % от распределяемой прибыли организации потребкооперации, оставшейся после отчисления подоходного налога и расходов, производимых за счет прибыли. Облсовету Спортсоюза рекомендовалось оказать областному спортобществу «Урожай» всемерную помощь в осуществлении мероприятий по реорганизации Общества и укреплению его специалистами с высшим и средним физкультурным образованием. Сохранялся существовавший порядок материально-технического снабжения областного профсоюзно-кооперативного добровольного сельского спортобщества «Урожай» через межрайбазу облпотребсоюза. Райисполкомы обязывались оказывать помощь ДСО «Урожай» в организации работы по дальнейшему развитию массовой физической культуры и спорта и проведению оздоровительных мероприятий среди сельского населения [2, л. 2]. 20 ноября 1961 г. исполком Пензенского облсовета депутатов трудящихся принял решение № 431 «О дополнительных мероприятиях в связи с реорганизацией добровольного спортивного общества «Урожай» Пензенской области», в соответствии с которым были упразднены райсоветы Спортсоюза в Городищенском, Каменском, Нижне-Ломовском, Николо-Пестровском и Сердобском районах области. Однако председатель облсовета Спортсоюза В. К. Молчанов высказал предположение: «Нам кажется, что эта реорганизация может привести к тому, что наша областная организация «Урожай» будет мало проводить соревнований, и в районах спортсмены будут чахнуть» [1, л. 94].

Однако в целом уровень развития физической культуры и спорта среди сельского населения оставался низким. В 97 колхозах и 12 совхозах не были созданы коллективы физической культуры, многие имевшиеся коллективы физической культуры существовали формально, никакой учебно-спортивной работы в них не велось. Многие председатели колхозов и директора совхозов не создавали условий для физического воспитания молодежи. На объединенном пленуме Пензенского областного Спортсоюза и облсовета ДСО «Урожай» 15 сентября 1961 г. председатель Пачелмского райсовета ДСО «Урожай» заявил: «...За счет средств культфонда купили спортивную форму. Райпотребсоюз сказал, что это

все будет лежать в культмаге, но вот надо ехать на соревнования, а майки не дали, их, оказывается, оприходовали. В рабочкоме совхоза председатель распорядился так, чтобы деньги не пошли на спортивную форму. В совхозе «Черкасский» председатель рабочкома накопил 800 р. и не отдает эти деньги на спортивные мероприятия (хотя эти деньги законные на спорт). Руководители совхозов не по назначению используют методистов. Так, директор совхоза «Титовский» делает с методистами: посылает отправлять свиней и другие командировки, не связанные со спортом» [Там же, л. 23]. Из 102 совхозов области производственная гимнастика проводилась только в 50 из них. Сельскохозяйственный институт практически не занимался подготовкой общественных физкультурных кадров для села. В сельских коллективах физической культуры области практически не развивались такие виды спорта, как плавание, ручной мяч, вольная и классическая борьба. В сельской местности крайне редко проходили показательные выступления спортсменов предприятий и учебных заведений. В Бековском, Вадинском, Иссинском, Нечаевском, Сосновоборском районах работа по развитию физической культуры и спорта была признана неудовлетворительной. На объединенном пленуме говорилось о необходимости прекратить формальное образование коллективов физической культуры и создавать их только при наличии необходимых условий: «В первую очередь, нужно, чтобы ...была молодежь, во-вторых, люди, которые могут, пусть, пока не совсем квалифицированно, руководить секциями и, в-третьих, – возможность создания материально-спортивной базы для работы секций» [Там же, л. 105–112]. Областной и районные советы ДСО «Урожай» слабо вели работу по вовлечению в занятия физической культурой и спортом женщин и девушек.

В течение года не было выпущено ни одной брошюры об опыте работы сельских коллективов физической культуры; силами работников аппарата и членов облсовета редко читались лекции по спортивной тематике; плохо велась пропаганда физической культуры и спорта среди сельской молодежи через районные и областные газеты.

Эффективность работы общества «Урожай» и развитие физической культуры и спорта на селе во многом определялись состоянием материально-технической базы. Основным

источником финансирования ДСО являлись поступления от юридических членов Общества колхозов, райпотребсоюзов, сельпо. Однако значительная часть этих организаций своих обязательства перед ДСО не выполняли в полном объеме. В сельской местности области практически отсутствовали спортивные сооружения и спортивный инвентарь; не имелось ни одной волейбольной, лыжной или лодочной прокатной базы по линии потребкооперации на селе. В результате, рекорды и высшие достижения областного

совета ДСО по большинству видов спорта находились на уровне третьего спортивного разряда.

Серьезно сдерживало развития физкультурно-спортивного движения в сельской местности слабое взаимодействие облсовета ДСО «Урожай» с комсомольскими и профсоюзными организациями.

Таким образом, областной совет ДСО «Урожай» вел системную и планомерную работу по развитию физической культуры и спорта в сельских районах Пензенской области.

Источники и литература

1. ГАПО (Государственный архив Пензенской области). Ф. Р-2361. Оп. 1. Д. 57.
2. ГАПО. Ф. Р-2388. Оп. 1. Д. 214.

Информация об авторах

Павленко Валентин Валерьевич – аспирант, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, г. Пенза, Россия, e-mail: dnskval@rambler.ru

Давыдов Александр Станиславович – аспирант, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, г. Пенза, Россия, e-mail: history@pguas.ru

Information about the authors

Pavlenko Valentin V. – Post-Graduate Student, Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia, e-mail: dnskval@rambler.ru

Davydov Alexander S. – Post-Graduate Student, Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia, e-mail: history@pguas.ru

УДК 378

Система подготовки и повышения квалификации лекторов общества «Знание» в СССР в начале 1980-х гг. (по материалам Пензенской области)

Илья Денисович Вазеров

*Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, г. Пенза, Россия
e-mail: cntgyjdf-2012@mail.ru*

В статье рассматриваются задачи и содержание организации подготовки и повышения уровня квалификации лекторского корпуса общества «Знание» на региональном уровне – в Пензенской области в начале 1980-х гг. Характеризуется комплекс форм работы в данной сфере: теоретические и практические семинары по основным отраслям знаний различного уровня (Всесоюзные, республиканские, областные), цикловые чтения приглашенными специалистами из других городов и т. п.

Ключевые слова: СССР, общество «Знание», пропаганда, лектор, Пензенская область

System of Training and Advanced Training of Lecturers of the Society "Knowledge" in the USSR in the Early 1980s (on Materials from the Penza Region)

Ilya D. Vazero

*Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia
e-mail: cntgyjdf-2012@mail.ru*

The article discusses the tasks and content of organizing the training and advanced training of the faculty of the Society "Knowledge" at the regional level – in the Penza region in the early 1980s. A set of forms of work in this area is characterized: theoretical and practical seminars on the main branches of knowledge of various levels (All-Union, republican, regional), cycle readings by invited specialists from other cities, etc.

Keywords: USSR, Society "Knowledge", propaganda, lecturer, Penza Region

Советское общество «Знание», созданное в 1947 г., являлось просветительской и пропагандистской организацией. Эффективность лекционно-пропагандистской работы Общества во многом определялась уровнем подготовки и мастерства лекторов, компетентности его штатных работников.

Пензенская областная организация общества «Знание» под руководством партийных органов уделяла серьезное внимание подбору, обучению и расстановке лекторских кадров и руководящего корпуса – «качественного и количественного состава членов». На пленуме областной организации Общества в 1983 г. председатель правления ректор Политехнического института Е. А. Ломтев отметил, что требования к теоретической и методической подготовке лекторов были достаточно высокими [2, л. 151].

Квалифицированный контроль за качеством лекций осуществляли научно-методические советы, секции, рецензенты через проверку текстов лекций, прослушивание лекторов и т. п. В начале 1980-х гг. при правлении областной организации работало 16 научно-методических советов, в которых насчитывалось 310 чел., в том числе более 100 докторов и кандидатов наук. При правлениях районных и городских организаций функционировало 285 тематических секций, в которые было избрано 1 800 лекторов и методистов. Лучшими НМС считались советы по пропаганде истории КПСС и истории СССР (председатель С. И. Левин), внешней политики и международных отношений (председатель И. А. Моргунов), сельскохозяйственных знаний (председатель Р. Ф. Дюков), философии и научного коммунизма (председатель Г. П. Смирнова), научно-технических знаний (председатель Е. П. Осадчий), медицинских знаний (председатель

А. Ф. Астафьева) и др. Получившие признание у населения области радиобеседы по вопросам медицины рецензировались ведущими лекторами секции Общества по пропаганде медицинских знаний.

В областной организации общества «Знание» сложилась разветвленная система повышения квалификации лекторских кадров, включавшая теоретические и методические семинары, университеты и школы лекторского мастерства и молодого лектора, циклы лекций, индивидуальная научно-методическая помощь лекторам, наставничество, оперативное информирование, Дни лектора, конференции и т. п.

Активизации лекционной пропаганды способствовали республиканские и зональные семинары по различным отраслям знаний, где раскрывались методологические основы пропаганды, предоставлялся широкий информационный материал. Например, в 1980–1981 гг. 139 лекторов области побывали на республиканских и Всесоюзных семинарах в других городах. Около 300 лекторов области приняли участие в республиканских семинарах по проблемам международной политики КПСС, государства и права, которые проводились правлением общества «Знание» РСФСР в г. Пензе в 1981 г. С февраля 1980 г. по февраль 1982 г. было проведено 89 областных и кустовых семинаров, на которых присутствовало около 9 тыс. лекторов. Почти половина семинаров была посвящена общественно-политическим вопросам. Всеми формами учебы – семинарами (республиканскими, областными, кустовыми, районными), научно-практическими конференциями было охвачено свыше 16 тыс. чел. Для лекторов-международников семинары проводились дважды в год в г. Пензе, Кузнецке, Сердобске, Каменке.

Ежемесячно проводились в г. Пензе занятия в городской школе научного атеизма, организованной обществом «Знание» совместно ГК КПСС, постоянно действовал семинар по распространению атеистических знаний среди татарского населения области [3, л. 38, 39]. Участники Всероссийских и Всесоюзных семинаров, как правило, выступали затем на заседаниях научно-методических советов, консультировали своих коллег из области по вопросам семинаров.

Особой популярностью в области пользовалась практика приглашения лекторов на цикловые чтения из г. Москвы, Ленинграда и др. В течение 1983–1984 гг. 202 ведущих лектора республики прочитали в области 2 110 лекций, ими были проведены сотни консультаций.

Перспективно спланированная областной организацией учеба лекторских кадров позволила наладить регулярные выезды членов научно-методических советов в районы области для чтения лекций в массовых аудиториях, обсуждения актуальных вопросов общественно-политической жизни, социально-экономических преобразований и т. п. Для распространения среди трудящихся промышленных и транспортных предприятий, строительных организаций, колхозов и совхозов области достижений науки и техники, передового опыта к пропагандистской работе в начале 1980-х гг. было привлечено около 2 700 инженеров, техников, экономистов, преподавателей и ученых вузов, передовиков и новаторов производства. В трудовых коллективах читалось более 780 циклов лекций по проблемам экономики, научно-технического прогресса и передового опыта [1, л. 48].

В помощь лекторам ежегодно по основным направлениям лекционной пропаганды правление областной организации выпускало более 30 методических пособий и материалов, тематических планов лекций, программ народных университетов тиражом до 250 экземпляров. Высокую оценку получили методические пособия в помощь лектору: О. А. Лузгиной («Пути повышения производительности труда на машиностроительных предприятиях»), И. Я. Савченко («Закон СССР о трудовых коллективах как фактор совершенствования управления и эффективности труда»), В. П. Клейменова («Коллективный подряд в сельском хозяйстве») и др. В 1984 г. группа ученых

из г. Москвы, проанализировав содержание методических пособий в помощь лектору за период 1982–1984 гг., дала «высокую оценку их идейно-политического содержания, актуальности тематической направленности, тесной связи с практикой социалистического строительства» [3, л. 49].

Одним из мероприятий, направленных на улучшение качества пропаганды, повышение авторитета и активности лекторов, была общественная аттестация лекторских кадров, проводившаяся в соответствии с решениями VII съезда общества «Знание» РСФСР [4]. Из 15 657 лекторов первичного звена области было аттестовано 11 054 чел.; из 4 475 лекторов районного звена прошли аттестацию 3 668. Однако итоги аттестации лекторов первичного и районного звена показали, что в составе областной организации Общества имелись члены, «не умевшие читать лекции на высоком профессиональном уровне, нередко встречались неинтересные по форме и поверхностные по содержанию выступления, слабое влияющие на процессы воспитания трудящихся, более 20 % членов Общества не участвовали в лекционной работе» [2, л. 153].

Тем не менее на пленуме областной организации Общества (1983 г.) подчеркивалось, что в работе по обучению и расстановке лекторских кадров имелись существенные недостатки: «Отдельные правления и бюро первичных организаций не разработали четкой системы по подбору и подготовке лекторских кадров, повышению качества лекций, а имеют только ее звенья. Семинары лекторов проводятся редко, без перспективного плана, не выполняются такие важные требования, как систематичность, преемственность и взаимодополняемость различных форм повышения квалификации лекторов» [2, л. 152]. Указывалось, что отдельные лекции слабо увязывались с жизнью, встречалась «боязнь» обсуждения актуальных вопросов общественной жизни, имел место формализм и пропагандистские штампы. Отмечалось, что у некоторых лекторов речь была засорена трафаретами, недостаточно эффективно использовались современные технические средства пропаганды и наглядной агитации.

В учебных планах многих школ молодого лектора и народных университетов не было комплексного раскрытия научных основ пропаганды, подготовка слушателей

ограничивалась одной-двумя лекциями по методике, ощущался острый недостаток учебно-методических пособий. Правления, научно-методические советы и секции слабо контролировали качество учебно-воспитательного процесса, редко изучали и обобщали опыт работы. Некоторые правления Общества и бюро первичных организаций не проявляли должной инициативы и настойчивости в создании методических кабинетов и уголков.

В ноябре 1984 г. вопрос «О работе областной организации общества «Знание» по подготовке и использованию лекторских кадров в свете требований июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС» был рассмотрен на заседании пленума правления областной организации общества «Знание». Подчер-

кивалось, что «нашим семинарам лекторов не хватает выступлений по методике лекционной пропаганды, практике работы лекторов». Указывалось на необходимость «тщательней готовить слушателей семинаров, до сих пор в числе их участников встречаются случайные люди... Большинство вступивших в областную организацию не прошли предварительную подготовку в методическом и практическом плане» [3, л. 49]. Был разработан комплексный план мероприятий по устранению недостатков.

Таким образом, Пензенская областная организация общества «Знание» системно и планомерно занималась подготовкой и повышением квалификации своих лекторов, для чего использовались различные формы – семинары, конференции и т. п.

Источники и литература

1. ГАПО (Государственный архив Пензенской области). Ф.Р-2535. Оп. 1. Д. 642.
2. ГАПО. Ф. Р-2535. Оп. 1. Д. 673.
3. ГАПО. Ф. Р-2535. Оп. 1. Д. 685.
4. Материалы VII съезда общества «Знание» РСФСР, 27–28 мая 1982 г. М.: Знание РСФСР, 1982. 99 с.

Информация об авторе

Вазеров Илья Денисович – аспирант кафедры истории и философии, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, г. Пенза, Россия, e-mail: cntgyjdf-2012@mail.ru

Information about the author

Vazеров Ilya D. – Post-Graduate Student of the Department of History and Philosophy, Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia, e-mail: cntgyjdf-2012@mail.ru

УДК 27:070

Епархиальные средства массовой информации и взаимодействие Самарской епархии со светскими средствами массовой информации в 1988–2019 гг.

Вадим Николаевич Якунин

*Московский художественно-промышленный институт, г. Москва, Россия
e-mail: vadyak@mail.ru*

В статье исследуется возникновение и развитие епархиальных СМИ и взаимодействие Самарской епархии РПЦ со светскими СМИ в 1988–2019 гг. В конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. в самарской прессе начали публиковаться статьи о религии и церкви, интервью со священнослужителями на радио, телевидении, в газетах и журналах. Установились личные контакты священнослужителей с журналистами, что также способствовало сотрудничеству и доверительным отношениям.

Ключевые слова: Самарская епархия, самарская пресса, журналисты, епархиальные СМИ, телевидение, радио

Diocesan Mass Media and the Interaction of the Samara Diocese with Secular Media in 1988–2019

Vadim N. Yakunin

Moscow Institute of Art and Industry, Moscow, Russia

e-mail: vadyak@mail.ru

The article examines the emergence and development of diocesan media and the interaction of the Samara diocese of the Russian Orthodox Church with secular media in 1988–2019. In the late 80s – early 90s of the XX century, the Samara press began to publish articles about religion and the church, interviews with clergymen on radio, television, newspapers and magazines. Personal contacts were established between the clergy and journalists, which also contributed to cooperation and trusting relationships.

Keywords: Samara diocese, Samara press, journalists, diocesan media, television, radio

Взаимодействие Самарской епархии (СЕ) со СМИ началось в конце 80-х гг. XX в. Накануне празднования 1000-летнего юбилея крещения Руси (1988 г.) органами власти было оказано содействие священнослужителям епархии во встречах с журналистами и писателями, посвящённых предстоящему торжеству. Одна из первых таких встреч-бесед состоялась у архиепископа Куйбышевского Иоанна (Снычева) с писателем А. А. Солоницыным, она транслировалась по областному радио и положила начало регулярным выступлениям священников в СМИ [5, л. 6]. В конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. в самарской прессе начали публиковаться статьи о религии и церкви, интервью со священнослужителями. Установились личные контакты архиепископа Самарского Евсевия (Саввина) с журналистами, что также способствовало сотрудничеству и доверительным отношениям, так как до начала 90-х гг. XX в. россияне в основной своей массе плохо представляли себе жизнь РПЦ, как себя вести в церкви, многие ничего не знали о её роли в истории России.

В 1990 г. епархия начала издавать ежемесячник – «Самарские епархиальные ведомости», где освещалась епархиальная жизнь, но из-за небольшого тиража (300 экз.) он был малодоступен. Позже СЕВ был преобразован в бюллетень СЕУ «Хронограф». В 1991 г. благодаря инициативе журналиста Антона Жоголева появилось первое массовое периодическое издание, освещающее жизнь епархии – газета «Благовест», тогда же стала выходить региональная газета «Православная Сызрань». Именно из сотрудников «Благовеста» в последующем появились редакторы других церковных изданий. Так, с 1995 г. стал издаваться епархиальный научно-популярный журнал – «Духовный собеседник». С 1993 г.

по инициативе писателя А. А. Солоницына на ТРК «Скат» стала выходить духовно-просветительская передача «Путь», в рамках которой совместно со священнослужителями был подготовлен целый ряд документальных фильмов о епархиальной жизни. С начала 2000-х гг. эта передача перешла из теле- в радиозэфир ГТРК «Самара». С 1994 г. духовенство епархии стало выступать с проповедями в радиозэфире «Радио 7» [3, л. 2]. Надо признать, что в начале 90-х гг. XX в. не все священнослужители могли хорошо и доступно выступать в теле- и радиозэфире, и на первых порах протоиерей Иоанн Гончаров был одним из ярких исключений.

С приходом на Самарскую архиерейскую кафедру епископа Сергия (Полеткина) сотрудничество епархиального управления с СМИ получило дальнейшее развитие. На самарском телевидении (ТРК «РИО-ДТВ», ТРК «Терра-РентВ», ТРК «Скат-ТНТ», ТРК «Губерния», ТРК «ГИС») показывались телефильмы о жизни благочиний, приходов, выходили студийные программы с участием духовенства и деятелей образования, культуры, искусства, науки, постоянные сюжеты о жизни епархии, ее святых местах: «Символ веры» «Беседы о Православии», «Возвращение образа», «Воскресение». Православные программы и передачи выходили в городах и районах области: Тольятти, Новокуйбышевске, Сергиевске, Клявлино, Большой Глушице и др. Цикл передач «Человек и мир» с участием священников епархии на телеканале «ГТРК-Самара», был назван лучшим в России на конкурсе профессионального мастерства среди всех телекомпаний в соответствующей номинации.

Выходили радиoprogramмы по православной тематике в радиозэфире ГТРК «Самара», FM «Радио «Самара-Максимум», радиостанции «XXI век», «Радио-7» и др.

Православные радиoproграммы выходили в городах и районах области: в г. Новокуйбышевск, в г. Сызрани, в г. Отрадный.

Помимо появившихся в первой половине 1990-х гг., в СЕ издавались следующие православные газеты и журналы: «Православная народная газета»; «Православная радуга» – детский журнал; «Вера» – издание СамДС; «Лампада» – приложение к «Благовесту». Помимо общепархиальных, выходили издания отдельных благочиний («Православная Сызрань», «Церковный вестник» – издание Ставропольского благочиния), храмов, а также православные приложения к областным и районным газетам («Верую» – приложение к областной газете «Волжская коммуна» 52 номера в год тир. 36 990 экз.). В 2016 г. к этим изданиям добавились: «Древо» – просветительский журнал Самарской митрополии и «Добрыня» – детский журнал Самарской митрополии, выходящие раз в два месяца (тираж – 999 экз.). Имелась тенденция уменьшения тиража церковных изданий.

Светские издания, наиболее распространенные в губернии (общий тираж – 54 тыс. экз.), регулярно предоставляли свои страницы под материалы духовно-просветительского характера.

Продолжалось развитие собственного интернет-сайта епархии, на котором размещалась подробная информация о жизни епархии, интернет-версии местных православных СМИ, сведения об истории, подвижниках и святых епархии, отчеты о поездках по благочиниям и приходам правящего архиерея, архиерейских богослужениях, мероприятиях с участием представителей духовной и светской властей. В 2019 г. практически каждый монастырь и приход епархии имел свой сайт. Посещаемость сайта СЕ фиксировалась в 28 370 посетителей в месяц; а Самарской духовной семинарии – в 3 900 посетителей в месяц [4, л. 48].

Многие светские журналисты демонстрировали неподдельный интерес к Церкви. Несколько журналистов приняли священ-

ный сан (протоиереи Сергей Гусельников, Игорь Макаров и др.), и они уже в новом качестве продолжали сотрудничать со своими бывшими СМИ. Журналист «Самарских известий» Юрий Изъятский возглавил службу общественных связей епархии. Поэтому, когда светские журналисты, убедившись, что они самостоятельно не могут написать материал, обращались в эту службу, где получали помощь.

Такие издания, как «Независимая газета», «Московский комсомолец», «Комсомольская правда» допускали критику епархиального руководства и отдельных священнослужителей [1; 2], что епархия воспринимала как «ярко выраженную антицерковную позицию» [3; 4]. Церковные издания, напротив, никакой критике себе не позволяли.

Благочинные и наиболее подготовленные священнослужители и миряне в 1988–2019 гг. выступали по каналам местного радио- и телевидения. Религиозная, церковная тематика присутствовала в светских печатных и электронных СМИ, в новостных программах всех без исключения теле- и радиоканалов области. Постоянным стало присутствие самарских телепередач и сюжетов на православном канале «Союз». Пасхальные и рождественские послания правящего архиерея печатали практически все светские газеты региона, в унифицированном виде транслировали все телеканалы. Светские издания допускали критику епархиального руководства и отдельных священнослужителей, что было неприемлемо для церковных изданий. Тираж церковных изданий падал, что можно объяснить сложной финансовой ситуацией, как верующих, так и приходов, выписывающих их. Церковная периодика распыляла свои силы: вместо того, чтобы издавать одно сильное издание в митрополии, как например «Благовест», и финансово поддерживать его, а на местах иметь корреспондентов, выходили многочисленные газеты в городах и районах области, подчас не имея профессиональных кадров для этого.

Источники и литература

1. Московский комсомолец. 2016. 28 апр.
2. Независимая газета. 2016. 28 апр.
3. Текущий архив Самарского епархиального управления. Отчёт епископа Самарского Сергия в Московскую Патриархию за 1993 г.
4. Текущий архив Самарского епархиального управления. Отчёт митрополита Самарского Сергия в Московскую Патриархию за 2019 г.
5. ЦГАСО (Центральный государственный архив Самарской области). Ф. 3219. Оп. 1. Д. 71. Л. 6.

.....
Информация об авторе

Якунин Вадим Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Московский художественно-промышленный институт, г. Москва, Россия, e-mail: vadyak@mail.ru

Information about the author

Yakunin Vadim N. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Moscow Institute of Art and Industry, Moscow, Russia, e-mail: vadyak@mail.ru

.....

УДК 329.78(517.3:571.55)

**Приграничное сотрудничество молодёжных организаций
Восточного Аймака Монголии и Читинской области (в настоящее время
Забайкальский край) Российской Федерации**

Ганболд Дагвандорж

*Университет «Дорнод», г. Чойбалсан, Монголия
e-mail: gena_0052@yahoo.com*

В статье представлен анализ многолетнего сотрудничества молодёжных организаций Восточного аймака Монгольской Народной Республики и Читинской области. Рассмотрен Первый слёт. Особую ценность представляют фотографии, отражающие как работу конференции, так и торжественные встречи, церемонию открытия памятника «Ревсомол-Комсомол», а также фотографии торжественных мероприятий в г. Чите в 2016 г. на праздновании 95-летия Комсомола Забайкалья и в 2018 г. на 100-летию ВЛКСМ.

Ключевые слова: «Ревсомол-Комсомол», молодёжные организации Восточного аймака, Читинский областной комитет ВЛКСМ, Монголия, Забайкальский край, г. Чойбалсан, г. Чита

**Cross-border Cooperation of youth Organizations
of the Eastern Aimag of Mongolia and the Chita Region (Currently
the Transbaikal Territory) of the Russian Federation**

Ganbold Dagvandorj

*“Dornod” University, Choibalsan, Mongolia
e-mail: gena_0052@yahoo.com*

The article presents an analysis of the long-term cooperation of youth organizations of the Eastern Aimag of the Mongolian People's Republic and the Chita region. The first meeting is being considered. Of particular value are photographs reflecting both the work of the conference and the solemn meetings, the opening ceremony of the monument “Revsomol-Komsomol”. Photos of solemn events in Chita in 2016 at the celebration of the 95th anniversary of the Komsomol of Transbaikalia and in 2018 at the 100th anniversary of the Komsomol are also presented.

Keywords: «Revsomol-Komsomol», Youth Organizations of the Eastern Aimag, Chita Regional Committee of the Komsomol, Mongolia, Transbaikal Territory, Choibalsan, Chita

Молодёжные организации Восточного аймака Монгольской Народной Республики и Читинской области имеют давние традиции дружбы и сотрудничества.

Комитет Революционного Союза Молодёжи Восточного аймака и Читинский областной комитет ВЛКСМ ежегодно проводили совместные мероприятия по изучению и обмену опытом работы с молодёжью, встре-

чи, слеты, конкурсы профессионального мастерства, спартакиаду «Дружба», конкурс советских песен. Направляли пионеров и школьников в детские оздоровительные и спортивные лагеря и многое другое. Для патриотического воспитания молодежи в дни юбилейных дат проходили экскурсии по легендарным местам Халхин-Гола под девизом: «По дорогам Победы».

С давних времен установилось тесное сотрудничество между Комитетом Ревсомола Восточного аймака и комитетом комсомола Генерального Консульства СССР в городе Чойбалсане.

Первый слёт между молодёжью Восточного аймака и Читинской области под девизом: «Под солнцем дружбы» проходил в городе Чойбалсане Восточного аймака МНР с 16 по 17 октября 1981 г., в ознаменование 60-летия создания Революционного Союза Молодёжи Монголии.

В первом слёте принимали участие начальник отдела Центрального Комитета Революционного Союза Молодёжи Монголии

Жамбалсанжид, первый секретарь Партийного комитета Восточного аймака Я. Тойвгоо, Генеральный консул СССР в городе Чойбалсане МНР М. И. Петунин. Более 30 юношей и девушек во главе с первым секретарем Читинского областного комитета ВЛКСМ А. К. Максимовым приехало на слет из Забайкалья.

Благодаря поддержке Центрального Комитета Революционного Союза Молодёжи Монголии, Партийного Комитета Восточного аймака и обкома КПСС Читинской области, Генерального Консульства СССР в городе Чойбалсане первый слёт прошел успешно на территории Восточного края Монголии (рис. 1–6).

Рис. 1. Церемония открытия первого слёта. Слева направо: второй Д. Буджав – секретарь Комитета Партии Восточного аймака, третий Т. Ганболд – первый секретарь Комитета Ревсомола Восточного аймака, рядом Генеральный консул СССР в г. Чойбалсане МНР М. И. Петунин, шестой А. К. Максимов – первый секретарь Читинского обкома ВЛКСМ, восьмой Н. Е. Никитин – секретарь комитета ВЛКСМ при Генеральном консульстве СССР в Чойбалсане, рядом секретарь по рабочей молодёжи Комитета Ревсомола Восточного аймака Д. Ганболд и секретарь Партийного комитета г. Чойбалсана Д. Намхай и другие. Открывает торжественное собрание второй секретарь Партийного комитета Восточного аймака МНР Лхагвасурэн

Рис. 2, 3. Выступление первого секретаря Читинского областного комитета комсомола А. К. Максимова с речью на торжественном собрании

Рис. 4, 5. Участники слета. Встреча с ветераном Народной революции Монголии Ереелтом

Рис. 6. Знаменитые участники слета: Герой труда Монголии, мастер буровой установки Управления Геологии Восточного аймака Ж. Сурэнхуу и Лауреат премии Ленинского комсомола, Кавалер ордена Трудового Красного Знамени и знака «Шахтерская Слава» машинист роторного экскаватора угольного разреза «Харанорский» Михаил Соболев

Участниками слёта был открыт 10-метровый 2-столбовый бетонный памятник «Ревсомол-Комсомол», который ныне находится в центре г. Чойбалсан на террито-

рии Парка детей и молодёжи и является визитной карточкой дружбы и сотрудничества Монголо-Советской молодёжи (рис. 7).

Рис. 7. Церемония открытия памятника «Ревсомол-Комсомол» в честь первого слёта между молодёжью Восточного аймака и Читинской области в г. Чойбалсане Монголии

Торжественную ленту разрезают Т. Ганболд – первый секретарь комитета Ревсомола Восточного аймака, первый секретарь Читинского обкома комсомола А. К. Максимов и секретарь комитета ВЛКСМ при Генеральном консульстве СССР в Чойбалсане Н. Е. Никитин (рис. 8–13).

Рис. 8, 9, 10. Ночной и дневной вид памятника «Ревсомол-Комсомол», воздвигнутый в честь первого слёта между молодёжью Восточного аймака МНР и Читинской области СССР в городе Чойбалсане Монголии. г. Чойбалсан. 2022 г.

Рис. 11, 12, 13. Участники первого слёта молодёжи возложили венки к монументу и почтили память Советских лётчиков, павших на Халхин-Голе в боях с японскими милитаристами

В ходе проведения первого слёта молодёжи, с целью повышения патриотического воспитания молодёжи впервые в Восточном аймаке Монголии было организовано «Молодёжное факельное шествие» (рис. 14).

Рис. 14. Молодёжное факельное шествие. г. Чойбалсан, Монголия. 1981 г.

По приглашению монгольская делегация во главе с первым секретарем комитета Ревсомола Восточного аймака МНР Т. Ган-

болдом принимала участие в праздновании 60-летия Комсомола Забайкалья 12 января 1981 г. в г. Чите (рис. 15).

Рис. 15. Делегаты из Восточного и Хэнтийского аймаков МНР на 60-летнем юбилее Комсомола Забайкалья. г. Чита. 1981 г. Слева направо: Д. Ганболд – секретарь по работе с рабочей молодёжью комитета Ревсомола Восточного аймака, Т. Ганболд – первый секретарь комитета Ревсомола Восточного аймака, дважды герой Советского Союза, лётчик-космонавт А. В. Филипченко, заведующий организационным отделом комитета Ревсомола Хэнтийского аймака Янжин, первый секретарь Читинского областного комитета ВЛКСМ З. Ш. Мачитов, секретарь Читинского обкома КПСС В. Н. Ушаков, первый секретарь Комитета Ревсомола Хэнтийского аймака Халтар и секретарь Читинского городского комитета ВЛКСМ В. Кирпа

В день «Трудовой славы молодёжи» в 1980-е гг. в г. Чойбалсане Монголии среди молодёжи монголо-советских строителей часто организовались конкурсы профессионального мастерства. Такие неоднократные мероприятия оказали положительное влияние на решение экономических вопросов Восточного аймака (рис. 16).

По приглашению Совета Забайкальского регионального отделения Общероссийской общественной организации содействия воспитанию молодежи «Вос-

питанники комсомола – Мое Отечество» ветераны Ревсомола Восточного аймака принимали участие в торжественных мероприятиях в г. Чите в 2016 г. на праздновании 95-летия Комсомола Забайкалья и в 2018 г. на 100-летию ВЛКСМ. Были встречи с делегатами-комсомольцами первого слёта 1981 г. (спустя 35 лет), которые оказали ощутимое влияние на продолжение исторических традиций дружбы и сотрудничества монголо-российской молодёжи (рис. 17, 18).

Рис. 16. Подведение итогов конкурса профессионального мастерства между молодежью монголо-советских строителей ПСМК-3. г. Чойбалсан. 1980-е гг. Слева: секретарь аймачного Партийного комитета Д. Батсүх, выступает с речью секретарь аймачного комитета Ревсомола Д. Ганболд, представитель аймачного Профсоюзного комитета Баатар

Рис. 17. Делегаты из Монголии на 95-летию Комсомола Забайкалья. г. Чита. 2016 г.

Рис. 18. Ветеран ревсомола Д. Ганболд выступает с поздравительной речью перед комсомольцами Забайкалья на торжественном собрании, посвященном 100-летию ВЛКСМ. Дом офицеров. г. Чита. 2018 г.

В 2016 г. отмечалось 95-летие Революционного Союза Молодёжи Монголии. По приглашению Союза Ветеранов Ревсомола Восточного аймака Монголии на это торжество, которое состоялось в г. Чойбалсане принимала участие и делегация из Забайкальского края (рис. 19, 20).

Рис. 19. Почётный гость и делегат из Забайкальского края на торжествах, посвященных 95-летию юбилею Ревсомола Монголии, бывший первый секретарь Читинского ОК ВЛКСМ, ветеран комсомола А. К. Максимов и ветеран комсомола С. И. Самохвалов с ветеранами Ревсомола на городской центральной площади «Площадь Независимости». г. Чойбалсан. 2016 г.

Рис. 20. Участников первого слёта 1981 г. (ревсомолцев и комсомолцев). Справа налево: С. И. Самохвалов, С. Чойжилсүрэн, А. К. Максимов, Д. Ганболд. г. Чойбалсан. 2016 г.

Встреча состоялась снова через 35 лет в Монголии перед памятником «Ревсомол-Комсомол».

Наша дружба и сотрудничество на уровне молодёжных организации впредь будет

продолжаться и обогащаться новыми содержаниями. Мы, Ветераны, до сих пор надеемся, что Второй слёт молодежи состоится на территории Российской Федерации, на региональном уровне в г. Чите Забайкальского края.

Источники и литература

1. Общества монголо-советской дружбы Восточного аймака: доклад XII конференции. Чойбалсан, 1982.
2. Газета «Дэл» Восточного аймака. Чойбалсан, 1981.
3. Фото-альбом Комитета Восточного аймака. Чойбалсан, 2020.

Информация об авторе

Ганболд Дагвандорж – ветеран государственной службы Восточного аймака Монголии, бывший секретарь Комитета Ревсомола Восточного аймака, научный сотрудник, Университет «Дорнод», г. Чойбалсан, Монголия, e-mail: gena_0052@yahoo.com

Information about the author

Dagvandorj Ganbold – Veteran of the Civil Service of the Eastern Aimag of Mongolia, Former Secretary of the Revsomol Committee of the Eastern Aimag, Researcher at Dornod University, Mongolia, Choibalsan, e-mail: gena_0052@yahoo.com

УДК 94(517.3)

И. И. Ломакина – исследователь истории и культуры Монголии

Юрий Васильевич Кузьмин

*Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия
e-mail: kuzminuv@yandex.ru*

Представлена характеристика творческой биографии И. И. Ломакиной – журналиста и исследователя истории и культуры Монголии. Основное внимание уделено обзору основных трудов исследовательницы, посвященных истории искусства и культуры Монголии, историческим деятелям страны. О И. И. Ломакиной говорится как о неравнодушном исследователе, влюбленном в кочевую страну и ее жителей, самобытную культуру и живопись. Отмечается, что еще не все рукописи исследователя изданы.

Ключевые слова: И. И. Ломакина, журналист, Монголия, история, культура, Улан-Батор, монгольские художники

Финансирование. Статья подготовлена в рамках Гранта РФФИ 20-59-44008 по теме «Мировое и российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии».

I. I. Lomakina – Researcher of the History and Culture of Mongolia

Yuri V. Kuzmin

*Baikal State University, Irkutsk, Russia
e-mail: kuzminuv@yandex.ru*

The characteristic of the creative biography of I. I. Lomakina, a journalist and researcher of the history and culture of Mongolia. The main attention is paid to the review of the main works of the researcher devoted to the history of art and culture of Mongolia, the historical figures of the country. About I. I. Lomakina is described as a caring researcher who is in love with the nomadic country and its inhabitants, its original culture and painting. It is noted that not all of the researcher's manuscripts have been published yet.

Keywords: I. I. Lomakina, journalist, Mongolia, history, Ulaanbaatar, Mongolian artists

Проблемами истории и культуры Монголии серьезно занимаются не только профессиональные монголоеды, но и журналисты, литераторы, публицисты и культурологи. Российские журналисты Л. И. Шинкарев, И. И. Ломакина, В. В. Бережных, А. Кривель, К. Болдахонов и их работы по Монголии известны и читаемы в монголоведении. Отдельные исследования стали частью мировой науки о монгольской культуре и истории. Монголоведам хорошо известно имя Инессы Ивановны Ломакиной, которая внесла существенный вклад в историографию Монголии, опубликовала целый ряд капитальных исследований по истории культуры и истории Монголии XX в. Монографии «Изобразительное искусство социалистической Монголии» (1970), «Белые юрты в степи» (1975), «Улан-Батор» (1977), «Голова Джа-ламы» (1993), «Великий беглец» (2001), «Монгольская столица, столица, старая и новая» (2006), «Грозные махакалы Востока» (2004) стали научными событиями в изучении Монголии, в российской и монгольской историографии Востока. Особенно большие споры и дискуссии возникли у монголоведов по поводу публикации двух книг: «Голова Джа-ламы» и «Великий беглец», которые были посвящены сложным и неоднозначным историческим деятелям, связанным с историей Монголии.

В 2020 г. исполнилось 90 лет со дня рождения И. И. Ломакиной, есть повод вспомнить человека и исследователя, влюбленного в Монголию и глубоко интересующегося историей, культурой и современной Монголией.

Инесса Ивановна Ломакина (1930–2007) длительное время жила и работала журналистом в МНР, совершила много поездок по стране, была хорошо знакома и плотно общалась с ведущими монгольскими политиками, писателями, художниками и историками.

И. И. Ломакина в 1953 г. закончила филологический факультет Ленинградского университета и получила прекрасное гуманитарное образование в одном из лучших университетов СССР [1]. Она не планировала заниматься Монголией, некоторое время после окончания университета успешно работала учителем русского языка и литературы в средней школе, но затем заинтересовалась историей и культурой Монголии.

В 1966 г. И. И. Ломакина впервые приезжает в Монгольскую Народную Республику с

мужем-геологом, которого направляют сюда в длительную командировку. Испытывая интерес и симпатию к кочевой стране и её жителям, она принимает активное участие в общественной, журналистской деятельности Монголии. И. И. Ломакина плодотворно работает в Монголии корреспондентом газет «Советская культура», «Литературная газета», где публикует материалы о художественных выставках, книжных новинках. Плодотворно сотрудничает с журналами «Современная Монголия», «Утга зохиол урлаг» («Литература, искусство»), где она писала под монгольским псевдонимом «Л. Энхэ». Была опубликована в советских и монгольских журналах серия статей о монгольских художниках: М. Шараве, Н. Цултэме, Ц. Доржпаламе, Л. Намхайцэрэне, Д. Дамдине, А. Сэнгэцохио, советском художнике К. Померанцеве и др. Крупному монгольскому художнику Марзану Шараву была посвящена монография И. И. Ломакиной.

Первоначально И. И. Ломакина пишет о современной Монголии, её истории и культуре. Длительное время она серьезно изучала монгольское изобразительное искусство, его историю и современное состояние. Она познакомилась и общалась с современными монгольскими художниками и искусствоведами. Поэтому и значительная часть работ автора посвящена монгольскому изобразительному искусству. Она написала более ста коротких статей о монгольских персоналиях для немецкой энциклопедии по искусству "Allgemeine Künstlerlexikon" (Saur, Leipzig). Известных монгольских художников, скульпторов узнали в Европе и мире.

Проблемы монгольской живописи, архитектуры и театра серьезно занимали и интересовали Инессу Ивановну. Она была одной из немногих советских исследователей современной культуры и искусства Монголии второй половины XX в. Главное внимание И. И. Ломакина в книге «Изобразительное искусство социалистической Монголии» было уделено художественным реалистическим произведениям монгольских художников, созданных в стиле социалистического метода [2]. Работа была написана в стиле советского времени с выделением достоинств и достижений социалистической Монголии, по неписанным правилам эпохи социализма. Личные оценки, критические замечания в то время не приветствовались.

И. И. Ломакина активно изучала историю становления революционного плаката в Монголии, произошла публичная дискуссия с академиком Б. Ринченом по поводу авторства первых плакатов 1922–1923 гг., изданных в Петрограде. По мнению И. И. Ломакиной «вопрос об авторстве Шаравы до сих пор открыт. На плакатах, как было принято раньше, нет подписи. Необычайная активность Шаравы в те годы, известность его как ведущего художника нового времени, давали право всем называть автором этих очень популярных плакатов именно Шаравы. Современники Марзан Шаравы, хорошо знавшие его или работавшие вместе с ним в типографии, рассказывают сегодня, что Шарав никогда не отрицал свою причастность к этим плакатам» [7, с. 23]. Она считала, что советский художник Ц. Сампилов работал в МНР в 1925–1926 гг. и почерк его плакатов отличен от плакатов 1923 г. (на авторстве которого настаивал академик Б. Ринчен).

Актуальные вопросы современной Монголии, прежде всего интересные личности страны, нашли отражение в публицистической книге «Белые юрты в степи» [4]. Главными героями книги стали известные люди Монголии: скотоводы, мастера – ремесленники, писатели и поэты, художники.

И. И. Ломакина ввела в научный оборот уникальный исторический источник – мемуары известного сибирского исследователя и общественного деятеля Д. П. Першина (1861–1936), который служил в Монголии Директором Монголбанка в период Автономной Монголии и написал в Китае воспоминания. Они воспроизводят переломный период истории Монголии 1920–1921 гг. Мемуары длительное время хранились в Гуверовском институте войны, революции и мира (США) и были изданы И. И. Ломакиной под названием «Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак» в 1999 г. [14]. Современное монголоведение активно используют в своих исследованиях данное сочинение, содержащее ценную историческую информацию.

Монографии И. И. Ломакиной «Голова Джа-Ламы» и «Великий беглец», «Грозные махакалы Востока» вызвали большой интерес у историков и серьезную критику [3; 5; 6]. Предметом исследования И. И. Ломакиной стали сложные политические личности Монголии: политический авантюрист Джа-лама, популярный на Западе как независимый национальный лидер. Приезд в Монголию Далай-ламы в начале XX в., его сложные

отношения с Богдо-ханом, место и роль в истории Монголии занимали И. И. Ломакину. Некоторые критические замечания историков на книги автора носили вполне обоснованный характер. Ряд других оценок И. И. Ломакиной носил излишне эмоциональный, не всегда обоснованный характер. Иркутский историк Е. М. Даревская подвергла серьезной критике книгу о Джа-Ламе. Разумеется, назвать эти монографии строго исторически научными мы не можем. Иногда эмоции исследователя доминируют над объективными историческими источниками и материалами. Данные исследования И. И. Ломакиной позволили более глубоко понять сложность и противоречивость истории Монголии начала XX в.

По нашему мнению, исторические оценки И. И. Ломакиной пограничного комиссара А. Д. Хитрово, известного путешественника и военного специалиста П. К. Козлова носят исторически не точный характер, и определяются общими негативными характеристиками деятельности в Монголии российских военных и разведчиков, представителей императорской России [14]. Эмоционально и резко негативно также оценивает И. И. Ломакина деятельность представителей Коминтерна и советских специалистов 1920–1930-х гг. Представляется, что историк должен быть более точен в оценках, сдержан и следовать политической моде и современным конъюнктурным поветриям.

И. И. Ломакина подготовила несколько работ по истории заводов и производств Ленинграда, это были хоздоговорные работы в сложные 1990–2000-е гг. [10; 11; 12]

Глубокий интерес проявляла И. И. Ломакина к истории, культуре и архитектуре столицы Монголии – Урге и Улан-Батору. Впервые в российской историографии была опубликована книга «Улан-Батор» [13]. В книге «Монгольская столица, старая и новая» И. И. Ломакина представляет монгольскую столицу через исторические портреты известных и хорошо известных ей ученых, художников, писателей и политиков. Книга написана с большой симпатией к монголам, талантливому монгольскому народу, ее выдающимся специалистам, российским исследователям Монголии. Представлены эмоциональные и яркие портреты художника Занабазара (Ундэр-гэгэна), русского художника А. Мартынова, генерального консула России в Монголии Я. П. Шишмарева, П. К. Козлова, Богдо-гэгэна, Марзана Шара-

ва, Д. Сухэ-Батора, Д. П. Першина, барона Унгерна, Ц. Жамцарано, семью Шастиных, Николая и Юрия Рерихов, художника К. Померанцева, поэта Д. Нацагдоржа, академиком Б. Ринчена и Ц. Дамдинсурэна и др. [9] В каждой характеристике есть интересные подробности жизни и деятельности известных личностей, некоторые из них носят мемуарный характер. У И. И. Ломакиной были добрые и доверительные отношения с монгольской интеллектуальной элитой, некоторые сведения личной жизни своих героев носят уникальных характер.

Ряд рукописей И. И. Ломакиной еще ждет своего издателя. К печати подготовлена по-

весть об известном монголоведе, географе А. Д. Симукове «Географ Андрей Симуков. Документальный рассказ о русском землепроходце-исследователе Монголии Андрее Дмитриевиче Симукове (1902–1942)». Была опубликована только небольшая статья о нем [4, с. 128–135]. Работы И. И. Ломакиной отличали оперативность журналиста, определенная эмоциональность, некоторая поспешность и односторонность оценок, свойственные при быстрой работе. В целом, о Монголии и монголах писал неравнодушный исследователь, влюбленный в кочевую страну и ее жителей, самобытную культуру и живопись.

Источники и литература

1. Евдокимова Т. Ю., Кульганек И. В. Некролог (И. И. Ломакина) // Монголика. 2007. Т. 7. С. 138–139.
2. Ломакина И. И. Белые юрты в степи. М.: Молодая Гвардия, 1975. 144 с.
3. Ломакина И. И. Великий беглец. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2001. 288 с.
4. Ломакина И. И. Главы из неопубликованной повести «Географ Андрей Симуков. Документальный рассказ о русском землепроходце – исследователе Монголии Андрее Дмитриевиче Симукове (1902–1942)» // Монголика. 2008. Т. 8. С. 128–135.
5. Ломакина И. И. Голова Джа-Ламы. Улан-Удэ; Санкт-Петербург: Агентство Экоарт, 1993. 222 с.
6. Ломакина И. И. Грозные махакалы Востока. М.: Эксмо: Яуза, 2004. 421 с.
7. Ломакина И. И. Изобразительное искусство социалистической Монголии. Улан-Батор: Госиздательство МНР, 1970. 94 с.
8. Ломакина И. И. Марзан Шарав. М.: Изобр. иск-во, 1974. 189 с.
9. Ломакина И. И. Монгольская столица, старая и новая. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. 293 с.
10. Ломакина И. И. Наша биография. Очерки истории производственного объединения «Завод им. М. И. Калинина» 1869–1989. Л.: Лениздат, 1991. 431 с.
11. Ломакина И. И. Невский имени Ленина. История производственного объединения «Невский завод им. В. И. Ленина». Л.: Лениздат, 1981. 413 с.
12. Ломакина И. И. Памятник на Бухтарме. М.: Полит. лит-ра, 1989. 190 с.
13. Ломакина И. И. Улан-Батор. Л.: Искусство, 1977. 200 с.
14. Ломакина И. И. Першин Д. П. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак (составление, послесловие, комментарии, иллюстрации). Самара: Изд. дом Агни, 1999. 280 с.

Информация об авторе

Кузьмин Юрий Васильевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры мировой экономики и экономической безопасности, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: Kuzminuv@yandex.ru

Information about the author

Kuzmin Yuri V. – Doctor of History, Docent, Professor of the Department of World Economy and Economic Security, Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: Kuzminuv@yandex.ru

УДК 82:94

**Так сражались чекисты: краткий библиографический обзор книги
для читателя современного поколения**

Игорь Викторович Чапыгин¹, Юрий Александрович Петрушин²

¹ Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

² Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, Россия

¹ e-mail: igor_vch@mail.ru, ² e-mail: yurypetrushin@mail.ru

В иркутском издательстве «Оттиск» вышла книга «Так сражались чекисты: история и боевой путь 272-го иркутского полка от Байкала до Сталинграда». Сталинградская битва – одно из крупнейших генеральных сражений Второй мировой и Великой Отечественной войн, закончившееся победой РККА. Для нас, историков, занимающихся военной проблематикой, особый интерес представляют события и подробности участия в Великой битве специальных воинских формирований, начавших свой служебно-боевой путь, в том числе на иркутской земле.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сталинградская битва, Иркутск, НКВД, герои, потери, 10-дивизия НКВД, 272-й полк

**This is how the Chekists Fought: a Brief Bibliographic Review
of the Book for the Reader of the Modern Generation**

Igor V. Chapygin¹, Yuri A. Petrushin²

¹ Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, ² Irkutsk State University of Railway Transport, Irkutsk, Russia

¹ e-mail: igor_vch@mail.ru, ² e-mail: yurypetrushin@mail.ru

The Irkutsk publishing house “Ottisk” published the book “So the Chekists fought: the history and the combat path of the 272nd Irkutsk regiment from Baikal to Stalingrad”. The Battle of Stalingrad is one of the largest general battles of the Second World War and the Great Patriotic War, which ended with the victory of the Red Army. For us, historians dealing with military issues, the events and details of the participation in the Great Battle of special military formations that began their service and combat path, including on Irkutsk land, are of particular interest.

Keyword: The Great Patriotic War, the Battle of Stalingrad, Irkutsk, PCIA, heroes, losses, 10th Division of the PCIA, 272nd regiment

В центре внимания книги подвиг воинов 272-го стрелкового полка 10-й стрелковой дивизии НКВД. На ее страницах нашли отражение детальные свидетельства массового героизма воинов-чекистов 272-го стрелкового полка и в целом 10-й дивизии войск НКВД. В жесточайших боях, ценой собственной жизни бойцы, командиры и политработники остановили рвавшегося к Волге жестокого и сильного врага, сделали все возможное и невозможное для его последующего разгрома. Воины 272-го полка НКВД, практически все погибли в Сталинграде, их подвиг невозможно переоценить.

Книга выполнена с соблюдением основных требований к структуре монографии: она состоит из введения, двух глав, заключения, списка сокращений, списка литературы и приложений. Во введении дан обзор ситуации, сложившейся на фронтах к лету 1942 г. Овладение противником Сталинградом было одной из важнейших задач гер-

манского командования по комплексу причин, но советские войска предпринимали героические попытки остановить рывок врага к Волге. Действительно, уже к 23 августа Сталинград стал фронтовым городом, и линия боевого соприкосновения прошла прямо по городским улицам. Здесь же во введении представлена и разобрана добротная документальная архивная база главным образом неопубликованных документов [15–23; 26, 27] по рассматриваемым событиям, подборки мемуары и воспоминания участников [1–7], использованы материалы музеев [10–14] и обобщенных банков данных ЦАМО РФ [8; 9; 25]. Это свидетельствует о значительной документальной основе труда – юридические, делопроизводственные документы, материалы периодики и статистические сведения, обзоры и отчеты, источники личного происхождения. Очень детально рассмотрена историография участия соединений НКВД в Сталинградской битве, различные

аспекты истории этих органов и их подразделений в период ВОВ. Представляется, что привлекаемого материала, разнообразного по типам и видам оказалось вполне достаточно для решения поставленных задач. Очевидна и заслуга войск и органов НКВД в борьбе с врагом, в обеспечение тыла действующей армии, охране общественного порядка и борьбе с преступностью.

В главе I «Хранители восточных рубежей» изучены прямые предшественники Героя книги в имперский и начальный советский период истории. Рассмотрены процессы формирования и служебно-боевая деятельность первых рот, батальонов, а впоследствии и более крупных воинских соединений – хранителей восточных рубежей нашего Отечества в дореволюционный период истории страны. Исследованы их служебные и боевые задачи в Сибири и на Дальнем Востоке во время и после Гражданской войны. Показано, как с востока страны лучшие и наиболее подготовленные соединения были направлены на фронты Первой мировой и Великой Отечественной войн. В целом можно отметить, что задачи, поставленные в этой главе, связанные с изучением формирования первых соединений по охране восточных рубежей, железных дорог и других объектов в имперский и с начального советского периодов до конца 30-х гг. XX в. выполненными.

В основной главе II «Испытание Сталинградом» исследовано участие 272-го иркутского полка НКВД в составе 10-й дивизии войск НКВД непосредственно в Сталинградской битве, на подступах и в обороне города. Рассмотрена судьба соединения после Сталинграда. Не могут не вызвать уважение и восхищение примеры мужества и отваги, проявленные воинами-чекистами 272-го полка в Сталинградском сражении. Оригинальные тексты журналов боевых действий, дневников и воспоминаний помогут объективно оценить каждому читателю важность и трагический характер тех боев и событий под Сталинградом и в самом городе.

В Первом разделе главы II «На подступах к Сталинграду» рассмотрены процессы формирования 10-й стрелковой дивизии войск НКВД в составе 6 полков, в том числе 272-го в Иркутске из кадрового состава пограничных и внутренних войск НКВД, подразделений охранявших Транссиб, призыв-

ников и добровольцев Прибайкалья, Бурятии и Забайкалья. Найдены, обработаны и использованы в работе личные документы командиров и политработников полка, раскрыт национальный и социальный состав соединения, даны служебно-боевые характеристики, проанализирована учеба и выполнение специальных оперативных задач 272-м полком в тылу с февраля 1942 г. Рассмотрена и проанализирована деятельность иркутского соединения по охране армейских тылов и наведении порядка на дальних и ближних подступах к Сталинграду в июле–августе 1942 г.

Во втором разделе главы II «В обороне города» использованы архивные данные, главным образом журналы боевых действий, донесения, подкрепленные личными воспоминаниями бойцов и командиров – участников тех событий, детально реконструирована картина боевых действий 272-го полка и 10-й дивизии войск НКВД в период августа–октября 1942 г. Действительно, это был период, когда фактически решалась судьба города на Волге и войска НКВД вынужденно, но правильно в той ситуации вышли за рамки своих служебных задач и героически сражались как регулярные воинские соединения. Многочисленные примеры подвигов наших воинов-чекистов, статистика и масштабы немецких потерь в этот период яркое и правдивое свидетельство доблести до самопожертвования частей НКВД, среди которых герой книги – 272-й иркутский полк НКВД. Тем самым, «соединения НКВД оказались на острие удара немецких дивизий и явились той силой, которая обескровила и не пустила фашистов к Волге».

В третьем разделе главы II «Судьба полка после Сталинграда» рассмотрены процессы реформирования и пополнения иркутского соединения, участие в боях на орловском и курском направлениях, в знаменитой битве на Курской дуге уже под наименованием 288-й Сталинградский полк. Анализ потерь полка показал, что в ходе боев на Курской дуге и осеннего наступления, война практически выбила из строя остатки «сталинградцев-иркутян», тем не менее пополненный полк далее громил врага и брал Бреслау (нынешний польский Вроцлав).

В заключении подведены итоги исследования, обобщен собранный фактический материал, представлена история и описание установки монументов, посвященных

подвигу чекистов в городе-герое Волгограде, прослежены судьбы бойцов и командиров 272-го полка после Сталинграда и Великой Отечественной войны, отмечена важность сохранения народной памяти о наших героях и изложили перспективы дальнейшего изучения темы.

Книга содержит приложения, которые подкрепляют и дополняют основной текст. В них, главным образом приводятся неопубликованные воспоминания бойцов и командиров 272-го полка 10-й дивизии НКВД в минимальной археографической обработке, в которых очень рельефно видна устная история войны. Приведены в приложении документы о служебно-боевой деятельности 10-й дивизии НКВД, берут за душу проникновенные письма советских детей о ро-

зыске павших отцов, воинов-героев полка, песня дивизии и другие материалы.

Считаем, этой книгой «Так сражались чекисты: история и боевой путь 272-го иркутского полка от Байкала до Сталинграда» создан значимый социо-культурный проект федерального масштаба, в котором убедительно развенчаны неприглядные мифы «либерализационного» периода нашей страны по деятельности НКВД и его подразделений в годы Великой Отечественной войны. Внесен большой вклад в разработку общих положений по организации и деятельности этих органов в рассматриваемый период, который поможет сохранить и передать народную Память о своих земляках, в целом о воинах-чекистах грядущим поколениям нашей великой страны.

Источники и литература

1. Воспоминания Алексея Михайловича Кокшарова.
2. Воспоминания В. Ф. Кореновой-Рыжковой, медсестры 10 стрелковой дивизии войск НКВД.
3. Воспоминания Веры Иосифовны Рыбаковой, бывшего медицинского врача 272 Стрелкового полка 10 дивизии войск НКВД 62 Армии.
4. Воспоминания Григория Леонтьевича Рябухина. История одной воинской части.
5. Воспоминания для музея обороны Александра Ивановича Талдыкина, 1924 года рождения, боец истребительного батальона, после командир отделения разведки 272 СП 10 дивизии НКВД. 62 Армии.
6. Воспоминания об участии в боях при защите г. Сталинграда в составе 272 стрелкового полка 10 стрелковой дивизии ВВ НКВД Александра Петровича Бондаренко. Август-Сентябрь 1942 г.
7. Воспоминания Ф. У. Дيجا, капитана запаса (житель с. Кишенькар/б Полтавской области).
8. Журнал боевых действий 181 стрелковой дивизии. Текст: электронный // Память народа: подлинные документы о Второй мировой войне. URL: https://pamyat-naroda.ru/warunit/181%20сд/?static_hash=113c80bda26ac3359a99b8d92ae10da5v1 (дата обращения: 25.06.2022).
9. Журналы боевых действий 272 полка НКВД (288 Сталинградского стрелкового полка). Текст: электронный // Память народа: подлинные документы о Второй мировой войне. URL: <https://pamyat-naroda.ru/warunit/288%20сп/> (дата обращения: 25.06.2022).
10. Музей-заповедник «Сталинградская битва». НВФ: Карта расположения частей 10 СД НКВД на 01.10.1942 г.
11. Музей-заповедник «Сталинградская битва». НВФ: Красноармейская книжка бойца 272 СП НКВД Гусева, залитая кровью.
12. Музей-заповедник «Сталинградская битва». НВФ: Справка о служебно-боевой деятельности 10-й стрелковой дивизии внутренних войск СССР с 3-го июля по 8 октября 1942 г.
13. Музей-заповедник «Сталинградская битва». НВФ: Песня 10 Сталинградской дивизии НКВД.
14. Музей-заповедник «Сталинградская битва». НВФ: фотографии.
15. РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 32925. Оп. 1. Д. 66.
16. РГВА. Ф. 32925. Оп. 1. Д. 67.
17. РГВА. Ф. 32925. Оп. 1. Д. 68.
18. РГВА. Ф. 32925. Оп. 1. Д. 71.
19. РГВА. Ф. 38759. Оп. 2. Д. 1.
20. РГВА. Ф. 38759. Оп. 2. Д. 2.
21. РГВА. Ф. 38759. Оп. 2. Д. 3.
22. РГВА. Ф. 38786. Оп. 1. Д. 1.
23. РГВА. Ф. 38786. Оп. 1. Д. 2.
24. РГВА. Ф. 38786. Оп. 1. Д. 3.

25. Стрелковые дивизии. Запасные стрелковые дивизии. Текст: электронный // Ссылки на донесения о потерях дивизий, выложенные на сайте ОБД-Мемориал. URL: <http://www.teatrskazka.com/Raznoe/DivDocs/DivDocs01-2.html> (дата обращения: 25.06.2022).

26. ЦА ФСБ РФ (Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации). Ф. 14. Оп. 4. Д. 326.

27. ЦА ФСБ РФ. Ф. 14. Оп. 4. Д. 912.

Информация об авторах

Чапъгин Игорь Викторович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры мировой истории и международных отношений, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: igor_vch@mail.ru

Петрушин Юрий Александрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, Россия, e-mail: yurypetrushin@mail.ru

Information about the authors

Chapugin Igor V. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department World History and International Relations, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, e-mail: igor_vch@mail.ru

Petrushin Yuri A. – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences of Humanities, Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russia, e-mail: yurypetrushin@mail.ru

РАЗДЕЛ 2. Сибирь, Дальний Восток и Забайкалье в исторической ретроспективе

SECTION 2. Siberia, the Far East and Transbaikalia in Historical Retrospect

УДК 351(571.55)

Формирование системы внутренней безопасности в Забайкалье во второй половине XVII – начале XVIII в.

Роман Артурович Евтехов

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия
e-mail: lib-lab-scan@mail.ru*

В статье рассмотрена проблема формирования внутренней системы поддержания безопасности на окраинах Российской империи во второй половине XVII – начале XVIII в. Малозаселенные территории Забайкалья, которыми ограничивается исследование, не нуждались еще в систематически существующей полицейской страже, которая на тот момент совмещалась с общей административной и военной задачами. В силу особенностей сословного общества судебнополицейские функции оставались прерогативой высшего сословия общества – дворянства, которое в основном занимало должности воевод и приказчиков. Нормативные акты в основе своей придавали именно воеводско-приказным чинам основные полицейские функции, в то время как рядовые блюстители порядка в основном были казаками.

Ключевые слова: система безопасности, воеводство, полиция, приказчики, нормативные акты, Забайкалье, Нерчинск

Formation of the Internal Security System in Transbaikal Region in the Second Half of the XVII – Early XVIII Centuries

Roman A. Evtekhov

*Moscow State University M. V. Lomonosov, Moscow, Russia
e-mail: lib-lab-scan@mail.ru*

The article deals with the problem of the formation of an internal security system on the outskirts of the Russian Empire in the second half of the XVII – early XVIII centuries. The sparsely populated territories of Transbaikal, to which the study is limited, did not yet need a systematically existing police guard, which at that time was combined with general administrative and military tasks. Due to the peculiarities of the class society, judicial and police functions remained the prerogative of the upper class of society – the nobility, which mainly occupied the positions of governor and clerks. The normative acts basically gave the main police functions to the voivodship orders, while ordinary law enforcement officers were mostly Cossacks

Keywords: Security System, Voivodship, Police, Clerks, Regulations, Transbaikal, Nerchinsk

Одновременно с установлением первых государственных институтов управления на восточных окраинах России, в регионе развиваются и некоторые регулярные полицейские их функции. Необходимость создания отдельных полицейских учреждений еще не

была осознана на государственном уровне и, как правило, являлась дополнением к общему военно-административному управлению регионами.

В Забайкалье в течении XVII в. сформировались два узловых центра. Крупнейшим

из таких узлов в Забайкалье со времени колонизации стал Нерчинский острог, который с середины XVII в. возглавлялся приказчиками и воеводами, первым из которых был А. Ф. Пашков [12, с. 147], воеводство: 1656–1661 гг. В делопроизводственном отношении воеводы этого периода часто именуются приказчиками, создается впечатление, что приказчик второй половины XVII – начала XVIII в., это никто иной, как городской воевода, просто именуемый привычным термином. По крайней мере в источниках и литературе функционально городской воевода и приказчик тождественны, в отличии от более старшего по статусу разрядного воеводы. Так или иначе, статус Нерчинского воеводы был, очевидно, младше статуса воеводы Енисейского, на это указывает и статус «изб», при енисейском воеводе была съезжая изба, как и полагалось уездному воеводе, а при Нерчинском приказная.

Подобная ситуация сложилась и в Западном Забайкалье, где воеводский центр не сложился так стремительно. Изначально здесь центром был Селенгинский острог, в который с 1675 г., как минимум до 1700 г. [12, с. 205] назначались приказчики (*приказные люди*), первым из которых был Г. Ловцов. Селенгинскому приказчику, имевшему свою приказную избу, подчинялись острожные, стрелецкие и казачьи головы в регионе.

Наблюдение за порядком в острогах, как и в большинстве малых населенных пунктов России в конце XVII – начале XVIII в. находилось в ведении приказного управления. Приказчики могли чинить следствие и суд по незначительным делам, но основной их задачей было задержание и допрос подозреваемого с последующим извещением об этом воеводы. Анализ «наказной памяти» приказчикам острогов, привел исследователей к мнению о неоднозначности исполняемых ими функций в этой сфере [1, с. 92]. Природно-климатические особенности и политическая конъюнктура могли противоположно определять их функциональные особенности. Еще с XVII в. приказчикам полагалось «*ведать судом и расправою*», что предполагало надзор за местным населением и служилыми людьми. В регионах же с нестабильной приграничной обстановкой и не всегда мирными ясачными областями как Забайкалье, на первый план выходила оборонительная функция. К этому добавлялось поддержание безопасности острога,

расстановка и надзор за караулами, осмотр порядка содержания оружия служилых людей и т. д.

Тяжкие преступления не находились в полномочиях производства приказчиков, а передавались на рассмотрение вышестоящего начальства – воевод. Среди судебных дел, приказчики, как правило, рассматривали малозначительные имущественные и гражданские дела, а среди исполняемых ими наказаний «*битие батожем нещадно*» [1, с. 93]. Сравнение приказных полномочий периода последней трети XVII в. Западной и Восточной Сибири, показывает, что функциональные возможности приказчиков очень сильно зависели от особенностей региона. Можно с уверенностью установить прямую взаимосвязь, между отдаленностью и нестабильностью региона и широтой данных приказчикам полномочий.

Одним из ранних документов, относящихся к реализации судебно-полицейских функций за Байкалом, является «*Наказная память ...вновь назначенному приказчику Селенгинского острога*» (1682–84 гг.). Среди прочего, приказчику поручалось среди «*...всяких чинов людей...расправу чинить*», то есть судить и исполнять судебные решения. В случае прибытия воровских людей, за ними должно было организовать погоню, а при аресте держать под арестом до распоряжения воевод. Наказная память разделяла дела, в которых приказчик был полномочен, а какие дела нужно направлять на рассмотрение воеводе: «*дурна унимать и чинить наказанья смотря по вине, oprичь [Устар.: кроме] татиных и разбойных и убийственных и волшебных дел, а будет кто пойман на татьбе, разбое или приведен будет в убивственных и в волшебных делех, ему [приказчику] тех людей роспрося держать за крепкие караулы скованных и о том писать к воеводе*» [10, с. 10]. Приказчик должен был следить за торговлей спиртным и пресекать винокурение без разрешения, азартные игры и торговлю табаком. Средствами профилактики различных нарушений были объявлены лишь «*крепкие караулы*» на въезде и выезде из крепости.

Полицейские полномочия были предписаны высшему управленческому звену региона – воеводам. Относительно Забайкалья их полномочия подробно расписаны в «*Наказе Нерчинским воеводам*» (1696 г.). Фактически этот документ результат уста-

новления, по крайней мере, нейтральных отношений с Китайской державой на основе Нерчинского договора 1689 г. Территория за «Байкал-морем» была признана за Россией и «наказ...» наделял воевод широчайшими полномочиями: от судебно-полицейских, административно-хозяйственных, фискальных, военных и даже дипломатических. Первые две функции значительно преобладали над прочими чаще во внутренних областях [4, с. 139], в то время как на приграничных окраинах имели место все перечисленные.

Воевода, будучи прямым проводником царской политики на месте, был наделён высшей судебно-полицейской властью в своём регионе. Он обязывался оберегать местное население от набегов, пресекать воровство, карточные игры, драки, пьянство, грабежи и следить, чтобы все под «царскою высокою рукою послушны и жили смирно во всяком послушании» [6]. Важным аспектом политики обеспечения безопасности в государстве было соблюдение мира и спокойствия между разными сословиями: «...служивые и посадские и всякие люди и пашенные крестьяне корчмы и зерни у себя не держали, и разбою и душегубства у них и меж себе драк и никакого воровства ни где и шатостей и бунтов и измены в Русских во всяких людях и измены в Русских во всяких людях и в иноземцах... отнюдь не было» [8]. Розыскное повытье (отдел) обычное для всех воеводских канцелярий занималось документооборотом относительно разбойных дел. Поиск и задержание преступников осуществлялось непосредственно воинской командой воеводы, ими же исполнялись наказания, и осуществлялась охрана «посажённых в цепь» (арестованных). Ему же, воеводе, поручалось наблюдение за движением населения, поиск беглых и приведение в покорность ослушавшихся.

Полицейские функции в этот период ещё не были выделены в специфическую сферу деятельности и исполнялись в рамках общего административного управления, дополняя его. В вопросах сыска, следствия и суда воевода руководствовался Указами великого государя и Соборным уложением. Всех приезжих допрашивали в приказной избе, писали «распросные речи»: как зовут, откуда родом, кто родители, где в настоящее время живут, цель появления в уезде и т. д. Если

«в ком чаять смуты или воровского заводу и тех людей спрашивать и по распросу, буде который доведется, велеть сажать в тюрьму» [5, с. 179]. Особенности полномочия имел воевода при подавлении и расследовании любых выступлений против власти, А. Д. Градовский отмечал: «полицейский характер воеводского управления выражался довольно сильно... в пресечении и преследовании преступлений. Эта сторона полицейской его деятельности проникала даже в его судебную деятельность, сообщая последней какой-то полицейский характер» [2, с. 432]. Безопасность и сохранность в покорности территории сибирским воеводам подведомственной была их главная задача, потому не удивительны такие перегибы в их деятельности.

Воеводам напрямую поручались сохранение пожарной безопасности во вверенном регионе, и особенно в интересах торгового дела, в «Наказных статьях Нерчинскому воеводе» от 5 января 1701 г. [9] вменялось: «радеть, чтоб... сделать двор гостинной... принять меры безопасности от пожара и буде возможно, чтоб близ того двора деревянного строения не было...». К противопожарным мерам относился запрет посадским жителям топить домашние и банные печи летом. Для контроля чрезвычайных случаев пожара, нападения разбойников или ясачных воевода должен был установить «крепкие караулы... чтоб никакие воинские или воровские люди к острогам и на уезды войной... не пришли» [8]. Собственно, никаких иных способов противодействия преступлениям на государственном уровне ещё выработано не было.

Вся полнота рядовой, непосредственной охраны правопорядка была в ведении служилых казаков и их воинских начальников. Относительно крупные воеводские города как Нерчинск кроме воинских команд могли иметь специальные должности городничих или городских приказчиков, назначавшихся из дворян или детей боярских. Такая должность была предусмотрена в штате воеводской канцелярии Нерчинска [11, с. 13]. Установить подлинно круг полномочий городничих этого времени сложно, единственная на данный момент попытка изучения этой очень любопытной должности предпринята Б. Н. Чечерным в его капитальной работе, посвященной областным учреждениям России XVII в. [13, с. 366–370]. Известно, что

городничие этого времени имели отношение к наблюдению за крепостью в целом, состоянием фортификационных сооружений, казенных запасов в крепости, наблюдением за пожарной безопасностью, сохранением тишины и спокойствия и пресечением корчемства и т. д. Городничих в городе могло быть несколько, по общей компетенции они напоминают впоследствии появившихся комендантов и городничих. В других поселениях: зимовьях, острогах и небольших городах без приказчиков, соответствующие охранно-полицейские функции выполнял имевшийся на месте воинский начальник (острожный, стрелецкий, казачий голова). Правда полномочны они были в этот период, как правило, лишь для собственного круга воинских чинов, за которыми надзирали, пресекали и вели розыск беглых. Исследования показывают, что головы имели не только полицейскую, но и судебную власть над подчинённой воинской командой [13, с. 374]. В их компетенции было судить и наказывать служилых, за исключением опять-таки «убийств, татьбы и волшебных дел», как и приказчики. При всем этом должность «по полицейским делам» еще не была осознана в полной мере. Полицейские функции осознавались как логичная часть функций управления и поддержания общества в покорности. Функции полиции, соразмерно сословной системе, существовавшей в России во второй половине XVII в., исполняли все значимые управленческие чины в отношении им подведомственным лицам. Кроме того, те же чины имели и функции судеб-

ные в основном по незначительным делам и после судебной расправы. Конечно, для получения более качественного и независимого рассмотрения дела и суда необходимо было обратиться к приказчику, а еще лучше воеводе. Оные и являлись олицетворением справедливого суда в глазах обывателя.

Хотя имеется и противоположная точка зрения, к слову о качестве воеводско-приказного чиновничества в Сибири, летописец так характеризовал местных управленцев: «Сибирь была наполнена присяжными разбойниками, кормящимися властями... для коих украсть, ограбить, даже убить человека из-за денег, продать душу за алтын считалось ни во что» [3, с. 57]. Такое положение дел, надо сказать, признавалось и центральной властью: «многие воеводы воруют лучшие ясачные соболя», «емлют себе многие взятки» и т. д. [7].

В результате, малозаселенные территории Забайкалья, находящиеся на восточных окраинах империи в XVII – начале XVIII в. не нуждались ещё в систематически существующей полицейской страже, которая на тот момент совмещалась с общей административной и военной задачами. В силу особенностей сословного общества судебнополицейские функции оставались прерогативой высшего сословия общества – дворянства, которое в основном занимало должности воевод и приказчиков. Нормативные акты в основе своей придавали именно воеводско-приказным чинам основные полицейские функции, в то время как рядовые блюстители порядка в основном были казаками.

Источники и литература

1. Бобров Д. С. Наказные памяти приказчикам острогов и слобод Западной Сибири в административно-правовой системе конца XVII – первой половины XVIII в. (по материалам кузнецкого уезда) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 442. С. 87–95.
2. Градовский А. Д. История местного управления в России // Собрание сочинений: в 9 т. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. Т. 2. 492 с.
3. Евдокимова С. В. Очерки истории городов Забайкалья 17–18 вв. Улан-Удэ: Общественно-научный центр Сибирь, 1993. 68 с.
4. Космовская А. А. Воеводское управление в Перми Великой в XVII веке // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2012. № 1. С. 135–143.
5. Лезина Е. П. Воеводское управление пограничных территорий российского государства в XVII века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2011. № 4-2. С. 177–187.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. III. 1689–1699. [№ 1328–1739]. № 1542.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. III. 1689–1699. [№ 1328–1739]. № 1532.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. IV. 1700–1712. [№ 1740–2619]. № 1822.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. IV. 1700–1712. [№ 1740–2619]. № 1835.

10. Сборник документов по истории Бурятии XVII век. / сост. Г. Н. Румянцев, С. Б. Окунь. Улан-Удэ: Тип. Мин. Культуры БурАССР, 1960. Вып. 1. 492 с.
11. Сибирские города: материалы для их истории. XVII и XVIII стол. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М.: Тип. М. Г. Волчаникова, 1886. 146 с.
12. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия / сост. А. Барсуков. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. 611 с.
13. Чичерин Б. Н. Областные учреждения России в XVII веке. М.: Тип. Александра Семена, 1856. 606 с.

Информация об авторе

Евтехов Роман Артурович – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, e-mail: lib-lab-scan@mail.ru

Information about the author

Evtexov Roman A. – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, e-mail: lib-lab-scan@mail.ru

УДК 908(571.55)

Краткие исторические сведения о первооткрывателях месторождений полезных ископаемых Забайкальского края

Игорь Георгиевич Пешков

г. Санкт-Петербург, Россия

e-mail: igorpeschkov@mail.ru

В статье рассматривается юго-восточная часть Забайкальского края как территория открытий месторождений полезных ископаемых в рамках самого богатого минералогического региона России. В исторической перспективе изучаются особенности проявления отечественной культуры на примерах фамильных ценностей жителей Забайкальского края, России и зарубежья как потомков первооткрывателей месторождений полезных ископаемых.

Ключевые слова: самая богатая кладовая минералов России, первооткрыватель, минералы, месторождение, Забайкальский край

Brief Historical Information about the Discoverers of Mineral Deposits of the Transbaikal Territory

Igor G. Peshkov

St. Petersburg, Russia

e-mail: igorpeschkov@mail.ru

The article considers the south-eastern part of Transbaikalia is treated as a territory of mineral deposit discoveries within the richest mineralogical region of Russia. In the historical perspective peculiarities of domestic culture are studied on the example of family values of inhabitants of the Trans-Baikal Territory, Russia and abroad, as descendants of discoverers of mineral deposits.

Keywords: Russia's Richest Storehouse of Minerals, Discoverer, Minerals, Deposit, Transbaikal Territory

Государство в конце XVI – начале XVII в. знает, что где-то там, в Сибири есть серебро и золото на землях новых и неосвоенных. Экспедиции следуют одна за другой. Снаряжаются они за счет государственных средств, вкладывают свои деньги и средства богатые промышленники и служилое

сословие. Все хотят новых земель и «каменьев дорогих, рухляди и хлеба».

Дорога сюда дальняя и надо идти с теплой одеждой, хлебом и порохом несколько лет из Московии. Изучаются отписки и скаски казаков, ведут расспросы о далекой земле «Шибир».

Служилый человек в Нерчинске считался универсальным воином и следопытом. На их счету поиски и открытие серебра, месторождений ценных и поделочных камней, редких лекарственных растений [3, л. 76].

Так нерчинский казак Иван Гурков в 1723 г. находит месторождение аквамарина на Адун Челоне, ныне Шерловая Гора [2, с. 16].

Император Петр I получивший кристаллы аквамарина с очередным караваном из Нерчинских земель поручает строить гранильную фабрику в Санкт-Петербурге. Петергофская гранильная фабрика обязана своим строительством забайкальскому аквамарину. Награждает служилых людей этим драгоценными камнями за заслуги перед Отечеством.

Эрмитаж имеет в своих коллекциях изделия из нашего аквамарина и лучшие музеи мира, и частные коллекционеры считают за честь иметь в своих коллекциях минералы аквамарина.

В кратком историческом обзоре Нерчинских горных промыслов указаны месторождения полезных ископаемых Забайкальского края с указанием фамилий первооткрывателей.

Сохранен стиль и написание документов периода 1825–1830 гг. ныне хранящихся в РГИА Санкт-Петербурга [3, л. 50].

Это событие является для нас новой страницей в истории освоения нашего края. Необходимо чтить и не забывать память народную о тех людях и поколениях, на чью долю выпали самые тяжкие испытания в истории России, начиная с освоения Даурии и до сегодняшних дней.

Александровской прииск открыт оберштейгером Чистяковым в 1822 г. в 4 верстах от Алгачинского рудника. Серебро. Свинец. Партейской прииск открыт партией в 1823 г., в 300 саженях от Алгачинского рудника. Серебро. Свинец. Домашевской Гурбан Шивинской прииск открыт в 1823 г. оберштейгером Домашевским в 10 верстах от А(л)гачинского рудника. Серебро. Свинец. Игнатовской второй прииск открыт в 1823 г. бергауером Игнатовым в вершине речек Бырки и Сухого Газимура. Серебро. Свинец. Игнатовской третий прииск открыт в 1825 г. бергауером Игнатовым в вершине долины Сухого Газимура. Серебро. Свинец. Домашевской Тутхалтуевской прииск открыт в 1825 г. оберштейгером Домашевским в вершине долины тут Халтуй. От Алгачинско-

го рудника в 7 верстах. Чистяковский прииск открыт оберштейгером Чистяковым в 1826 г. в 2 версте от Алгачинского селения. Серебро. Свинец. Игнатовской Манкечерской прииск открыт в 1826 г. в урочище Манкечер, в 7 верстах от Алгачинского селения. Чистяковской золотосодержащий прииск открыт в 1825 г. в 50 саженях от Александровского прииска. Самородное золото. Серебро. Свинец. Чистяковской Быркинской прииск открыт в 1824 г. оберштейгером Чистяковым в вершине долины Бырки, в 9 верстах от Алгачинского рудника. Серебро. Свинец. Чистяковский Гурбан Шивирской № 2 прииск открыт в 1825 г. оберштейгером Чистяковым в 8 верстах от Алгачинского рудника. Кварц (автор). Серебро. Свинец. Сухаревской прииск открыт в 1826 г. бергауером Сухаревым на бывшем Сухаревском прииске. Кварц. Серебро. Свинец. Мышкинский прииск открыт в 1827 г. отставным копейником Мышкиным в 80 саженях к востоку от Алгачинского селения. Серебро. Свинец. Ново-Игнатовской прииск открыт бергауером Игнатовым в 1827 г. в вершине речки Газимур вблизи бывшего Игнатовского прииска. Кварц. Серебро. Свинец.

Газимуро-Воскресенская дистанция

Акатуевский рудник открыт в 1815 г. оберштейгером Меркурьевым. Серебро. Свинец. Прииски на горе Меркурьевской открыты в 1823 г. Первый, Второй, Третий, Четвертый прииски открыты партией и находятся в 11 верстах от Александровского завода. Серебро. Свинец. Кожевниковской прииск открыт штейгером Кожевниковым в 1822 г. на Меркурьевской горе. Серебро. Чистяковской прииск открыт унтерштейгером Чистяковым в 1824 г. в 154 саженях от Меркурьевского рудника. Серебро. Свинец. Корниловский прииск открыт гиттерфервальтером Корниловым в 1808 г. в 256 саженях от Газимуро-Базановского рудника. Серебро. Свинец. Газимуро-Базановской рудник открыт в 1791 г. Серебро. Свинец.

Пятый прииск открыт в 1823 г. в семи верстах от Александровского завода. Серебро. Свинец. Шестой прииск открыт в 1823 г. в 80 саженях от Газимуро-Воскресенского рудника. Серебро. Свинец. Меркурьевский прииск открыт в 1809 г. 4 верстах от Александровского завода. Серебро. Свинец. Багдаринский северный прииск открыт в 1813 г. в 25 верстах от Александровского

Завода. Железная охра. Марганец. Катаевской прииск открыт в 1825 г. берггауером Катаевым, на правой стороне речки Кудикан. Пановской прииск открыт в 1826 г. берггауерами Марковым и Пановым к северу от Александровского Завода. Серебро. Свинец. Ново-Базановский прииск открыт рудоискательной партией в 1827 г. на восточной «покати» Меркурьевской горы в 50 саженях от бывшего Газимуро-Базановского рудника. Серебро. Свинец.

Газимурская дистанция

Ильдиканский рудник открыт в 1775 г. в вершине речки Ильдикан. Серебро. Свинец. Блинниковский прииск открыт штейгером Михаилом Блинниковым в 1826 г. в 250 саженях от Ильдиканского рудника. Кварц. Серебро. Свинец. Потаповской прииск открыт шмельцером Потаповым в 1821 г. на северной «покати» горы Тайникого рудника. Серебро. Свинец.

Шилкинская дистанция

Екатеринский рудник открыт в 1775 г., в пяти верстах от Шилкинского Завода. Серебро. Свинец. Новый прииск открыт партией в 1822 г. ниже бывшего Лургиканского прииска, в 150 саженях от Екатерининского рудника. Серебро. Свинец. Корешковский прииск открыт партией в 1828 г. между Новым прииском и Екатеринским рудником. Серебро. Свинец. Алексеевской прииск от-

крыт в 1828 г. рудоискательской партией на западной «покати» горы Екатерининского рудника. Серебро. Свинец.

Култуминская дистанция

Преображенский рудник открыт в 1812 г. берггешвореном Мыльниковым на левом берегу реки Газимур, в 87 верстах от Газимурского Завода. Серебро. Свинец. Мыльниковский прииск № 1 найден в 1809 г. берггешвореном Мыльниковым в 17 верстах от будущего Преображенского рудника. Серебро. Свинец. Затопило водой в 1817 г. Ильинский прииск открыт партией в 1822 г. в 36 саженях от Преображенского рудника. Золото. Серебро. Свинец. Варламовский прииск открыт в 1823 г. и Павловский прииск в 1824 г. расстоянием в полторы версты к северу от Преображенского рудника. Золото. Серебро. Свинец. Базановский прииск открыт партией в 1824 г. недалеко от бывшего Базановского прииска. Серебро. Безсоновский прииск открыт в 1826 г. бергаурером Безсоновым. Серебро. Свинец. Крестьянский прииск найден в 1825 г. заводским крестьянином Трифановым в отрогах Донинского хребта и 10 верстах от Донинской деревни. Железные свинцовые руды. Ишагинский прииск открыт в 1827 г. снаряженной партией в долине реки Ишаег, в Леканниковой долине от деревни Ишагинской в семи верстах. Кварцы [3, л. 51–70].

Источники и литература

1. Жуков А. В., Пешков И. Г. Социокультурная среда Забайкалья. Забайкальские казаки и их потомки: учеб. пособие. Чита: ЗабГУ, 2014. 175 с.
2. Минералогический альманах. Шерловая Гора. Серия «Знаменитые минералогические объекты России». 2014. Т. 19, № 2.
3. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 468. Оп. 43. Д. 1037.

Информация об авторе

Пешков Игорь Георгиевич – индивидуальный предприниматель, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: igorpeshckov@mail.ru

Information about the author

Peshkov Igor G. – Individual Businessman, St. Petersburg, Russia, e-mail: igorpeshckov@mail.ru

УДК 908(571.55)

Организация медицинской помощи ссыльнокаторжным в Забайкалье (вторая половина XIX в.)

Анна Владимировна Волочаева

*Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
e-mail: Rossav1@yandex.ru*

В статье на основе делопроизводственных материалов, архивов Российской Федерации, воспоминаний сотрудников Нерчинской уголовной каторги и путешественников сделаны анализ и описание организации медицинского обслуживания преступников-каторжан в Забайкалье во второй половине XIX столетия. В работе представлены документы Государственного архива Российской Федерации, Государственных архивов Иркутской области и Забайкальского края, Российского государственного исторического архива Дальнего Востока.

Ключевые слова: история Российской империи, Забайкалье, пенитенциарная система, ссылка в каторжные работы, Нерчинская уголовная каторга, медицинская помощь

Organization of Medical Care for Exiled Convicts in Transbaikalia (the Second Half of the XIX Century)

Anna V. Volochaeva

*Transbaikal State University, Chita, Russia
e-mail: Rossav1@yandex.ru*

Based on the records of the archives of the Russian Federation and the memoirs of employees of the Nerchinsk penal servitude and travelers, the analysis and description of the organization of medical care for convict criminals in Transbaikalia in the second half of the XIX century are made. The paper presents documents of the State Archive of the Russian Federation, the State Archives of the Irkutsk Region and the Trans-Baikal Territory, the Russian State Historical Archive of the Far East.

Keywords: History of the Russian Empire, Transbaikalia, Penitentiary System, Exile to Hard Labor, Nerchinsk Penal Servitude, Medical Care

Реформирование пенитенциарной системы в Российской империи коснулись различных сторон жизни преступников: происходила систематизация уголовных наказаний, разделение тюремных учреждений по видам исполнения наказания, изменения в системе управления и др. Важным направлением преобразования пенитенциарной системы также стало приведение в соответствие с международными стандартами условий жизни заключенных. Деятельность по данному направлению началась еще задолго до самих буржуазных реформ. Например, в 1819 г. в России было создано Общество попечительное о тюрьмах, которое занималось улучшением нравственного и физического состояния арестантов и мест заключения [33, с. 9].

Преобразования в тюремной системе коснулись и системы организации каторжных работ. С одной стороны, каторга сама по себе становилась не рентабельной – большинство мест отбывания наказания испытывали сложности с организацией работы в соответствии с требованиями законода-

тельства. С другой стороны, более эффективный вольнонаемный труд (получивший широкие возможности с отменой крепостного права) становился более перспективным для большинства предпринимателей. Ведь труд преступников был с низкими результатами (не было мотивации), их нужно было размещать отдельно от вольнонаемных, организовывать для них специальные способы охраны и др. Поэтому каторга в Забайкалье находилась в постоянном процессе преобразований в исследуемое время. Важными факторами, влиявшими на процесс реформирования стали также активизация революционного движения, что приводило к росту числа преступников-каторжан (уголовных и политических), и образование отдельной Забайкальской области, что требовало корректировок в системе управления каторгой.

В системе наказаний Российской империи XIX в. каторжные работы были одним из основных его видов и назначались за самые тяжкие преступления. Основное место отбывания этого наказания в исследуемое

время была каторга в Забайкалье (Нерчинская каторга). В среднем ежегодно здесь находились 2–4 тыс. каторжан, достаточно много для данного региона. Тяжкий труд был одной из важных основ, на которых строилось наказание ссылкой в каторжные работы. Поэтому одним из важных направлений деятельности тюремного управления стало в этот период оказания первой медицинской помощи при травмах, полученных при осуществлении каторжных работ, а также организация лечения по основным болезням преступников в стационарных условиях. Общество попечительное о тюрьмах, к сожалению, действовало не на всей территории Российской империи. В Забайкалье начало его деятельности относится к 1855 г. При этом, согласно отчетам Общества, под его ведение попадали только тюрьмы общего содержания преступников. В отчетах местного отделения данной организации представлена деятельность в тюремных замках, которые в Забайкалье было три – в городах Чите, Верхнеудинске и Нерчинске [3; 8; 23]. Каторгой данное ведомство не занималось.

Тема медицинского обслуживания преступников достаточно актуальна среди профессиональных исследователей в области истории медицины, уголовного наказания и истории Российской империи. Данной темой занимаются д-р мед. наук Д. О. Мешков [28], д-р мед. наук Б. А. Спасенков в соавторстве с канд. юр. наук С. Ф. Пертли [32], юристы О. А. Алфимова [1], С. Л. Домрачева [24], Н. И. Загороднюк [25] и др. Авторы в своих работах в большинстве полностью анализируют проблемы организации медицины в пенитенциарном ведомстве, такие – как переполненность тюрем, размещение совместно больных и здоровых, телесные наказания и выполнение обязательных работ в тюрьме больными арестантами и др. Несмотря на то, что, как отмечают большинство авторов, постановка этих проблем и их разрешение было обозначено еще в XVIII в., в большей степени дискуссия об этом, создание штатных должностей медиков и разработка инструкций по этому вопросу относится именно к XIX столетию. Хотя многие проблемы остались нерешенными, вплоть до начала XX в. Отдельно изучением организации медицинской помощи на каторге большинство из исследователей не занимались – они лишь периодически делали ссылки на Устав о ссыльных, но подробно эту пробле-

му не исследовали. Только в двух работах частично представлена интересующая нас тематика. В работе Н. И. Загороднюк [25] представлена организация медицинского обслуживания в Тобольском тюремном замке, в том числе и когда там размещались каторжные. Но временной период и территория не входят в рамки настоящей работы. Исследование С. Л. Домрачевой [24] представляет для нас интерес, поскольку здесь представлены материалы по Нерчинской каторге в Забайкалье. Но поскольку в статье расширены территориальные и временные рамки, объем данной работы не позволяет полностью раскрыть данную проблему.

Цель настоящей статьи – проанализировать и описать организацию медицинского обслуживания преступников Нерчинской каторги в Забайкалье во второй половине XIX в.

В начале исследования стоит отметить, что тюрьмы Нерчинской каторги были привязаны к конкретным серебро-свинцовым рудникам (Алгачинский, Акатуйский и др.) и золотым приискам (Карийские), и находились на различном удалении друг от друга. Также тюрьмы располагались подалеже от населенных пунктов. Это означало, что организовывать медицинскую помощь необходимо в каждой каторжной тюрьме, а также продумать организацию стационаров для больных, нуждающихся в специальном уходе. По архивным документам известно, что до начала 1860-х гг. медицинскую помощь здесь оказывали местные горные медики [7, л. 16]. Например, на Карийских промыслах в 1864 г. была указана должность лекаря, а также в это время упоминается лазарет [4, л. 113 об., 119]. Но в штатном расписании Управлении Нерчинскими ссыльнокааторжными должность врача появилась только в 1878 году [4, л. 30–31]. Стоит также отметить, что других лазаретов, кроме Карийского, в архивных источниках 1850–1860-х гг. не было обнаружено. В 1872 г. с восстановлением каторжных работ в серебро-свинцовых рудниках, начал решаться данный вопрос. Например, указано, что в 1872 г. начал действовать Александровский лазарет (в Александровском Заводе). В данном лазарете, согласно отчетной документации за 1875 г., лечились также каторжные Алгачинского рудника [6, л. 128 об., 129]. При этом в отчетных документах Александровского завода указано, что там не было ни одного меди-

ка в это же время [6, л. 277]. Таким образом, можно поставить вопрос о том, кто вообще мог лечить тюремных лазаретах.

В условиях тюремных преобразований появлялись специальные указания центральной власти об обязательности устройства медицинской части в местах Нерчинской каторге. Например, циркуляр ГТУ 1882 г. «О мерах, касающихся будущего устройства каторжных работ и ссылки в Восточной Сибири и на Сахалине» [29, л. 2 об., 4 об.]. В документах последующего времени представлена информация о выделении денежных средств на врача, аптечных служителей, фельдшеров и смотрителей лазаретов на Каре, в Александровской богадельне и Алгачах, а также планировании устройства должностей врача на рудниках, фельдшеров в Зерентуйском и Кадаинском рудниках, и Кутомарском заводе. В реальности по отчетным документам в последующее время работали только 6 фельдшеров на Каре и 1 – в Александровской богадельне; указывалось, что на рудниках врачебной помощи до этого вообще не было [20, л. 14 об., 15 об.]. Вопросы здесь также вызывает должность аптечного служащего, поскольку среди документов не удалось обнаружить никакой информации по аптекам и вообще закупке лекарств и необходимых медицинских материалов даже для лазаретов, не говоря уже о местах, где находились только фельдшеры.

Конечно, отсутствие медицинской помощи или ее слабая организация могли сказываться на высоких показателях смертности. Например, в статистических материалах отчетов о прибыли и убыли каторжных, побегах и смертности их в разных местах каторги указана следующая информация: в 1873 г. – за январь и май на Карийских промыслах умерло 64 чел. [9, л. 1 об., 2]; 1875 г. – 89 чел. (по суммарным данным [5]), 1886 – 120, 1887 – 84, 1888 – 116 [15, л. 41]. Вызывает вопросы количество умерших в тех местах каторги, где был медицинский персонал. Например, в 1881 г. (до июля) в Карийском районе умерло: в тюрьмах – 40 чел., на промыслах – 49, в то время как в Александровском заводе и богадельне – 34 чел., в других местах каторги данные о числе умерших отсутствуют [14].

В 1890-е гг. сохраняются неточности в отчетных документах по состоянию медицинской части. Например, по ведомостям о ссыльнокаторжных за 1889–1890 гг. числят-

ся 4 лазарета – Нижне-Карийский, Зерентуйский, Алгачинский и Александровский [15, с. 23, 29, 104, 113, 142, 161, 262]. Но по приказам 1889 г. лазарет указан только в Карийском районе (Нижняя Кара). В это время его обслуживали 4 фельдшера и 4 палатных служителя. В других районах лазареты по каким-то причинам не указаны, но определены медицинские должности в штате. Например, в Зерентуйском районе указаны два фельдшера (в Горно-Зерентуйской и Кадаинской тюрьмах) и пять палатных служителей (четыре в Горном Зерентуе и один в Кадае); в Алгачинском районе – два фельшера (в рудниках и Александровской богадельне) и четверо палатных служителей. Всего в отчете по Нерчинской каторге определено 9 фельдшеров и 19 палатных служителей [17, л. 80 об., 81, 148–152].

По отчетам за 1891 г. на каторге указаны Карийский, Зерентуйский, Алгачинский, Акатуйский и Александровский лазареты [22, л. 37 об.], в 1897 г. – Зерентуйский, Алгачинский, Акатуйский и Александровский [13, л. 16–23]. Карийский лазарет был упразднен в сентябре 1897 г. в связи с отсутствием в этом месте каторжных работ [15, л. 177]. К 1900 г. снова произошло сокращение – действующими определены всего 3 лазарета – Зерентуйский, Алгачинский и Акатуйский [21, л. 5]. Причины этого не обозначены в документе.

Несмотря на то, что медицинской части в это время уделяется большое внимание, смертность преступников оставалась высокой. Например, в 1889 г. умерших преступников зарегистрировано (ноябрь–декабрь) – 115 чел. [12, л. 10; 16, л. 41], в 1890 г. (январь–сентябрь) – 125 [12, л. 10, 27], в 1891 г. – 107 чел. [12, л. 10; 19, л. 13, 13 об.], в 1892 – 73, в 1893 – 62, в 1894 – 63 [12, л. 10], в 1896 г. – 72 [18, л. 86 об.]. В отчетах часто отмечалось, что медицинские помещения ветхие и плохо приспособленные для лечения [21, л. 38]. Конечно, среди умерших были случаи по факту убийства, смерти от ран, несчастных случаев или по старости. Но количество данных смертей в статистических таблицах незначительно. Например, в 1890 г. указано о насильственном способе смерти у 4 чел. [18, л. 104, 142, 262], в 1891 г. – у 10 [22, л. 13 об.].

Для того чтобы определить наиболее частые причины смерти, необходимо проанализировать болезни преступников каторги.

Данная информация отражается также в отчетах заведующих каторжными в отдельных местах каторги. Кроме того есть эта информация и во врачебно-санитарных отчетах. Согласно отчету заведующего Алгачинским и Покровским рудниками 1883 г. перечислены следующие виды болезней: воспаление легких – 25 чел., сифилис – 10 чел., глазные болезни – 3, тифозная горячка – 6, другие болезни – 102 [11, л. 55]. В отчете заведующего каторгой за июнь 1884 г. у преступников выявлены: цинга – 110, воспаление легких и бугорчатка – 9, тиф брюшной – 1, острые болезни – 55, хронические болезни – 7, хирургические болезни – 21, сифилис – 12, глазные болезни – 2, умалишенные – 1, другие – 34 [10, л. 168 об., 169]. За медицинской помощью только в одном месяце, согласно данному отчету, обратилось около 100 преступников. То есть за год, примерно можно предположить, около 1 000 каторжан. Архивные документы подтверждают данное предположение. Например, за медицинской помощью в 1896 г. обратились 809 чел. [18, л. 87]. Но есть случаи превышения данного показателя. Например, в 1889 г. этот показатель составил 1 749 чел. (общее число каторжных в этот период 3 476). Практически каждый второй преступник обращался за медицинской помощью. В отчетах также отмечалось, что отчете могли быть представлены не полные данные, т. к. не учитываются «исправляющиеся» ссыльнокаторжные, проживающие вне тюрьмы и те, кто переносит болезнь «на ногах».

Здесь же отмечается, что лазареты переполнены, и остальные больные могли не обращаться по этой причине [31, с. 581]. В работах современных исследователей также отмечается, что некоторые заболевшие не обращались за медицинской помощью, но причину обосновывают страхом. Ведь тюремное начальство часто воспринимало различные травмы и болезни либо вымышленными, либо специально совершенными для уклонения от работы и наказывало за это карцером. Самоистязания с целью невыполнения работы зафиксированы и в материалах по истории каторги. Например, в воспоминаниях тюремного врача на Каре В. Я. Кокосова (выполнял обязанности в 1872–1881 гг.), указано, что раздробление пальцев, натирание глаз известью, проколы губ или век и другие членовредительства были частыми явлениями на каторге

[26, с. 18]. О «притворных болезнях» также писал путешественник, исследователь каторги данного времени С. В. Максимов [27, с. 138, 139]. На основании этой информации, данные статистики могут подвергаться сомнениям. Но некоторые документы убеждают нас в обратном. «Притворные болезни» по врачебно-санитарному отчету по Зерентуйскому врачебному району Нерчинской каторги (1896) были среди «дальнейших заболеваний». Среди заболеваний наиболее часто встречаемых у больных отмечены в последовательности лихорадочные, венерические болезни, катар желудка и кишок и воспаление легких. Больные, которые лечились амбулаторно, в основном страдали болезнями желудка или кишечника и легких (бронхиты) в хронических формах [2, л. 51 об., 53]. В исследуемое время большинство болезней преступников были связаны не с медицинским обслуживанием, а с другими условиями содержания преступников в тюрьме и выполнении каторжных работ. Например, недостаточность одежды или ее быстрая изношенность могли приводить к переохлаждениям, что вызывало лихорадки, а в последующем и хронические болезни легких; некачественная пища вызывала болезни желудка и кишечника; плохое состояние тюремных помещений могло усиливать вирусные инфекции и др. Значит, и смертность от этих болезней, которые становились хроническими для большинства каторжан, была неизбежна.

Таким образом, на протяжении второй половины XIX в. власть пыталась обеспечить организацию медицинской части на должном уровне, особенно наглядно это просматривается в конце 1880–1890-х гг. Именно в это время было увеличено количество лазаретов в действующих тюремных районах, число фельдшеров и палатных служителей. Но достаточными данные меры сложно назвать. Число умерших уголовных преступников на каторге за весь исследуемый период было стабильно высоким (около 100 чел. ежегодно), хотя и было немного сокращено в последнее десятилетие изучаемого времени.

Кроме того, в архивных источниках не обнаружено сведений о снабжении лазаретов лекарствами и лечебными препаратами, хотя о закупке продовольствия и одежды для преступников данных вполне достаточно. Поставленные диагнозы больным также

свидетельствовали, что организации лазаретов и введения дополнительных должностей фельдшеров и палатных служителей недостаточно для улучшения состояния их здоровья и понижения смертности. Необ-

ходимо было проведение комплексных мер по организации достаточных условий жизни заключенных – изменения в снабжении питанием и одеждой, улучшение состояния тюремных помещений.

Источники и литература

1. Алфимова О. А. К вопросу о состоянии и правовой регламентации тюремной медицины в пенитенциарных учреждениях России в XVIII–XIX вв. // Вестник Кузбасского института. 2022. № 1. С. 152–158.
2. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 1 вр.о. (врачебный отдел). Оп. 2. Д. 217.
3. ГАЗК. Ф. 1 о.о. (общераспорядительный отдел). Ф. 1 о.о. Оп. 1. Д. 765.
4. ГАЗК. Ф. 1 о.о. Оп. 1. Д. 919.
5. ГАЗК. Ф. 1 о.о. Оп. 1. Д. 1393.
6. ГАЗК. Ф. 1 о.о. Оп. 1. Д. 1491.
7. ГАЗК. Ф. 1 о.о. Оп. 1. Д. 6885.
8. ГАЗК. Ф. 1 о.о. Оп. 1. Д. 7909.
9. ГАЗК. Ф. 1 о.о. Оп. 1. Д. 7950.
10. ГАЗК. Ф. 1 о.о. Оп. 1. Д. 9024.
11. ГАЗК. Ф. 1 о.о. Оп. 1. Д. 9030.
12. ГАЗК. Ф. 1 т.о. (тюремный отдел). Оп. 1. Д. 87.
13. ГАЗК. Ф. 1 т.о. Оп. 1. Д. 95.
14. ГАЗК. Ф. 1 т.о. Оп. 4. Д. 144.
15. ГАЗК. Ф. 28. Оп. 1. Д. 5.
16. ГАЗК. Ф. 28. Оп. 1. Д. 23.
17. ГАЗК. Ф. 28. Оп. 3. Д. 9.
18. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. 25. Оп. 28. Д. 28. картон 1368.
19. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 29. Оп. 1. Д. 290.
20. ГА РФ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 486.
21. ГА РФ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1119.
22. ГА РФ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 2593.
23. ГА РФ. Ф. 123. Оп. 1. Д. 177 (1).
24. Домрачева С. Л. Организация медицинской помощи в каторжных тюрьмах // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 4. С. 146–148.
25. Загороднюк Н. И. Организация медицинской помощи заключенным Тобольского тюремного острога в конце XVIII – первой половины XIX веков // Научный диалог. 2021. № 12. С. 327–343.
26. Кокосов В. Я. На Карийской каторге. Рассказы и воспоминания. Чита: Книжн. изд-во, 1955. 154 с.
27. Максимов С. В. Каторга империи. М.: Эксмо-Пресс, 2002. 480 с.
28. Мешков Д. О. Развитие медицинской помощи в пенитенциарной системе России (начало XX века) // Актуальные проблемы медицины и биологии. 2018. № 3. С. 43–46.
29. РГИА ДВ (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока). Ф. 702. Оп. 4. Д. 17.
30. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 165.
31. Семевский В. И. Рабочие на сибирских золотых промыслах: в 2 т. СПб.: Сибиряков, 1898. Т. 2. 695 с.
32. Спасенков Б. А., Пертли Л. Ф. История организации медицинской помощи в отечественной пенитенциарной системе (XVIII–XIX вв.) // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2016. № 2. С. 75–80.
33. Устав о содержащихся под стражею // Свод законов Российской империи. СПб.: Типография Второго Отделения Его Императорского Величества канцелярии, 1857. Т. 14. 201 с.

Информация об авторе

Волочаева Анна Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, e-mail: rossav1@yandex.ru

Information about the author

Volochaeva Anna V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of the Faculty of History and Philology, Transbaikal State University, Chita, Russia, e-mail: rossav1@yandex.ru

УДК 39(092)

**Дарья Егоровна Хангалова:
к проблеме биографии жены бурятского этнографа**

Наталья Евгеньевна Жукова

*Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия
e-mail: nataliiuk@mail.ru*

Статья посвящена анализу контекстов дневника М. Н. Хангалова, в которых этнограф рассказывает о своей жене – Дарье Егоровне Хангаловой. Изучение дневниковых записей ученого позволило сделать вывод о том, что семья Хангаловых являлась традиционной, где женщина была занята в основном домашним хозяйством и не вмешивалась в профессиональную и общественную деятельность мужа. Проявляется очень характерный для дневниковых записей 1910–1911 гг. Хангалова факт: Матвей Николаевич назвал имена всех своих родственников, но не жены. Данное обстоятельство демонстрирует главную и единственную роль Дарьи Егоровны – жена. Также особенностью дневникового повествования является скудность, не подробность записей Хангалова о своей жене, которые демонстрировали обособленность ее в общем контексте семейной жизни.

Ключевые слова: гендерная история, история повседневности, дневники Матвея Хангалова, Дарья Егоровна Хангалова

**Daria Egorovna Khangalova:
on the Problem of the Biography of the Wife of a Buryat Ethnographer**

Natalia E. Zhukova

*Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia
e-mail: nataliiuk@mail.ru*

The article presented to the reader's attention is devoted to the analysis of the contexts of M. N. Khangalov's diary, in which the ethnographer tells about his wife, Daria Egorovna Khangalova. The study of the diary entries of the scientist allowed us to conclude that the Khangalov family was traditional, where the woman was mainly engaged in household chores and did not interfere in her husband's professional and social activities. It is very characteristic of the diary entries of 1910–1911. Khangalova fact: Matvey Nikolaevich gave the names of all his relatives, but not his wife. This circumstance demonstrates the main and only role of Daria – wife. Also, a feature of the diary narrative is the scarcity, not the detail of Khangalov's notes about his wife, which demonstrated her isolation in the general context of family life.

Keywords: gender history, the history of everyday life, diaries of Matvey Khangalov, Darya Egorovna Khangalova

Выдающийся этнограф региона – Матвей Николаевич Хангалов – личность по-настоящему уникальная. Всецело преданный своей земле, земле своих родителей, Матвей Николаевич рассказал об Иркутской губернии всему миру. Если научная деятельность Хангалова является предметом изучения многих поколений ученых (М. П. Хамаганова, М. М. Тулохонова, Р. А. Шерхунаева, И. А. Дамбуевой), то акцент на биографии этнографа был сделан в советское время только Е. М. Залкиндом.

В ракурсе исследования советского историка Хангалов предстал человеком, за спиной которого стоял огромный, и не лишенный внутренних противоречий род, представленный мужчинами – главами семейств. Однако о семье самого Матвея Николаевича, кроме того, что жену звали Дарьей Егоровной, а дочь Софьей, известно крайне

мало. Женские биографии – интересная и, в то же время, сложная для отечественной историографии проблема, к изучению которой отечественные историки преступили только в конце XX в. Женщины дореволюционного периода, особенно живущие на окраинах огромной империи, «простые» жены, матери и сестры до сих пор остаются «безмолвными» участниками исторического процесса. Не являлась исключением и жена Матвея Хангалова, о которой, кроме имени, мы не знаем достоверно ничего. В этой связи предлагаемая читательскому вниманию статья является первой попыткой понять, какое место в жизни ученого-этнографа занимала его жена – Дарья Егоровна Хангалова (в девичестве Данчинова).

В настоящем исследовании Дарья Егоровна будет представлена ее мужем – Матвеем Николаевичем Хангаловым, кото-

рый, так или иначе, сделал ее героиней своих дневниковых записей. Но, прежде чем, начать интерпретацию соответствующих фрагментов дневника, нужно сформулировать важное предварительное замечание, которое состоит в следующем. Ни один из советских исследователей жизни и деятельности Хангалова, не описывает биографию его жены, а сам этнограф в своих дневниковых записях даже не называет ее имени. Напротив, максимальную известность в научной литературе получило имя дочери Хангалова – Софьи Матвеевны, которая и передала его дневники на хранение в Бурят-Монгольский республиканский краеведческий музей в 1950 г.

В научной литературе Дарья Егоровна упоминается в работе И. А. Маласхановой, которая сообщает, что «в 1891 г. М. Н. Хангалов женился на Дарье Егоровне Данчиновой» [5, с. 296]. Т. В. Бадлаева, в статье посвященной комплектованию библиотеки Бурятского Ученого Комитета, отмечает, Д. Е. Хангалова в 1925 г. передала Комитету ряд материалов покойного мужа [1, с. 100]. Следовательно, к настоящему времени биография Дарьи Хангаловой представляет собой ряд отрывочных сведений, которые прочно закрепили ее статус «жены Хангалова».

Как было сказано выше, сам Матвей Николаевич в своих дневниковых записях называет Дарью Егоровну соответствующие – «жена» – без каких-либо дополнительных эпитетов («ласковая», «милая» и пр.). Упоминание о ней в дневниках прочно связано с бытовой жизнью Хангаловых, что может быть объяснено традиционной ролью Дарьи Егоровны в семье.

О жене Матвей Николаевич сообщает на первых страницах дневника за 1910–1911 гг. в связи с их летним переездом из училища в управу. В записи от 12 июня Хангалов говорит о том, что многие из их знакомых уже «переехали из зимников в летники и мы остались одни, а потому *жена боится* (курсив здесь и далее наш – Н. Ж.) *разбойников, которые поселились по соседству*». В управе, по словам Хангалова, было безопаснее и веселее, чем в «пустом и одиноком училище» [10, л. 1]. Переезд Хангаловых и их знакомых, предположительно, являлся сезонным и был связан с началом летних каникул. Данная запись демонстрирует заботу Матвея Николаевича о жене, пусть даже в некотором безэмоциональном тоне.

Матвей Николаевич, будучи заведующим Бильчирским училищем, не мог оставить его без присмотра на долгое время, что он и делал, периодически приезжая туда. 12-го июля Хангалов записывает в дневнике: «утром я читал и после чая *с женою уехали в училище*, в котором я проверял книги, а жена варила варенье из ягод; мы пробыли в училище до вечера. – Мы вечером приехали обратно –» [Там же, л. 122]. Здесь показательно, что в училище Хангаловы едут вдвоем, однако Дарья Егоровна занимается работой противоположной работе мужа – она варит варенье. Возвращаются они также вдвоем. Сходный сюжет про разделение «бытового» и «научного» труда повторяется в записи от 22 июля. «Я до чая *писал*, после которого мы собрались и пошли по ягоды, но которых собрали не особенно много; *жена собирала ягоды, а я немного помог ей собирать ягоды, а потом я ел ягоды и пошел собирать кобылок и бабочек для коллекции*» [Там же, л. 129]. Подобная картина описана Хангаловым и позднее, например, в записи от 17-го июля сообщается: «утром я с женой поехал в училище; *жена мыла белье, а я собирал насекомых, которых собрал не особенно много. Вечером мы приехали домой*» [Там же, л. 125].

В августе 1910 г. Хангаловы отвозят свою дочь Софью в Иркутск для перевода ее в следующий 4 класс. Эту поездку Матвей Николаевич описал в своем дневнике достаточно подробно и красочно. 19 августа «... я, *жена и Сонечка* встали очень рано, собрались и поехали в гор. Иркутск; до села Черемхово мы поехали на телеге. В с. Черемхово мы приехали вечером после заката солнца и ночевали в квартире» [Там же, л. 141]. 20-го августа утром «мы встали, сели в поезд и поехали в г. Иркутск. Мы ехали с большим удовольствием, потому что пассажиров было не много. В Иркутск приехали днем» [Там же] – сообщает Хангалов. Выше Хангалов писал о том, что собирается отвезти дочь – «Сонечку» – в гимназию в Иркутск, но не указал в какую именно.

Для Хангалова эта поездка в Иркутск сопровождалась научной работой, он отвез в музей собранные в уезде шаманские коллекции «разных онгонов, хуруков, зураков, шаманских тростей, зули и много прочих» [Там же, л. 141]. Хангаловы пробыли в Иркутске до 25 августа и Матвей Николаевич «все эти дни работал в музее, приводил [в]

порядок все шаманские коллекции бурятского шамана и написал коротенький [коротенькую] опись. Иногда объяснял шаманские коллекции студентам, которые отнимали много времени» [10, л. 142].

Поездка оказалась успешной, *Сонечка* выдержала переэкзаменовку по русскому языку и перешла в 4 класс. 25-го августа *Сонечка* переехала в свою квартиру, и я с женою вечером выехали из г. Иркутска» [Там же, л. 143]. Такое описание поездки ярко характеризует традиционалистское мышление Хангалова, удивительным образом сочетавшееся с мировоззрением ученого. Подробно изложив свои занятия и занятия своей дочери в Иркутске, о жене Матвей Николаевич пишет только то, что она приехала и уехала с ним, не удостаивая ее занятия отдельной записи.

Однако, Дарья Егоровна перемещалась по территории Бильчирского улуса и без сопровождения своего мужа, одна или в компании своих племянников Кости и Александры. Так с первого по восьмое сентября 1910 г. Д. Е. Хангалова ездила гостить с племянницей Сашей в Унгу. Сам Матвей Николаевич в эти дни «один остался» в училище, «...работал в классе и записывал вновь поступающих учеников и учениц», 8-го «вечером приехала жена» [Там же, л. 143]. Эти записи Хангалова показывают не столько свободу передвижений его жены, сколько то, что она не принимала какого-то значимого участия в работе училища. Записи дневника за 1910–1911 гг. говорят скорее о «подсобной» роли Дарьи Егоровны в организации учебного процесса в Бильчирском училище. В тексте не раз встречаются упоминания о ее «бытовой» работе: в то время как Хангалов «проверял книги, жена варила варенье из ягод [Там же, л. 123], «...жена синила белье, а я собирал насекомых...» [Там же, л. 124]. Здесь важно отметить, что обе стороны, видимо, были согласны с таким статус-кво, с подобным распределением ролей в семье, по крайней мере, Хангалов не сообщает о наличии каких-либо разногласий или поводов к ним.

Не менее скупое Матвей Николаевич описывал участие своей жены во всевозможных празднествах, в которых активное участие принимали жены членов Бильчирской управы. Вот как описывает Хангалов рождественские дни 1910 г.: «сегодня я сижу дома [в] ожидании наших Управских гостей;

жена с утра бегаёт и готовится; я тоже *помогаю*: утром вымыл в комнатах, стер пыль, на стол поставил вино в графине, несколько бутылок виноградных вин, рюмки и прочих; этим кончилась моя работа» [Там же, л. 268]. Само же Рождество в управе было описано на нескольких страницах дневника довольно ярко и подробно: «мы по старинному обычаю деревни пили и закусывали, потом пили чай; после которого горячая закуска и все это сопровождалось выпивкой; хороший хозяин должен угощать гостей всеми мерами, а в противном случае скажут скупой и жалеет [Там же]».

Далее идет описание типично мужского проведения праздника. Контексты, в которых упомянута Дарья Егоровна также свидетельствуют о ее вторичной, по отношению к мужу, роли. «Я с женою заехал в училище, кое-что убрать и посмотреть» – писал Хангалов 26 декабря. «Я порядочно устал и не хочется ехать в Управу, но нельзя, потому что сегодня примут участие жены. Я кое-как собрался, поехал с женою и дорога показалась мне плохой» [10, л. 269] – писал Матвей Николаевич на следующий день. Любопытная деталь об особом вступлении в празднество жен членов управы Хангаловым далее не объясняется и дальнейшее описание праздника свелось к тому, что члены управы «деревенскому обычаю пошли по домам» закусывая и выпивая. Ни о каком особом «женском» дне Хангалов не повествовал. Совокупность деталей текста позволила предположить, что Хангалову был не интересен «женский» мир и его участие в финале празднований было скорее вынужденным, нежели добровольным. Для него подобное времяпрепровождение казалось пустой тратой времени и не заслуживающим описания.

В первые дни нового 1911 г. дневниковые записи Хангалова фиксируют как приезд и отъезд многочисленных гостей семьи, так и перемещение Дарьи Егоровны с праздничными визитами в управу и к родным. Например, Хангалов 3 января пишет: «Вечером приехали гости племянник Котя, племянница Саша с домашними и учитель Хадагаев. Они сидели до 9 ночи и уехали [к] учителю Хадагаеву; жена уехала с ними» [Там же, л. 277]. И опять проявляется очень характерный для дневниковых записей Хангалова факт: Матвей Николаевич назвал имена всех своих родственников, но не

жены. Данное обстоятельство демонстрирует главную и единственную роль Дарьи Егоровны – жена.

Следовательно, изучив контексты дневника Матвея Николаевича Хангалова, можно сделать вывод о том, что семья Хангаловых представляла собой традиционную модель семьи, в которой мужчина сочетает в себе несколько ролей – мужа, ученого, преподавателя, члена управы, а женщина главным образом, жена, мать и хозяйка дома. Живя в контексте традиционного общества с присущим ему семейно-бытовым устройством, Хангалов воспринимал жену как представительницу чужого рода, а дочь – как свое продолжение. Предположительно с этим обстоятельством связано неумышленно контрастное описание жизни

дочери Сони. Справедливости ради, отметим, что дочь «появляется» на страницах дневника эпизодически, в то время как повествование о Дарье Егоровне было более систематическим. Здесь уместно предположить, что Хангалову женский мир в целом неинтересен и неважен, существует только он и его занятия.

Принимая во внимание то, что дневник не является объективным историческим источником, стоит все же отметить – роль отводимая Хангаловым своей жене диссоциирует с образом просвещенного человека, человека нарождающегося XX столетия. Необходимо подчеркнуть еще раз – биография Дарьи Егоровны Хангаловой традиционно не находится в поле научного внимания и ждет своего исследователя.

Источники и литература

1. Бадлаева Т. В. Организация научной библиотеки бурятского ученого комитета (1920-е гг.) // Культура Центральной Азии: письменные источники. 2020. № 13. С. 91–104.
2. Ванчикова Ц. П., Аюшеева М. В. Опыт выставочной деятельности центра восточных рукописей и ксилографов института Монголоведения, Буддологии и Тибетологии СО РАН // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2015. № 24. С. 111–113.
3. Дамбуева И. А. Творческое наследие М. Н. Хангалова в архивных фондах г. Иркутска и Улан-Удэ // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 1. С. 190–194.
4. Залкинд Е. М. М. Н. Хангалов. Улан-Удэ: Бурят-монгольское гос. изд-во, 1945. 62 с.
5. Маласханова И. А. Этнограф и фольклорист Матвей Николаевич Хангалов (1858–1918) // Россия и Монголия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура). Иркутск: БГУ, 2015. С. 296–307.
6. Палхаева Е. Н., Жукова Н. Е., Паликова Т. В. «Школьная» повседневность начала XX века: по материалам дневников М. Н. Хангалова // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 15, № 5. С. 79–86.
7. Тулохонов М. М. Н. Хангалов (1858–1918) // Российские монголоеды (XVIII – начало XX в.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. С. 96–99.
8. Хамаганов М. П. М. Н. Хангалов как этнограф-фольклорист (1858–1918) // Советская этнография. 1960. № 5. С. 98–108.
9. Шерхунаев Р. А. Выдающийся деятель бурятской культуры (М. Н. Хангалов) // У истоков мудрости народной. Иркутск: [б.и.], 1994. С. 12–32.
10. МИБ. ОФ-4137. Дневник № 12, ч. 3 за 1910–1911 гг. М. Н. Хангалова. Записи личные с июня 1910 г. по ноябрь 1911 г. с. Бильчир Иркутской губернии, 1910–1911 гг.

Информация об авторе

Жукова Наталья Евгеньевна – кандидат исторических наук, зав. сектором Научной библиотеки, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия, e-mail: nataliiuk@mail.ru

Information about the author

Zhukova Natalia E. – Candidate of Historical Sciences, Head of the Scientific Library Sector, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia, e-mail: nataliiuk@mail.ru

УДК 94

«Враги народа» в истории Дальневосточной республики

Цыригма Цыбенжабовна Мясникова

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

e-mail: e-palam@mail.ru

В статье сделана попытка осмыслить причины возрождения и закономерность появления и правового применения термина «враг народа» в судебной практике Дальневосточной республики. Рассмотрен процесс принятия Основного закона ДВР. Проведён анализ через изучение норм Конституции ДВР, архивных документов, а также научных статей на заданную тему.

Ключевые слова: враг народа, суд, Дальневосточная республика, конституция, конституционное устройство

“Enemies of the People” in the History of the Far Eastern Republic

Tsyrigma Ts. Myasnikova

Transbaikal State University, Chita, Russia

e-mail: e-palam@mail.ru

This article attempts to comprehend the reasons for the revival and the regularity of the appearance and legal application of the term “enemy of the people” in the judicial practice of the Far Eastern Republic. The process of adopting the Basic Law of the DDA is being considered. The analysis is carried out through the study of the norms of the Constitution of the DDA, archival documents, as well as scientific articles on a given topic.

Keywords: Enemy of the People, Court, Far Eastern Republic, Constitution, Constitutional Structure

О том, как создавалась и строилась Дальневосточная республика, написано много. Есть и солидные научные труды, и рассчитанные на не подготовленного читателя, и те, которые весьма кратко и лаконично рассказывают о том, что некогда существовала обширная по своей площади республика, оставившая значительный след в истории не только Советского государства, но и всего Азиатско-Тихоокеанского региона. Тем не менее существуют весьма значительные пробелы и любопытные нюансы, заставляющие внимательно присмотреться к этому субъекту и прошедшие сто с лишним лет со дня появления ДВР только усиливают данный интерес.

Прежде всего уникальна сама правовая система Дальневосточной республики. Исследователи, занимавшиеся изучением этого аспекта деятельности ДВР, писали, что Конституция Дальневосточной республики, принятая 27 апреля 1921 г., есть результат использования опыта других стран, например, Конституции РСФСР от 1918 г., конституции США 1787 г., а также нормативно-правовых актов ДВР и других [6].

Несмотря на обширную использованную нормативную базу, принятие Основного закона ДВР происходило не так гладко, как могло бы быть. Сама политическая ситуа-

ция к этому не располагала. Тем не менее Конституция написана и вступила в действие в весьма краткий срок, чем в других странах, например, в США или РСФСР [9]. Как пишет И. В. Стариков в своих исследованиях, Основной закон ДВР стал правовым актом, который сочетал в себе и советский, и буржуазный опыт конституционного строительства государства.

Нужно заметить, что все исследователи, так или иначе изучавшие правовую систему ДВР и в особенности Конституцию этой республики, указывают, что конституционный раздел «О гражданах и их правах» идет впереди главы «О властях». Таким образом, законодатели презюмировали приоритет интересов граждан. Данный факт подтверждается тем, что в статье 31 главы 4 «О властях» специально прописывается, что на территории ДВР государственная власть принадлежит только народу этого государственного образования [7].

Рассматривать основные положения Конституции ДВР весьма интересно и познавательно, в особенности с высоты прошедших лет, и, следует признать, данный документ для своего времени являлся революционным и, наверное, кое в чем опережающим аналогичные правовые акты того времени. Однако данный аспект право-

вой системы Республики уже неоднократно рассматривался исследователями, нам же хочется обратить внимание на следующие моменты.

В статье 26 главы 3 «О правах граждан» Конституции ДВР указывается, что «*Телесные наказания и смертная казнь отныне и совершенно навсегда отменяются*» [5]. Данный постулат цитируется во многих работах. И как-то на второй план уходит другой момент, дело в том, что 3 апреля 1922 г. был принят закон, установивший временный мораторий на действие статьи 26 Конституции ДВР. Согласно данной правовой норме в Дальневосточной республике за особо тяжкие деяния жители приговаривались к смертной казни. Вводилась она и за все случаи самосуда (изменение от 15 августа 1922 г. Закон от 3 апреля 1922 г.) [2].

П. Ф. Анохин, руководивший в качестве секретаря Дальневосточным бюро ЦК РКП(б), спрашивал, что делать, когда поджигают заводы, которые были национализированы, в результате чего сгорают еще и дома мирных граждан, когда в итоге преступных действий разрушаются километры железнодорожных путей впоследствии чего терпят крушение поезда, уничтожаются мастерские, пылают мосты, когда на станции Могоча бандитская шайка убила десятков невинных сотрудников? На свой вопрос Анохин отвечает, что в таком случае и рабочий, и крестьянин, скажут, что власти нужно принимать самые серьезные меры по отношению к преступникам [4].

Возврат смертной казни в данном случае не уникальный случай, в конце концов, история помнит множество таких примеров, гораздо примечательней следующий момент, а именно, что данный вид серьезнейшего наказания вводится за особо тяжкие преступления против народа. Таким образом, подтверждалась презумпция верховенства народа, то есть, граждан. В связи с этим неудивительно, что именно в этой попытке построить государство совершенно другого типа, как и в РСФСР собственно, возродился термин «враг народа».

Данный термин, как известно, появился еще в эпоху Древнего Рима. *Hostis publicus*, «враг общества», и *hostis populi Romani*, «враг римского народа» имел правовое значение, но признавались таковыми граждане по политическим мотивам. Затем этот термин воскресили французские яко-

бинцы. В их интерпретации «враг народа» приобрел значение «врага революции». И этот термин также был внедрен с помощью права. Статья 5 Закона «О революционном трибунале» от 10 июня 1794 г. давала такое определение «врагов народа» – что это такие люди, которые при помощи хитрости ли, силы ли, хотят ликвидировать все имеющиеся общественные свободы, а в статье 6 приводились характерные черты таких врагов народа [7].

Так кого же признавали «врагом народа» в Дальневосточной республике? В этом отношении показателен следующий пример. Так, 4 марта 1922 г. Забайкальским Областным Политическим народным судом был оглашен приговор в отношении 55-летнего жителя Читы Ивана Петровича Иванова. Данный гражданин был владельцем мукомольной мельницы, расположенной в этом же городе. Вся его вина состояла в том, что в ноябре 1920 г. он бежал с контрреволюционными войсками Семенова из Читы за пределы республики и на момент рассмотрения дела не вернулся ни к месту своего жительства, ни на территорию ДВР. Данное обстоятельство подтверждалось свидетельскими показаниями Павлова, Караваяева, Иванова и другими, имеющимися в следственном производстве документами. Также в материалах дела указывается, что законом Учредительного собрания Дальнего Востока была предусмотрена амнистия для возвращенцев, однако, гражданин Иванов проигнорировал данное распоряжение и так и не прибыл к месту своего жительства. На основании установленных обстоятельств и согласно 1 Закону Правительства ДВР от 03 февраля 1921 г. читинца Ивана Петровича Иванова признали врагом народа и все имущество – движимое и недвижимое – принадлежавшее этому гражданину, конфисковали в собственность молодой республики – ДВР [1].

Впрочем, нельзя утверждать, что клеймо «врага народа» лепилось легко и массово. 22 июня 1922 г. за № 1097 Областным политическим народным судам и Главному Военному суду был направлен циркуляр, подписанный П. П. председателем Высшего Кассационного суда Е. Матвеевым. В этом письме указывалось, что во множестве дел по обвинению разных лиц в тяжких преступлениях, таких как: контрреволюционные деяния, расстрелы, порки и прочие,

поступающие на рассмотрение Высшего Кассационного суда ДВР, обнаруживаются такие обстоятельства, как ложные обвинения в связи с личными неприязненными отношениями или даже по мотивам мести [3]. Далее в документе говорится, что такие дела для обвиняемых заканчиваются оправдательными приговорами. Однако, как пишет далее Матвеев, подобные случаи являются совершенно недопустимыми, так как с одной стороны лица, против которых возбуждаются ложные обвинения, несут не только материальный вред, но нравственный, а с другой стороны народная власть и суд вводятся в заблуждение, что совершенно немыслимо. Матвеев указывает, что такие заведомо ложные обвинения ни в чем неповинных лиц являются чрезвычайным злом и всегда преследовались и будут преследоваться законом и не могут оставаться безнаказанными. Также председатель Высшего Кассационного суда пишет о недопустимости подобных проявлений в то время, когда трудовой народ сражается с темными силами реакции, и что подобные действия всегда вызывали и вызывают недоверие или даже враждебность к действующей власти со стороны ложно обвиненных и привлеченных лиц и, конечно же, справедливое возмущение пострадавших и общественности [Там же]. Резюмируя написанное Е. Матвеев призывает вести нещадную войну с теми, кто взял в практику обвинять людей ложно и беспочвенно, потому как таковые являются самыми настоящими врагами трудового народа [Там же].

Краткий обзор применения термина «враг народа» в правоприменительной практике Дальневосточной республики позволяет резюмировать, что он использовался в расширительном понятии. Учитывая, что именно народ является носителем верховной государственной власти, то все деяния,

совершенные против общественной и государственной безопасности, а также посягающие на основы морали и нравственности, являются преступными и совершаются «врагами народа». Таким образом, происходит слияние понятий «народ+государство = народ = государство». Логично, что и приговоры судов ДВР выносятся именем народа Дальневосточной республики [8, с. 515].

Принимая во внимание именно такую логику, становится понятен вывод суда в отношении И. П. Иванова, признанного врагом народа только по тому, что он: 1) сбежал с признанным врагом народа Семеновым; 2) не вернулся, несмотря на объявленную амнистию. То есть, если ты не с нами, то, значит, против нас (против народа).

Признавая и учитывая данную смысловую парадигму можно ли тогда утверждать, что именно такое государственное устройство является поистине правовым? Вопрос на самом деле является дискуссионным, поскольку некоторые исследователи, изучавшие конституционные основы ДВР, считают, что в ее базисе был заложен по-настоящему демократический фундамент. Другие же полагают, что такие оценки преждевременны, поскольку для того, чтобы возникло по-настоящему правовое государство необходимо сочетание и совпадение нескольких определенных обстоятельств, например, политических, экономических, социальных и иные, которых в тот момент не имелось [9]. На наш взгляд давать оценку с позиции современных условий и без учета сложившихся на тот момент исторических реалий и политической ситуации не совсем оправдано. Необходимо принимать те обстоятельства как данность и проводить анализ законодательной и правоприменительной практики с целью изучения феномена ДВР и систематизации познаний о правовой системе республики.

Источники и литература

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. Р360. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАЗК. Ф. Р360. Оп. 1. Д. 2.
3. ГАЗК. Ф. Р360. Оп. 1. Д. 36.
4. Гладких А. А. Борьба с бандитизмом на Дальнем Востоке России в 1920–1926 гг. Текст: электронный // Россия и АТР. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-banditizmom-na-dalnevostoke-gossii-v-1920-1926-gg> (дата обращения: 30.05.2022).
5. Конституция ДВР // Российский правовой портал: библиотека Пашкова. URL: <https://constitutions.ru/?p=9742> (дата обращения: 09.03.2022). Текст: электронный.
6. Орнацкая Т. А. Проблемы формирования правовой системы в Дальневосточной республике (1920–1922 гг.). URL: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=595898619037476685840263513&cacheid=4BAB0BC2DE8DB2D7DAC1729B319DE70D&mode=splus&base=CJl&n=93743&rnd=FA07DEFB3B7E1CF05336942425BEB139#2fz0turqmhe> (дата обращения: 09.10.2021). Текст: электронный.

7. Пыжиков А. Как отменяли зловещую 58-ю статью. Текст: электронный // Аргументы недели. URL: <https://argumenti.ru/history/2014/12/384634> (дата обращения: 15.10. 2021).

8. Собрание узаконений и распоряжений Правительства Дальне-Восточной республики. Чита: [б.и.], 1921. № 10. 528 с.

9. Стариков И. В. Исторический опыт конституционного строительства непризнанного государства (на примере Конституции ДВР 1921 г.). Текст: электронный // Nota bene. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=17450 (дата обращения: 08.03.2022).

Информация об авторе

Мясникова Цыригма Цыбенжабовна – старший преподаватель кафедры журналистики и связей с общественностью историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, e-mail: e-palam@mail.ru

Information about the author

Myasnikova Tsyrygma Ts. – Senior Lecturer of the Department of Journalism and Public Relations of the Faculty of History and Philology, Transbaikal State University, Chita, Russia, e-mail: e-palam@mail.ru

УДК 908:94(571.55)

Принятие православия китайцами: Забайкальская область, 1921 г.

Владимир Иванович Косых

*Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
e-mail: kaf-ist-zabgu@yandex.ru*

Статья посвящена выяснению причин принятия китайцами, подданными Китайской республики, находящимися в Забайкальской области Дальневосточной Республики и работавшими здесь на промышленных предприятиях, сельском хозяйстве и вообще на любой работе, вступившими в брак и намеревавшимися это сделать. Отмечается благожелательное отношение руководства Забайкальской епархии к подобному шагу китайцев

Ключевые слова: китаец, священник, крещение, христианство, православие, епархия, удостоверение, брак

Adoption of Orthodoxy by the Chinese: Transbaikal Region, 1921

Vladimir I. Kosykh

*Transbaikal State University, Chita, Russia
e-mail: kaf-ist-zabgu@yandex.ru*

The article is devoted to clarifying the reasons for the adoption by the Chinese, subjects of the Republic of China, located in the Transbaikal region of the Far Eastern Republic and working here at industrial enterprises, agriculture and in general at any job, married and intending to do so. The benevolent attitude of the leadership of the Trans-Baikal diocese to such a step of the Chinese is noted

Keywords: Chinese, Priest, Baptism, Christianity, Orthodoxy, Diocese, Certificate, Marriage

В первой четверти XX в. в Забайкальской области ДВР проживало несколько тысяч китайцев, граждан Китайской республики, работавших на промышленных предприятиях, в сельском хозяйстве, на золотых приисках и вообще везде, где требовались трудовые руки. Поскольку в Забайкалье многие из них прожили несколько лет и обзавелись известными денежными суммами,

то возвращаться в беспокойный Китай они не собирались, а некоторые из них после романтических знакомств решили обзавестись семьей, предварительно приняв православие. Однако последнее помогало еще в одном мероприятии: получения от местных властей (в лице тех же волостных комитетов) удостоверения (вид на жительство) ровно на один год. Кроме того, китайцы,

приняв православие, становились своими в основном в православном регионе, где их воспринимали адекватно.

Не следует думать, что в 1921 г. масса китайских рабочих двинулась принимать православие, однако желающие стать таковыми все же нашлись. В апреле 1921 г. священник Урлукской Бородице-Казанской церкви иеромонах Порфирий порадовал рапортом своим членов Забайкальского епархиального совета, как оказалось к нему обратилось девять китайцев, здесь работающих, с просьбой обратить их в православие. Отметим, что обряд этот просители желали воспринять по всем христианским канонам [1, л. 12, 12 об.].

Епархиальный совет разрешил иеромонаху «крестить китайцев или других язычников, согласно их желанию, по получении от них письменных заявлений» [1, л. 11 об.].

Совет учел и следующее замечание иеромонаха: «если это представится возможным, разрешить... в потребных случаях совершить крещение китайцев или других язычников без предварительного разрешения Епархиальной власти, в силу затруднений в пересылке почтовых отправок (в Урлуке письма из Читы получают иногда на 2-й месяц) с донесением каждый раз Вашему Преосвященству (епископу Мелетию, с осени 1920 г. Проживавшему в Харбине – В. К.) о подобных случаях крещения, если таковые будут» [1, л. 11].

Каждый желавший принять православие называл в прошении причины этого своего решения. Так, Ли-Сян-Цунь назвал буддизм, «в котором он пребывал до последнего времени», «лжеверием», и потому решил принять православие, которое является, по его мнению, лучшей религией... крещение китаец принял под именем Иоанн [1, л. 12, 13].

Крестился и его соотечественник Фан-Чен-Шу, также упомянутый в прошении «ложность буддийской веры» и в свои 23 года твердо решил стать православным, поскольку его в России окружали православные. При крещении он принял имя Николай, кроме того, новый готовый вид на жительство [1, л. 12, 14, 14 об.].

36-летний Сюй-Ли-Шу крестился с именем Григорий. Он также сурово осудил исповедуемый им ранее буддизм, заявив, что российское православие это «вера истинная» [1, л. 12, 15]. Принял крещение и

23-летний У-Чи-Шан, назвав буддизм в прошении «лжеверием». Иеромонах Порфирий при обряде нарек его именем Георгий [1, л. 12, 15 об.].

Стал православным и 35-летний Чжан-Чжи-Дэ, также внесший свою лепту, охарактеризовав буддизм как «лжеверие». При крещении он получил имя Василий [8, л. 12, 17, 17 об.].

Принял православие с именем Григорий и 30-летний Ян-Вэн-Юн. В своем прошении он указал, что выбрал эту христианскую религию, что в ней присутствует «истинность догматов и чистота Христова учения» [1, л. 19, 19 об.].

Состоялось крещение и Чу-Кин-Шана, принявшего имя Василий. Он, как и прочие китайцы заявил о «ложности буддийской веры, которой был научен родителями». Он просил причт Урлукской Богородице-Казанской церкви привести его «в лоно православной католической церкви через святое крещение, т. к. только в ней, возможно, общится к Христу, как сохранившей в чистоте его святое учение и предания св. отцов» [1, л. 12 об., 21 об.].

Принявший православие именем Георгий 22-летний Чжан-Юн-Би указывал в прошении, что он убедился в ложности буддийского вероисповедания и потому решил спасти свою душу через принятие христианства в форме православия [1, л. 12 об., 20].

Интересным по содержанию стало прошение Ли-Ван-Сюна, 28 лет, находившегося в гражданском браке с 18-летней жительницей с. Хилкотой Жиндинской волости М. И. Емельяновой. Лето прошлого года китаец прожил в работниках у Н. М. Емельянова, занимаясь «частным трудом», безукоризненный, честный, смиренного и примерного поведения, полезный член общества». Удовольствие его оказалось подлинным.

Судя по всему, подданный Китайской республики, вознамерился принять православие, поскольку православной оказалась его супруга, желавшая чтобы и дети их стали православными» [1, л. 19 об.].

25 августа 1921 г. китаец Пан-Лан-Тын (г. Чита, семенная улица, дом Чубыкина) направил прошение «грж. Архиерею Миссионерской церкви гор. Читы». Он сообщал, что прожил в России около 10 лет, за которые «совершенно освоился с обычаями русских людей, а так же и с русской верой, то есть (христианской)» (орфография документа

сохранена – В. К.). Проситель заявил, что решил «окончательно отречься от своей Родины и не возвращаться в Китай» и желал «принять христианское прошение и быть душой и телом православным, то есть перейти в русскую веру (орфография документа сохранена – В. К.)».

27 августа Епархиальный совет рекомендовал священнику Читинской миссионерской Иннокентьевской церкви Н. Писареву озаботиться и наставить просителя «в истинных веры и совершенства таинства крещения» [1, л. 8, 8 об.]. Подобные действия священника следует квалифицировать как подготовку Пан-Лин-Тына к крещению.

12 сентября китайский подданный Фу-Юй-Чен просил Епархиальный совет разрешить ему принять христианство. Он сообщал, что прожил на станции Оловянная семь лет среди православных и твердо убежден, что и ему необходимо принять крещение. Епархиальный совет 17 сентября ответил просителю согласием [1, л. 10, 10 об.].

30 сентября своё прошение в епархиальный совет направил 35-летний китаец А. Турин. В нём последний сообщал, что прожил на станции Оловянная три года и в этом 1921 г. Женится на православной и собирается стать таковым и сам. Он сообщил в совет так же и то, что крестным отцом его согласился быть М. Клочков. 7 декабря 1921 г. Совет крещение китаец разрешил [1, л. 7].

Нелишне отметить, что православные забайкальцы обоего пола охотно выступали в качестве восприемников. Так у Чу-Лю-Куна таковыми стали И. Г. Миронов и Г. П. Климова, у Фан-Чен-Шу – В. П. Семёнов и Е. А. Михайлова, у Сюй-Ли-Шу – А. С. Климов и Е. П. Климова, у Чжан-Чжи-Дэ – Г. С. Климов и Х. С. Моисеева, у Ян-Вэн-Юна – С. В. Овчинников и С. С. Безбородова, у Ли-Сян-Цуня – И. М. Потапов и А. К. Горюнова, у Чу-Кин-Шана – И. М. Потапов и Г. А. Горюнова, у Чжан-Юн-Би – С. Д. Карпов [1, л. 12, 12 об., 18, 19, 20, 20 об., 21].

Кроме того, прошения, направляемые в Забайкальский епархиальный совет, по причине неграмотности китайцев, подписывали так же местные русские люди, по просьбе китайцев. Так, за Фу-Юй-Чена это сделал Т. Романенко, за всех остальных – А. Григорьев [1, л. 10, 13, 14, 15, 15 об., 17].

Оценивая всё вышеуказанное, можно отметить, что в выигрыше оставались все. Забайкальская область ДВР в лице китайцев, получивших или продливших на год удостоверение (иначе – вид на жительство), обзавелась настоящими трудягами, которые почти не отдыхали. Приняв православие, китайцы вливались в ряды православных забайкальцев. Забайкальская духовная миссия пополняла свои ряды за счет принявших христианство китайцев. Естественно, радовались забайкалки, выходявшие замуж за китайцев, но принявших православие.

Источники и литература

ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края) Ф. Р-422. Оп. 2. Д. 564.

Информация об авторе

Косых Владимир Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, e-mail: kaf-ist-zabgu@yandex.ru

Information about the author

Kosykh Vladimir V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of the Faculty of History and Philology, Transbaikalian State University, Chita, Russia, e-mail: kaf-ist-zabgu@yandex.ru

УДК 94:327

**Филип Рис Файмонвилл – дипломат и разведчик, консул США
в Дальневосточной республике в 1922 г.**

Александр Олегович Баринов

г. Чита, Россия

e-mail: ao.barinov@yandex.ru

Статья посвящена известному американскому дипломату и военному разведчику Филипу Рис Файмонвиллу, сыгравшему заметную роль в организации поставок вооружений Советскому Союзу по ленд-лизу в 1941–1943 гг., который в 1922 г. стал консулом США в Дальневосточной республике (ДВР). Его деятельность на данном посту была мало известна.

Ключевые слова: дипломат, отношения США и ДВР, международное положение, международные отношения, противоречия между Японией и США на Дальнем Востоке

**Philip Rhys Faymonville – Diplomat and Intelligence Officer,
U.S. Consul in the Far Eastern Republic in 1922**

Alexander O. Barinov

Chita, Russia

e-mail: ao.barinov@yandex.ru

The article is devoted to the famous American diplomat and military intelligence officer Philip Rhys Faymonville, who played a prominent role in organizing the supply of arms to the Soviet Union under lend-lease during 1941–1943, who in 1922 became the US consul in the Far Eastern Republic (Far East). His activities in this position were little known.

Keywords: Diplomat, Relations between the USA and the Far East, International Situation, International Relations, Contradictions between Japan and the USA in the Far East

Имя американского дипломата и военного разведчика Филипа Риса Файмонвилла (1888–1962), сыгравшему заметную роль в организации поставок вооружений Советскому Союзу по ленд-лизу в первый период Великой Отечественной войны (1941–1945), не было забыто в истории советской дипломатии. О нём вспоминали и писали дипломаты и историки, например, В. М. Бережков [3, с. 135] и В. Л. Исраэлян [6, с. 41].

Максимально полную на сегодня его биографию подготовил и издал Ю. М. Зайцев, исследователь из г. Владивостока. Его статья «Филип Р. Файмонвилл: офицер, дипломат и «красный генерал» была опубликована в 2018 г. [4, с. 183–193].

Вместе с тем в его статье содержался не только минимум информации о пребывании Файмонвилла в столице ДВР Чите, но и приводилась неверная информация о времени его пребывания в этом городе.

Ю. М. Зайцев лишь констатировал, что Файмонвилл «в 1921 г. был направлен в Читу в качестве военного агента США при правительстве Дальневосточной республики (ДВР)» [Там же, с. 184]. Это подчёркивает

тот факт, что читинский период в биографии американского дипломата в российской историографии всё ещё малоизвестен.

До недавнего времени и в Чите о нём практически ничего не было известно. Имя Файмонвилла не вошло в один из томов «Энциклопедии Забайкалья». Впервые информация о нём была представлена мной в Чите в статьях «Явный враг или скрытый друг?» [2, с. 7] и «Американский разведчик или... советский шпион?» [1, с. 33], изданных соответственно в 2015 и 2022 гг. в местных газетах.

Вместе с тем уже после выхода данных статей удалось обнаружить в подшивках газет «Дальне-Восточный Телеграф» и «Дальне-Восточный Путь», разрозненные номера которых хранятся в Забайкальском краевом краеведческом музее им. А. К. Кузнецова и в Государственном архиве Забайкальского края, новую информацию.

Поэтому, напомнив уже основные вехи в биографии Филипа Р. Файмонвилла до его появления в Чите и после того, как он её покинул, главное внимание хотелось бы уделить именно периоду его пребывания в столице ДВР Чите.

Родился Филип Рис Файмонвилл 30 апреля 1888 г. В 1908 г. он поступил в военную академию в Вест-Пойнте. «Уже учась в военной академии, – считает Ю. М. Зайцев, – он пришёл к выводу, что рано или поздно интересы США и Японии пересекутся в Тихом океане, а естественным союзником Соединённых Штатов в этой борьбе может стать только Россия. С этого момента Файмонвилл рассматривает Россию, а потом и Советский Союз под углом американо-японских и советско-японских отношений» [4, с. 183].

После окончания академии с 1912 г. служил в артиллерии в Корпусе береговой обороны на границе с Мексикой. В 1915 г. его отправили на Филиппины. Там, в августе 1918 г. 27-й и 31-й пехотные полки были включены в состав экспедиционного корпуса, направленного на русский Дальний Восток. Командовал ими генерал-майор Уильям Сидней Грейвс. Майор Файмонвилл был назначен старшим артиллерийским офицером. За два года нахождения он выучил русский язык и узнал многое об этой северной стране и её народе. В конце концов, он, также как и его командир, генерал Грейвс, пришёл к выводу, победить красных не возможно. А в отношении белых, особенно атамана Семёнова, бывших союзниками японцев, у него сформировалась твёрдая антипатия.

В августе 1920 г. майора Файмонвилла отправили в Сан-Франциско, где в штабе 9-го корпуса он вновь стал исполнять обязанности офицера-артиллериста. Но его способности, в том числе и дипломатические, уже были взяты на заметку. И когда решался вопрос о том, кого отправить в Читу, вспомнили (или напомнил генерал Грейвс?) о майоре-интеллектуале.

К тому времени уже прошла Вашингтонская конференция, в очередной раз подчеркнувшая наличие острых противоречий между США и Японией на Дальнем Востоке.

6 апреля 1922 г. две ведущие газеты ДВР (официальная государственная «Дальне-Восточный Телеграф» и газета коммунистов «Дальне-Восточный Путь») одновременно со ссылкой на информацию Дальневосточного телеграфного агентства (Дальта) напечатали заметки с противоречивой информацией. Это противоречие состояло в том, что в заголовках сообщалось о том, что в Читу назначен «американский консул», но непосредственно в текстах гово-

рилось о том, что сюда направлен «военный атташе», на которого, правда, возложены обязанности консула. [7, с. 1; 11, с. 1].

Также сообщалось, что «майор Филип Файмонвилл (так в тексте в газеты – А. Б.) прибыл в Пекин по пути в Читу. В 1918 году Файмонвилл был на русском Дальнем Востоке в штабе генерала Гревса (речь шла о Грейвсе – А. Б.) во Владивостоке. Файмонвилл назначен на 4 года и уполномочен вести обязанности американского консула в Чите» [8, с. 1].

Время же его прибытия в Читу было зафиксировано с точностью до минуты. Вновь обе вышеупомянутые газеты сообщили о том, что американский майор прибыл в столицу ДВР 27 апреля 1922 г., при этом в «Дальне-Восточном Пути» было указано точное время: «27 апреля, в 1 ч. 20 м. дня, с поездом № 5 прибыл американский военный атташе майор Филипп Файмонвилл» [11, с. 1].

Но, как оказалось, его миссия заняла не четыре года, а чуть больше четырёх месяцев. Однако военный атташе буквально же в первый день своего пребывания развил кипучую деятельность. При этом, надо отдать ему должное, он использовал и такие инструменты, как гласность и открытость в своей дипломатической деятельности. В первый же день он встретился с читинскими журналистами и дал интервью, в котором рассказал о целях и задачах своего пребывания в ДВР.

Это небольшой, но, на мой взгляд, достаточно интересный материал, к которому исследователи не обращались 100 лет. Прибывший дипломат сразу же уточнил свой статус, и журналист отметил, что «майор Файмонвилл не является американским военным атташе, которые назначаются в государства, признанные его правительством. В виду отсутствия со стороны Америки официального признания ДВР, майор Файмонвилл, с согласия правительства ДВР, командирован Американским правительством в Читу в качестве *дружественного военного наблюдателя* (выделено в газете – А. Б.)» [5, с. 1].

Он также уточнил, что его назначение состоялось в Вашингтоне в феврале 1922 г., что и подчеркивает ошибочность утверждения Ю. М. Зайцев, о которой говорилось выше.

Гость рассказа и о том, как он добирался до места своей новой службы, о произошед-

ших встречах и своих первых выводах: «По пути следования в Читу через Филиппинские острова, Шанхай, Пекин майор Файмонвилл в указанных пунктах и раньше в Америке, при встречах и из разговоров с представителями американского торгово-промышленного класса вынес полное убеждение, что последние проявляют самый серьезный интерес к торговым сношениям Америки в ДВР и выражают полную уверенность в возможности широкого развития этих отношений в ближайшем будущем» [5, с. 1].

Интересно, что по некоторым актуальным вопросам того времени дипломат от каких-либо комментариев воздержался: «На вопросы нашего сотрудника, касающиеся русско-германского договора, прекращения дайренских переговоров, Генуэзской конференции и так далее майор Файмонвилл ответил, что, выехав из Америки два месяца назад, он не имеет возможности судить о мнениях Американского правительства по заданным вопросам, – от выражения же собственных мнений склонен воздержаться» [Там же].

Зато о том, как ему предстоит работать, он рассказал: «По всем вопросам, касающимся Дальне-Восточной республики, каковые, по мнению военного наблюдателя, должны представлять интерес для Американского правительства, майор Файмонвилл обязан представлять своему правительству, через военный департамент, специальные периодические рапорта... Пребывание майора Файмонвилла в Чите будет иметь постоянный характер» [Там же].

Одним из первых руководителей ДВР, с кем встретился «дружественный военный наблюдатель» стал главком Народно-революционной армии (НРА) и военный министр ДВР Василий Блюхер. Их встреча, как сообщила 9 мая газета «Дальне-Восточный Путь», состоялась 8 мая и «продолжалась три четверти часа» [10, с. 1]. О чём беседовали два военных, осталось не известным. В июне того же года В. К. Блюхера отозвали из Читы, а, вероятно, в начале осени её покинул и Ф. Файмонвилл. Почему можно уверенно это утверждать? Потому, что 31 августа газета «Дальне-Восточный Путь»

поместила следующую заметку: «Майор Файмонвилл получил телеграмму от своего правительства о назначении его американским консулом в Читу» [9, с. 3].

Вот, что о последовавших затем событиях написал Ю. М. Зайцев: «Летом (т. е. скорее осенью – А. Б.) 1922 г., накануне эвакуации японских оккупантов с Дальнего Востока, майор Филипп Файмонвилл вместе с вице-консулом США Эдвардом Брауном Томасом совершил поездку по низовьям Амура... Из Николаевска американцы отправились на пароходе Добровольного флота «Эльдорадо» на Сахалин, а оттуда во Владивосток. Затем консул Томас должен был вернуться в Читу в качестве постоянного представителя США, а Файмонвилл – в Америку» [4, с. 184].

Дальнейшая его судьба хорошо известна, а потому просто напомним в, так сказать, энциклопедическом стиле. В 1920-е годы он служил военным атташе в Японии. С 1926 г., вернувшись в США, на протяжении восьми лет продолжал обучение премудростям военного, в том числе артиллеристского, дела. Файмонвилл в итоге стал один из лучших экспертов своей армии в области артиллерии и не только.

В 1932 г. президент США Франклин Делано Рузвельт решил изменить отношение своей страны к СССР, который до того Штаты не признавали. В 1934 г. в Москву было направлено первое посольство, возглавляемое Уильямом Буллитом. Первым военным атташе в Советском Союзе стал подполковник Филип Рис Файмонвилл.

В Москве он получил звание полковника. В марте 1939 г. истёк срок его полномочий на посту военного атташе в Москве, и его вернули в Штаты. Вновь о специалисте по СССР вспомнили после начала Великой Отечественной войны. Его отправили в Москву, где он стал отвечать за военные поставки Красной армии по ленд-лизу. Но в ноябре 1943 г. его вернули в США. В запас бригадный генерал Файмонвилл вышел в 1948 г.

Работал советником Госдепартамента по вопросам, касающимся Японии, СССР и Китая, после чего вернулся в Сан-Франциско, в котором и умер 29 марта 1962 г.

Источники и литература

1. Баринов А. Американский разведчик или... советский шпион? // Забайкальский рабочий. 2022. 4 мая. С. 33.
2. Баринов А. Явный враг или скрытый друг? // Дело. 2015. № 21. С. 7.

3. Бережков В. М. Страницы дипломатической истории. М.: Международные отношения, 1987. 616 с.
4. Зайцев Ю. М. Филип Р. Файмонвилл: офицер, дипломат и «красный генерал» // Записки Общества изучения Амурского края. 2018. Т. XLV. 262 с.
5. Интервью с американскими представителями // Дальне-Восточный Телеграф. 1922. 28 апр.
6. Исраэлян В. Л. Дипломатия в годы войны (1941–1945). М.: Международные отношения, 1985. 480 с.
7. К приезду американского консула // Дальне-Восточный Путь. 1922. 6 апр.
8. Назначение американского консула в Читу // Дальне-Восточный Телеграф. 1922. 6 апр.
9. Назначение Файмонвила // Дальне-Восточный Путь. 1922. 31 авг.
10. Посещение майора Файмонвилл главкома ДВР // Дальне-Восточный Путь. 1922. 9 мая.
11. Приезд америк. военного атташе // Дальне-Восточный Путь. 1922. 28 апр.

.....

Информация об авторе

Баринов Александр Олегович – кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа, г. Чита, Россия, e-mail: ao.barinov@yandex.ru

Information about the author

Barinov Alexander O. – Candidate of Historical Sciences, Honored Worker of Culture of the Chita Region and the Oginsky Buryat Autonomous Okrug, Chita, Chita, Russia, e-mail: ao.barinov@yandex.ru

.....

УДК 908:325(571.55)

**Профсоюзное движение в среде китайских мигрантов
на территории Сретенского и Читинского округов в 1920-х гг. XX в.**

Василина Александровна Сазонова

*Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
e-mail: vasilinass@mail.ru*

Статья посвящена деятельности советской власти, направленной на объединение китайских мигрантов, проживающих на территории Сретенского и Читинского округов в 1920-е гг. в профессиональные союзы. Рассмотрено содержание деятельности профсоюзных органов в отношении китайских рабочих, результаты государственной национальной политики в этой сфере, а также проблемы, связанные с ее реализацией.

Ключевые слова: китайские рабочие, мигранты, профсоюз, курсы, профактив, Сретенский и Читинский округа, Дальневосточный край

**Trade Union Movement Among Chinese Migrants in the Sretensk
and Chita Districts in the 1920s of the XX Century**

Vasilina A. Sazonova

*Transbaikal State University, Chita, Russia
e-mail: vasilinass@mail.ru*

The article is devoted to the activities of the Soviet government aimed at uniting Chinese migrants living in the Sretensk and Chita districts in the 1920s into trade unions. In this paper, the author examines the content of the activities of trade union bodies in relation to Chinese workers, the results of the state national policy in this area, as well as the problems associated with its implementation.

Keywords: Chinese Workers, Migrants, Trade Union, Courses, trade union activists, Sretensk and Chita districts, Far Eastern Region

Национальная политика, проводимая советским государством в 20-е гг. XX в. предусматривала политическое, экономическое

и правовое равенство представителей всех национальностей. В отношении китайских мигрантов советская власть на местах раз-

вернула масштабный процесс по реализации государственной национальной политики, одной из форм которой было вовлечение иностранных рабочих в профсоюзы и общественные организации. На территории Сретенского и Читинского округов Дальневосточного края наиболее многочисленной была китайская диаспора.

Необходимость вовлечения китайских рабочих в профессиональные союзы предусматривалась в резолюциях и программах по работе с восточными рабочими. Основными задачами профсоюзов были улучшение жилищных и бытовых условий китайских рабочих, культурно-просветительская деятельность, борьба с институтом «старшинок», заключение коллективных договоров, обеспечение соблюдения со стороны администрации предприятий норм трудового законодательства и осуществление иной правовой защиты.

По мнению А. Г. Ларина, членство китайских рабочих в профсоюзах Дальнего Востока было массовым. Хотя китайские рабочие составляли 56 % всех восточных рабочих, среди членов профсоюза их доля была равна 81 % [5, с. 118]. Несмотря на это, архивные материалы Сретенского окружного комитета ВКП(б) свидетельствуют об охвате профсоюзным членством 45 % китайских рабочих Дальневосточного края, что являлось недостаточным.

Низкий процент охвата профсоюзным членством китайских рабочих также имел место в Сретенском и Читинском округах. Значительная часть восточных рабочих, особенно занятых на концессионных и частных предприятиях, находилась вне союзного объединения.

По данным на март 1930 г. на приiske Козлово Сретенского округа работало 406 китайских рабочих. Из них в профсоюзе состояло лишь 16 чел. [1, л. 107]. На приiske Курлея китайских рабочих насчитывалось около 386 чел., из них 115 являлись членами профсоюза [Там же, л. 94].

Несколько иная ситуация имела место в Читинском округе. Так, из 1 481 китайских рабочих на 1 июня 1929 г. профсоюзом было охвачено 61 % [2, л. 1].

С целью формирования профактива из восточных рабочих союзным органам рекомендовалось устанавливать с ними тесную связь путем наиболее частых посещений участков, красных уголков, общежитий и

фанз, проводить беседы, выявлять тем самым наиболее активных работников и привлекать их к союзной работе.

Профсоюзные органы в своей деятельности стремились привлечь китайских рабочих к участию в выборах в низовые профсоюзные органы, а также выдвигать их в качестве делегатов на краевые, окружные съезды и в состав вышестоящих профорганов. Предлагалось разработать специальную номенклатуру должностей, которые могут быть заняты выдвиженцами из восточных рабочих. Наиболее активных и хорошо проявивших себя в общественной жизни и работе, рекомендовали на занятие вышестоящих руководящих должностей.

Профсоюзными органами и инструкторами разворачивалась массовая разъяснительная работа среди китайских рабочих по вовлечению их в соцсоревнование, в ударные бригады, в деятельность по повышению трудовой дисциплины и производительности труда.

Профсоюзы регулярно обращались с ходатайством в вышестоящие органы о выделении специалиста для ведения регулярной и планомерной работы среди восточных рабочих. Так, в Ципикан окружным комитетом союза горнорабочих был командирован специальный работник с высшим образованием, окончивший университет имени Сунь-Ятсена, другой специалист был отправлен на Черновские копи [3].

Важным направлением работы профессиональных союзов являлись организация и проведение курсов для восточных рабочих.

Курсы являлись первой ступенью в системе политического образования. В рамках проводимых занятий слушателям разъяснялись общие понятия и значение социалистического строительства, основные цели и задачи профсоюзов и других общественных объединений. Задачами курсов была подготовка низового профессионального актива, культурно-просветительская деятельность и привлечение восточных рабочих к активному участию в общественно-политической жизни.

В отношении участников курсов предъявлялись определенные требования, которые заключались в том, что слушатели должны были быть членами профессиональных союзов, особое внимание уделялось тем, кто входил в состав актива, участвовал в общественной работе. Обязательным ус-

ловием являлось завершение обучения в ликпункте. Кроме этого, к обучению допускались члены или кандидаты в ВКП (б) и ВЛКСМ [1, л. 143].

Программа курсов была рассчитана на 240 часов и обычно предусматривала изучение таких предметов как профграмота, китайская революция, ленинизм, проводилось освещение текущих международных политических вопросов. С 20 февраля по 20 марта 1930 г. в Сретенском округе проведены курсы профактива, в которых прошло обучение 30 китайских старателей и хозяйственных работников в возрасте от 20 до 45 лет [Там же, л. 90]. На прииске Козлово с 19 июня по 24 июля 1929 г. проведены курсы восточных рабочих, в которых приняли участие 810 чел. [Там же, л. 84].

Союзные органы в своей деятельности стремились к установлению наиболее яс-

ных, конкретных форм и методов массовой работы среди китайских рабочих и максимальному улучшению ее показателей.

В целом деятельность по объединению китайских рабочих в профессиональные союзы являлась достаточно эффективной, но осложнялась низким культурным уровнем, отсутствием образования китайских рабочих, непониманием политических и социально-экономических процессов, происходящих в нашей стране, а также сущности профсоюзного движения. Профсоюзные взносы многие китайские рабочие рассматривали как дополнительный налог [4, с. 331].

Трудности возникали и в связи с недостатком китайских инструкторов и профсоюзных уполномоченных для работы с иностранными рабочими, а также малочисленностью и слабой подготовкой профактива из числа восточных рабочих.

Источники и литература

1. ГАЗК. Ф. П-71. Оп. 1. Д. 564.
2. ГАЗК. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 796.
3. Восточными рабочими мы не занимаемся // Забайкальский рабочий. 1929. 7 июля.
4. Залесская О. В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1858–1938 гг.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Благовещенск: Благовещенский гос. пед. ун-т., 2009. 331 с.
5. Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. М.: Восточная книга, 2009. 511 с.

Информация об авторе

Сазонова Василина Александровна – аспирант историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, e-mail: vasilinass@mail.ru

Information about the author

Sazonova Vasilina A. – Post-Graduate Student of the Faculty of History and Philology, Transbaikalian State University, Chita, Russia, e-mail: vasilinass@mail.ru

УДК 908(571.55)

Иргенская трудовая коммуна: люди и судьбы

Михаил Андреевич Сергеев

*Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
e-mail: literasergeeva@yandex.ru*

В статье анализируется история Иргенской трудовой коммуны – предпосылки ее создания, деятельность, повседневная жизнь коммунаров и судьбы ее руководителей и воспитанников. Согласно архивным и опубликованным материалам описываются страницы истории существования одной из первых трудовых коммун в Забайкалье.

Ключевые слова: трудовая коммуна, история Забайкалья, воспитанники коммуны, борцы за рабоче-крестьянское дело, беспризорные дети, пролетарии

Irgen Labor Commune: People and Destinies

Mikhail A. Sergeev

Transbaikal State University, Chita, Russia
e-mail: literasergeeva@yandex.ru

The article analyzes the history of the Irgen labor commune – the prerequisites for its creation, activities, daily life of communards and the fate of its leaders and pupils. According to archival and published materials, the pages of the history of the existence of one of the first labor communes in Transbaikalia are described.

Keywords: Labor Commune, History of Transbaikalia, Pupils of the Commune, Fighters for the Workers' and Peasants' cause, Street Children, Proletarians

В 1920-е гг. в СССР было широко распространено такое явление как сельскохозяйственные коммуны. В них все постройки, весь мелкий инвентарь и весь скот были общими. Они разделялись не по тому, сколько вклада внес каждый человек в жизнь коммуны, а по количеству её жителей [6].

Такая коммуна была в Забайкалье, в селе Иргень. В тот период времени применялась практика изъятия церковных и помещичьих земель. Для создания коммуны был выбран Иргенский стан (рис. 1): учитывалось его географическое расположение (находился рядом с озером и имел плодородную почву).

Рис. 1. Иргенский миссионерский стан [8]

Хорошо ли было детям в этом месте? Нет, поскольку первые руководители детского дома слишком напористо взялись за работу. Постепенно жизнь наладилась. Окончив уборку полей, дети приступили к упорядочению внутренней жизни: стала работать школа, развернулась публичная деятельность (стали организовываться культурно-массовые мероприятия). «Широчайшие возможности», – говорил заведующий домом (Алюнин). «Как-нибудь одолеем

все трудности», – дополнил он. Руководство коммуны было уверено в том, что воспитает из беспризорников «борцов за рабоче-крестьянское дело» [7].

Первые известные «борцы за рабоче-крестьянское дело» появились в марте 1924 г. Ими стали: Иван Решетников [3, л. 109] (рис. 2), Хализя Пастухов [3, л. 106], Алексей Петров [3, л. 107], Гадинзбян Ахметзянов [3, л. 108], Николай Кудрявцев [3, л. 78], Николай Бакланов [3, л. 143].

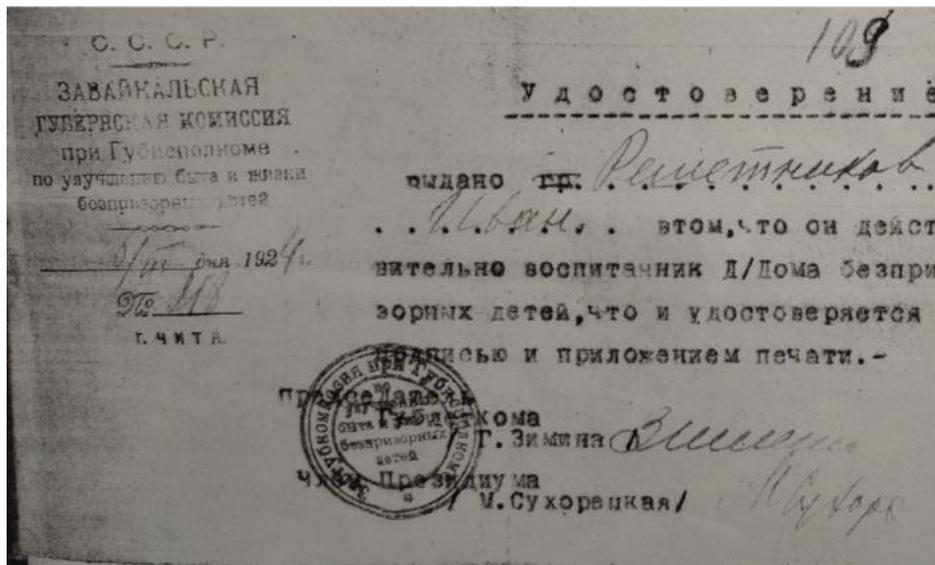

Рис. 2. Удостоверение одного из первых воспитанников Иргенской сельскохозяйственной детской коммуны [3, л. 109]

Большевики, переделывая храмы в коммуны, при этом разоряя их и пропагандируя атеизм, пытались создать из беспризорных детей будущих пролетариев, верящих только в идеи революции. Однако в процессе работы возникали трудности с воспитанием детей.

Время от времени воспитанники Иргенской трудовой коммуны давали о себе

знать с не особенно хорошей стороны. Так, в селе была ограблена местная миссионерская церковь, которую чтили верующие. Действия милиции открыли имена тех, кто грабил церковь: оказалось, что таковыми являются воспитанники детской трудовой коммуны, причём грабёж оказался групповым (рис. 3) [4, л. 135].

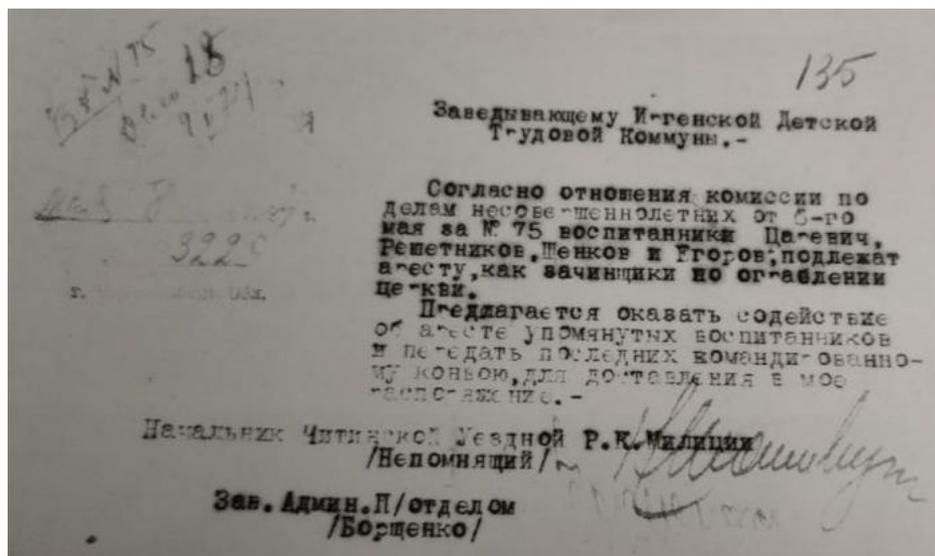

Рис. 3. Письмо из милиции в Иргенскую коммуны [4, л. 135]

22 сентября 1924 г. Забайкальский губернский суд разбирает дело пяти подсудимых из числа воспитанников коммуны с. Иргень. Один из них – 13-летний Н. Шенков, «тщедушный мальчик», окончил «горную школу», в 1916 г. на Первой мировой войне погиб его отец. Они с матерью перебрались в Омск, где она умерла от тифа. Мальчишка остался на улице, существовал непонятно на что, пока в 1923 г. не оказался в Чите.

Другой подсудимый, 14-летний, «чистенько одетый мальчик» Решетников, помнил только отца, работавшего приказчиком, о матери не знал ничего. Отец скончался в 1914 г., мальчишка вынужденно «сидел на вольных хлебах», в Иргенскую трудовую коммуну попал «два с половиной месяца назад».

15-летний Несмачных-Царевич родился и жил в Сызрани, отца лишился в возрасте полутора лет. Мальчишке позже пришлось зарабатывать самому на хлеб: он продавал газеты, сайки и «добывал себе средства к существованию, чем придётся», пока, наконец, его не взяли в Иргенскую общину.

Кроме выше названных трёх, на скамье подсудимых оказались Егоров и Дмитриев, не достигшие совершеннолетия, которые с раннего детства «испытали муки голода».

Все они принимали участие в ограблении церкви с. Иргень. Нет данных, какие вещи сакрального назначения они похитили из храма. Возмущённые иргенцы приветствовали задержание милиционером грабителей. Последние оказали представителю власти сопротивление: «вооружённые камнями, палками и др. предметами, угрожали его убить». Подобное их поведение рассматривала «особая педагогическая комиссия». Она пришла к выводу, что все пятеро воспитанников Иргенской трудовой коммуны «не поддаются никакому воспитанию».

Суд во время заседания принял во внимание то, в каких условиях воспитываются иргенские дети. Он принял во внимание и несовершеннолетие подсудимых: Н. Шенкова приговорил к 6 месяцам лишения свободы, Несмачных-Царевича, Егорова и Решетникова – к 9 месяцам, Дмитриева – к одному году тюрьмы. Это являлось довольно суровым наказанием.

Однако оно не стало окончательным: суд, приняв во внимание чистосердечное раскаяние и пролетарское происхождение подсудимых, а также их желание работать, отменил строгую изоляцию (т. е. тюрьму) [5].

Подобных воспитанников коммуны хватало, и работать с ними руководству, преподавателям, воспитателям и сотрудникам оказалось трудным делом: для этого требовалась необходимая квалификация, честное отношение к своим обязанностям.

Воспитанников коммуны от тюремного заключения спасло их несовершеннолетие, воспитание в советском трудовом учреждении, а также их «пролетарское происхождение». Кроме того, им надлежало исполнять своё обещание суду (трудно судить, искренним или нет, являлось «желание работать»).

Суд выдавал своеобразный аванс на будущее коллективу коммуны должным образом заботиться о воспитании своих детей. Коммуна обязывалась оправдывать своё предназначение.

Перейдём к лицам воспитательного и технического персонала. Известно, что в феврале 1924 г. заведующим Иргенской коммуны являлся Михаил Ерофеевич Зеленский (рис. 4), который занимал эту должность до 20 августа 1924 г. [2, л. 5]. О нём известно, что он являлся участником Гражданской войны. М. Е. Зеленский родился в 1889 г. [1, л. 1], в семье рабочего золотых приисков в с. Дучары Нерчинско-Заводского уезда [5, л. 6], мать служила надзирательницей Акатуевской женской тюрьмы [1, л. 4]. Михаил Ерофеевич имел четырёхклассное гимназическое образование [Там же, л. 1]. После окончания гимназии он ушёл в императорскую армию, где дослужился до поручика [Там же, л. 4].

Во времена Гражданской войны М. Е. Зеленский воевал на стороне Красной армии, в бригаде Копзоргаз. С апреля по сентябрь он являлся командиром Зоргольского отряда второй Донинской сотни [Там же, л. 1]. После ликвидации Даурского фронта М. Е. Зеленский перешёл на нелегальное положение, жил в лесу около посёлка Сергеевка, среди поселенцев, отбывших сроки тюремного заключения [Там же, л. 4], скрывался от преследований отрядов атамана Семёнова. Такой образ жизни ему пришлось вести с сентября 1918 по апрель 1919 г. [Там же, л. 1]. В апреле 1919 г. вместе с отцом и двумя братьями Зеленский вступил в отряд Н. Н. Журавлёва [Там же, л. 6]. Он занимал различные должности: от рядового бойца партизанского отряда до командира кавалерийского полка [Там же, л. 1]. Известно, что он командовал вторым кавалерийским полком. В бою под Зерентуем получил ранение, и продолжительное время находился в госпитале. После

этого состоял в резерве командного состава при штабе фронта, выполнял отдельные поручения. М. Е. Зеленский занимал должности командира сотни, командира дивизиона, адъютанта полка [1, л. 4]. После ликвидации семёновской армии в Забайкалье участвовал в боях под Волочаевской и в Спасске. Есть сведения о том, что М. Е. Зеленский являлся членом Владивостокского городского комитета комсомола. Также есть информация о том, что в 1922 г. он вступил в ряды большевистской партии [Там же, л. 4].

Рис. 4. М. Е. Зеленский (1943 г.) [1, л. 8]

13 февраля 1924 г. Зеленский становится завхозом Иргенской детской сельскохозяйственной коммуны [1, л. 5]. О Михаиле Ерофеевиче можно сказать, что он является одним из её основателей. Вместе с ним другие должности занимали Павел Петрович Кожиков – воспитатель [2, л. 5], Павел Пихель – фельдшер, Курбан – заведующий, Юлия Шушейтанова – технический работник [3, л. 152].

Из-за малочисленного состава сотрудники Иргенской коммуны очень часто совмещали различные виды деятельности. Например, сам Зеленский занимался полевыми работами, возможно, и их организацией, хозяйственными и канцелярскими. С этой работой он тяжело справлялся, Зеленский даже писал заявление об увольнении, в чём, судя по документам, ему отказали [3, л. 34]. Коммуна имела различные материалы, например, гвозди, шурупы, вожжевую верёвку, паклю и тому подобное, что могло использоваться для различных столярных работ и ремонта помещений. Вероятно, Зеленский мог участвовать в этих процессах. В коммуне имелись такие материалы, как медный порошок и олово. Это могло использоваться для создания запасных частей для машинных двигателей. Такой деятельностью дети не могут заниматься самостоятельно. Взрослые (в числе которых и Зеленский) либо строго следили за тем, как это поручение выполняют воспитанники, либо занимались этим сами с привлечением взрослых воспитанников [4, л. 38].

20 августа 1924 г. Михаил Зеленский увольняется по собственному желанию, о чём он получает соответствующую справку [2, л. 5]. Известно, что за всё время службы коммуне он ни разу не пользовался отпуском. За свою деятельность в коммуне Зеленский получил 96 р. 20 к. (с учётом всех вычетов) [Там же, л. 14]. Михаила Ерофеевича на этой должности сменил Константин Александрович Девяткин [Там же, л. 2].

В 1925–1929 гг. Зеленский обучался в институте красной профессуры. Также известно, что он заведовал Иваново-Вознесенским филиалом академии наук. Погиб он во время Великой Отечественной войны [1, л. 6]. Точная дата смерти отсутствует, однако известно, что в 1943 г. он был жив, поскольку в этом году сделано его фото. В описании фотографии указано, что Зеленский являлся командиром и помощником командира второго полка (более точных данных не имеется) [Там же, л. 8].

Проанализировав его биографию, приходим к выводу, что на руководящие должности в коммуне принимались лица с проверенной «коммунистической репутацией».

Источники и литература

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. П-4307. Оп. 2. Д. 248.
2. ГАЗК. Ф. Р-1448. Оп. 2. Д. 63.
3. ГАЗК. Ф. Р-1448. Оп. 2. Д. 64.

4. ГАЗК. Ф. Р-1448. Оп. 2. Д. 67.
5. Зарев. Ограбление Иргенской церкви // Забайкальский рабочий. Чита. 1924. 2 окт. С. 7.
6. Короткова Е. Коммуна сельскохозяйственная Текст: электронный // Энциклопедия Всемирная история. URL: <https://w.histrf.ru/articles/kommuna-selskohozyaystvennaya> (дата обращения: 13.12.2021).
7. Маляр. Трудовая артель // Забайкальский рабочий. 1924. 6 нояб. С. 2.
8. Цыренжапова Д. Е. Часовня Иргенского миссионерского стана Текст: электронный // Энциклопедия Забайкалья. URL: <http://ez.chita.ru/encycl/concepts/?id=5551> (дата обращения: 19.04.2022).

Информация об авторе

Сергеев Михаил Андреевич – студент IV курса историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, e-mail: literasergeeva@yandex.ru

Information about the author

Sergeev Mikhail A. – 4th Year Student of the Faculty of History and Philology, Transbaikal State University, Chita, Russia, e-mail: literasergeeva@yandex.ru

Научный руководитель Косых Владимир Иванович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

УДК 343.771(571.55)

Особенности правонарушений в сфере охотничье-промыслового законодательства на территории Забайкалья в первой половине XX в.

Денис Николаевич Беспалько

*Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
e-mail: bespalkodenis84@mail.ru*

Эффективность мер борьбы с браконьерством и пресечения нарушений правил охоты находилась на низком уровне. Центральные постановления управления охоты и звероводства систематически нарушались практически всеми категориями населения. Причинами подобного положения дел являлись с одной стороны, укоренившиеся народные традиции, с другой же – отдаленность края от европейской части государства, слабозаселенность огромной территории и суровые условия жизни.

Ключевые слова: охотничье-промысловое законодательство, правила охоты, промысловый сезон, правонарушение, браконьерство, «закон тайги», продукты охоты.

Features of Offenses in the Field of Hunting and Fishing Legislation in the Territory of Transbaikalia in the First Half XX Century

Denis N. Bepalko

*Transbaikal State University, Chita, Russia
e-mail: bespalkodenis84@mail.ru*

The effectiveness of anti-poaching measures and suppression of violations of hunting rules was at a low level. The central regulations of the Department of Hunting and Animal Husbandry were systematically violated by almost all categories of the population. The reasons for this state of affairs were, on the one hand, rooted folk traditions, on the other hand, the remoteness of the region from the European part of the state, the sparsely populated vast territory and harsh living conditions

Keywords: Hunting and Trade Legislation, Hunting Rules, Fishing Season, Offense, Poaching, “Law of the Taiga”, Hunting Products

Промысловое население европейской части России еще до 1917 г. было так или иначе подчинено действию правил об охоте, изданных в период с 1882 по 1892 г., но на Забайкалье, как впрочем, и на территорию всей Сибири с Дальним Востоком, данные правила не распространялись. Основной причиной этому, по мнению исследователей в области отечественного охотничье-промыслового законодательства и региональных охотоведов являлась слабая заселенность огромных пространств и невозможность осуществления на постоянной основе эффективного контроля, подпадающего под действие соответствующей нормативно-правовой базы [6; 19; 20]. Охотники привыкли жить свободно и ориентироваться не на правительственные постановления, регламентирующие заготовительные порядки, а на дремучий «закон тайги». Данный закон, а вернее таежная традиция, являлся основанием, допускающим не только все-сезонный отстрел зверей, дающих мясную, пушную и лекарственно-техническую продукцию, но и возможность оказания противодействия органам правопорядка через распространенную практику расправы – «Суд Линча». Созданное в 1887 г. региональное отделение Общества правильной охоты, действуя единственно возможным, но малоэффективным, в сложившихся условиях путем просвещения охотничье-промыслового населения, вплоть до Февральской революции так и не смогло качественно изменить ситуацию даже в центре Забайкалья, г. Чите. В период ДВР робкие предложения по охране охотфауны и борьбы с браконьерами не имели успеха, т. к. отсутствовала сама возможность пресечения незаконной добычи на местах [4; 8; 9]. После присоединения территории ДВР к СССР в Забайкалье начинает действовать советское (применительно к РСФСР) промысловое законодательство, отраженное в статьях природопользования и охраны животного мира от хищнической эксплуатации [21]. Главный упор делался на изъятие средств производства охоты, что, по мнению делегатов ВЦИК, должно было затруднить правонарушителям совершение повторного преступления. В дальнейшем, путем проб и ошибок УК РСФСР совершенствуется в сторону предусмотрения уголовной ответственности за «производство охоты в запрещенных местах, в запрещенные сроки, запрещенными способами или орудиями» [17; 19; 21].

В течение 1920–1950-х гг. на территории края очень медленными темпами и с переменным успехом, в том числе в правоохранительной среде, формируется «философско-наглядный» образ общественной опасности такого явления как незаконная охота. Отмечая «медленные темпы» следует особо подчеркнуть, что юридически противоправные элементы, указанные нами в начале статьи, являлись неотъемлемой нормой жизни промысловиков, с чем негласно соглашалось подавляющее большинство населения, так или иначе живущего продуктами охоты, или, существенно дополняющее ими свой рацион питания и основы материального благополучия. Документальная база Главного управления охоты и звероводства Народного Комиссариата земледелия СССР [10–17] свидетельствует, что мясо-дичная продукция добывалась незаконно в 70–90 % случаев, пушно-сырьевая – ориентировочно до 50 % и лекарственно-техническая – до 100 %. Особенно в этом отношении выделялись малообжитые и отдаленные северные районы, где без круглогодичного добывания в тайге мяса и рыбы выжить было практически невозможно. Фиксация случаев браконьерства была затруднена в силу неизжитых таежных традиций.

В чем же выражалось браконьерство? Преимущественно в двух видах: во-первых – в безлимитном и безлицензионном отстреле копытных и, во-вторых – в добыче и сдаче в РЗК пушно-мехового сырья без наличия охотничьего билета, разрешающего проведение охоты на территории промысловых угодий. Незаконной добычей «дикого» мяса в основном занималось население районов, живущее по отдельным замкам, вдалеке от населенных пунктов. Это, прежде всего, лесная охрана, дорожные рабочие, сторожа, охраняющие в тайге постройки золотопромышленных предприятий и военные. Охотоведы, во всех без исключения полевых отчетах, как обозначенного хронологического промежутка, так и позднее, отмечали одну характерную деталь: если зайти в домик любого лесообъездчика, то «гостеприимная хозяйка поставит на стол мясные щи и лицемерно будет уверять, что третьего дня последнюю телушку зарезали, а в щах предательски плавают сохатиные волосы» [16, л. 61, 62]. На прямо поставленный вопрос, за который вполне можно было поплатиться жизнью – «как дошли до жизни такой, почему не соблюдаете основ промыс-

лового законодательства?» следовал не менее прямой ответ: люди шли работать в лесную охрану за мизерный заработок только потому, «что тут облегчено браконьерство». Пойманные с поличным (за разделом туши или при ее транспортировке), откровенно говорили «кто бы в ней, в тайге этой и жил то, кабы не мясо с рыбой». Сохранилось содержание разговоров обвиняемых в браконьерстве, но не пойманных с поличным, с лесниками и представителями районных администраций. Из них видно, что на все предупреждения следовал ответ, недвусмысленно подразумевающий расправу. Например, в 1949 г. лесник Хилокского района И. С. Худяков в сельпо в присутствии народа говорил охотнику-браконьеру колхоза им. Лазо Г. Пятым: «смотри, я тебя с мясом поймаю». А. Г. Пятым отвечал: «а я тебя на мушку поймаю» [16, л. 62]. Смысл таков – за сигнал о браконьерстве грозили пулей в спину.

Более всего в Забайкалье уничтожалось изюбрей. Вид разрешалось добывать только на время пантовки (с 15 июня по 15 июля), но временные рамки не соблюдались. Причиной тому являлось повсеместное распространение вида и существенная разница в размере штрафа за незаконную заготовку по сравнению с другими парнокопытными. Так, за незаконно добытого (без лицензии) лося полагалось заплатить штраф в размере 10 тыс. р., в то же самое время за изюбря, всего – 1 тыс. р. Лосиное поголовье к 1930-м гг. настолько сильно сократилось, что правительство Восточносибирского края в 1936 г. в северных районах ввело временный запрет на добычу вида для всех категорий граждан [2]. Ограничения не касались лишь местного коренного населения и поисковых, геологоразведочных групп (разрешался строго лимитированный отстрел). Осложняло ситуацию также то, что браконьеры стремились добывать самок изюбрей и сохатых, беременных в зимнее время, т. к. они бывают жирнее, чем быки.

Количество отстрелянных зверей одним охотником, обычно, определяется потребностью семьи в мясе. Однако некоторые браконьеры научились давать и «товарную продукцию». По зимним таежным дорогам и тем более зимникам (речным руслам) стабильно курсировали грузовые машины, лесовозы или перевозчики грузов. Ничего не стоило договориться с шоферами подвезти мясо до ближайшего населенного пункта,

где верный человек за соответствующую плату занимался реализацией мяса по знакомым и соседям. На севере края распространенным явлением были случаи реализации мяса прямо в тайге, что не оставляло практически ни каких следов преступной деятельности [15, л. 132]. Например, рабочие приисков добывали мясо, как по распоряжению начальства, так и в частном порядке, затем сбывая продукцию другим старателям [12, л. 228]. Отмечались случаи добычи занесенного в красную книгу снежного барана и незаконного отлова лосят с целью дальнейшего стойлового содержания.

Распространенным нарушением правил охоты была круглогодичная добыча крупных парнокопытных при помощи ловчих ям [10, л. 20, 21], запрещенных еще в XIX в. Имелись случаи нарушения правил охоты в применении запрещенных орудий лова. Охотники с мест сообщали, в ряде случаев ставились самострелы на волка, путем настораживания ружей. Расследованием столь вопиющих случаев, по сообщению руководителя Каларской экспедиции 1950–1951 гг. В. И. Вигского [1] и других никто не занимался. Нами в ходе изучения фондов ГАЗК так же не было обнаружено ни одного заведенного на охотника дела по статье применения запрещенных способов охоты.

Причинами массового нарушения охотничье-промыслового законодательства и откровенного браконьерства, являлись достаточно распространенные по всему Забайкалью суровые условия жизни, поэтому угроза штрафа сдерживала очень немногих. В райцентрах часто попустительствовали браконьерству, или вовсе защищали браконьеров от несения ответственности. В августе 1948 г. на территории Тунгино-Олекминского района общественный инспектор поймал с поличным председателя одного из колхозов с незаконно добытой самкой лося. Составил протокол и передал в суд иск на 10 тыс. р. Но районные работники сначала проигнорировали иск, составленный в соответствии с официальным постановлением Совета Министров о наказании за браконьерство. Затем, общественного инспектора вызвали в Райком партии, где секретарь и председатель РИКа требовали забрать иск обратно [13, л. 50–52]. Под давлением партийной номенклатуры инспекторов вынуждали прекращать дело о браконьерстве. Бывали случаи составле-

ния ложных показаний, что производились с ведома районных и партийных работников, имевших целью попытку свалить вину на другого человека, уже отбывающего срок наказания или упокоившегося. Этим далеко не ограничивается перечень злоупотреблений, допускаемый районными работниками, по отношению к соблюдению правил охоты, требовалось настоятельное вмешательство областной прокуратуры. Но, как показала практика, прокуратура неоднократно заворачивала подобные дела, и только настойчивость охотоведческих структур не давала спустить все на тормозах. Хуже всего дело обстояло в глухой тайге, особенно в приграничной полосе. Останавливать браконьера или пытаться его обезоружить можно было только в сопровождении вооруженного патруля. Повсюду действовал «закон тайги», именно им объясняется полная бездеятельность общественных инспекторов и просьба активных сохранить их фамилию в тайне [11, л. 183–214].

Отсутствовала практика учета лицензий на отстрел копытных, как впрочем, и строго фиксированный видовой лимит, имеющий устойчивую тенденцию к изменению в течение промыслового сезона. Это приводило к тому, что зачастую выданная лицензия не возвращалась охотниками обратно. В этом случае, мера, направленная на пресечение незаконной добычи, превращалась в условие способствующее ему. Имея на руках хотя бы старую лицензию, нарушитель был практически неуязвим [14]. Охотоведы настоятельно рекомендовали за не сдачу в срок промысловых разрешений привлекать к уголовной ответственности и указывать это в самом разрешении. Попытка добиться в Облисполкоме указания заготовительными конторами фиксирования на пушнозаготовительных квитанциях номера охот билета и сдатчика пушнина, не имела успеха [11, л. 183]. Долгое время по приемным квитанциям не было возможности судить, принята ли пушнина от полноправного охотника, или от браконьера, не имеющего охот билета. Руководители заготовительных контор, имея годовой план заготовок, были готовы идти на любые ухищрения посредством нарушения закона, лишь бы его выполнить.

Серьезной причиной, толкающей охотников на преступление, являлась плохо налаженное снабжение населения районов обувью. Валенки достать было трудно, а

ичиги часто не соответствовали размерам стопы, были меньших размеров. Добыв же зверя, охотники делали всей семье обувь, тем самым, по сути, совершая второе правонарушение – незаконно выделяли шкуры и шили обувь (действовал запрет на кустарную переработку в домашних условиях пуш-мех-кож сырья). Мало кто из охотников знал правила и сроки охоты. Больше ориентировались на устные основы [5]. Бывали случаи, когда промысловиков ловили на тайном изготовлении самоловов, что якобы являлись запрещенными, на самом деле они (не все, конечно) только всячески поощрялись в использовании [18].

С нарушением правил охоты и браконьерством, как было обозначено выше, мало кто боролся, поскольку сия стезя оказывалась весьма небезопасной. Осложняло работу попустительство районных работников и небольшое число охотинспекторов, отсутствие сборника законов и распоряжений правительства о борьбе с браконьерством, ясных указаний о процессуальном порядке прохождения этих дел. Всякая государственная инспекция, борющаяся с преступлениями на местах – в частности, в тайге, должна быть подвижной, оперативной, хорошо вооруженной и по-особому оснащенной. Ни чего этого в охотничьей инспекции не имелось, поэтому и работа велась от случая к случаю, не являлась планомерной, тем более при отсутствии содействия со стороны Облисполкома. Борьба охотуправления за деятельное участие прокуратуры давала лишь кратковременный эффект.

Четкая регистрация заводимых на браконьеров административных и уголовных дел, постоянное наблюдение за ходом следственного процесса была введена не ранее нач. 1950-х гг. По образцу московского охотуправления в Забайкалье начинают печатать и рассылать каждому общественному инспектору бланки протоколов на нарушителей, памятки-инструкции, правила охоты карманного формата, публиковать соответствующие материалы в СМИ, создавать передачи на радио и др. В целях борьбы с браконьерством, управление охотхозяйства активно проводило политику сохранения и укрепления лицензионной системы заготовок. Но этого оказалось недостаточно. Следовало в кратчайшие сроки отказаться от практики изменения спущенных лимитов в период промыслового сезона. Запретить

сбор «лежалых» соболей и других видов, дающих ценное пушное сырье. Увеличить штат охотинспекторов с таким расчетом, чтобы обеспечить действенный контроль за правильной организацией промыслов в соболиных очагах и местах общепромысловой охоты [3]. Ввести ответственность руководителей заготовительных организаций за правильную эксплуатацию мясо-дичных и пушно-сырьевых запасов на территории их деятельности.

Практическое внедрение защитно-охранных мер должно было рано или поздно привести к желаемым результатам,

заставить охотников соблюдать законы и правила сезонной охоты, а административно-правоохранительные структуры заниматься профилактикой, пресечением служебных злоупотреблений и браконьерства. Действительно, в течение 1950-х гг. происходил постепенный перелом, центральные и районные должностные лица поняли, что нарушение промыслового законодательства есть полноценное преступление, стали оказывать охотинспекции помощь в расследовании зафиксированных случаев браконьерства и дальнейших судебных разбирательствах.

Источники и литература

1. Беспалько Д. Н. Исследование Каларского района охотоведческой экспедицией 1950 года по учету охотничье-промысловой фауны // Забайкалье историческое: материалы VII Межрегиональной науч.-практ. конф. Чита: ЗабГУ, 2018. С. 5–10.
2. Беспалько Д. Н. История Витимо-Олекминского национального округа (1930–1938): учеб. пособие. Чита: ЗабГУ, 2020. 146 с.
3. Беспалько Д. Н. История развития соболиного промысла на территории Восточного Забайкалья (середина XVII века – 1960-е годы) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2019. № 4. С. 53–65.
4. Беспалько Д. Н. Проблемы регулирования традиционных основ охотничьего промысла малых народов Забайкалья в 1920–1922 гг. // Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Забайкалья: материалы междунар. науч.-практ. конф. Чита: ЗабГУ, 2019. С. 116–118.
5. Бутурлин С. А. Настольная книга охотника. Вологда: Всеохотсоюз, 1930. 352 с.
6. Вольфман Г. И. Ответственность за преступления в области охраны природы. Квалификация и наказание. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1984. 80 с.
7. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. Р. 1565. Оп. 1. Д. 2.
8. ГАЗК. Ф. Р.-1565. Оп. 1. Д. 4.
9. ГАЗК. Ф. Р.-1565. Оп. 1. Д. 26.
10. ГАЗК. Ф. Р.-1649. Оп. 1. Д. 3.
11. ГАЗК. Ф. Р.-1649. Оп. 1. Д. 14.
12. ГАЗК. Ф. Р.-1649. Оп. 1. Д. 22.
13. ГАЗК. Ф. Р.-1649. Оп. 1. Д. 25.
14. ГАЗК. Ф. Р.-1649. Оп. 1. Д. 34.
15. ГАЗК. Ф. Р.-1649. Оп. 1. Д. 36.
16. ГАЗК. Ф. Р.-1649. Оп. 1. Д. 48.
17. Гартфельд А. А. Виды ответственности за незаконную охоту (браконьерство) в России в первой половине XX в. // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25, № 1. С. 65–71.
18. Герасимов Ю. А. Справочник егеря. М.: Агропромиздат, 1988. 271 с.
19. Звонков Б. Н. Уголовно-правовая борьба с браконьерством в СССР. Ростов н/Д.: [б. и.], 1967. 230 с.
20. Самойлов Е. Б. Записки охотоведа. Чита: Поиск, 2004. Кн. 2. 295 с.
21. Швецков Г. В. Первый советский Уголовный кодекс. М.: Высшая школа, 1970. 207 с.

Информация об авторе

Беспалько Денис Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, e-mail: bespalkodenis84@mail.ru

Information about the author

Bespalko Denis N. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of History of the Faculty of History and Philology, Transbaikalian State University, Chita, Russia, e-mail: bespalkodenis84@mail.ru

УДК 378.4:908(571.55)

Основные трудности в работе Читинского государственного педагогического института в начальный период его существования

Марина Владимировна Пряженникова

*Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
e-mail: Klichca85@yandex.ru*

Статья основана на материалах фондов Государственного архива Забайкальского края, отражающих работу Читинского государственного педагогического института в начальный период его существования. Автор сделал акцент на основных проблемах, которые возникли перед высшим учебным заведением в первые годы его работы. Было проанализировано состояние общежитий студентов, их бытовые условия, показана работа столовой, дана характеристика подготовки института к новому 1940–1941 учебному году, процесс набора студентов, указаны причины основных недостатков деятельности вуза.

Ключевые слова: педагогический институт, бытовые условия, столовая, ремонт, студенты, преподаватели, недостатки

The Main Difficulties in the Work of the Chita State Pedagogical Institute in the Initial Period of Its Existence

Marina V. Pryazhennikova

*Transbaikal State University, Chita, Russia
e-mail: Klichca85@yandex.ru*

The article is based on the materials of the funds of the State archive of Trans-Baikal Territory, reflecting the work of the Chita State Pedagogical Institute in the initial period of its existence. The author focused on the main problems that the higher education institution faced in the first years of its work. The state of students' dormitories, their living conditions were analyzed, the work of the canteen was shown, the characteristics of the institute's preparation for the new 1940–1941 academic year, the process of student recruitment were given, the reasons for the main shortcomings of the university's activities were indicated.

Keywords: Pedagogical Institute, Living Conditions, Canteen, Renovation, Students, Teachers, Disadvantages

О Читинском государственном педагогическом институте написано немало работ, в которых отражены разные аспекты деятельности вуза на протяжении более чем 80-летней истории его существования [3–14]. В первые годы своей работы высшее учебное заведение столкнулось с рядом трудностей, которые влияли на его деятельность. В данной статье проанализированы некоторые из них.

В 1940 г. произошло объединение Читинского педагогического и Сретенского учительского институтов. Наиболее слабым участком в институте была подготовка к новому учебному году, особенно по осуществлению нового набора студентов. На 1940–1941 учебный год нужно было принять в пединститут 120 чел., в учительский институт – 120 чел., на вечерний пединститут – 90 чел., на заочное отделение пединститута – 400 чел. По школам и педучилищам области в марте 1940 г. были разосланы извещения о предстоящем наборе, даны объ-

явления в газеты Иркутска, Новосибирска, Хабаровска, Владивостока, Благовещенска. Работники пединститута были прикреплены к школам и районам для проведения профориентационной работы.

Кроме того, в школах были проведены с десятиклассниками беседы по учёбе в пединституте, 29 мая 1940 г. в институте состоялась встреча с учащимися 9-х и 10-х классов средних школ с работниками пединститута. Однако эти мероприятия проводились уже в конце учебного года, когда каждый оканчивавший школу уже определил для себя учебное заведение, где он планировал учиться дальше [1, л. 58].

Институт совершенно не имел отпечатанных программ вступительных испытаний, условий приёма в виде листовок и брошюр, и не мог высылать их по требованию желавших поступать. Причина была в том, что отсутствовала бумага для напечатания указанных материалов. В результате на 5 июня в педагогический институт было по-

дано только 2 заявления и в учительский – 25. Исходя из всех вышеназванных обстоятельств, план набора студентов в институт на 1940–1941 учебный год не был выполнен [1, л. 43].

В пединститут было набрано 32 студента вместо 120, в учительский институт – 77 вместо 120, в вечерний институт – 31 вместо 90. В вечернем институте были организованы две группы: физико-математическая и литературы. На заочное отделение набрано 396 чел. вместо 400. После указа президиума Верховного Совета СССР о платности обучения с института отчислилось 66 студентов, из них из пединститута ушло 20 чел., с учительского – 39 чел., с вечернего – 7 чел. Невыполнение плана набора студентов объяснялось тем, что институт не был связан со школами, кроме того, он недостаточно использовал печать и потерял свой авторитет.

В деле поднятия популярности института имел безусловное значение и тот факт, что в составе преподавателей не было ни одного профессора или даже доцента, несмотря на то, что институт преподавательскими кадрами был обеспечен. Все они были с высшим образованием и соответствовали своему назначению. Особенно следует отметить за хорошую подготовку к лекциям и проведения семинарских занятий преподавателя основ марксизма-ленинизма В. И. Фомина, преподавателя высшей математики Н. А. Каслова, преподавателя истории В. Г. Изгачева и др. Студенты были неудовлетворены только преподавателем по новой истории Е. М. Кольцовой за некачественное чтение лекций и плохую речь с точки зрения русского языка. Она была взята под контроль учебной части и ей оказывалась вся необходимая помощь. Были среди преподавательского состава случаи нарушения трудовой дисциплины. Например, преподаватель по элементарной математике Мышкис был уволен из института по несоответствию и из-за неудовлетворительной трудовой дисциплины. Был случай опоздания за преподавателем М. А. Масаловым, который за это был привлечён к принудительной работе [1, л. 80].

Ещё одним существенным недостатком в работе педагогического института являлось жилищно-бытовое обеспечение студентов и преподавателей вуза. Общее количество студентов с новым набором должно было составить 440 чел., тогда как

общежитие было подготовлено на 347 мест. Для общежития студентов не хватало кроватей 130 шт., стульев – 50 шт., матрацев и одеял, простынями и наволочками студенты были обеспечены полностью. Для служебных и учебных кабинетов не хватало столов для аудиторий – 130 шт., стульев – 50 шт., кафедр – 11 шт. Несмотря на то, что в институте имелась мастерская, которая могла сама изготавливать столы, стулья и прочий необходимый инвентарь, но за неимением материала она не работала [1, л. 18].

Бытовые условия студенчества были неудовлетворительными. В коридорах и в комнатах общежития было грязно. Студенты по два-три дня не умывались из-за отсутствия воды в общежитии. Постельное бельё не менялось месяцами, не были созданы условия для его стирки, студентам приходилось стирать и сушить в своих комнатах. Такие условия были связаны с тем, что отсутствовала уборщица, а также комендант и завхоз не выполняли своих прямых обязанностей, предпочитая проводить время за чрезмерным употреблением алкоголя.

Жилищно-бытовые условия преподавательского состава также были тяжёлыми и к улучшению их никаких мер не принималось. Обещанные молодым специалистам квартиры не были предоставлены. Преподаватели жили в одном общежитии со студентами [2, л. 4].

Студенческая столовая начала работать спустя месяц после начала занятий из-за того, что директор Н. А. Родионов проект её устройства вовремя не согласовал и не утвердил в Госсанинспекции. Работала она плохо, обеды были низкого качества, но и их не хватало. Меню обычно состояло из вымоченных каш, мясо поступало крайне редко. Иногда в столовую завозили колбасу, и тогда она целиком заполняла меню: она подавалась и под названием «гуляш», и под названием «солянка», и просто колбаса. В столовой не хватало посуды, не было ни вилок, ни ножей. Ложки являлись единственным универсальным предметом. Не было также стаканов, чай подавали в банках из-под варенья. Буфет в институте отсутствовал.

С отопительной системой получилось ещё хуже. Её своевременно не отремонтировали и не испытали, а когда затопили котлы, система дала течь, затем из строя вышел один котёл. Даже когда наступили холода, отопительная система в институте не работала. В учебном здании и общежитии

на ул. Албазинской было холодно, занятия оказались под угрозой срыва. Кроме того, не было в достаточной степени заготовлено топливо. Необходимо было заготовить 600 м³ дров и 400 тонн угля. К заготовке дров приступили быстро, однако с заготовкой угля затягивали по разным причинам: плохой уголь, отсутствие транспорта для вывозки угля и складского помещения под него [1, л. 81]. Электрическое освещение систематически отключала электростанция, а керосиновые лампы не использовались, т. к. или не было ламповых стёкол или не было керосина.

Кроме того, дисциплина в институте среди студентов находилась не на должной высоте, были случаи выпивок в зимние каникулы со стороны студентов в общежитиях, после каникул этого не замечалось. Одним из факторов недисциплинированности студентов являлось большое количество пропусков занятий по неуважительным причинам, что видно из представленной таблицы. Часто студенты оправдывали своё отсутствие на занятиях плохим самочувствием, но из-за того, что к институту не был прикреплен медицинский работник, трудно было установить действительно ли болел студент [1, л. 56].

Количество пропусков занятий по неуважительным причинам

Курс	Факультет	Количество студентов	Общее количество часов в год	Количество пропущенных часов	%
1	Исторический	17	20 400	626	3
2	Исторический	18	19 200	652	3,4
1	Русского языка и литературы	17	20 400	616	3
2	Русского языка и литературы	25	30 000	1105	3,7
1	Физико-математический	14	16 800	406	2,4
2	Физико-математический	24	28 800	381	1,3
	Итого	115	135 600	3786	2,8

Борьба с пропусками ни со стороны администрации, ни со стороны партийной и комсомольской организаций, а также профкома не велась, если не считать нескольких приказов дирекции об объявлении выгора прогульщикам.

Ещё одним существенным недостатком в работе вуза было то, что взаимоотношения студентов с преподавателями и дирекцией были не совсем нормальные. Несмотря на то, что грубостей ни с той, ни с другой стороны не проявлялось, но студенты с преподавателями и наоборот не здоровались, если в коридоре или в другом месте стояло несколько студентов и мимо них проходил преподаватель, они не обращали внимания, преподаватель также проходит мимо, как бы не замечая их. Или такой факт, 2 июля 1940 г. институт переезжал в новое помещение, привезли книги, в это время начался дождь. В этом новом помещении было несколько студентов, директор обратился к ним, чтобы они помогли разгрузить подводы и тем самым спасли книги от влаги. Студенты отказались, заявив, что они не обязаны этого делать. Директор предложил им за-

платить за помощь, но и в этом случае они отказались [1, л. 57].

Расписание занятий подвергалось частому изменению, что также влияло на качество работы вуза. За период сентябрь-ноябрь 1940 г. расписание менялось три раза. Но в этом не было вины дирекции института. Причина состояла в том, что когда было составлено расписание институтом, Наркомпрос прислал новые учебные планы, из-за чего расписание изменилось. Затем расписание было изменено в связи с указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений. Потом Наркомпрос дал указание о введении наибольшего количества свободных часов, ввиду этого, расписание снова изменилось [1, л. 79].

В 1940 г. производился ремонт здания учебного корпуса и общежитий. Но он шёл медленно из-за нехватки краски, натуральной олифы – 200 кг, алебаstra – 2 т., цемента – 1 т., леса – 30 м³ [1, л. 81]. Ремонт

института и общежития студентов было закончено своевременно, однако институту пришлось доставать строительный материал с трудом в разных организациях.

В решении бюро Обкома ВКП(б), принятом на основании доклада директора института Н. А. Родионова 22 июня 1940 г., были даны практические указания по ликвидации имевшихся в институте недостатков. Дирекция и партийная организация недостатки устраняли, но очень медленно. Например, улучшилась учебная работа в институте. Лучше стало качество лекций, семинарских занятий. Объяснялось это тем, что учебная часть и кафедры стали следить за всем ходом учебного процесса, стали тщательнее контролировать работу преподавателей и студентов. Если в 1939–1940 уч. г. кафедры занимались рассмотрением и утверждением рабочих планов, то в 1940–1941 уч. г. они уже этим не ограничивались, а просматривали и слушали лекции преподавателей, вели методическую работу, проводили заседания, на которых обсуждали различные вопросы учебно-методического характера, руководили кружками. Однако в работе кафедр также существовали недостатки, заключавшиеся в том, что они не проводили научных докладов, не организовывали взаимного посещения занятий преподавателями, студенты не приучались к самостоятельному выступлению, не все кафедры занимались разбором лекций. Особенно плохо работала кафедра истории, заведовал которой В. Г. Изгачев. Связано это было с тем, что Виктор Григорьевич, помимо заведывания кафедрой, имел большую преподавательскую нагрузку, а также работал директором музея.

Улучшалась также и работа учебных кабинетов. Лучше стала посещаемость их студентами. Например, кабинет основ марксизма-ленинизма посещало до 18 студентов ежедневно, кабинет истории – до 12 студентов. Но кабинеты ещё в полной мере работу не развернули. Связь со студентами не была налажена на должном уровне. Несмотря на то, что консультации проводились, однако работа консультанта была построена на самотёк, плановая работа со студентами отсутствовала, оборудование кабинетов было плохое [1, л. 83, 84].

В целом же дирекция института безответственно отнеслась к подготовке учебного здания к новому учебному году. В ноябре-декабре 1940 г. институт находился под угрозой закрытия. Здание института было

разморожено из-за отсутствия топлива и неисправности парового отопления. В течение трёх месяцев и в учебном корпусе, в общежитии температура доходила до 0 °С. Преподаватели и студенты ходили на занятия в верхней одежде. Из-за мороза в здании института были случаи массовых уходов преподавателей с лекций. В общежитии студенты спали в пальто и в валенках, что привело к антисанитарному состоянию комнат. Возникли массовые заболевания среди студентов [2, л. 3]. В результате таких условий, созданных для работы студентов и преподавателей, успеваемость, в зимнюю сессию упала до 50 %.

Вместо того чтобы решительно взяться за выправление положения в институте, директор Н. А. Родионов перегрузил себя преподавательской работой, самоустранился от хозяйственных забот, а в довершении всего, в ноябре 1940 г. покинул институт и уехал в отпуск в Ленинград, оставив вместо себя неопытного в административном и хозяйственном отношении Н. А. Каслова. Во всём этом партийное бюро во главе с секретарём Серегиным занимало роль пассивного наблюдателя. Партийная организация по существу была оторвана от жизни и деятельности института. Не обсуждались такие важные вопросы, как об итогах прошлого учебного года, о плане набора студентов, о подготовке института к новому учебному году, о подготовке к январской зачётной сессии и ряд других. Это свидетельствовало о том, что партийное бюро самоустранилось от руководства институтом [1, л. 86].

Таким образом, в первые годы существования Читинского государственного педагогического института было много проблем, связанных с обеспечением студентов и преподавателей жилищно-бытовыми условиями. Как общежитие, так и учебное здание не отвечали санитарно-гигиеническим требованиям, отопительная система не была подготовлена, топливо вовремя не привезено, в результате чего учебный корпус и общежитие оказались размороженным зимой 1940 г., что поставило институт перед угрозой закрытия. Существенные проблемы были в работе столовой. План набора студентов на 1940–1941 уч. г. был провален из-за слабой организации приёмной кампании. Тем не менее были и положительные стороны, например, улучшилась работа кафедр и кабинетов по организации учебно-воспитательного процесса.

Источники и литература

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. П-3. Оп. 1. Д. 783.
2. ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 972.
3. Дроботушенко Е. В. Музеи Читинского государственного педагогического института им. Н. Г. Чернышевского: вехи истории // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2019. № 9. С. 17–20.
4. Дроботушенко Е. В. Читинский государственный педагогический институт в начале 1940-х гг. (по отчёту о работе в 1942/43 учебном году) // Одна на всех трагедия и одна Победа: материалы междунар. науч.-практ. конф. к 80-летию начала Великой Отечественной войны. Оренбург: ОГПУ, 2021. С. 86–91.
5. Забайкальский государственный педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского. История и современность: 1938–1998. Чита: ЗабГГПУ, 2008. 254 с.
6. Катанаев И. И. Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование: в 2 ч. Новосибирск: Наука, 2011. Ч. 1. А–М. С. 305–307.
7. Константинов М. В. Музей археологии Забайкалья имени И. И. Кириллова (к 50-летию деятельности) // Записки Забайкальского отделения Русского географического общества. 2019. С. 34–42.
8. Константинов М. В. Полувековая деятельность музея археологии Забайкалья имени И. И. Кириллова // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 6. С. 168–177.
9. Лобода М. А. Читинский государственный педагогический институт в годы войны // Чита в годы Великой Отечественной войны: сб. статей, документов и фотодокументов. Чита: Экспресс-издательство, 2015. С. 329–332.
10. Яремчук О. А. Деятельность Читинского государственного педагогического института в 1938–1940 гг.: трудности предвоенного периода // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: материалы Всерос. науч.-теорет. конф., посвящённой памяти доктора исторических наук, профессора Всеволода Ивановича Дулова. Иркутск: Оттиск, 2020. С. 293–298.
11. Яремчук О. А. Преподавательский состав исторического факультета Читинского государственного педагогического института в предвоенные годы // Приграничный регион в историческом развитии: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящённой Году единения российской нации и 80-летию высшего педагогического образования в Забайкальском крае: в 3 ч. Чита: ЗабГУ, 2018. Ч. 1. С. 18–22.
12. Яремчук О. А., Батаев Д. Ю. Основные вопросы деятельности Читинского государственного педагогического института в 1941 году (по протоколам заседаний Учёного совета) // Забайкалье историческое: материалы IX Межрегиональной науч.-практ. конф. Чита: ЗабГУ, 2020. С. 165–171.
13. Яремчук О. А. Научно-исследовательская работа в Читинском пединституте в начальный период Великой Отечественной войны // Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество: материалы междунар. науч.-практ. конф. Чита: ЗабГУ, 2021. С. 100–103.
14. Яремчук О. А. Основные направления работы кафедры истории Читинского государственного педагогического института в начале 1940-х годов // Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящённой 75-летию Победы в Великой Отечественной войне: в 2 ч. Чита: ЗабГУ, 2020. Ч. 1. С. 156–159.

.....
Информация об авторе

Пряженникова Марина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, e-mail: klichca85@yandex.ru

Information about the author

Pryazhennikova Marina V. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of history of the Faculty of History and Philology, Transbaikal State University, Chita, Russia, e-mail: klichca85@yandex.ru
.....

УДК 908(571.55)

**Организация педагогической практики
студентов Читинского государственного педагогического института
в начальный период Великой Отечественной войны**

Ольга Анатольевна Яремчук

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

e-mail: oyaremchuk@yandex.ru

В статье на основе делопроизводственных документов Государственного архива Забайкальского края представлен первый опыт организации педагогической практики студентов Читинского государственного педагогического института. По времени он совпал со становлением учебного заведения и началом Великой Отечественной войны. Указанные обстоятельства, безусловно, определили особенности проведения практики в школах города Читы и её результативность.

Ключевые слова: Чита, Читинский государственный педагогический институт, Великая Отечественная война, педагогическая практика, студенты, школа, уроки

**Organization of Pedagogical Practice of Students
of the Chita State Pedagogical Institute
in the Initial Period of the Great Patriotic War**

Olga A. Yaremchuk

Transbaikal State University, Chita, Russia

e-mail: oyaremchuk@yandex.ru

The article presents the first experience of organizing pedagogical practice of students of the Chita State Pedagogical Institute on the basis of clerical documents of the State Archive of the Trans-Baikal Territory. In time, it coincided with the establishment of the educational institution and the beginning of the Great Patriotic War. These circumstances, of course, determined the specifics of the practice in the schools of the city of Chita and its effectiveness.

Keywords: Chita, Chita State Pedagogical Institute, the Great Patriotic War, Pedagogical Practice, Students, School, Lessons

Производственная (педагогическая) практика в системе подготовки студентов вузов, обучающихся по направлениям 44.03.01 и 44.03.05 Педагогическое образование (с одним и двумя профилями), на современном этапе занимает важное место. Это согласуется с актуальными нормативно-правовыми документами – федеральными государственными образовательными стандартами высшего образования по соответствующим направлениям и профессиональным стандартом «Педагог», подчёркивающими значимость педагогической практики для успешной подготовки студентов к их будущей профессии учителя [2–4]. В настоящее время активизировался научный интерес к советскому опыту организации учебно-воспитательного процесса, в том числе к такому его элементу – практической подготовке выпускников высших учебных заведений. В статье на основе делопроизводственных материалов Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК) проде-

монстрирован опыт организации педагогической практики в Читинском государственном педагогическом институте (ЧГПИ) в начальный период Великой Отечественной войны.

В условиях начала войны и становления ЧГПИ (создан в 1938 г.) составной частью подготовки учителей стала педагогическая практика. По учебному плану она была запланирована на старших курсах (третьем и четвёртом).

Педагогическая практика студентов третьих курсов Читинского пединститута осуществлялась на основе инструкции, утверждённой Всесоюзным комитетом по делам высшей школы в первом полугодии 1940–1941 учебного года. Это была первая педагогическая практика за время существования Читинского государственного педагогического института и явилась первым опытом работы в этой области. Для проведения практики студентов были закреплены школы города Читы (№ 2, 4, 5, 8 и 9), в

которых она проходила в дальнейшем на протяжении 5 лет. Прикрепление к данным школам было подтверждено также распоряжением Наркомпроса РСФСР.

В процессе педагогической практики было установлено, что студенты с большой энергией взялись за её прохождение: тщательно готовились к урокам, оформляли свои конспекты, готовили наглядные пособия. Из отзывов дирекций и учителей школ известно, что некоторые студенты давали уроки и заинтересовывали ребят лучше, чем сами учителя. По ЧГПИ из 48 человек с практикой справились на «отлично» – 15 чел., «хорошо» – 26 чел., «посредственно» («удовлетворительно») – 7 чел. Практика проводилась с отрывом студентов от занятий [1, л. 5].

Администрации школ в большинстве случаев, за исключением отдельных, относились к проведению практики ответственно и оказывали всемерную помощь. То же самое надо отнести и на счёт учителей школ.

В качестве недостатков прохождения педагогической практики в отчётах вуза отмечалось следующее:

1. Определённая часть студентов ещё слабо владела культурной речью, не знала учебного материала, не была знакома с содержанием школьных учебников. Всё это объяснялось отрывом материала, проходимого в школе, от вузовских курсов, не было связи вуза со школой в этой области.

2. Недостаточное количество часов, отводимых на практику: студенты за период практики смогли провести по два, максимум три урока.

3. Мало внимания вопросу проведения практики уделяли кафедры института, помощи со стороны последних её руководители получали не всегда достаточную.

4. Не было в институте кафедры педагогики и даже кабинета педагогики, которые должны были возглавить руководство и осуществлять помощь студентам в проведении практики. Студенты для консультаций пользовались методическими кабинетами института усовершенствования учителей.

5. Недостаточное количество учебников средней школы также влияло на процесс подготовки к практике. С большим трудом через местное отделение КОГИЗа удалось удовлетворить потребность в учебниках студентов пединститута.

6. Студенты большой упор при прохождении практики уделяли вопросу представления пробных уроков и недостаточно серьёзно отнеслись к работе вне класса.

Несмотря на ряд недостатков и наличия должного опыта в проведении практики, она прошла вполне удовлетворительно.

Педагогическая практика студентов четвёртых курсов, вышедших на практику осенью 1941 г., проходила в тех школах, которые были прикреплены приказами Наркомпроса РСФСР к институту. Все студенты дали от двух до шести самостоятельных уроков. Они добросовестно готовились к занятиям, делали наглядные пособия и достойно представили уроки [1, л. 16].

Практика проводилась в течение двух недель: с 20 сентября по 3 октября 1941 г. с отрывом от академических занятий в институте. Основным недостатком педагогической практики у четвёртых курсов было недостаточное внимание к внеклассной работе. Результаты получились следующие: «отлично» – 13 чел., «хорошо» – 17 чел., «удовлетворительно» – 4 чел.

В следующем, 1941–1942 учебном году, в институте был учтён основной перечень недочётов, отмеченных по итогам первой практики, организованной в Читинском государственном педагогическом институте. Педагогическая практика третьих курсов института проводилась в феврале-марте 1942 г. в течение 6 недель с отрывом от академических занятий в институте. С 16 февраля по 26 марта руководство практикой было возложено на преподавателя педагогики, доцента Денисенко. Каждый студент посмотрел несколько показательных уроков учителей школы, дал 6–8 самостоятельных уроков и поприсутствовал на уроках товарищей, участвуя в их разборах. Несмотря на то, что условия для практики были не полной мере соответствующими в материальном плане (школы были плохо обеспечены топливом, в кабинетах было холодно, занимались по несколько смен, нормальной учебной атмосферы было трудно добиться), практика прошла удовлетворительно. Практиканты из педагогического института получили следующие оценки: «отлично» – 5 чел., «хорошо» – 8 чел., «удовлетворительно» – 3 чел.; из учительского института: «отлично» – 7 чел., «хорошо» – 9 чел., «удовлетворительно» – 9 чел.

Большинство практикантов, помимо уроков, проводили и внеклассную работу в школах (в кружках, в стенгазетах, на пионерских сборах). Но эта деятельность могла быть, конечно, значительно лучшей. К недостаткам педагогической практики следует отнести недостаточное использование практикантами наглядных пособий и робкое, книжное изложение материала (хотя не у всех). Не совсем эффективным оказалось и общее руководство практикой со стороны Денисенко, особенно в реализации внеклассной работы практикантов [1, л. 16 об.]. Кафедры проявили на этот раз больше внимания к организации практики, за исключением одной математической кафедры. Были зафиксированы следующие факты в проведении практики: в погоне за количеством уроков отдельные практиканты не успевали подготавливаться и давали уроки посредственно, при наличии качественной подготовки могли бы представлять занятия лучше. Это было устранено в самом начале практики по предложению дирекции института. Было дано указание: не гнаться за 8–10 часами уроков, если это в ущерб их качеству. В результа-

те некоторые студенты дали меньше 8 часов, но дали лучше, чем в начале практики.

Вообще дирекция и учебная часть ЧГПИ педагогическую практику внимательно контролировали, дважды собирали методистов в процессе практики для обмена мнений по ходу самой практики, что, несомненно, способствовало успешному её выполнению студентами. Администрация школ, как правило, шла практикантам навстречу, и успех практики являлся частично заслугой администрации и учителей тех школ, где проходила практика. В целом, практика показала, что студенты получили необходимые навыки педагогической работы, успешно справились с её задачами [1, л. 17 об.].

Таким образом, в первые годы Великой Отечественной войны, совпавшие с периодом становления Читинского государственного педагогического института, был реализован начальный опыт организации педагогической практики студентов третьего и четвертого курсов. В силу указанных обстоятельств он был непростым, но в целом оказался полезным и значимым для подготовки будущих учителей Забайкалья.

Источники и литература

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. Р-177. Оп. 1. Д. 2.
2. Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)»: Приказ Минтруда России: [от 18 октября 2013 г. № 544н (с изм. и доп. от 25 декабря 2014 г., 5 августа 2016 г.)]. URL: <https://base.garant.ru/70535556> (дата обращения: 05.05.2022). Текст: электронный.
3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 44.03.01 *Педагогическое образование*: Приказ Минобрнауки России: [от 22 февраля 2018 г. № 121 (ред. от 8 февраля 2021 г.)]. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-44-03-01-pedagogicheskoe-obrazovanie-121> (дата обращения: 05.05.2022). Текст: электронный.
4. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 44.03.05 *Педагогическое образование* (с двумя профилями подготовки): Приказ Минобрнауки России: [от 22 февраля 2018 г. № 125 (ред. от 8 февраля 2021 г.)]. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-44-03-05-pedagogicheskoe-obrazovanie-s-dvumya-profiljami-podgotovki-125> (дата обращения: 05.05.2022). Текст: электронный.

Информация об авторе

Яремчук Ольга Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, e-mail: oyaremchuk@yandex.ru

Information about the author

Yaremchuk Olga A. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Head of the Department of History of the Faculty of History and Philology, Transbaikal State University, Chita, Russia, e-mail: oyaremchuk@yandex.ru

УДК 94:908(571.55)

Уроженцы Восточного Забайкалья – участники Великой Отечественной войны, ставшие инвалидами: материалы к биографиям

Валентина Юрьевна Золотарева

*Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
e-mail: kcleo@mail.ru*

В статье приводятся неизвестные материалы к биографиям некоторых уроженцев Восточного Забайкалья (Читинской области), ставших инвалидами в ходе боев Великой Отечественной войны. Автор говорит об особенностях оказания им помощи в быту и при устройстве на работу. Частично описывается деятельность власти по оказанию поддержки и помощи инвалидам войны. Приводятся отдельные факты из жизни уроженцев Восточного Забайкалья, участвовавших в боях Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, тыл, инвалид, фонд обороны, госпиталь, орден, Восточное Забайкалье (Читинской области)

Natives of Eastern Transbaikalia – Participants of the Great Patriotic War who Became Disabled: Materials for Biographies

Valentina Yu. Zolotareva

*Transbaikal State University, Chita, Russia
e-mail: kcleo@mail.ru*

The article presents unknown materials for the biographies of some natives of Eastern Transbaikalia (Chita Region) who became disabled during the battles of the Great Patriotic War. The author talks about the specifics of helping them at home and when applying for a job. The activities of the authorities to provide support and assistance to war invalids are partially described. Some facts from the life of natives of Eastern Transbaikalia who participated in the battles of the Great Patriotic War are given.

Keywords: Great Patriotic War, home front, disabled, defense Fund, hospital, order, Eastern Transbaikalia (Chita Region)

Защищать Родину ушли более 175 тыс. забайкальцев. Они сражались как на суше, так в воздухе и на море, были в партизанских отрядах, отрядах сопротивления за пределами нашего государства. Многие из них были награждены медалями и орденами. Сто человек, родившихся в Читинской области, долгое время проживавших в ней или призванных с территории Восточного Забайкалья, стали Героями Советского Союза, 14 – полными кавалерами Ордена Славы.

Оставшиеся в тылу плавил металл, растили хлеб, ковали оружие для общей Победы. Трудящиеся Читинской области внесли в фонд обороны страны 367 млн р., подписались на военные займы на 533 млн р. Также были собраны средства на постройку танковых колонн «Колхозник Забайкалья», «Комсомолец Забайкалья», эскадрильи «Медработник Забайкалья» и т. д. Из региона было отправлено свыше 1 000 т продуктов, около 500 тыс. теплых вещей, 23 тыс. лошадей [4, л. 9].

В число участников Великой Отечественной войны входил и Лев Ефимович

Попов (1901 г. р.), участник Гражданской войны в Забайкалье, инструктор политотдела Первой Забайкальской стрелковой дивизии Народной Революционной армии Дальневосточной республики (НРА ДВР). За время участия в военных действиях получил медаль «За боевые заслуги» [2, л. 10].

Точно такую же награду получил и Алексей Трифанович Синицкий (1903 г. р.), участник Гражданской и Великой Отечественной войн [Там же, л. 11].

Стоит вспомнить и Дмитрия Семеновича Белоплотова (1924 г. р.), уроженца с. Алентуй Петровск-Забайкальского района Забайкальской губернии. После окончания 7-летней школы, поступившего в Петровско-Заводское педагогическое училище. С февраля по ноябрь 1942 г. Белоплов находился на фронте. Был демобилизован по инвалидности [3, л. 21]. 17 лет он был направлен в Забайкальское военное пулеметно-минометное училище на ст. Дивизионная в нескольких километрах от г. Улан-Удэ. В августе 1942 г. по приказу Верховного Главнокомандующего большая часть училища

была направлена на оборону Сталинграда. С 28 августа по 25 ноября 1942 г. участвовал в боях при защите Сталинграда в составе 37-й отдельной стрелковой бригады 64-й армии в качестве артиллериста 45-мм противотанковых орудий.

За подбитый в бою танк, Белоплотов был награжден Орденом Отечественной войны II степени, который получил уже после окончания войны в 1946 г. В день разгрома 6-й немецкой армии Паулюса получил тяжелое ранение и выбыл в госпиталь. 20 июля 1943 г. был комиссован и вернулся домой. На фронте ему исполнилось 18 лет [5, л. 35, 36].

Михаил Семенович Мигунов (1908 г. р.) принимал участие в войне с Финляндией, сражался в боях на р. Ханхин-Гол, защищал свою страну от немецких захватчиков в Великой Отечественной войне. В финской войне получил ранение, был награжден медалью «За отвагу». За бои при Ханхин-Голе получил орден «Красной звезды». В Великой Отечественной войне участвовал в Сталинградской битве. М. С. Мигунов был награжден орденом «Красной Звезды», медалями «За боевые заслуги» и «За оборону Сталинграда». Летом 1942 г. был тяжело ранен и отправлен на лечение в госпиталь. В период военных действий был также награжден орденами «Отечественной войны» I и II степени, медалью «За победу над Германией». В ноябре 1943 г. был уволен из армии в вязи с тяжелым ранением, получив инвалидность I-й группы. Воин, орденосец, инвалид I-й группы М. С. Мигунов многое сделал и на трудовом фронте: в сельскохозяйственном и промышленном производствах.

Инвалидам Отечественной войны полагалась помощь, как в предоставлении жилья, отопления, так и в снабжении продуктами питания и одеждой. Однако на самом деле все это было не настолько хорошо, как ожидалось.

Если посмотреть жалобы за 1944 г., то в Карымском, Шахтоминском, Быркинском и Улетовском районах многие инвалиды не получили часть продуктов по карточкам за

несколько месяцев. Имели место факты, когда инвалидам не оказывали помощь в ремонте квартир, в обеспечении топливом, одеждой и обувью. В Карымском районе инвалид II-й группы В. А. Колявкин, как отмечалось в документах, «живет в неотренированной квартире, не обеспечен топливом. Неоднократно обращался по этому поводу к начальнику 6 дистанции пути Забайкальской железной дороги Замураеву, три раза на костылях с ампутированной ногой ходил на расстояние 6 километров в районный центр Карымское, но необходимой помощи не получил». Только после вмешательства райвоенкома ему был подвезен один воз дров [1, л. 4].

В г. Сретенске инвалид I-й группы В. И. Бессонов (ослепший) болеет язвой желудка, «не имеет подсобного хозяйства, живет на пенсию и заработок старушки матери, нуждается в продуктах питания, одежде и обуви. Обращался в городские организации с просьбой устроить на работу жену, но помощь не получил. Из-за бездушного отношения заведующего торговым отделом Бессонов не получал даже положенного ему пайка» [Там же].

Подобные факты бездушно-бюрократического отношения к инвалидам Отечественной войны, как показывают проверки партийных органов и воспоминания инвалидов и членов их семей имели место во многих районах области, в том числе в Нерчинском, Читинском и Читинском сельском, Оловянинском и в областном центре – г. Чите.

Несмотря на имевшиеся недостатки, по большей части инвалидам Отечественной войны, как и членам их семей, наряду с семьями погибших на фронте и членам семей красноармейцев, оказывалась огромная помощь и поддержка. Они получали возможность переобучиться или получить образование, им помогали в устройстве на работу, они получали пенсии и пособия, материальную помощь, им помогали с квартирами и отоплением, продуктами питания, одеждой и обувью и многими др. вещами.

Источники и литература

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. П-3. Оп. 1. Д. 1991.
2. ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 66. Д. 403.
3. ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 66. Д. 420.
4. ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 66. Д. 1550.
5. ГАЗК. Ф. П-4307. Оп. 2. Д. 1131.

Информация об авторе

Золотарева Валентина Юрьевна – лаборант кафедры истории историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, e-mail: kcleo@mail.ru

Information about the author

Zolotareva Valentina Yu. – Laboratory assistant departments of history of the Faculty of History and Philology, Transbaikal State University, Chita, Russia, e-mail: kcleo@mail.ru

УДК 2-9(571.54)

**Материалы к истории религиозных процессов
в Бурятской АССР в начале 1960-х гг.**

Евгений Викторович Дроботушенко

*Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
e-mail: drzz@yandex.ru*

В статье приводятся различные данные, характеризующие религиозные процессы на территории Бурятской Автономной Советской Социалистической Республики в 1962 г. В основу исследования легли материалы отчетов уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по региону. Отмечается, что относительно рассматриваемого времени архивные хранилища дают относительно полную информационную картину по религиозной ситуации. Говорится о необходимости продолжения работы с источниками для восстановления наиболее полной истории религий на территории Бурятской АССР.

Ключевые слова: религия, религиозные процессы, религиозная ситуация, православие, старообрядчество, буддизм, Бурятская Автономная Советская Социалистическая Республика

**Materials on the History of Religious Processes
in the Buryat ASSR in the Early 1960s**

Evgeny V. Drobotushenko

*Transbaikal State University, Chita, Russia
e-mail: drzz@yandex.ru*

The article presents various statistical data characterizing religious processes on the territory of the Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic in 1962. The research is based on the materials of the reports of the Authorized Council for Religious Cults under the Council of Ministers of the USSR for the region. It is noted that, relative to the time under consideration, archival repositories provide a relatively complete information picture of the religious situation. It is said about the need to continue working with sources to restore the most complete history of religions on the territory of the Buryat ASSR.

Keywords: religion, religious processes, religious situation, Orthodoxy, Old Believers, Buddhism, Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic

История религий на территории современной Республики Бурятия в советское время нашла частичное отражение в исследовательской литературе. Относительно большое внимание уделено третьему – началу четвертого десятилетий XX в.

Наименее изученным в плане религиозных процессов на рассматриваемой территории стало послевоенное советское время. Очевидно, что это предопределено

отсутствием оценок религиозной ситуации в регионе современниками, отсутствием данных в различных статистических изданиях, малым количеством информации в архивных хранилищах. Причина этого в антирелигиозной, атеистической парадигме развития социальных процессов в СССР в целом. Отдельные факты нашли отражение в некоторых публикациях, однако общая картина воссоздана не была.

В то же время отдельные источники информации по проблематике исследования существуют. В данном конкретном случае – это документы Государственного архива Республики Бурятия, а именно, отчеты уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Бурятской АССР. Им в начале седьмого десятилетия XX в. Был Д. Б. Очиржапов. Он же, судя по всему, некоторое время был уполномоченным в регионе Совета по делам Русской Православной Церкви [6, с. 390].

Хронологические рамки исследования определены, с одной стороны, появлением данных единовременного учета, как зарегистрированных религиозных организаций, таки незарегистрированных сообществ, с другой, тем, что в 1962 г. Произошли некоторые изменения в учете официальной обрядности. Были введены квитанции об оплате обрядов, что, по мнению уполномоченного совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР, привело к более качественному учету доходов зарегистрированных религиозных организаций.

Цель данной статьи – в представлении широкой общественности малоизвестных фактов и количественных данных по истории религиозных процессов в Бурятской АССР в рассматриваемое время. Они дополняют имеющиеся данные по проблематике. Информация разнопланова. Нами сделана попытка привести её в определенной логической последовательности.

Одним из важнейших вопросов в 1962 г. стал вопрос о сокращении отчислений на счет Иркутской епархии Русской православной церкви части доходов Вознесенской церкви. Речь идет о Свято-Вознесенском храме г. Улан-Удэ, единственном на рассматриваемое время действующем культовом православном строении в регионе. Несмотря на попытку сокращения отчислений в итоге за год они составили 15,5 тыс. р., что уполномоченному Советов по делам религиозных культов и Русской православной Церкви представлялось значительной суммой [2, л. 4].

Тогда же появилось предложение уполномоченного Б. Д. Очиржапова ограничить централизованным порядком объемы производства свечей и снизить розничные цены на них. Это было предопределено тем, что основной доход Вознесенской церкви шел именно от продажи свечей. Также он пред-

ложил лишать пенсии тех пенсионеров, кто являлся «активистом церкви» [2, л. 6].

Здесь следует акцентировать внимание на двух моментах. Во-первых, предложенное Б. Д. Очиржаповым являлось прямым нарушением существовавшего в СССР законодательства о культах, а во-вторых, он говорил только об официальной православной церкви. В документах не встречаем замечаний о старообрядцах и буддистах, при том, что доходы буддистских религиозных организаций в советское послевоенное время всегда были больше, чем у православных. Однозначно ответить на вопрос, являлся ли озвученный подход проявлением двойных стандартов, на сегодня, к сожалению, нельзя. Возможно Б. Д. Очиржаповым двигали какие-то иные причины

В документах встречаем статистические данные по единовременному учету религиозных объединений. Приводятся они за 1962 г., хотя известно, что учет по стране проходил годом ранее и к декабрю 1962 г. В целом завершился [7, с. 18 и др.]. В то же время в отдельных публикациях встречаем данные о том, что в некоторых регионах, к примеру, в Алтайском крае, он проходил в 1962 г. [5, с. 235] Справедливости ради отметим, что в иных изданиях те же авторы приводят количественные данные по религиозным организациям на 1 января 1962 г., т. е. учет проводился в 1961 г. [4, с. 40]. Не вдаваясь в выяснение точного года единовременного учета религиозных организаций в Алтайском крае, но предположив, что он мог проходить в 1962 г. Позиционируем эти данные на Бурятскую Автономную Советскую Социалистическую Республику. Из документов известно, что работа в данном направлении в регионе началась в сентябре 1961 г. с рассылки в городские и районные исполнительные комитеты указания о проведение единовременного учёта за подписью председателя Совета Министров Бурятской АССР В. А. Сахьянова [1, л. 13].

На официальных бланках учета приводится информация по четырем районам Бурятской АССР и республиканскому центру – г. Улан-Удэ.

Зарегистрированные религиозные организации и незарегистрированные религиозные сообщества на территории Мухоршибирского района:

1) с. Новый Заган. Община старообрядцев беглопоповского согласия. Зареги-

стрирована 17 апреля 1952 г. Состояла из 20 чел. Имелась церковь, церковные книги, акт о передаче имущества религиозной организации. Службы вел священник. При общине был староста;

2) с. Шаралдай. Община православных в 20 чел. Помещения для служб, как и обслуживающего персонала не было. Службы велись под открытым небом, однако кто их вел не ясно;

3) с. Куготты. Община старообрядцев в 10 чел. Также отсутствовали помещения для служб, священник и обслуживающий персонал;

4) улус Хашур-Узур. Община буддистов в 45 чел. Службы под открытым небом и в домах верующих вел лама. Обслуживающего персонала, культовой постройки, помощников ламы не было.

Приведенные данные подтверждались подписью секретаря аймачного совета А. Щепиным [3, л. 2–5].

Аналогичную информацию встречаем по Бичурскому району:

1) с. Бичурское (Бичура). Община старообрядцев в 30 чел. Культового здания и имущества не было, однако был один уставщик и 5 начетчиков;

2) с. Окино-Ключи. Община старообрядцев в 7–10 чел. Службы велись в домах. Имущества не было, но был один уставщик;

3) с. Покровка. Община старообрядцев в 25 чел. Имущество не было, был один уставщик.

Информация подписана заместителем председателя исполнительного комитета Бичурского аймачного совета Е. Федотов [3, л. 7–9].

В Тарбагатайском районе, согласно официальной статистике, действовала всего одна незарегистрированная религиозная община старообрядцев в с. Загустай, за которой не числилось никакого имущества. В общине – 42 чел. [3, л. 19].

Больше всего религиозных сообществ, отмеченных в статистических данных, в 1962 г., было в Кяхтинском районе и его административном центре – г. Кяхта:

1) г. Кяхта. Община православных в 45–50 чел., зарегистрирована в 1945 г. Имелась церковь площадью в 350 кв. м., жилой дом. Был священник, служивший «за вознаграждение»;

2) улус Субуктуй. Община буддистов в 20–30 чел., имущества не было;

3) улус Большой. Община буддистов в 30 чел., имущества не было;

4) улус Саган-Чулутай (Цаган-Челутай), Община буддистов в 20–30 чел., имущества не было;

5) улус Энхэ-Тала, Община буддистов в 15–29 чел., имущества не было;

6) улус Табангут, Община буддистов в 25–30 чел., имущества не было.

Недействующее здание Троицкого собора Кяхты, закрытого в 1930-е г. не использовалось, стояло на учёте как памятник, можно было использовать для нужд культуры, сносу не подлежало.

При слободе было недействующее здание Воскресенской церкви, закрытой в 1932 г. Не использовалось, стояло на учёте как памятник архитектуры, можно было использовать для нужд культуры, сносу не подлежало.

Данные подписаны Председателем Кяхтинского аймачного совета депутатов трудящихся Н. Павловым [3, л. 11–18].

В г. Улан-Удэ наибольшей по числу верующих была буддистская религиозная организация с. Иволга в советском районе. Зарегистрирована в 1945 г. Имелось культовое здание, переданное религиозному сообществу местными властями. Из имущества числилось: 24 дома лам, два автомобиля «Волга», гостиница, три нежилых помещения, две войлочных юрты, гараж на две машины, баня. Службы вели 26 лам. При религиозной организации был казначей, завхоз, сторож, шофер, дворник и рабочий [Там же, л. 20].

Следует отметить, что, вполне вероятно, представленные данные были не полны. С одной стороны, местные власти могли знать далеко не обо всех незарегистрированных религиозных сообществах, с другой, могли замалчивать отдельные факты, чтобы не портить общей картины, подав информацию о значительном количестве религиозных общин.

С другой стороны, полнота данных по зарегистрированным религиозным организациям и незарегистрированным сообществам в официальных бланках, говорит о том, что местное руководство, как минимум, в отдельных случаях, старалось быть объективным.

Вызывает также вопрос отсутствие данным по иным районам Бурят-Монгольской АССР.

В мае-июне того же 1962 г. была проведена историко-этнографическая экспедиция

Бурятского комплексного научно-исследовательского института (БКНИИ)СО АН СССР. Ее целью было изучение религиозной ситуации в Тункинском районе Бурятской АССР. Проводилось изучение проявлений буддизма. Был проведен опрос представителей 966 семей, из которых с верующими оказалось 279. Были в районе представители, так называемой двурелигии, «буддисты-шаманисты» – 308 чел. Возраст верующих: старше 60 лет – 194 чел.; от 50 до 60 лет – 75 чел.; от 40 до 50 лет – 34 чел.; от 30 до 40 лет – 23 чел.; моложе 30 лет – 3 чел. В домах насчитало 94 «бурхана» (места поклонения с изображением Будды) и 14 иконостасов. Службы велись приезжавшими из Иволгинского дацана двумя ламами [2, л. 16].

В документах приводится информация о том, что делалось властями в плане антирелигиозной работы. В 1962 г. были заслушаны на бюро Обкома КПСС (несмотря на то, что речь идет о республике, в документах встречаем упоминание именно областных комитетов партии) отчеты Бичурского, Тункинского и Тарбагатайского райкомов КПСС о состоянии идеологической работы. Подробности не приводятся [Там же, л. 8]. В районах республики за год организовано 6 кружков по атеизму, в каких именно не уточняется [Там же, л. 9].

При вечернем Университете марксизма-ленинизма, судя по всему, в 1962 г. открыто отделение по подготовке кадров – атеистов. Планировалось обучение до 60 человек.

Таким образом, можно говорить о том, что количественные данные по религиозной ситуации в Бурятской АССР в 1962 г. представлены относительно полно. Они не дают возможности воссоздания целой картины религиозных процессов в регионе, однако в сравнении с иными годами достаточно информативны. Предопределено это, очевидно, проеденным в 1961 г. и частично в 1962 г., единовременного учета религиозных организаций в СССР.

Наиболее важной, на наш взгляд, является статистика по районам Бурятской АССР с приведением числа, как зарегистрированных религиозных организаций, так и незарегистрированных сообществ с количеством членов, информацией об имевшихся священнослужителях, имуществе. По иным периодам, на сегодня, таких данных не встречено.

Для воссоздания как можно более полной религиозной ситуации в Бурятской АССР с уточненными количественными данными в рассматриваемое время, да и по всему послевоенному советскому периоду, требуется дальнейшая работа с источниками.

Источники и литература

1. ГАРБ (Государственный архив Республики Бурятия). Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 21.
2. ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 31.
3. ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 32.
4. Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Некоторые особенности положения христианских общин Алтайского края в системе государственно-конфессиональных отношений СССР в 1953–1964 гг. // Религиоведение. 2015. № 1. С. 37–48.
5. Дашковский П. К., Зиберт Н. П. Особенности регистрации религиозных общин на территории Алтайского края в середине 1950-х – начале 1980-х гг. // Народы и религии Евразии. 2015. № 8. С. 230–241.
6. Злыгостева Ю. Г. Документы Национального архива Республики Бурятия по истории государственно-церковных взаимоотношений в середине 1940-х – 1980-е гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2011. С. 390.
7. Подгорный В. И. Правовое регулирование государственно-конфессиональных отношений в СССР (1943–1965): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Белгород: Белгород. гос. ун-т, 2008. 23 с.

Информация об авторе

Дроботушенко Евгений Викторович – кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, e-mail: DRZZ@yandex.ru

Information about the author

Drobotushenko Evgeni V. – Candidate of Historical Sciences, Docent, the Dean of the Faculty of History and Philology of the Transbaikal State University, Chita, Russia, e-mail: DRZZ@yandex.ru

УДК 351.814:378

Подготовка монгольских авиационных кадров в Иркутском авиационном техническом училище в 1960-е гг.

Олег Николаевич Астраханцев

*Иркутский филиал Московского государственного технического университета
гражданской авиации, г. Иркутск, Россия
e-mail: onastra@mail.ru*

В статье рассмотрен вопрос подготовки авиационных специалистов для монгольской народной республики в Иркутском авиационно-техническом училище в 1960-е гг., вопросы организации и осуществления учебного процесса, а также воспитательной работы. Приведены списки курсантов, по годам наборов, прошедших обучение в училище в рассматриваемые временные рамки. Выявлены проблемы, возникшие в ходе подготовки указанного контингента курсантов, и показаны способы их решения.

Ключевые слова: Монголия, Иркутск, авиация, курсанты, авиационный специалист

Mongolian Aviation Staff's Training at Irkutsk Aviation Technical School in 1960s

Oleg N. Astrakhantsev

*Moscow State Technical University of Civil Aviation (Irkutsk Branch), Irkutsk, Russia
e-mail: onastra@mail.ru*

The paper considers how aircraft specialists for the Mongolian People's Republic were trained at Irkutsk Aviation Technical School in 1960s. The issues of organizing and conducting training as well as educational work have been considered. The paper contains the lists of cadets, over enrollment years, who studied at the School during the period under review. The problems that arose while training the cadets have been revealed and the ways of dealing with them have been shown.

Keywords: Mongolia, Irkutsk, aviation, cadets, aviation, specialist

1 сентября 1960 г., в Иркутском авиационном техническом училище (ИАТУ) началась подготовка курсантов прибывших из Монгольской Народной Республики (МНР), будущих авиационных специалистов монгольской авиации. Первая группа курсантов состояла из 12 человек. Первый набор 1960–1963 гг. (выпуск 1963 г.): 1) Хурел Чулуул; 2) Насанхуу Гончигсурэн; 3) Дашням Болдбаатар; 4) Норжмаа Чулуумбат; 5) Дагва Алхбаатар; 6) Цэнд Томорбаатар; 7) Банди Тумэнжаргал; 8) Юнден Шижир; 9) Лут Мэндбаяр; 10) Раднаа Мижиддорж; 11) Санж Мягмар; 12) Жамбал Худэрчуун. Уровень образования у них был не высоким, только двое из них имели образование в объеме 10 классов средней школы. У остальных он составлял 8–9 классов.

План подготовки будущих авиационных техников включал в себя программу по самолетам Ил-14 и Ан-2. Кроме того, курсантам предстояло ознакомиться с основными сведениями по самолету Ту-104. Сделать это было не просто, так как монгольские курсанты плохо знали русский язык, а обучать их предстояло без переводчиков.

Учебная работа в 1960–1961 учебном году проводилась в соответствии с утвержденными учебными планами: на 3-м курсе по плану 1958 г., на 2-м и 1-м курсах по новому учебному плану 1959 г. Группа курсантов из МНР училась по отдельному учебному плану.

Учебными программами училище было обеспечено по всем видам подготовки. По предметам учебных планов имелись программы направленные училищу из Управления Учебными Заведениями Главного Управления Гражданского Воздушного Флота (УУЗ ГУ ГВФ). Для группы граждан МНР и по учебно-производственным практикам программы были разработаны учебным отделом училища. Общее количество учебных часов по учебным планам составляло 30 172 часа. Фактически в 1960–1961 учебном году было выполнено 30 162 часа [3, л. 204]. На первом курсе курсанты изучали такие дисциплины как: «история КПСС (материалы XXII съезда КПСС)» – 160 аудиторных часов, «математика» – 220 ч, «черчение» – 148 ч, «электротехника» – 128 ч, «материаловедение» – 128 ч, «теоретиче-

ская механика» – 92 ч, «сопротивление материалов» – 72 ч, «аэродинамика» – 118 ч, «теория авиационных двигателей» – 72 ч, «русский язык» – 150 ч, «физическая подготовка» – 68 ч, «технологическая практика» – 169 часов практических занятий [2, с. 151].

В целях улучшения качества учебной деятельности, в училище активно велась методическая работа. Постоянно проводились методические занятия с преподавательским составом, совещания, методические конференции и т. п. На этих мероприятиях рассматривались, в том числе, и вопросы, связанные с организацией учебной работы с гражданами МНР. Это давало положительные результаты.

В 1962 г. в училище прибыла вторая группа курсантов из МНР в количестве 7 человек. Второй набор 1961–1964 гг. (выпуск 1964 г.): 1) Давагдорж Бавву; 2) Шарав Батзориг; 3) Дорж Бямбасурен; 4) Базаргур Ганболд; 5) Ламаа Генджсанжаа 6) Жамьян Даржналам; 7) Чойжамс Дашбалжинням. По уровню подготовки они мало чем отличались от предыдущего набора.

С учетом полученного годового опыта подготовки монгольских курсантов, с новым набором сразу же приступили к изучению всех предметов и одновременно к совершенствованию разговорного русского языка, который вела в этой группе преподаватель Стояновская. Учебный материал, для курсантов их МНР, излагался в темпе, доступном для конспектирования, сложные слова записывались на доске, предложения строились короткие и простые [1, с. 252, 253].

Курсанты первого набора, в 1962 г перешли на 2 курс обучения, где им предстояло изучить уже новые дисциплины: «политическая экономика» – 102 ч, «детали машин» – 114 ч, «материальная часть двигателей» – 166 ч, «материальная часть самолетов» – 214 ч, «техническая эксплуатация» – 176 ч, «ремонт самолетов и двигателей» – 38 ч, «аэродинамика и общая конструкция» – 74 ч, «экономика гражданского воздушного флота» – 36 ч, «моторная практика» – 133 ч, «самолетно-эксплуатационная практика» – 175 ч и др. [2, с. 150]. Как видно из приведенной информации, доля общеобразовательных дисциплин на 2-м курсе уменьшилась, а доля специально-технических наоборот увеличилась. На третьем курсе общеобразовательных дисциплин в учебном плане практически не осталось их вытеснили

специально-технические дисциплины и различного рода практики. Это вызывало определенные трудности у курсантов, чей общеобразовательный уровень знаний был не высок, поскольку изучать специальные технические дисциплины без достаточных знаний, например, по математике, физике или черчению довольно затруднительно.

Несмотря на все сложности, в 1963 г. состоялся первый выпуск монгольских авиационных специалистов. Два курсанта, из числа выпускников, окончили училище с отличием.

В первый семестр 1963–1964 учебного года с группой курсантов из МНР проводились классные занятия по предметам учебного плана и самолетно-эксплуатационная практика на учебном аэродроме училища по изучаемой авиационной технике – самолеты Ил-14, Ан-2 и вертолет Ми-4.

В зимнюю экзаменационную сессию, были проведены семестровые экзамены по предметам указанным в учебном плане. С 10 января 1964 г., после предоставленного каникулярного отпуска, курсанты из МНР были направлены на производственную практику. Они проходили ее частично на заводах № 403 гражданской авиации (ГА) по вертолету Ми-4, а затем в эксплуатационных подразделениях летно-эксплуатационных ремонтных мастерских Иркутского Восточно-Сибирского Управления ГА уже на самолетах Ил-14 и в 190 авиационном отряде на самолетах Ан-2.

С 4 по 28 мая 1964 г. с курсантами проводились дополнительные занятия по повторению и углублению знаний и закрепление практических навыков комплексного обслуживания авиационной техники на учебном аэродроме училища.

В процессе обучения на 3-м курсе курсанты из МНР показали вполне удовлетворительное отношение к учебе и практической подготовке. Особенно хорошо проявила себя эта группа на производственной практике в подразделениях гражданской авиации. Порученные работы курсанты-монголы выполняли с интересом, активно и полностью выполняли все требования трудовой дисциплины. В 1964 г. в училище поступили шесть человек из МНР. Третий набор 1964–1967 гг. (выпуск 1967 г.): 1) Пагма-Сурен Эрдэне – Очиру; 2) Мягмаржав Мунххарголун; 3) Базарханд Зориг; 4) Даваа Октябрь; 5) Молон Цурзадагва; 6) Баасанжав Бор.

В 1966 г. в Иркутское авиационно-техническое училище поступила группа курсантов-граждан МНР в количестве всего двух человек. Четвертый набор 1966–1969 гг. (выпуск 1969 г.): 1) Зоноровын Сухэ; 2) Шарын Бурэнтугс.

В 1969 г. из Сасовского летного училища в ИАТУ по распоряжению начальника Управления учебных заведений были направлены четверо курсантов-монголов. «Согласно телефонного указания начальника УУЗ МГА тов. Ассовского Н. Н. от 23.09.1969 г. направляются на обучение граждане Монгольской Народной Республики Дамдиндорж Батсуур, Дамдин Туяат, Самдангийн Цаганчулун, Намсрайжавын Алтанебуу, признанные не годными по состоянию здоровья к летному обучению» [3, л. 214]. Пятый набор 1969–1972 гг. (выпуск 1972 г.): 1) Дамдиндоржийн Батсуурь; 2) Самдангийн Цаганчулун; 3) Дамдин Таяат – училище не окончил; 4) Намсрайжав Алтанэмбуу – училище не окончил.

В списке выпускников 1972 г. остались только двое, двое других были отправлены в Кировоградскую школу высшей летной подготовки для обучения по специальности – «Диспетчер службы движения самолетов».

Подобное случалось и с юношами нашей страны, когда по состоянию здоровья

они переводились в наземную службу. Однако немало примеров, когда авиатехник переучивался на борттехника или бортиженера, некоторые из выпускников становились командирами самолетов Ан-2, Ан-24 и Ту-154.

Кроме учебной работы, активно велась и воспитательная деятельность. В работе с курсантами из МНР использовались такие формы воспитания как лекционная пропаганда, информирование на классных часах, индивидуальные беседы, посещение исторического музея и историко-революционных мест и памятников г. Иркутска, экскурсии на предприятия гражданской авиации. Монгольские курсанты участвовали во всех мероприятиях, творческих вечерах, конференциях, встречах и т. п.

Весь этот комплекс учебно-воспитательной работы давал возможность сотрудникам Иркутского училища осуществлять достойную подготовку высококвалифицированных авиационных кадров. Сотрудничество училища с МНР в дальнейшем продолжалось еще и 1970-е гг. Всего, за все время этого сотрудничества было осуществлено 11 выпусков курсантов. Было подготовлено 69 авиационных специалистов.

Источники и литература

1. Журавлев И. М. Далекое и близкое: очерки полувекового пути Иркутского авиационно-технического училища (1947–1997 гг.). Иркутск: Изд-во ИргТУ, 1998. 304 с.
2. Текущий архив ИФ МГТУ ГА (Текущий архив Иркутского филиала Московского государственного технического университета гражданской авиации) // Иркутское авиатехническое училище ГА. Отчет о работе ИАТУ за 1963–1964 гг.
3. Текущий архив ИФ МГТУ ГА / Иркутское авиатехническое училище ГА. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хранения № 27 (по описи). № 10 (по номенклатуре делопроизводственный). Отчеты учебной части (годовые). Т. 3. 07.08.1957 – 22.07.1964 гг.

Информация об авторе

Астраханцев Олег Николаевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-политических дисциплин, Иркутский филиал Московского государственного технического университета гражданской авиации, г. Иркутск, Россия, e-mail: onastra@mail.ru

Information about the author

Astrakhansev Oleg N. – Doctor of Historical Sciences, Docent, Head of the Department of Social and Political Disciplines, Moscow State Technical University of Civil Aviation (Irkutsk Branch), Irkutsk, Russia, e-mail: onastra@mail.ru

УДК 94:908(571.55)

Старый большевик Василий Соколов: забайкальские страницы жизни

Алексей Владимирович Мясников¹, Галина Васильевна Мясникова²

¹ Издательство «Вокруг света», г. Москва, Россия

² Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

¹ e-mail: avmyasnikov1980@yandex.ru, ² e-mail: chita131957@yandex.ru

В статье на основе ранее не опубликованных материалов Российского государственного архива литературы и искусства публикуются сведения о жизни и деятельности в Забайкалье революционного писателя и публициста Василия Николаевича Соколова. Показана его роль в установлении Советской власти в Забайкалье, исследовании края, а также упоминаются его неопубликованные исторические работы, мемуары, которые представляют значительный интерес.

Ключевые слова: Василий Николаевич Соколов, большевики в Забайкалье, Октябрьская революция, установление Советской власти

The Old Bolshevik Vasily Sokolov: Transbaikal Pages of Life

Alexey V. Myasnikov¹, Galina V. Myasnikova²

¹ Editorial board of the website "Around the World", Moscow, Russia

² Transbaikal State University, Chita, Russia

¹ e-mail: avmyasnikov1980@yandex.ru, ² e-mail: chita131957@yandex.ru

Information about the life and work in Transbaikalia of the revolutionary writer and publicist Vasily Nikolaevich Sokolov is published in the article based on previously unpublished materials of the Russian State Archive of Literature and Art. The author of the article describes his role in the establishment of Soviet power in Transbaikalia, the study of the region. Sokolov's unpublished historical works, memoirs, which are of considerable interest, are also mentioned in this article.

Keywords: Vasily Nikolaevich Sokolov, the Bolsheviks in Transbaikalia, October Revolution, the Establishment of Soviet Power

Бывает, что человек, приехав издалека в какой-либо край, за несколько лет успевает сделать для него столько, что многие местные жители не сделали и за всю жизнь. Именно таким человеком был для Забайкалья Василий Николаевич Соколов – революционер, публицист, писатель, о котором забайкальцы, к сожалению, почти ничего не знают.

Он родился в 1874 г. в Костроме. Его отец, выходец из крестьян, работал в пожарной команде, мать тоже из крестьян, трудилась на ткацкой фабрике, стирала белье. Зарплаты супругов едва хватало, чтобы прокормить пятерых детей: «Жили в подвале в одну комнату и с одним окном. По стенам стекали ручьи, и вереницами ползали мокрицы, а за печкой шуршали черные тараканы» [7, л. 2].

С детства Василий пристрастился к чтению, во время учебы в городском училище познакомился с революционно настроенными студентами и семинаристами, постепенно стал распространять нелегальную литературу, пропагандировать революционные идеи среди рабочих, писать статьи на зло-

бодневные темы. В 1898 г. вступил в ряды РСДРП и быстро попал в поле зрения жандармов. С 1903 г. находился на нелегальном положении, в 1905 г. был одним из организаторов легендарной подпольной типографии РСДРП на Лесной улице в Москве, участвовал в вооруженном восстании. В 1905 г. попал в Бутырскую тюрьму, после чего был выслан в Енисейскую губернию.

Сотрудничал с сибирскими газетами, в 1913 г. переехал в Красноярск, где хотел устроиться на работу статистиком. В статистике он видел не набор цифр и фактов, а «непосредственную запись живых явлений», путь к «живым общественным выводам» [2, с. 365]. Однако местные власти и работодатели с подозрением смотрели на приезжего ссыльного, не хотели давать ему работу. Тогда Соколову удалось договориться о поездке в Забайкалье для статистического обследования крестьянских волостей и бурятских аймаков.

В 1914 г. в Чите Василий Николаевич работал в статистическом отделе областного переселенческого управления, заведовал статистическими работами, сам неоднократно

но выезжал для сбора материала в поле. Во время поездок восхищался забайкальской природой, беседовал с людьми, собирал сведения об истории и быте края. Впечатления, полученные в ходе поездок послужили позднее основой для рассказов и очерков.

В очерках Соколова живописные образы Даурии служили сценой для сложных житейских проблем, противостояний, споров, угнетения бедноты. К примеру, в очерке «Забайкальская швейцария» он приводит предание о том, что когда-то давно комиссар Игумнов забрал себе лучшие пади по Чикою, крестил бурят и заставлял их жить рядом с собой и работать на него. Соколов сожалел, что не имеет возможности собрать все подобные предания, в которых он видел источники для изучения «зарождения крепостного начала» в Сибири [3, л. 58].

Характеризуя свою полевую работу, Василий Николаевич называл себя профессиональным собирателем не только местных типичностей, но и особенностей [4, л. 51]. В печати он нередко публиковался под псевдонимами Мих. Садко, М. Садовский, В. Миронов, А. Васильев.

Одновременно со статистическими исследованиями, сбором информации о жизни забайкальского крестьянства, Соколов занимался общественной работой в Забайкальском союзе кооператоров и рабочем кооперативе «Трудовой союз», который базировался на Дальнем вокзале. При этих организациях сформировалось небольшое социал-демократическое ядро, куда, помимо самого Соколова вошли ссыльный забайкалец Н. К. Сенотрусов, рабочие Перевозчиков и Цыбин.

Кроме того, он был организатором и фактическим редактором журнала «Наше дело», газет «Восточная Сибирь» и «Забайкальское обозрение», которым стремился придать социал-демократическую и антивоенную направленность. В них публиковались статьи, содержавшие призывы к борьбе с самодержавием, прекращению империалистической войны и заключению мира без аннексий и контрибуций.

В 1916 г. Василий Николаевич принял участие в организации и проведении Всероссийской переписи населения в Забайкалье, а также выступил на заседании Читинского отделения Общества изучения Сибири с важным докладом «Экономические пер-

спективы Забайкалья», в котором обосновал, что будущее края за горнодобывающей отраслью.

В том же году его в очередной раз арестовали – за антивоенные высказывания – и заключили в Читинскую тюрьму.

После февральской революции Соколов бросился в пучину политической борьбы: вошел в Читинский комитет РСДРП, городскую думу, Читинский Совет рабочих и солдатских депутатов. Участие в большом количестве организаций объяснял тем, что «Нас (большевиков – прим. А. М., Г. М.) было мало. Поэтому мы старались быть везде. И если не могли где что-либо провести или сделать, то на худой конец, всегда были информированы» [5, л. 29].

Читинский комитет РСДРП, сформировавшийся практически сразу после первых вестей о революции поднял вопрос об издании своей газеты. Соколов участвовал в возрождении главного местного издания партии – газеты «Забайкальский рабочий». Вот, как он вспоминал об этом судьбоносном деле: «Сразу же после легализации встал вопрос и о партийной газете. Кой какие средства собрали обычным тогда путем – пожертвованиями и подпиской. И удачно (по случаю) приобрели в собственность небольшую типографию в Нерчинске на векселя – с растяжкой уплаты в течение года. Быстро перебрали ее в Читку.

И «Забайкальский рабочий» (ежедневная) чуть ли не с первого же дня стал на прочную техническую основу. В дальнейшем, для покрытия векселей не раз приходилось собирать средства с рабочих. И они всегда охотно делали это – даже не состоявшие в нашей партии» [Там же, л. 14].

Василий Николаевич хотя и входил в редколлегия газет, отвечал за передовые статьи, но не мог полностью повлиять ее содержание – сказывались противоречия и борьба с меньшевиками, которые имели большинство в комитете. Его возмутило, что меньшевики не пропустили несколько большевистских статей против июньского наступления русской армии. Тогда он высказался против войны на заседании Городской Думы, чем вызвал негодование меньшевиков.

После раскола с ними он возглавил Читинский комитет РСДРП(б), объединенный с социал-демократами – интернационалистами. Таким образом, Соколов стал признанным лидером читинских большевиков.

Известия об Октябрьской революции встретил с радостью, однако, по его воспоминаниям, первая информация об установлении Советской власти была отрывочной, сомнительной. В Городской Думе состоялось общее собрание всех общественных организаций, в котором приняли участие и читинские большевики. На мероприятии царила сумятица, эсеры утверждали, что скоро вернется Керенский, восстановится власть Временного Правительства. Но рабочие и большевики не поверили этим заявлениям.

Будучи большевиком, Соколов не мог не хотеть установления Советской власти в Забайкалье, но признавал, что время для этого еще не пришло. Большевики под его руководством вошли в коалиционный орган власти – Народный совет, который получил от него нелестную характеристику – «кулачко-эсеро-меньшевитский ублюдок» [6, л. 7]. Участие в совете обосновывалось тем, что «не следует отдавать рабочую курию меньшевикам и эсерам – чтобы не дать им повода завтра же с торжеством объявить: «Смотрите – большевики утрачивают доверие рабочих! Ленинский авантюризм снимается с повестки дня!» [Там же, л. 8].

17 января 1918 г. Соколову удалось предотвратить кровопролитие между рабочими железнодорожных мастерских Читы и контрреволюционно настроенными казаками 1-го Читинского полка, возвращавшимися с фронта. Стороны готовы были стрелять друг в друга. Соколов, понимая, что в столкновении с казаками, имеющими боевой опыт, не обученные рабочие дружины и неокрепшая Красная гвардия потерпят поражение, организовал митинг, куда были приглашены представители от казаков. В итоге конфликт был сглажен и казачий эшелон без стрельбы въехал в Читю. Правда, на следующий день 1 Читинский полк попытался разоружить красногвардейцев, участвовал в обысках, проверках, что вызвало сопротивление рабочих.

По словам Соколова, после этих событий к нему в Совет солдатских и народных депутатов пришли уполномоченные штаба революционной казачьей дивизии во главе с большевиком Степаном Сидоровичем Киргизовым, и сказали, что пришли обсудить вопрос установления Советской власти. В ходе беседы был намечен план переворота и состав областного правительства, председателем которого должен был стать Соколов.

16 февраля казаки 2-го Читинского полка вошли в Читю, арестовали офицеров-белогвардейцев, заняли здания административных учреждений. Вечером уполномоченный революционного штаба Киргизов объявил решение казачьих частей о роспуске Народного совета.

Тот вечер описан в мемуарах Соколова: «Президиум Нар Совета пытался сослаться на представительное начало: казацки, мол, части не представляют собой не только населения области, но и большинства казачества. Но уполномоченный заявил, что он больше ничего сказать не имеет. Повернулся и ушел. Распущенный парламент остался в недоуменном молчании, сильно напоминавшем последнюю сцену гоголевского «Ревизора».

Представитель Рабочей партии декларировал приветствие к перевороту. И заявил о выходе рабочей группы из Нар Совета и участии ее в организации Советской власти.

Вечером мы отправили телеграмму в Петроград – 2 адреса: Исполкому Совдепов и Председателю Совнаркома Ленину – об установлении в Забайкалье Советской власти. При этом, когда дело дошло до моей подписи, то оказалось странным и похожим на шарлатанство именовать себя «предсовнаркома», т. е. званием, которое принадлежало лишь Ленину и никому иному. И я подписал телеграмму, как «председатель советских организаций» – звание несуществующее и даже способное ввести в заблуждение» [6, л. 12, 13].

Так, бескровно в Чите была установлена Советская власть. Соколов занялся организацией армии, кадровыми вопросами, национализацией банков. 24 марта 1918 г. он выступил на III Забайкальском областном съезде Советов рабочих, крестьянских, казачьих и бурятских депутатов с докладом «Об организации власти и отношении к земству», в котором призвал признать власть Совета Народных комиссаров на территории Забайкалья. Съезд принял его резолюцию, провозглашавшую установление Советской власти в Забайкальской области [1, с. 62].

Вскоре Соколова вызвали в Москву по делам организации Красной армии на местах. Он хотел вернуться в Забайкалье, но вспыхнувшая гражданская война и поручения правительства заставили поменять планы. В столице Василий Николаевич за-

ведовал статистико-экономическим отделом Наркомпрода и фабрично-заводской статистикой ВСНХ. В 1920–1922 гг. был членом Сибревкома и уполномоченным Наркомзема по Сибири, продолжал публиковаться в сибирских изданиях. Составил сибирский проект НЭПА, одобренный Лениным накануне X съезда ВКП(б). Позднее работал председателем издательства «Новая деревня», членом редколлегий «Правды», издательств «Старый большевик», «Каторга и ссылка», ректором Московского зоотехнического института. В 1934 г. вышел на заслуженный отдых, был персональным пенсионером Союзного значения, членом Союза советских писателей.

Незадолго до пенсии Василий Николаевич обратился к воспоминаниям, написал автобиографическую книгу «Партбилет № 0046340. Записки старого большевика». Она завершалась на переезде в Забайкалье. Бывший председатель забайкальского Народного совета М. А. Ваксберг, прочитав ее, заинтересовался у автора, собирается ли он писать мемуары о работе в Чите. Соколов ответил, что пока ему не до мемуаров [8, л. 35].

Но, похоже, что все-таки в мыслях он не раз возвращался в Забайкалье, в Читу, где провел четыре насыщенных событиями года, встретил Великий Октябрь, немало сделал для установления Советской власти. Не раз доводилось ему задумываться

и о своих предшественниках – декабристах, многие из которых отбывали наказание именно в Забайкалье. Возможно, отчасти поэтому в 1946 г. он выпустил книгу «Декабристы в Сибири», в которой немало внимания уделил их пребыванию за Байкалом. В 1950 г. по договору с Читинским областным книжным издательством подготовил книгу «Декабристы в Забайкалье». Однако, она не увидела свет из-за конфликта автора с редакцией издательства.

По разным причинам оказались неопубликованными и другие рукописи Соколова, повествующие о революционной Чите. Их можно определить как мемуары с элементами исследования. В очерках «Февраль за Байкалом», «Октябрь за Байкалом», и работе «Забайкальская парторганизация в 1917 году» он писал не только и не столько о себе, сколько о соратниках, современниках, политической борьбе, судьбоносных решениях и причинах их принятия. Конечно, в этих, как и многих других мемуарах есть неточности, сюжеты, требующие пояснений, комментариев. Зато они представляют огромный интерес, как свидетельства очевидца и участника важнейших исторических событий истории нашего края.

Василий Николаевич Соколов прожил долгую и весьма интересную жизнь. Он скончался в 1959 г. в Москве, оставив после себя богатое рукописное наследие, которое еще предстоит опубликовать.

Источники и литература

1. Василевский В. И. Борьба за Советскую власть в Забайкалье. Иркутск, Восточно-Сибирское книжн. изд-во, 1979. 144 с.
2. Партбилет № 0046340. Записки старого большевика. М.: Старый большевик, 1932. 251 с.
3. РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства). Ф. 1361. Оп. 1. Д. 21.
4. РГАЛИ. Ф. 1361. Оп. 3. Д. 27.
5. РГАЛИ. Ф. 1361. Оп. 3. Д. 77.
6. РГАЛИ. Ф. 1361. Оп. 3. Д. 78.
7. РГАЛИ. Ф. 1361. Оп. 3. Д. 82.
8. РГАЛИ. Ф. 1361. Оп. 3. Д. 143.

Информация об авторе

Мясников Алексей Владимирович – корреспондент, издательство «Вокруг света», г. Москва, Россия, e-mail: avmyasnikov1980@yandex.ru

Мясникова Галина Васильевна – старший преподаватель кафедры истории историко-филологического университета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, e-mail: chita131957@yandex.ru

Information about the author

Myasnikov Alexey V. – Correspondent, Editorial Board of the Website “Around the World”, Moscow, Russia, e-mail: avmyasnikov1980@yandex.ru

Myasnikova Galina V. – Senior Lecturer of the Department of History of the Faculty of History and Philology, Transbaikal State University, Chita, Russia, e-mail: chita131957@yandex.ru

УДК 355:908(571.55)

Забайкальский военный округ в военных конфликтах на востоке СССР

Захар Дмитриевич Кириллов

*Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
e-mail: ezahar199712@yandex.ru*

Статья посвящена формированию Забайкальского военного округа в ответ на японскую и китайскую угрозу. Анализируется период с 1929 по 1989 г., который охватывает период формирования Особой Краснознаменной Дальневосточной армии и создания на ее базе Забайкальского военного округа второго формирования, а также период создания Забайкальского фронта и реформирования его в новый Забайкальский военный округ. Рассматривается участие войск округа в конфликтах на Китайско-Восточной железной дороге, боях на оз. Хасан и р. Халхин-Гол, в советско-японской войне 1945 г. и конфликте на острове Дамском в 1969 г.

Ключевые слова: армия, военный округ, Забайкалье, Манчжурия, Монголия, Китайско-Восточная железная дорога, Хасан, Халхин-Гол

Transbaikal Military District in Military Conflicts in the East of the USSR

Zakhar D. Kirillov

*Transbaikal State University, Chita, Russia
e-mail: zahar199712@yandex.ru*

The article is devoted to the formation of the Transbaikal Military District in response to the Japanese and Chinese threat. The period from 1929 to 1989 is taken, which covers the period of the formation of the Special Red Banner Far Eastern Army and the creation of the Transbaikal Military District of the second formation on its basis, as well as the period of the creation of the Transbaikal Front and its reformation into a new Transbaikal military District. The participation of the district's troops in the conflict on the Sino-Eastern Railway, the battles on the lake is also being considered Hassan and r. Khalkhin-Gol, Soviet-Japanese War of 1945 and the conflict on the island of Damsky in 1969.

Keywords: Army, Military District, Transbaikalia, Manchuria, Mongolia, China-Eastern Railway, Khasan, Khalkhin-Gol

После окончания Гражданской войны на Дальнем Востоке и иностранной интервенции сложилась странная ситуация, войск для охраны восточных границ РСФСР практически не было. Экономически, первое социалистическое государство, содержать большую армию не могло. По причине разрушения промышленности после Гражданской войны, произошло резкое сокращение вооружённых сил, но события 1920-х гг. стали причиной создания военных округов по всей стране. На тот момент времени главным врагом считалась Польша и Великобритания, после неудачной войны 1920 г. основные силы Красной Армии находилась на западных рубежах страны, но обстановка в Китае, заставила срочно искать силы для охраны дальневосточных границ. В 1929 г. была создана Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (ОКДВА). Красная армия смогла собрать только 19 тыс. чел., а группировка противника равнялась 300 тыс. чел. [6, с. 96]. Но стоит отметить, что для поддержки немногочислен-

ных войск была переброшена новейшая на тот момент техника: первый советский танк МС-1 или Т-18, первый советский самолет Р-1 (рис. 1). Данная техника должна была примерно уравнивать шансы.

События 12 октября – 22 декабря 1929 г. показали, что на дальневосточных границах СССР нужно увеличивать численность и состав вооружённых сил. В 1933 г. Япония начинает вторжение в Манчжурию, на границах появился новый противник, который хорошо вооружен, обучен, и очень хорошо мотивирован. Понимая всю ситуацию 17 мая 1935 г. приказом Наркома обороны СССР на базе Забайкальской группы Особой Краснознаменной Дальневосточной армии был образован Забайкальский военный округ 2-го формирования, который включал и территорию Восточно-Сибирского края и Якутской АССР.

Сама идея военных округов не нова, но у нас они появились только в результате реформ военного министра Российской империи Д. А. Милютин в 1867 г. и показали

свою эффективность в разделении обязанностей армии. Военные округа создавались в результате того, что армии стали массовы-

ми, а срок службы был снижен с 25 лет до 3–4 лет, что создавало большой мобилизационный резерв в случае войны.

Рис. 1. Самолёты Р-1 19-го авиационного отряда «Дальневосточный Ультиматум», 1929 г. [6, с. 127]

В предвоенные годы войска ЗаБВО участвовали в разгроме Японской императорской армии и войск Маньчжоу-Го, марионеточного правительства Китая под правлением последнего китайского императора династии Цинь Пу И, пытавшихся вторгнуться в пределы СССР у оз. Хасан в период с 29 июля – 11 августа 1938 г., а также в пределах границ Монгольской народной республики у р. Халхин-Гол в 1939 г.

Это были крупные предвоенные пограничные конфликты (рис. 2). Примечательность данных столкновений заключается в том, что стороны конфликта не объявили друг другу войну, и происходили спонтанно. Об ожесточённость боев на р. Халхин-Гол говорит тот факт, что шли они с 11 мая по 16 сентября, а потери обеих сторон составил 20–60 тыс. человек за пять месяцев боев [2, с. 148].

Рис. 2. Советские танки серии БТ перед атакой на японские позиции. Халхин-Гол 1939 г. [3, с. 64]

После нападения немецкой войск и их союзников на СССР, войска ЗаБВО были подняты по тревоге, 93 Восточно-Сибирская и 94 стрелковая дивизия были выдвинуты на маньчжурскую границу для отражения возможного нападения Японии на границы СССР. С сентября 1941 г. по январь 1945 г. Забайкальский фронт направил на советские фронты в Европу около 300 000 чел., 1 440 танков и 2 230 орудий.

1 ноября 1941 г. в состав фронта вошли 17-я армия с 36-й и 57-й мотострелковыми дивизиями и 61-й танковой дивизией, а также четыре авиационные дивизии (две истребительные, одна бомбардировочная и 84-я смешанная авиационные дивизии), 36-я армия с 94-й стрелковой дивизией, 210-я стрелковая дивизия, 51-я кавалерийская дивизия и 31-й и 32-й укрепленные районы, 111-я танковая дивизия, два отдельных танковых батальона и 89-я штурмовая авиационная дивизия. В состав войск фронта входила 209-я стрелковая дивизия [5, с. 431]. Часть дивизий остались для прикрытия государственной границы.

На 1 мая 1945 г. в состав фронта вошли 17-я армия с 85-м стрелковым корпусом (36-я и 57-я мотострелковые дивизии), 284-я стрелковая дивизия, еще одна стрел-

ковая часть, значительное количество артиллерийских подразделений, 61-я танковая дивизия, 36-я армия с 86-м стрелковым корпусом (94-я и 298-я стрелковые дивизии), 209-я, 210-я, 278-я стрелковые дивизии, и 31-й укрепрайон, и 2-й стрелковый корпус (103-я, 275-я, 292-я стрелковые дивизии) плюс на уровне фронта 293-я стрелковая дивизия, 59-я кавалерийская дивизия и другие части [1, с. 96].

Армии и корпуса фронта под командованием Р. Я. Малиновского участвовали в советском вторжении в Маньчжурию в августе 1945 г., разгромив Квантунскую армию Императорской армии Японии. Бои продолжались всего около недели, когда император Японии Хирохито прочитал 15 августа «Гёкуон-хосо» и объявил о прекращении огня в регионе уже 16 августа. К тому времени советские войска уже проникали вглубь Маньчжоу-Го, они продолжили свое в основном безальтернативное продвижение достигнув Мукдена, Чанчуня и Цицикара к 20 августа. В то же время Мэнцзян был захвачен Красной Армией и монгольской народной армией, и Гуйхуа был быстро взят. Император Маньчжоу-Го (и бывший император Китая) Пу И был захвачен Советской Красной Армией и отправлен в г. Читу [3, с. 212].

Рис. 3. Пограничники 1-й погранзаставы, принимавшие участие в боях 2 и 15 марта на Даманском [4, с. 246]

Конфликт 1969 г. стал новой проверкой на прочность сил ЗаБВО. 2 марта 1969 г. группа войск Народно-освободительной армии устроила засаду на советских пограничников на острове Дамаском или Чжэньбао как его называют китайцы. Согласно китайским источникам, Советы потеряли 58 чел. убитыми, в том числе старшим полковником, и 94 ранеными (рис. 3). Китайские потери составили 29 чел. Согласно советским (а теперь и российским) источникам, по меньшей мере 248 китайских военнослужащих были убиты на острове и на замерзшей реке, 20 и 32 советских пограничника были убиты, 14 ранены [4, с. 217].

Данный инцидент привел к тому, что войска Забайкальского и Дальневосточного военного округа были усилены, численность их росла и достигла своего пика в 1989 г. После этого начинался кризис в вооружённых силах СССР, связанных в первую очередь с политическими и экономическими проблемами государства и численность войск постепенно уменьшалась.

Военный округ, созданный для охраны границы СССР, успешно выполнял свою задачу на протяжении 76 лет. Граница на Дальнем Востоке всегда была беспокойна, а специфика географического, этнического и расового разнообразия, а также мировоззрения накладывали свои отпечатки на действия военной соединении, генштаба, а также руководства СССР.

Военные конфликты XX в. показали, как менялась армия. Каждый конфликт превозносил что-то новое, не только в плане применения новейшего на тот момент вооружения, но и военной тактике. Первая мировая война показала, что ключевым факторам победы в будущих войнах будет экономическое и идеологическое могущество государства. Именно поэтому РККА и Советская Армия была идеологически мотивирована, за что отвечал большой состав политработников. Задача государства и ее экономики – материально обеспечить вооружённые силы. Задача военных округов – обеспечение безопасности территории.

Источники и литература

1. Жданов С. А. Пограничники Забайкалья накануне и в годы Великой Отечественной войны. Иркутск: Оттиск, 2015. 192 с
2. История второй мировой войны, 1939–1945: в 12 т. / гл. ред. А. А. Гречко. М.: Воениздат, 1980. Т. 11. 495 с.
3. Великанов Н. Т., Габов С. А., Гончаров В. А. Ордена Ленина Забайкальский: история ордена Ленина Забайкальского военного округа. М.: Воениздат, 1980. 374 с.
4. Рябушкин Д. С. Это было на Даманском. Казань: Бук, 2019. 258 с.
5. Феськов В. И., Калашников К. А., Голиков В. И. Вооружённые Силы СССР после Второй мировой войны: от Красной Армии к Советской. Ч. 1. Сухопутные войска. Томск: Изд-во НТЛ, 2013. 638 с.
6. Янгузов З. Ш. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия на страже мира и безопасности СССР (1929–1938 гг.). Благовещенск: Хабаровское книжн. изд-во (Амурское отд.), 1970. 239 с.

Информация об авторе

Кириллов Захар Дмитриевич – аспирант историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, e-mail: zahar199712@yandex.ru

Information about the author

Kirillov Zakhar D. – Post-Graduate Student, of the Faculty of History and Philology, Transbaikal State University, Chita, Russia, e-mail: zahar199712@yandex.ru

УДК 664

Пищевая промышленность Приангарья в условиях финансового кризиса 1998 г.

Татьяна Петровна Урожаева

*Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия
e-mail: olgoy@ya.ru*

Девальвация рубля в августе 1998 г. серьезно повлияла на продовольственный рынок Приангарья. Повысился спрос на более дешевые отечественные продукты. Стали снижаться импортные поставки большинства видов продуктов питания. Наметившиеся положительные тенденции создали благоприятную среду и стали важным стимулом для роста производства продукции в 1999–2000 гг., прежде всего за счёт импортозамещения. Динамика роста производства превзошла первоначальные прогнозы. По таким отраслям промышленности, как масложировая, пивоваренная, хлебная и ряд других, по итогам 1998 г. был превышен уровень производства продукции, отмеченный в 1997 г.

Ключевые слова: пищевая промышленность, августовский финансовый кризис, продовольственные товары, инфляция, девальвация, Приангарье

The Food Industry of the Angara Region in the Conditions of the 1998 Financial Crisis

Tatiana P. Urozhaeva

*Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
e-mail: olgoy@ya.ru*

The devaluation of the ruble in August 1998 seriously affected the food market of the Angara Region. The demand for cheaper domestic food has increased. Imports of most types of food began to decline. The emerging positive trends created a favorable environment and became an important incentive for the growth of production in 1999–2000, primarily due to import substitution. The dynamics of production growth exceeded the initial forecasts. In such industries as fat-and-oil, brewing, bread and a number of others, according to the results of 1998 the level of production marked in 1997 was exceeded.

Keywords: Food Industry, August Financial Crisis, Food Products, Inflation, Devaluation, Angara Region

Пищевая промышленность Иркутской области, начиная с 1990 г. была поставлена перед фактом существенного сворачивания производства. Показатели ее работы падали быстрыми темпами. Так, выпуск цельномолочной продукции за период с 1990 по 1998 г. сократился на 77 %. Доля импорта на продовольственном рынке превысила 20 %.

В Приангарье, которое в 1980-е гг. обеспечивалось собственной продукцией, из бывших 11 предприятий яичного направления с полной нагрузкой работали только два – СХП «Окинский» и АО «Белореченское». Мощнейшая Мельниковская птицефабрика, оснащенная по последнему слову техники, обанкротилась, ее оборудование было частично распродано. СХП «Окинский» и «Белореченское» во второй половине 1990-х гг. значительно увеличили производство яиц, однако тот огромный дефицит, который возник в связи с разрушением эффективной отрасли региона в зоне Восточ-

ной Сибири, им было не покрыть, тем более что птицеводы работали на изношенном оборудовании [13, с. 2].

Летом 1998 г. в птицеводческой отрасли под угрозой полной остановки оказались производственные мощности общей стоимостью свыше 310 млрд неденоминированных руб. Потеряли рабочие места и пополнили армию безработных свыше 600 квалифицированных специалистов. С потерей местного производителя продовольственная безопасность региона стала еще более уязвимой. Был разработан реальный проект вывода отрасли из кризиса, отвечающий интересам всех бройлерных хозяйств области [10, с. 3].

После августа 1998 г. стоимость мясокостной муки увеличилась в три раза, вакцин для ветеринарной обработки птицы – в два с половиной, шрота – в два раза. А еще возросли расходы на оплату торговых мест, на право торговли, на сертификацию

продукции, на таможенные услуги. Нельзя умолчать и о поборах со стороны разного рода контролирующих организаций, у предприятия их несколько десятков: госветнадзор, госстандарт, санэпидстанция и т. д. [4, с. 2]

Множество предприятий находились на грани банкротства. В «долговой яме» была Ангарская птицефабрика. Однако ее руководству удалось найти выход из тупика. Пакет акций птицефабрики был продан Иркутскому масложиркомбинату. Эта мера позволила ангарским птицеводам не только избежать банкротства, но и поднять предприятие на новый уровень [5, с. 1].

В октябре 1998 г. исполнилось 20 лет, как государственная комиссия подписала акт о приеме в эксплуатацию Усольского свиного комплекса – гиганта отрасли в регионе. Предприятие держалось «на плаву», и даже наращивало производство продукции. В 1998 г. прибавка мяса по сравнению с 1997 г., составила 1 200 т. Августовский обвал рубля больно ударил по отрасли. Если прежде ежемесячно тратили на закупку кормов 5 млн р., то осенью 1998 г. было не обойтись и 8 млн р. Сюда нужно приплюсовать возросшие расходы на электроэнергию, тепло и горючее. Вот почему свободных оборотных средств было недостаточно [12, с. 3].

В 1990 г. в колхозах, совхозах, у населения было закуплено свыше 153 тыс. т скота и птицы, в 1997 г. – немногим более 31 тыс. т. Иркутский мясокомбинат активно вел закупки за пределами Приангарья. Предприятие удерживало самые высокие закупочные цены в регионе. У своих земляков оно принимало сырье по ценам на 40 % выше, чем за рубежом, оттуда поступало до 80 % мяса.

Ситуация была стабильной, пока не грянул августовский обвал. В октябре 1998 г. в Читинской области закупалась продукция по цене 7 р. за 1 кг. В декабре 1998 г. цена на мясо возросла до 22–23 р. Для того чтобы продолжать закупку сырья за рубежом, пришлось поднять цены на продукцию предприятия на 40 % [14, с. 2].

Достаточно длительное время, начиная с августа 1998 г., руководство предприятия предпринимало все возможное для удержания цен на приемлемом уровне за счет собственных внутренних резервов. Пришлось выбирать: либо затоваривание, либо работа в убыток. Во многом это было возможно за

счет запаса прочности, накопленного в первом полугодии 1998 г., и кредитных поставок сырья от зарубежных партнеров. В предшествующий период работе мясокомбинатов способствовал стабильный курс рубля по отношению к доллару, позволяющий вести импорт сырья [1, с. 3].

Иркутский масложиркомбинат был одним из немногих перерабатывающих предприятий области, который стабильно работал и динамично развивался. Очень важно было в тот период занять свою нишу, выйдя на рынок с качественным продовольствием. Освоили выпуск майонеза в баночках, пакетах. Если до этого готовили 250 т в месяц, то летом 1998 г. – до 800. Насытили рынок области и всего региона Восточной Сибири.

«Узким местом на комбинате оставался маслоэкстракционный завод, – поделилась гендиректор предприятия Т. Баймашева – удалось добиться нужного качества шрота. Птицефабрики, свиные комплексы покупали его охотно, без каких-либо претензий. Стали закупать современное оборудование: линию по расфасовке масла в пластиковые бутылки, майонез и горчицу.

Если чего-то не могли найти в стране, покупали отдельные аппараты, узлы за рубежом. Наверное, поэтому Иркутский масложиркомбинат не упал после 17 августа 1998 г., когда рухнул рубль. Цены на его продукцию резко не поднимались. Чего не выдержали многие перерабатывающие предприятия Приангарья.

Основная задача заключалась в том, чтобы расширить сеть фирменных магазинов «Янтарь», укрепить связи с партнерами в Благовещенске, на Алтае, Украине и, конечно, в Иркутске и области» [3, с. 2].

Ажиотаж вокруг хлеба и муки, возникший сразу после финансового обвала 17 августа 1998 г., в немалой степени подогревался искусственно. По словам гендиректора АО «Иркутский хлебозавод» С. Каракича, на муке шла спекуляция. Самая низкая цена составляла 3 тыс. р. за тонну. Речь, естественно, шла об оптовых ценах в магазинах для обычных покупателей, которые были еще выше. Между тем в региональный фонд зерна и продовольствия пшеница у местных сельхозпредприятий закупалась по цене 750 р. И если из одной тонны ее получалось 600–700 кг муки, то можно представить, какой «навар» имели различные посредники и коммерсанты, которые приобретали зерно

по ценам выше. Караваи и булки в таком случае становились для части населения малодоступными. Кстати, еще в 1996 г. область закупала хлеб по 0,9–1,2 млн р. за тонну [15, с. 2].

Однако в дальнейшем, на фоне значительного повышения цен на молоко, мясо, масло и муку, хлеб не только не подорожал, но и, по информации начальника областного департамента пищевой и перерабатывающей промышленности В. Пушкарева, подешевел на 0,5 % [16, с. 2].

В областной и городской администрации прорабатывалась возможность оказания помощи хлебопекарной отрасли, чтобы уровень цен на хлеб как продукт первой необходимости оставался стабильным [11, с. 8].

После августовского кризиса 1998 г. в иркутских магазинах появился молочный дефицит, возникли симптомы легкой молочной паники. Ожидали, что молоко сильно подорожает, масло исчезнет, а сам иркутский молокозавод остановится, не выдержав последствий кризиса 1998 г. У молочных отделов в магазинах формировались забытые очереди. После августа 1998 г. оборвался поток импортного сырья, разрушилась система договоров с отечественными предприятиями. АО «Молоко» отказалось от услуг всех посредников. Молокозавод работал непосредственно с магазинами, брал на себя транспортные расходы [6, с. 3].

Ажиотажный спрос в сентябре 1998 г. не только «смёл» молочные товары с полок, но и существенно повысил цену у перекупщиков. До известного кризиса АО «Масложиркомбинат» ежемесячно вырабатывало 150–200 т этого продукта, а в сентябре 1998 г. – 406 т. Если учесть, что 100 % сырья завозилось, и что его цена была увеличена поставщиками в два раза, в октябре 1998 г. стоимость готовой продукции была существенно повышена.

Кризис прошелся по «молочным» предприятиям. За девять месяцев 1998 г. на 3 % сократилось производство сливочного масла. В сентябре 1998 г. почти повсеместно был сокращен ассортимент, значительно снизилось количество йогуртов, творожных сырков, шоколадного масла и других видов из-за резкого удорожания таких компонентов, как сахар, какао-порошок. Заметно снизилось производство кондитерских изделий. В 1998 г. лишь 55 % к уровню 1997 г. выпу-

стили разных сладостей кондитерские фабрики и пищекомбинаты.

Пищевую и перерабатывающую промышленность Приангарья называли в числе немногих, удержавшихся на плаву. По данным областного статистического комитета, мощности переработки мяса использовались на 28,9 %, молока – на 23,8 %, по производству кондитерских изделий – на 10 %, хлеба и хлебобулочных изделий – на 29 % [2, с. 3].

Финансовый кризис августа 1998 г. не помешал многим предприятиям пищевой и перерабатывающей промышленности Приангарья не только сохранить, но и увеличить объемы производства. За январь – сентябрь 1998 г. по области увеличилось производство хлеба, хлебобулочных и колбасных изделий, сыров, цельномолочной продукции, масла растительного, пива, безалкогольных напитков, минеральных вод.

Среди таких предприятий были: Иркутский масложиркомбинат, Саянский молокозавод, Ангарский молокозавод, Усольский хлебозавод, «Иркутскищепром». Последнее предприятие, по результатам работы за 9 мес. 1998 г., было признано лучшим по отрасли [7, с. 2].

Многие из промышленных предприятий, пользуясь моментом, ускорили отгрузку собственной продукции и заметно снизили складской запас. Но, однако, далеко не все сумели использовать неожиданно возникшую возможность потеснить зарубежного конкурента. В частности, пустили в оборот со склада масло сливочное, но суточный объем его производства был почти вчетверо меньше августовского.

Завидной слаженностью и постоянством производственного процесса отличались хлебозаводы. Небольшой успех был отмечен в сыроделии и производстве маргарина – двухпроцентное наращивание темпов. После августовского спада, в сентябре 1998 г., еженедельно растительного масла выпускалось больше, чем за август. Предприятие, работая в темпе, буквально с конвейера производило отпуск продукции [9, с. 3].

В Иркутской области после августа 1998 г. инновационной деятельностью занимались лишь 13 предприятий (в 1997 г. – 9). По причине малочисленности нелишне было назвать их поименно (Иркутский и Усольский хлебозаводы, мясокомбинат «Ан-

гарский», Иркутский завод по розливу вин, Иркутский дрожжевой завод). Две трети названных предприятий вкладывали средства в приобретение нового оборудования, кроме того, каждое второе занималось разработкой новых видов продукции (услуг) [15, с. 4].

Девальвация рубля в августе 1998 г. серьезно повлияла на продовольственный рынок Приангарья. Повысился спрос на более дешевое отечественное продовольствие. Стали снижаться импортные поставки большинства видов продуктов питания. Их объем снизился на 19 %. Наметившиеся положительные тенденции создали благоприятную среду и стали важным стимулом для роста производства продукции в 1999–2000 гг., прежде всего за счёт импортозамещения.

Однако следует отметить, что, несмотря на наметившийся рост производства продуктов питания, в целом объемы выпуска продуктов питания по сравнению с 1990 г. оставались на уровне 40–60 %, а по ряду продуктов были ниже в несколько раз.

Возможности региональной пищевой промышленности и агропромышленного комплекса раскрылись в результате финансового кризиса и последующей девальвации рубля в 1998 г. Динамика роста производства превзошла первоначальные прогнозы. По таким отраслям промышленности, как масложировая, пивоваренная, хлебная и ряд других, по итогам 1998 г. был превышен уровень производства продукции, отмеченный в 1997 г.

Источники и литература

1. Батутене С. «Такие цены не потянуть...» // Восточно-Сибирская правда. 1998. 3 дек. С. 3.
2. Богачев Е. Еда наша – хлеб да каша: в Приангарье падает производство основных продуктов питания // СМ-номер один. 1998. 21 окт. С. 3.
3. Волков Н. «Не бежать в рынок, а твердо шагать» // Вечерний Иркутск. 1998. 19 дек. С. 2.
4. Житов К. Птицеград // Усольская городская газета. 1998. 19 дек. С. 2.
5. Избежали банкротства // Ангарский пенсионер. 1999. 9 нояб. С. 1.
6. Киншак В. Сезон большого молока // Восточно-Сибирская правда. 1999. 24 июля. С. 3.
7. Кому кризис не помеха // СМ-номер один. 1998. 19 нояб. С. 2.
8. Овсянникова И. Из колеи современности – на обочину прогресса? // Восточно-Сибирская правда. 1998. 23 дек. С. 4.
9. Овсянникова И. Не было бы счастья... // Восточно-Сибирская правда. 1998. 7 окт. С. 3.
10. Открытое письмо Губернатору Иркутской области Говорину Б. А. и начальнику ГУСХ Эльгерту Н. Э. // Восточно-Сибирская правда. 1998. 1 марта. С. 2–3.
11. Повысятся ли цены на хлеб? // Иркутская неделя. 1999. 19–26 янв. С. 8.
12. Под лежащий камень вода не течет // Земля Усольская. 1998. 28 окт. С. 3.
13. Пруцков Г. «Легче самому снести!» // Саянские зори. 1998. 3 дек. С. 2.
14. Пруцков Г. Рынок и отрегулировал // СМ-номер один. 1998. 5 дек. С. 2.
15. Хлеб будет, но почему? // Вечерний Иркутск. 1998. 29 сент. С. 2.
16. Хлеб подешевел... на полпроцента // Восточно-Сибирская правда. 1998. 17 дек. С. 2.

Информация об авторе

Урожаева Татьяна Петровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории исторической и политической демографии, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: olgoy@ya.ru

Information about the author

Urozhaeva Tatiana P. – Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Laboratory of Historical and Political Demography, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, e-mail: olgoy@ya.ru

Научное издание
Scientific publication

**ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:
ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ**

Часть 1

**CROSS-BORDER COOPERATION:
HISTORICAL EVENTS AND MODERN REALITIES**

Part 1

*Сборник издаётся в соответствии с оригиналом,
подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства*

Вёрстка И. Н. Аргуновой

Подписано в печать 04.08.2022.
Формат 60×84/8. Бумага ксерографическая.
Гарнитура Arial. Способ печати цифровой.
Усл. печ. л. 20,9. Уч.-изд. л. 17,6. Заказ № 22085.
Печать по требованию.

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

